ISSN 0130-6545

ИЛ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

16+

“АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ ДОНАЛЬДА ТРАМПА” АЛЕКСАНДРА ПУМПЯНСКОГО

ГЕНРИХ БЁЛЛЬ И ГЮНТЕР ГРАСС В РУБРИКЕ “ДВА ЮБИЛЕЯ”

2017

12

РОМАН ДИДЬЕ ВАН КОВЕЛЕРА “СВИДЕТЕЛИ НЕВЕСТЫ”

Основан в 1955 году

[12]
2017

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

3 Дидье ван Ковелер *Свидетели невесты.* Роман. Перевод с французского Юлии Рац

112 *Из современной китайской поэзии.* Перевод и вступительная статья Юлии Дрейзис

123 Лидия Амейко *Фарраго.* Пьеса. Перевод с польского Анастасии Векшиной

Переперевод

142 Янош Арань *Валлийские барды.* Баллада. Перевод с венгерского, вступление и послесловие Юрия Гусева

Два юбилея

149 *Гюнтер Грасс и Генрих Бёлль*

150 Генрих Бёлль *Монах и разбойник.* Радиопьеса. Перевод с немецкого Анны Кукес

175 Генрих Бёлль *Генерал стоял на холме...* Рассказ. Перевод с немецкого Анны Кукес

196 Генрих Бёлль *Ночь любви.* Рассказ. Перевод с немецкого Анны Кукес

198 Генрих Бёлль *О Чехове.* Эссе. Перевод с немецкого Анны Кукес

200 Генрих Бёлль *Сколько терроризма можно спрятать под одним кусочком сахара.* Эссе. Перевод с немецкого Анны Кукес

205 Генрих Бёлль *Речь на открытии Европейского центра переводчиков в Штралене, 24 апреля 1985.* Перевод с немецкого Анны Кукес

209 Гюнтер Грасс *Когда хоронили Генриха Бёлля.* Перевод с немецкого Бориса Хлебникова

214 Гюнтер Грасс *Стихи.* Перевод с немецкого Бориса Хлебникова

216 Борис Хлебников *Неделимость творчества*

Статьи, эссе

224 Александр Пумпянский *Альтернативная история Дональда Трампа*

Наши интервью

257 *Лингвист + литератор = переводчик.* С главным редактором журнала "Иностранная литература" Александром Ливергантом беседуют Петр Плютто

Библиография

271 *Содержание журнала "Иностранная литература" за 2017 год*

282 *Алфавитный указатель авторов журнала "Иностранная литература" за 2017 год*

Авторы номера

284

© "Иностранная литература", 2017

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями “Вестник иностранной литературы”, “Литература мировой революции”, “Интернациональная литература”. С 1955 года – “Иностранная литература”.

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева

С. М. Гандлевский

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская

Н. Г. Мельников

К. Я. Старосельская

Общественный редакционный совет:

Л. Г. Беспалова

А. Г. Битов

Н. А. Богомолова

Е. А. Бунимович

Т. Д. Венедиктова

А. А. Генис

В. П. Голышев

Ю. П. Гусев

С. Н. Зенкин

Вяч. Вс. Иванов

Г. М. Кружков

А. В. Михеев

М. А. Осипов

М. Л. Рудницкий

М. Л. Салганик

И. С. Смирнов

Е. М. Солонович

Б. Н. Хлебников

Г. Ш. Чхартишвили

Международный совет:

Ван Мэн

Матей Вишнек

Милан Кундера

Кэндзабуро Оэ

Роберт Чандлер

Ханс Магнус Энценсбергер

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Дидье ван Ковелер

Свидетели невесты

Роман

Перевод с французского Юлии Рац

I

Эрман Банюльс

“Я влюблен, и от этого мне уже не излечиться”. Эти слова Марк произнес двадцать первого декабря, когда мы сидели за рождественским ужином в его загородном доме в Шеврёзе[1]. Дни официальных праздников вечно разлучали нас, поэтому, прежде чем отпраздновать Рождество с семьей, любовницей или наедине с самим собой, мы отмечали его заранее, в дружеском кругу.

Он, конечно, видел, что мы ему не верим. О какой любви мог говорить этот неутомимый донжуан с его портфолио — списком мужских побед? Это он-то, один из самых дорогих фотографов в мире, которому инстинкт выживания, боязнь потерять рабочую форму и уважение к будущим возлюбленным не позволяли спать со своими моделями больше одной недели! По истечении означенного срока Марк поручал девушек мне, чтобы я их от не-

© Didier van Cauwelaert, 2010
© Юлия Рац. Перевод, 2017
1. Шеврёз — город и одноименная долина в департаменте Ивелин в регионе Иль-де-Франс. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

го отвадил. Приводя убедительные доводы, я должен был представить его эдаким извращенцем, который из ненависти к собственной матери губит всех женщин вокруг себя. Если знатные особы держат при себе дегустатора, то Марк периодически использовал меня в качестве "антидегустатора": я избавлял его от назойливой возлюбленной и расчищал путь к новым романам, так что у него не возникало никаких осложнений.

Он позволял мне ездить на его коллекционных автомобилях (с условием, что я буду следить за их исправностью), а также получать натурой свои комиссионные за посредничество, если девушка мне нравилась и сама была не против. Но это случалось редко. Сексуальности во мне, как в гробовщике, у меня смешная фамилия, жуткая физиономия, к тому же бывшие подруги Марка, как правило, еще долго пребывали под его чарами и не жаждали отомстить ему в объятиях дублера. Злились они как раз на меня, а его *понимали* — так я был убедителен, когда придумал ему худшую в мире мать, вдохновившись примером своей собственной. Девушки жалели его и тешили себя надеждой, что, временно притушив свою страсть, они только выиграют. И не сомневались, что, как только его маменька окажется на кладбище, он сразу же вернется к ним, ведь они проявили такт и понимание. Под воздействием его любовного обаяния и моего комического таланта карьеристки превращались в страдалиц. Марк давно уже не помнил о них, а они жить без него не могли и постоянно писали ему электронные письма, которые я отправлял в корзину, не читая. Я называл их маркоманками. В их жизни он больше не появлялся, но ни одна из них не была за это в обиде. Полные сочувствия, его жертвы терпеливо ждали.

Люка, Жан-Клод и Марлен украдкой бросали на меня вопросительные взгляды. Напрасно, ведь я тоже был не в курсе. Обычно Марк ничего от меня не скрывал: я вел его счета, расписывал встречи, упорядочивал его сексуальную жизнь, и в последнее время все шло нормально — правда, не так бурно, как раньше. "Возраст сказывается", — говорил я себе. Кризис среднего возраста, когда переходишь на нейтральную передачу, чтобы сэкономить горючее. Возможно ли, чтобы какой-то женщине удалось подчинить себе Марка, тогда как его прежние жертвы целиком зависели от него? Что ж в ней было такого, чего не хватало остальным? Или наоборот: чего в ней не было?

Жажа на другом конце стола уложила свой стакан в тарелку. Подошедшая сиделка помогла ей встать. Мы смотрели ей вслед, пока она шла в свою комнату — легкой походкой, с улыбкой. В это Рождество мать Марка перестала узнавать окружающих.

Он показал нам фотографию своей избранницы. Мы обменялись взглядами, которые выдавали некоторое огорчение и растерянность. Черно-белый портрет был изумительно контрастным, как все фотопортреты Марка, но девушка казалась абсолютным воплощением заурядности. Плоская фигура в серой блузе, вымученная улыбка, прилизанные волосы. Смятенный взгляд словно бы молил о прощении. Ее раскосые глаза и вид беженки, только что высадившейся из лодчонки, могли бы послужить иллюстрацией к передовице в "Либерасьон" о нелегалах.

— Она — чудо, правда? — заговорил Марк восторженно, подливая нам шампанское.

Неохотно кивая, мы молча разглядывали пузырьки газа в своих бокалах. В наших тарелках остывал традиционный рождественский кускус. Наверное, когда у твоих ног самые красивые женщины мира, в конце концов устаешь от этого, и восторг испытываешь только от скрытых прелестей какой-нибудь бесцветной особы.

— Ну и как же ее зовут? — спросил Жан-Клод, с трудом сдерживая враждебность.

Прошло уже около двух лет, но он так и не оправился после развода. Он безумно любил Жюдит и ненавидел свою двенадцатилетнюю дочь, которая своими интригами разрушила их брак. В этой внезапной страсти друга он увидел не просто бестактность, а личное оскорбление. "Чудо" — любимое словечко Жан-Клода. Он нам все уши прожужжал о своей бывшей: она у него и фея во власти гипноза, и превращенная в танагрскую статуэтку дева, и спящая красавица, на которую навела порчу чертовка переходного возраста. Он чуть не убил адвокатшу, когда та торжественно вручила ему разрешение на совместную опеку над дочерью. Он-то хотел совсем другого: получить право опеки над матерью!

— Так ты нам скажешь наконец ее имя? — сварливо повторил Жан-Клод.

Работая управляющим отеля, он был вынужден по десять часов в день демонстрировать оптимизм и учтивость, поэтому с нами привык расслабляться. Мы не обижались и прощали все его выходки.

— Юнь-Сян, — медленно и отчетливо произнес Марк, чтобы мы запомнили. — Это означает "душистое облачко".

В его голосе было столько восхищения, как будто девушка выиграла свое имя на университетском конкурсе! Жан-Клод залпом осушил бокал с "Лоран-Перье" 2002 года.

— И чем пахнет облачко? — сдержанно осведомилась Марлен.

В ответ Марк только блаженно вздохнул, взмахнув рукой, будто хотел этим показать, что подобное очарование невозможно выразить словами.

Я наблюдал за лицом нашей лучшей подруги. Владелица галереи, обладающая острым профессиональным чутьем, всегда на шаг впереди моды, опытная бисексуалка, она никогда не разделяла наших опасных иллюзий. Ясность ума и искренность сохраняли ее красоту лучше всякой косметики. В тридцать девять с половиной лет эта высокая сероглазая блондинка, с которой в лицейские времена каждый из нас по очереди и с равным удовольствием побывал в постели, всегда была для нас абсолютным авторитетом во всем, что касалось женщин. Марк называл ее нашим эталоном любовницы. И то, что он не почувствовал ее настороженности — хуже того, отказался ее понять, — было просто невероятно.

— Я встретил ее в Шанхае, — сказал он таким тоном, словно решил дополнить список ее достоинств.

— Хочешь сказать, что она китаянка из Китая? — произнес Люка, отчетливо выговаривая каждый слог.

Известный репортер, уволившийся по статье "о свободе совести"[1], он вот уже двадцать лет выступал за независимость Тибета.

— Я же не нарочно в нее влюбился, чтобы тебя позлить, — ответил Марк, опустив глаза.

И тут же, увидев следы грязи на персидском ковре, упрекнул Люка, что тот мог бы как следует вытереть колеса своего инвалидного кресла.

— Твой коврик в передней куда грязней, чем твой газон, — возразил Люка. — Ты еще расскажи, что она не виновата в китайской оккупации! И даже не подозревает о существовании Тибета!

— Вот ты ей и объяснишь. Ей всего девятнадцать лет, и она почти не выходит из своей мастерской.

— Из своей мастерской? — встрепенулась Марлен.

— Она — художница.

В наступившем молчании стало слышно, как потрескивают дрова в камине.

Добавь он к этому, что она обожает старые английские автомобили, круг бы замкнулся. Можно подумать, он выбирал ее с оглядкой на нас.

1. Норма закона во Франции, дающая право на возмещение журналисту, прекращающему работу по причине изменения ориентации печатного издания.

— Художница, — произнесла Марлен своим низким голосом с многозначительными модуляциями, секретом которых владела она одна. — И что же... известная?

— Подпольная. В Шанхае она пишет по три "Джоконды" в день в подвале у торговца репродукциями. Увидишь, это поразительно. Уже пять лет она работает дни и ночи напролет; она рисует по памяти, и ей даже не нужна фотография. И когда я сравниваю, я не могу отличить ее работу от Леонардо да Винчи.

— Просто ты смотришь на нее влюбленными глазами, — вздохнул Жан-Клод. Как истинный специалист по кристаллизации, он сделал из Жюдит икону как раз тогда, когда она вычеркнула его из своей жизни.

Обернувшись ко мне, Марк добавил, что, поскольку ее детство прошло в деревне, она может разобрать и собрать трактор меньше, чем за двадцать минут.

— А в сексе, — ввернул Люка вкрадчиво, — у нее такая же производительность?

Марк выдержал паузу, обводя нас взглядом по очереди, после чего заключил с холодноватой сдержанностью:

— В общем, я подумал, что она понравится по-своему каждому из вас. В любом случае, вы — мои самые близкие друзья. И я просил бы вас выбрать между мной и ею. Или бросим жребий.

В недоумении мы переглянулись.

— О чем ты говоришь, Марк? — спросила Марлен.

— Нужно по два свидетеля с каждой стороны.

Нас как подбросило. Даже Люка судорожно вцепился в подлокотники инвалидного кресла и, привстав, завопил:

— Ты что, жениться на ней собрался? Да ты просто издеваешься над нами! Сколько ты ее знаешь?

— С июля, когда готовил сюжет для "Гео" о молодых китаянках. Им не понравилась ее фотография, чего не скажешь обо мне. Такой девушки я еще не встречал. У меня было достаточно времени на размышление, и я понял, что жить без нее не хочу.

— Ой, сейчас заплачу! — проворчал Жан-Клод.

Когда он уезжал в Иерусалим жениться, то сразу объявил нам категорическим тоном, что не может взять в свидетели гоев. Зато когда он разводился, мы были рядом — свидетели этой нравоучительной истории. И теперь, лишив нас такой чести, он, конечно, сочтет необходимым дать Марку свое согласие, хотя сама мысль о том, чтобы присутствовать на бракосочетании, его угнетала.

— Неужели ты собираешься создавать семью с женщиной, чья культура абсолютно несовместима с нашей? — воскли-

нул Люка, который в своих статьях был чемпионом по смешению всего и вся.

Закуривая сигарету, Марк не спешил с ответом. Вздохнув, он наконец сказал с каким-то садистским высокомерием, которое нас всегда здорово раздражало:

— В любом случае, после того что она узнала благодаря мне, ей нельзя оставаться в Китае. Она больше не вернется к прошлой жизни.

Он смерил нас своим надменным взглядом, который всегда вызывал желание дать ему пощечину, но тут лицо его смягчилось, и он улыбнулся кротко и понимающе. Каждый раз когда он брал власть над женщиной — сначала глядя в объектив, а затем в постели, его взгляд преображал ее полностью, изнутри: он действовал будто по наитию — как ловец душ, как проявитель, как фиксатор. Идеал фотографа — в лучшем и худшем вариантах. Могучий викинг, в неизменном прикиде военного корреспондента в стиле сахарской Банановой республики, с рулонами пленки в фотосумке, он мог бы выглядеть смешным. Эдакая карикатура на "винтажного" репортера. Очаровательное ископаемое, не расстающееся со своим допотопным аппаратом. Но смешные черты делали его в высшей степени живым. Нужным. Его способность заполнять жизненное пространство, не оглядываясь на реальность, по разным причинам действовала на нас четверых как наркотик. Много раз мы пытались покончить с нашей зависимостью от него. И каждый раз терпели фиаско. Можно лишь сказать, что в его присутствии время останавливалось. Казалось, рядом с ним никогда не состаришься.

Полив свой остывший кускус горячим соусом, Марк прибавил:

— Я не стану давать объявление о свадьбе, чтобы не набежали папарацци. Она прилетает послезавтра в восемь утра, а двадцать шестого мы женимся в Вильфранше. Вопросы есть?

От растерянности мы онемели. Само собой, он просил нас не об одолжении, он оказывал нам дружеское доверие. И на него надо было отвечать сразу, не раздумывая и не сверяясь со своим расписанием.

Теперь его рождественские подношения выглядели совсем в ином свете. Каждый получил конверт с сертификатом на три тысячи евро в магазины "Франческо Смальто". По-видимому, так Марк заранее определил выбор наших костюмов, чтобы мы красиво смотрелись на общей фотографии — тот же фокус он проделал два года назад, когда получал орден Почетного легиона. Материальная сторона дела была на нем в тех случаях, когда нас надо было "выпустить

на сцену" — как некогда в лицейском театре, где мы с ним и познакомились.

— И месяца не пройдет, как ты подашь на развод, — предрек Жан-Клод.

— Нет. Если уж я беру на себя обязательство, то это навсегда. И кому, как не вам, это знать.

Я никогда не чувствовал в Марке такой решимости. Этот легкомысленный прожигатель жизни сосредотачивался, только когда смотрел в объектив, а теперь вдруг решил стать серьезным. Остановиться, подвести черту. И это решение он принял без нас.

Было слегка неприятно оттого, что он поставил нас перед фактом. К тому же мы прекрасно понимали, что́ еще нас так тревожило в предстоящей женитьбе Марка. Наша дружба с оттенком прихлебательства питалась его щедрым эгоизмом и неспособностью организовать свой быт. У нас были ключи ко всей его жизни: к вилле его матери, к его домам и машинам. Четыре дубликата ключей. И делить нашего друга с законной женой, с благоверной, имеющей на него права, определенно означало его потерять! Более двадцати лет мы берегли его таким, какой он есть, — капризным и неидеальным, а супружеская страсть усмирит его в два счета, сделав примерным мужем. Он займется вложением капитала, своим здоровьем, будущей пенсией и будущим потомством. Прощайте старые двухместные кабриолеты, за которыми я так любовно ухаживал; вместо них появятся новые универсалы и минивэны. Они придутся ему по вкусу. Он бросит путешествовать, предпочтет плесневеть в семейном коконе. Будет жить на ренту, фотографировать подрастающих отпрысков и прелести только собственной жены. Нашему королю фоторепортажей еще и полтинника не стукнет, как он перейдет в разряд "бывших знаменитостей", и тогда нас с ним ничто не будет связывать.

И уж, конечно, любая супруга, мало-мальски достойная этого имени, поставит своей целью разлучить нас, чтобы сохранить контроль над мужем. Предоставленные самим себе, мы окажемся лицом к лицу с нашими неудачами, проблемами и провалами. Без Марка мы, возможно, вообще перестанем видеться. Сможем ли мы по-прежнему быть вместе, если наша дружба лишится своего магнита, своего силового поля?

— Голосуем, — вздохнула Марлен, снова усаживаясь. — Кто за то, чтобы кинуть жребий?

Марк посмотрел на наши четыре поднятые руки и поблагодарил от всего сердца. Сказал, этого он от нас и ждал.

Закончив ужин, мы разыграли китаянку в кости. Ее выиграли я и Марлен. Жан-Клоду и Люка предстояло быть свидетелями жениха, и их кислые мины были не веселей наших.

— Вы об этом не пожалеете, — пообещал Марк со знакомой нам ухмылкой букмекера.

Таким мы его и запомнили.

— Скорее включи новости!

Звонок Марлен вырвал меня из сна. Я бросил мобильник, схватил телевизионный пульт, и от того, что я увидел на экране, меня словно током ударило. В шесть тридцать утра на Западном шоссе "ягуар" Марка врезался в заграждение радиолокатора.

Не знаю, что в тот момент было сильнее: неверие, ужас или чувство вины. Среди старых "англичанок" Марка эта была его главной любимицей — самая быстрая из всех машин, хотя и самая капризная, а уж лично для меня — сплошная головная боль из-за невозможности отрегулировать ее так, чтобы она работала безотказно. Журналистка сообщила, что по непонятной причине Марк не справился с управлением на скорости сто пятьдесят километров в час. Мне-то была вполне ясна эта "непонятная причина": левый тормозной суппорт. Он уже дважды отказывал, но месяц назад, мне показалось, я понял, наконец, в чем проблема и как ее устранить.

Картинку, где пожарные суетились вокруг обгорелых листов железа, сменил сюжет о погоде. Я был совершенно убит. Почему Марк решил вернуться в Париж? Может, неотложный визит к любовнице на прощальный завтрак в честь окончания холостяцкой жизни? Мне он говорил, что до прибытия невесты пробудет с матерью в Шеврёзе. Я должен был присоединиться к ним во второй половине дня после того, как специалист по центральному отоплению наведается с очередным визитом в его парижский дом — на эту бесконечную стройку, проект которой он пересматривал каждые два месяца, не трогая лишь стены фотостудии и моей комнаты. Как всегда ближе к полуночи он проводил нас к машинам и попросил вести поаккуратней; эта тревожность, совершенно ему не свойственная, была ни чем иным, как предчувствием.

Когда Марлен и Люка приехали ко мне на авеню Жюно, все каналы уже переключились на выборы мисс Франции. От нашего друга осталось только шестнадцать слов, которые возникали каждые две минуты внизу экрана в бегущей строке последних новостей, да еще и с ошибкой в фамилии: *Знаменитый фотограф Марк Исслер, сорока двух лет, погиб сегодня утром в автомобильной катастрофе на Западном шоссе.*

Жан-Клод заявился спустя четверть часа. Я поставил чашки с кофе перед гигантским экраном и снова начал автоматически жать на кнопки пульта, переключая программы. Не первый раз принимал я наших друзей в этой квартире в его отсутствие, но теперь, сидя рядком на диване, обтянутом алькантарой[1], они не смели пошевелиться. Нас окружали камеры Марка на штативах — "хассельблады" и "лейки", которые больше никого уже не прославят, и мы были не в состоянии ни говорить, ни комментировать, ни слушать друг друга. Каждый вспоминал *своего* Марка, наши предрождественские посиделки еще в лицейскую пору; каждый молча переживал эту драму, взвешивая последствия и жалея себя любимого.

За двадцать лет дружбы нам, конечно, приходилось терять близких — родителей Жан-Клода, сестру Марлен, подругу Люка, мою собаку, — но никогда вот так *всем вместе*... Всякий раз то ли из стыдливости, то ли просто в силу обстоятельств, мы переживали утрату каждый по отдельности. И при этом знали, что, если станет совсем невмоготу, мы всегда сможем найти поддержку. Но теперь наше общее переживание только умножало боль, усиливало ощущение пустоты.

Я чувствовал, что трое моих друзей сейчас как будто обожжены изнутри вместе с красным "ягуаром", только что промелькнувшим на экране телевизора, и что мысленно они повторяют ту же фразу, что и я: "Когда теряешь все, обретаешь себя". Каждому из нас Марк говорил это в самые тяжелые минуты жизни — он, который никогда ни в чем не нуждался и жил в полном согласии с самим собой. Неудачи в любви, незадачи в постели, духовный кризис и денежные проблемы — все, что было рутиной нашей жизни, совершенно не трогало его. Если он хватался за сердце, то лишь для того, чтобы достать бумажник. Чтобы "выручить" нас, как он говорил, ведь мы были единственными на всем свете, кто терпел его. И, может быть, единственными, кто его любил.

Мог ли кто-нибудь предположить, что эта его излюбленная фраза так скоро получит подтверждение? И что, потеряв Марка, мы меньше чем через неделю обретем себя?

* * *

Марлен позвонила в Шеврёз и предупредила сиделку, чтобы Жажа ни в коем случае не смотрела телевизор и не узнала о смерти своего сына, как мы, — из новостей. Правда, риск этого был невелик: с тех пор как Альцгеймер отрезал ее от реального мира, она с утра до вечера, без конца смотрела только

1. Алькантара — композиционный материал, похожий на замшу.

“Огни любви” на дивиди. В это время Жан-Клод позвонил брату Марка, который ответил, что наш праздник жизни закончился, и он первым же поездом едет в Париж, — после чего бросил трубку. А я пытался дозвониться в службу Скорой помощи. Наконец мне сообщили, что доступ к телу погибшего будет открыт с полудня в больнице Сен-Клу.

— Что он имел в виду под словами “праздник жизни закончился”? — спросил Люка.

Марлен пояснила: он берет все дела брата в свои руки. Я повернулся к Жан-Клоду.

— Это значит, что ты должен на несколько дней приютить меня в отеле...

— Прежде всего это значит, что меня оттуда вышвырнут! — заорал он.

— Представьтесь, пожалуйста! — нетерпеливо повторял голос в телефонной трубке.

Я ответил:

— Эрман Банюльс.

— Кем вы ему приходитесь?

— Я его помощник.

Самое простое, хотя и наименее верное определение моего статуса, ведь это Марк помогал мне с тех пор, как я достиг восемнадцатилетия. Я жил и питался в его доме, покрывался копотью среди его моторов. Я мог свободно пользоваться его автомобилями и кредитными картами, собирал ему идеальную библиотеку из своих любимых книг, выбирал себе одежду из его гардероба, пил вино из его погреба и любил его женщин. Из нас четверых я был единственный, кто на вопрос “Чем я буду заниматься без него?” не мог найти ответа. Ему принадлежали две трети галереи Марлен, здание отеля, которым управлял Жан-Клод, и он субсидировал на девяносто пять процентов фонд, которым руководил Люка, помощи Тибету. Без сомнения, все эти инвестиции будут подтверждены в его завещании. Но я, лишившись роли “помощника” Марка, превращусь просто в ноль без палочки.

Тут еще Жан-Клод усугубил ситуацию, спросив:

— А Инь?

— Юнь, — поправила Марлен.

— Что будем делать, сообщим ей?

— У тебя есть номер ее телефона?

Мы перерыли весь дом № 28 по авеню Жюно, этот особняк с мавританским патио (он же — отель для друзей) на вершине Монмартрского холма, в прошлом — жилище Клода Нугаро[1],

1. Клод Нугаро (1929–2004) — французский поэт и певец.

где Марк задумывал столько праздников, которым теперь никогда не бывать. Он купил этот дом два года назад, частично отреставрировал его, сделав пригодным для жилья, но так и не решил, что здесь лучше устроить: музей-театр с его фотоработами, выставку автомобилей, спа-салон под надзором Жан-Клода, головной офис фонда Люка или комплекс мастерских, где будут жить художники под покровительством Марлен.

Почти целый час я открывал им шкафы и выдвигал ящики, куда складывал вещи, которые Марк постоянно раскидывал. Ничего, что указывало бы на таинственную китайскую невесту.

— Может, в загородном доме? — предположил Люка.

Я отрицательно покачал головой. Жажа рвала все бумаги, что попадались ей под руку с тех пор, как по требованию брата Марка над ней был установлен надзор. Поэтому в Шеврёзе документов не держали. К тому же Марк никогда не вел записей: вся его жизнь вмещалась в смартфоне, который сгорел вместе с ним на въезде в туннель Сен-Клу.

— И ты не сохранил копию? — возмутился Жан-Клод. — О чем ты думал, Бани?

Я напомнил ему спокойно, но твердо, что в моем ведении было три его дома, тринадцать авто, его карьера, счета, переезды, а кроме того, его мать. Каждую неделю я копировал содержимое его еженедельника и его контакты в макбуке, но он тоже сгорел в “ягуаре”.

— А сделать еще одну копию и хранить ее отдельно ты не догадался?

— Да иди ты к черту!

— Успокойтесь, мальчики, — сказала Марлен. — Проблема не в этом.

Она была права. Со вчерашнего вечера нас преследовала неотвязная мысль: почему он скрыл от нас существование этой женщины и как ему удалось утаить приготовления к свадьбе? Неужели он так точно предвидел наше негодование, что нашел единственный верный способ помешать нам испортить его замысел, а именно: припереть нас к стенке, оставив время лишь на покупку праздничного прикида и свадебных подарков?

— Получается, — продолжал Жан-Клод, немного смягчившись, — если организацию свадьбы он доверил не тебе, то остается только Абдель.

Я бросился к телефону и позвонил в Вильфранш-сюр-Мер. Мажордом снял трубку после второго гудка.

— Загородный дом мадам Эсслер, слушаю вас.

Абдель был тюремщиком Жажа во время алжирской войны. Он спас ей жизнь, устроив побег из лагеря[1], а она избавила своего освободителя от преследования, спрятав его на борту пассажирского судна с репатриантами. Узнав мой голос, он вскрикнул от радости: вот уже месяцев шесть, а то и больше, как мы не появлялись на вилле! По всей видимости, страшное известие до него еще не дошло. Если я скажу ему о смерти Марка, наступит конец света. Я решил сначала послушать его. Нет-нет, он не знает счастливую избранницу, но все подготовил для бракосочетания; он наизнанку вывернулся, чтобы быть на высоте, ведь это такое радостное, хоть и неожиданное событие! Чтобы новость не просочилась в прессу, в курс дела посвятили только мэра да сторожа часовни Рыбаков, где будет проходить церемония.

Я поспешно положил трубку, в горле у меня стоял комок. Перед глазами возникла старая желтая вилла над морем. Этот дом был нашим пристанищем: когда мы, бездомные стипендиаты, обучались на подготовительных курсах, Марк и его мать приютили нас. И этот же дом был нашим театром, где он руководил нами с непринужденной гениальностью — тогда впервые проявилась его способность обнаруживать скрытые дарования у людей, которых он выбирал в друзья.

— Но мы же знаем, когда она прилетает! — неожиданно воскликнул Жан-Клод. — Значит, узнаем номер ее рейса. И тогда нам останется позвонить в эту авиакомпанию и попросить передать, что ей больше незачем лететь в Париж.

— Юнь-Сян, — обронила Марлен, — это имя и фамилия?

— Это только имя, — ответил Люка. — У нас же большая разница во времени! Если рейс с промежуточной посадкой, скорее всего, она уже вылетела!

Руками в перчатках он провернул колеса своего кресла назад — в состоянии беспокойства и неуверенности это движение заменяло ему ходьбу взад-вперед. Он прибавил:

— Китаянка она или нет, но если бы я встречал ее сам, то не смог бы вот так, двумя словами, сделать ее несчастной. Пусть уж лучше помечтает во время путешествия. Как вы думаете? Это смягчит потрясение.

Из нас четверых Люка был самый ярый оптимист, хотя с раздробленным позвоночником трудно жить иллюзиями. Этот гигант в очках с черепаховой оправой, с внешностью

1. Имеются в виду алжирские лагеря для интернированных французов во время войны 1954—1962 гг.

американского студента и ростом метр девяносто шесть выглядел лет на десять моложе нас. Его скрюченное тело выглядело нелепо в инвалидном кресле со светящимися наклейками. Но именно он всегда поднимал нам настроение, когда мы переживали очередной кризис.

— Я так не думаю, — возразил Жан-Клод. — Если Марк оформил ей визу невесты, значит, у нее билет только в один конец.

— Ладно, мы купим ей обратный билет, — отрезал Люка. — В любом случае у нас нет выбора. Все, что мы о ней знаем, это время прибытия. Давайте сначала встретим ее, а там решим.

— Ты полагаешь, он хочет именно этого? — отважившись, спросил я едва слышно.

Все уставились на Люка: он был единственным буддистом среди нас и верил в жизнь после смерти. Марк уповал только на свою счастливую звезду, у Жан-Клода не было Бога, кроме Жюдит, Марлен считала вечными только произведения искусства, а я сомневался даже в том, что происходит со мной еще *до* смерти. Сразу после рождения меня подбросили в виноградник на обочине дороги, где меня случайно и нашли виноградари. Меня никогда не покидало чувство, что я выжил по ошибке, что я — всего лишь иллюзия. Кошмарный сон неизвестной мне матери, оставившей меня в винограднике Банюльс. Жизнь обретала для меня смысл, только когда я читал романы. В них была хоть какая-то программа, концепция. И ни один из них не начинался с провала. Это отвлекало меня от собственной истории, я узнавал себя в других. Искать себя среди книжных героев мне было так же необходимо, как и забываться, копаясь в автомобильных моторах.

— Я не получаю сигналов от Марка, — признался Люка. — Его дух лишь возвращает мне мои собственные эмоции. Слишком мало прошло времени. Или же...

От его многозначительной паузы у меня перехватило дыхание. Я все больше проникался уверенностью, что Марк погиб из-за меня. Он один на всем белом свете протянул мне руку помощи, а я даже не смог отрегулировать для него левый тормозной суппорт.

— ...или же он предоставляет нам возможность решать самим, — закончил Люка. — Судьба женщины, которую он любил, отныне зависит от нас.

— Спасибо за подарочек, — сквозь зубы пробурчал Жан-Клод, вынимая коробочку с гомеопатическими антидепрессантами. — Мне и так завтра в десять утра одну заразу на тренировку везти. Теперь еще и второй заниматься?

— Может, хватит талдычить о своих проблемах?

Выпалив эти необдуманные слова, я тут же пожалел о своей грубости. Из-за того что со мной обошлись как с одноразовым стаканчиком, мне всегда было больно слышать, как отец называет свою дочку заразой, даже если у него есть на то веские основания. Жан-Клод попросил у меня прощения и тут же разрыдался. Широкая ладонь Люка, вся в мозолях, хотя своим креслом он управлял в автомобильных перчатках, легла на колено его разведенного, убитого горем друга.

Так они сидели несколько минут. Мне приятно видеть чужие слезы, сам я плакать не могу. Я плакал единственный раз в жизни, когда мне было тринадцать лет. Моя приемная мать стала меня поколачивать, потому что я хотел заниматься литературой, вместо того чтобы работать механиком у нее в гараже. Каждую затрещину она сопровождала воплем: "Будь мужчиной!" Я хорошо усвоил ее уроки. Два года спустя, когда ее хоронили, единственное, что удерживало меня от улыбки — выбитые ею зубы.

— Я сейчас в таком состоянии, — всхлипывая, бормотал Жан-Клод, призывая Люка в свидетели, — что не могу взваливать на себя еще и чужие драмы. К тому же у меня работа, и я все еще надеюсь вернуть Жюдит, ведь должна же она наконец понять, что за штучка ее дочь. Но эта бедная девушка... Ты только представь, китайская рабыня бросает все, едет во Францию, чтобы выйти замуж... как, по-твоему, ей все это пережить?

— Вы позволите мне быть циничной, мальчики?

Мы взглянули на Марлен — не свысока, а понимающе. Конечно, во всей этой трагедии, которую мы переживали, единственным отрадным обстоятельством было то, что Марк погиб *до* свадьбы. Избавленные от необходимости выражать соболезнования вдове, мы могли позволить себе просто пожалеть обездоленную невесту.

Я снова сварил кофе, и мы долго сидели, откинувшись на спинку огромного дивана, глядя, как хлопья снега падают на стеклянную крышу. Это были наши последние спокойные минуты перед тем, как начнутся неизбежные формальности, хлопоты и заботы. Теперь, когда смерть нашего друга стала для нас реальностью, она недолго останется только эмоциональным переживанием. Сейчас надо было действовать и как можно быстрее.

Я спустился к банкомату на улице Голанкур и снял все, что было можно, с кредитных карточек Марка. С минуты на минуту Жером заблокирует его счета, и вряд ли, узнав о бывшей невесте Марка, он потратит на помощь ей хоть сантим. Жером ненавидел нас еще с лицейских времен, справедливо

считая, что мы украли у него брата-близнеца, и было крайне сомнительно, что при оглашении завещания наши отношения наладятся.

* * *

Мы отправились на опознание тела. Скажем так: “Ролекс” и пирсинг мы опознали.

Выдвижной ящик в морге заморозил вместе с Марком и наши воспоминания. Без Марка все станет по-другому; прошлое, которое нас объединяло, больше не будет управлять нашими судьбами. Отныне единственная общая цель, единственная причина держаться вместе — это неизвестная китаянка, которая завтра утром приземлится в аэропорту Шарль-де-Голль.

Мы приехали на рассвете, за два часа до ее прилета, и распределили между собой обязанности. Пока Марлен наводила справки у стойки “Чайна Эйрлайнс”, а Жан-Клод разговаривал с таможенниками, мы с Люка занялись газетами.

Мы договорились рассказать Юнь-Сян о смерти Марка с максимальной деликатностью, постепенно, учитывая ее реакцию, характер и способность к восприятию. Не зная, понимает ли она французский, мы заучили несколько фраз, пользуясь китайским словарем. Чтобы сразу же объяснить ей отсутствие Марка в аэропорту и невозможность с ним увидеться, мы заготовили два варианта: сослаться на непредвиденный фоторепортаж или же признаться в том, что Марк попал в автомобильную аварию, но заменить смертельный исход неутешительными прогнозами врачей — это даст ей возможность, сохраняя надежду, все-таки приготовиться к худшему. В любом случае не стоит спешить сообщать ей о смерти. Взволнованная предстоящей свадьбой и утомленная долгим перелетом, она не выдержит сильного нервного потрясения, у нее случится коллапс, — это объяснил нам Жан-Клод, который обучался на курсах по оказанию первой помощи.

Толкая впереди себя инвалидное кресло, как тележку в супермаркете, я обходил все газетные киоски и складывал газеты прямо на колени Люка. В “Либерасьон” Марк стоял на фоне пустыни с “Никоном” на шее, улыбаясь и заслоняя ладонью глаза от солнца. Вверху заголовок: “Стоп-кадр”. Более лирически настроенная “Паризьен” крупным шрифтом воспроизвела слова президента республики: “Это большая потеря для женщин — никто не умел смотреть на них такими восхищенными глазами”.

— А как мы спрячем от нее все газетные киоски в Париже?

— Повезем ее прямо в отель: я продумал маршрут, а Жан-Клод уже распорядился вынести телевизор из ее номера.

— А если она захочет поехать на авеню Жюно?

— В любом случае это всего лишь вопрос нескольких часов. Мы ее настроим, подготовим к худшему, а потом скажем правду.

— Говорить будете *вы*, – напомнил Люка. — Я достал словарь, с меня довольно.

Как раз в тот момент, когда я выбрасывал газеты в урну, ко мне подошли двое вооруженных полицейских из отдела по борьбе с терроризмом и попросили предъявить документы. Что вполне естественно: аккуратная бородка и скупая улыбка делают меня похожим на цивилизованного талиба. Я специально поддерживаю этот имидж: мне доставляет огромное удовольствие видеть, как полицейские каждый раз сникают при виде моего пропуска в Елисейский дворец, небрежно засунутого в пачку других французских безупречно оформленных документов.

— Банюльс, — с нажимом произнес мою фамилию старший по званию, если судить по количеству нашивок на мундире. — Ведь это, кажется, название вина?

Пришлось объяснять, что меня нашли в Руссильоне на пригорке, и, поскольку мои родители неизвестны, меня назвали в честь виноградника Банюльс, заверив, таким образом, мое происхождение. Они покачали головой и спросили, почему я выбросил в урну газеты. Я ответил, что завернул в них мусор. Они велели нам “проходить и не задерживаться”. После чего сами отправились восвояси.

— У меня так и стоит перед глазами его труп в ящике, — вздохнул Люка. — Никак не могу об этом забыть.

Меня же преследовала мысль о “ягуаре”. Вернее, о его сгоревших обломках, которые я ездил опознавать в гараж Сен-Клу. Мне не позволили проверить тормозной суппорт до приезда эксперта из страховой компании, и то, что я не был до конца убежден в собственной виновности, было для меня мучительней, чем если бы я знал все наверняка.

В каком-то смысле скорбная миссия, которую мы выполняли сегодня утром, возвращала нам контроль над ситуацией. Вчера, приехав в Шеврёз с намерением окружить Жажа заботой, мы наткнулись на Жерома, который объявил нам по переговорному устройству у ворот:

“Больше вам тут делать нечего. Кремация завтра, в семнадцать часов. Я не могу помешать вам на ней присутствовать, но запрещаю беспокоить мою мать. Хочу напомнить, что те-

перь я являюсь единственным ее опекуном и оставляю за собой право оспорить завещание. Всех благ".

В конце запорошенной снегом каштановой аллеи виднелся просторный загородный дом, от фундамента до крыши перестроенный нашими собственными руками. Даже не сговариваясь, мы сели в "рено" Марлен. Какой смысл рассказывать Жерому о несчастной невесте, прилетающей завтра утром? Пусть она будет единственным воспоминанием о Марке, которое его братец не сможет у нас отнять.

Жан-Клод и Марлен ждали нас в кафе терминала F, чтобы обсудить дальнейшие действия. Марлен забронировала одно место на следующий день: рейс Париж-Шанхай. Таким образом, Юнь-Сян успеет на кремацию. Однако существовала вероятность, что она будет просто не в состоянии так быстро улететь обратно — по психологическим или материальным причинам. Жан-Клод навел справки в пограничной службе и выяснил, что с визой, полученной для заключения брака, который не состоялся по причине смерти жениха, невеста не превращается в нелегальную иммигрантку. В крайнем случае дружеские отношения Марка с певицей, ставшей первой леди Франции[1], упростят процедуру оформления документов.

— В самолете, скорее всего, будут французские газеты, — заметила Марлен. — Но не вчерашние вечерние и не свежие утренние, учитывая разницу во времени. На этот счет можно не волноваться.

Наступило молчание; склонившись над чашками с кофе, мы рассматривали фотографию невзрачной девушки: смиренная и одновременно напоминающая вожатую отряда скаутов, она смущенно улыбалась, потерянно глядя в объектив Марка.

— Надеюсь, самолет прибудет вовремя, — бурчал Жан-Клод. — Мне надо забрать свою заразу из дома не позже десяти часов.

Мы даже бровью не повели. После развода прошло уже два года, а он все продолжал говорить "из дома", имея в виду особнячок в Венсенском лесу, который отошел Жюдит при разделе имущества. Но я опять посоветовал ему использовать хотя бы сокращения, когда он говорит о дочери.

— Если я не поспею к десяти, моя "заза" пропустит занятия в манеже, и я опять буду виноват! У нее урок верховой ез-

1. Намек на Карлу Бруни — модель, певицу и супругу президента Франции Николя Саркози.

ды в Мезон-Лаффитт, я вам говорил, и сегодня моя очередь везти ее туда!

— Сегодня это не актуально, — напомнила ему Марлен.

Я предложил:

— Пройдем сцену еще разок?

— Ладно. Только не переигрывайте, ребята.

— Ты бы себя послушала.

— Я вам всего лишь реплики подаю. Вариант номер один или вариант номер два?

— Забудь про второй вариант — слишком много текста.

У нас сжималось сердце оттого, что сейчас мы как будто снова стали начинающими актерами в нашем театральном клубе, только теперь без Марка. Марлен изображала в стиле Actors Studio[1] растерянную китаянку, которая ищет взглядом своего сказочного принца. Мы представились ей, изображая на лицах радостное удивление: "Здравствуйте, вы, должно быть, Юнь-Сян, добро пожаловать в Париж!" — и искренне посетовали на двух языках, что с нами нет Марка: "Пари Матч" срочно послал его в Афганистан делать рождественский репортаж о наших женщинах-военнослужащих.

Марлен остановила нас взмахом руки.

— А если попробовать третий вариант? Облегченный?

— Это как?

— Изображаем крайнее замешательство, обмениваемся взглядами и оглоушиваем ее неожиданной новостью?

— Это называется облегченный?

— Валим все на Марка: "Он встретил другую женщину, он в отчаянии, но свадьба отменяется. Однако он хочет оплатить вам обратный билет в первом классе и просит принять пять тысяч евро в качестве компенсации. Весьма сожалеем".

— А чем же этот вариант лучше? — с раздражением спросил Жан-Клод.

— Она будет проклинать негодяя, вместо того чтобы оплакивать любимого. Уверяю вас, женщине с этим справиться гораздо легче.

В полном смятении мы смотрели на табло прилетов. Когда собираешься разбить чью-то жизнь, трудно понять, какой способ доставит меньше страданий.

Пассажиры бизнес-класса в темных костюмах, с дорогими кейсами выходили первыми. Быстрым холодным взглядом

1. Организация профессиональных актеров, театральных режиссеров и драматургов в Нью-Йорке.

они искали таблички с названиями своих компаний у встречающих. Следом вышла группа спортсменов в куртках-алясках, за ними — девушка с внешностью кинозвезды в темных очках и полосатом бархатном пальто "под зебру", из-под которого выглядывал красный костюм. Ее сразу же оттеснили телохранители, пробивающие дорогу толстому китайцу с чиновничьей физиономией. За ними появились туристы с чемоданами: группка пожилых дам, три молодые супружеские пары, семьи с детьми... Сосредоточившись, мы ждали, когда же покажется бесцветная особа с фотографии, которую я все время держал перед собой, как таксисты, что пишут имена своих клиентов на грифельных досочках.

— Здравствуйте, Бани!

Передо мной стояла та самая "звезда"; с сияющей улыбкой она сняла темные очки, правую перчатку и протянула мне руку. Совершенно ошарашенный, я засунул фото в карман, собираясь эту руку поцеловать. Но она выдернула пальцы, заливисто смеясь, и наставительно сказала мне с забавным швейцарским акцентом:

— У вас ведь не принято целовать руку девушкам, правда? Здравствуйте, Марлен, для меня большая честь познакомиться с вами.

Разинув рот, Марлен позволила себя облобызать; Люка и Жан-Клод, безошибочно названные по именам, удостоились пылкого рукопожатия.

— Вы точно такие, как Марк вас описал, — радостно сообщила она. — А я — наоборот, совсем на себя не похожа, правда?

Заученным тоном мы ответили: "Добро пожаловать в Париж", избегая смотреть друг на друга. Несомненно, она себе все переделала — зубы, губы, волосы, грудь... Перед нами стояла женщина-мечта, что-то среднее между Джекки Кеннеди и гейшей из "Плейбоя", одетая по последней моде. Единственное, что осталось от конвейерной труженицы кисти и холста, чье фото я убрал в карман, это взгляд чуть-чуть раскосых светло-карих глаз с ярким макияжем.

— Добро пожаловать в мое сердце, — сказала она, слегка поклонившись и прижав ладонь к сердцу.

Я тоже поклонился, отведя взгляд от ее декольте, и, решив продемонстрировать наши лингвистические познания, произнес приветственную фразу, которую мы составили с помощью фонетического словаря:

— Мей ли.

На мгновение она смешалась, недоуменно приподняв брови. Но тут же широко улыбнулась, и выражение тревоги в ее глазах сменилось озорной усмешкой.

— Спасибо, но вы только что пожелали мне хорошего поноса.

Я испепелил взглядом Люка, который отрабатывал наше произношение, а теперь поглядывал на нас с независимым видом — этакий борец за права человека. Как будто он подвизался представлять страдающий тибетский народ перед лицом китайских оккупантов. Юнь-Сян пришла ему на помощь:

— Ваша ошибка вполне объяснима: слог "ли" можно изобразить тридцатью иероглифами, и все они будут разного значения. — Она начала считать на пальцах, начав с мизинца: — В том числе: "прибытие", "чиновник", "соломенная шляпа", "вороной конь", "мощность", "гравий"...

— А вы сами не путаетесь? — осведомился Жан-Клод внезапно осипшим голосом, и это наводило на мысль о том, что он, как и я, запал на эти новенькие выпуклости, соблазнительно выглядывающие из ее декольте.

— Мысль не тождественна слову, как сказал один мудрец, — она живет в слове и выражается всем контекстом, дорогой Жан-Клод, а также интонацией.

Он кивнул с видом послушного ученика.

— В качестве приветствия мы скажем скорее: "Фу ен йа йа". Это значит примерно следующее: "Дикие гуси и утки испускают радостные крики".

Мы прилежно изобразили утиные крики. Французы из эконом-класса катили мимо свои тележки, нагруженные чемоданами, и, наезжая нам на ноги колесами, советовали быть осторожнее. Я почувствовал, что взгляд Юнь-Сян ускользнул от нас к толпе, где семьи шумно воссоединялись после разлуки, а влюбленные безмолвно сжимали друг друга в объятьях. Настал момент, когда нам нужно было сказать правду, а мы все еще колебались, не зная, какую ложь выбрать.

— Марк не смог... — начали хором Марлен и Жан-Клод, одинаково нервно сглатывая слюну.

Уроженка Шанхая, покачав головой, закончила фразу:

— ...меня встретить, я знаю. У вас считается плохой приметой, если жених и невеста видятся до свадьбы. Я охотно принимаю ваши обычаи, ведь Небо круглое, только когда Земля квадратная[1].

Мы ответили ей неопределенной улыбкой, хотя не очень-то поняли, что она хотела этим сказать. Но она явно гордилась своей дикцией, а главное, только что, сама того не подозревая, дала нам существенную отсрочку. И хотя мы не

1. Согласно космогоническим представлениям Древнего Китая.

знали, как ее использовать, я почувствовал, что мои друзья испытывают то же облегчение, что и я. Не иначе как малодушие заставляло нас отступить перед испытанием. Как бы там ни было, мы вернулись к первоначальному мнению: еще не время разрушать ее счастье рассказом о трагедии.

— А хотя бы поговорить с ним можно? — продолжала Юнь-Сян, вынимая из своей туго набитой кожаной сумки айфон, похожий на розовый леденец.

Мы покачали головами с сочувственной улыбкой, как бы извиняясь за наши французские суеверия.

Она с грустью погладила свой телефон.

— Во всяком случае, его электронная почта переполнена; как только самолет приземлился, я пять раз пыталась послать ему смс. Он не отвечает мне, чтобы не спугнуть наше счастье?

— Да, и он сейчас в Афганистане, готовит репортаж, — заученно отрапортовал Жан-Клод.

— Как?! — она даже вздрогнула от неожиданности.

— Но завтра он должен вернуться... А мы вот приехали...

По взгляду Марлен я понял, что она думает то же, что и я: за три минуты созерцания откровенного декольте наш приятель успел забыть двухлетнюю фанатичную верность той, что вышвырнула его из своей жизни. В этом был единственный положительный эффект от спектакля, который мы пытались разыграть.

Я же, признаюсь, более или менее успешно сопротивлялся желанию поскорее приступить к своей обязанности постдегустатора, которую Марк неизбежно поручил бы мне через пару месяцев, пресытившись своей супругой. Незаметно жизнь снова вступала в свои права. Марлен украдкой погладила мою руку, она угадала ход моих мыслей. Один только Люка с его политическими взглядами не одобрял расслабленности, которая, как он чувствовал, возникла в нашем отношении к китаянке. Жан-Клод спросил, где ее багаж.

— У меня вообще нет багажа! — гордо объявила она. — Так велел Марк: в новую жизнь со свободными руками и глядя только вперед!

Она подкрепила эти слова жестами: задрала голову и подняла руки к вентиляционным трубам, висящим под потолком. Затем спросила, причем глаза ее засияли в предвкушении удовольствия:

— Значит, это вы покажете мне Париж? Ну что, едем?

Все украдкой покосились на меня: сегодня я был водителем. Я пригласил ее следовать за нами к лифту, чтобы спуститься на нижний уровень к парковке, в то время как Жан-

Клод, семеня рядом, предлагал ей поехать сначала в отель, чтобы немного отдохнуть: она, должно быть, устала от перелета.

— Вовсе нет, я проспала всю дорогу. Мне хочется прямо сейчас увидеть рождественскую иллюминацию! Можно? Какое счастье, что я наконец очутилась в стране моего любимого!

Совершенно очевидно, что ее жизнерадостный настрой — лучшая защита от шока, который могло вызвать у нее известие о смерти Марка. Из чисто эгоистических побуждений трое из нас четверых уже решили поддерживать этот настрой как можно дольше. Она прибавила, не замедляя шага:

— У меня неограниченный кредит в некоторых магазинах; Марк сказал, что вы сможете помочь мне с выбором. Вы там бывали?

И она протянула нам визитную карточку Марка, где его косым размашистым почерком было написано: *Ле Нюи д'Элиз, Картье, Прада, Франческо Смальто, Ладюрэ*. У нас перехватило горло, мы молча кивнули, не в силах говорить. Марк явно представлял себе, как иммигрантка штурмует этот Париж из волшебной сказки, и составил ей маршрут, выбрав бутики с гламурным нижним бельем, где посетителей угощают миндальным печеньем.

— Как он любит меня, правда? — воскликнула она, сияя от радости и целуя визитку.

— Ручаюсь в этом, Душистое Облачко, — прошептала Марлен, глядя ей в глаза.

— Зовите меня Юнь, ладно? Как он. И мы можем перейти на "ты", если вы не против.

Мы вошли в лифт. Люка, который еще ни разу рта не раскрыл, замкнувшись и критически наблюдая за этой европеизированной китаянкой, спросил ее учтиво, но сдержанно, не Марк ли обучил ее французскому языку.

— Он записал меня на интенсивный курс при консульстве Швейцарской Конфедерации, — произнесла она с почтением активистки, отзывающейся о своем профсоюзе. — Он говорил, что для лингвистических целей они эффективнее, чем ваши культурные учреждения. Курс — двести дней, французский деловой и французский поэтический — я взяла их оба.

— На двух якорях корабль крепче держится, — процедил Люка сквозь зубы, нажимая на кнопку.

Выходя из лифта, она схватила нас с Марлен за руки.

— Мои дорогие свидетели, для меня такая честь, что вы согласились.

Руки Люка застыли на колесах его инвалидного кресла, и Жан-Клод с размаху налетел на него сзади. Раз она знала, кто

из нас стал ее свидетелем в результате жеребьевки, значит, Марк рассказал ей об этом в последнюю ночь своей жизни. Позвонил или послал имейл. Описал ли он ей нашу реакцию? И не пыталась ли она льстить, чтобы наверняка нам понравиться? Следуя логике событий по нашему варианту номер два, следовало всего лишь придерживаться программы, которую он для нас предусмотрел. Как если бы он все еще был здесь. Не знаю, чувствовали ли остальные то же, что и я, но теперь мне нужно было сделать усилие, чтобы вернуться в реальность. Для нее-то Марк был по-прежнему жив.

— "Королева-Мать"! — воскликнула она, увидев "Фантом III" 1937 года на подземной стоянке.

Решительно, ей было почти все известно о мире ее возлюбленного. Для первого знакомства с Францией в ее реакции было больше узнаваний, чем открытий. Я распахнул перед ней заднюю левую дверцу машины, на которой и теперь можно было различить герб королевы-матери. Узнав, что старинный правительственный автомобиль из Букингемского дворца выставлен на продажу, Марк в сентябре послал меня на "Сотбис" с неограниченным кредитом. Этот семиместный "роллс-ройс" был в его коллекции единственным автомобилем с неубирающейся крышей, единственным исключением в его безграничной любви к открытому верху. Собирался ли он уже тогда сделать его своим свадебным автомобилем или, наоборот, это приобретение натолкнуло его на мысль о женитьбе?

Ее духи с ароматом жасмина постепенно вытесняют запах старой кожи. Сидя между Марлен и Жан-Клодом, вытянув ноги над сложенным креслом Люка и поставив каблуки на откидную инкрустированную скамеечку, она с восторгом взирает на строительные площадки, ощетинившиеся подъемными кранами, на рекламные плакаты с виртуальными изображениями будущего терминала и говорит, что все это напоминает ей родной Шанхай.

Томным, грациозным движением она опускает ноги и снимает пальто — видимо, хочет, чтобы мы полюбовались великолепным красным костюмом, облегающим ее фигуру, как перчатка, в тех местах, где нет разрезов, а уж там, где они есть... Потом достает из своей дорожной сумки четыре подарочных свертка и раздает нам:

— Небольшой сувенир от меня, — уточняет она.

Мои спутники достают из свертков одинаковые футболки, на которых изображена голая девушка на фоне бутовой кладки; ее окружают четыре ладони, выгравированные на камне. Символизм этой картины приводит нас в замешательство.

— Это "Неуловимая женщина", — скромно объясняет она. — Обожаю копировать Магритта. Я рисовала для души. У нас такое не продается.

Из-за вновь начавшегося снегопада на пересечении автострад образуется пробка. Я пользуюсь этим, чтобы открыть свой сверток и рассмотреть картину на хлопке, которую она сделала в четырех экземплярах. Нагота центральной фигуры усиливает наше смущение. Мы благодарим. Марлен оценивает качество копии, проводя по рисунку кончиками пальцев. Жан-Клод в восторге. Люка спрашивает, можно ли это стирать в машине.

— Значит, вы — художница, — уточняет Марлен, стараясь говорить равнодушно.

— Я копирую художников, — поправляет она гордо. — Начинала с "Подсолнухов" Ван Гога, когда мне было тринадцать лет. Я копировала фон, кто-то — вазу, третий — цветы, а четвертый — подпись. Так как я способная, в пятнадцать лет, к моему великому счастью, мне оказали доверие и допустили к самостоятельной работе.

– К "Джоконде"? — подсказывает Жан-Клод.

Ее лицо озаряется радостью.

— Точно! Это Марк вам рассказал? Мой рекорд — три картины в день, по два евро за штуку. Торговец продает их за триста сорок евро вместе с рамкой — это четыре тысячи юаней. Но, познакомившись с Марком, я вынуждена была отказаться от своей мечты.

— Что за мечта? — поинтересовалась Марлен.

— "Коронация Наполеона" Давида[1]. Этой картиной можно больше заработать, потому что на ней изображено много персонажей. Я подала заявление хозяину мастерской и надеялась на его согласие.

— Надо уметь чем-то жертвовать в жизни, — бормочет сквозь зубы Люка, уставившись на костюм от Шанель, который стоит, должно быть, пяти лет непрерывного копирования "Джоконды".

— Я сама его сшила, — уточняет она, выгибаясь, чтобы подчеркнуть линию покроя. — У себя дома. Я скопировала одну из моделей, которые Карл Лагерфельд создал для торжественного открытия своего бутика в Шанхае.

В качестве доказательства она вытаскивает из своей сумки журнальную страницу и протягивает Люка, напомнив ему с учтивым видом, что не отвечает за политику Китая по отно-

1. Картину "Коронация Наполеона" французский художник Жак-Луи Давид (1748–1825) писал с 1805-го по 1807 г.

шению к восстаниям в его любимой Тибетской провинции. Люка не может скрыть своих чувств, он выведен из равновесия и одновременно тронут тем, что Марк рассказал ей о его деятельности в защиту далай-ламы. Сжав зубы, он изучает страницу и передает мне статью, написанную на китайском языке. На фотографии к статье третья слева от Лагерфельда топ-модель одета в такой же красный костюм, что и Юнь-Сян. Макияж и прическа у них тоже одинаковые.

— Хороший из меня клон получился? — спрашивает она. — Марк мне сказал, что это сейчас в Париже самый шик.

Она произносит последнюю фразу с оттенком беспокойства, глядя на Марлен, которая одета в дырявые джинсы и кожаный потертый пиджак. Марлен отвечает ей, что самый шик — это быть самим собой. По лицу китаянки пробегает тень непонимания.

— Если вы позволите, — начинает Люка тоном дипломата с набережной Орсе[1], — термин "провинция" по отношению к Тибету не кажется мне правильным.

— Но ведь именно так вы называете Корсику, — отвечает она спокойно.

Я оставляю рычаг переключения передач и щиплю Люка за руку, чтобы удержать его от возражений. Она продолжает:

— Я не позволяю себе критиковать политику Франции и уважаю вашу свободу прессы. Марк давал мне читать твои статьи. У тебя был большой талант.

"Был" задевает его за живое. Она наклоняется вперед, опершись коленом на бежевый шерстяной ковер, и целует Люка в ухо в знак примирения. То ли это болезненная реакция безработного журналиста, то ли желание оставаться беспристрастным, но он вжимает голову в плечи. Она награждает меня таким же поцелуем, а потом говорит вскользь:

— Я хотела бы начать с "Франческо Смальто". Ведь Марк и вам покупает там одежду?

Машина чуть-чуть замедляет ход, что усугубляет наше молчание. Сертификаты на свадебную церемонию — его последний рождественский подарок.

— Обожаю эту машину! — восклицает она с ребячьим восторгом, вновь откидываясь на сиденье. — Подумать только, я сижу на месте королевы-матери! Да, после того что сделали с нами англичане, лучшей мести за колонизацию Китая не придумаешь!

1. На набережной Орсе находится Министерство иностранных дел Франции.

— А когда ты занимаешься любовью с французом, — подхватывает Люка, — ты мстишь за Китай Наполеону Третьему[1]!

В зеркало заднего вида я замечаю, как она вздрагивает.

— Марк сказал вам, что мы занимались любовью?

Мы смущенно молчим. Марлен уточняет, желая сгладить неловкость, что он не говорил ничего конкретного, но и не утверждал обратного. Юнь, кажется, сразу успокаивается. И с улыбкой говорит, обратившись к Люка:

— В "Йи Ли"[2] написано: "Нельзя наступать на тень человека, даже если он ниже тебя по положению". — И без всякого перехода продолжает, сжимая руки Марлен и Жан-Клода: — Я счастливейшая из женщин, и вы оказываете мне такую честь! Не знаю, как выразить вам свою благодарность!

Машина стоит в пробке, а мы обмениваемся вопросительными взглядами. Сколько еще времени нам придется поддерживать ее иллюзию? Если рассуждать здраво, наше желание ее опекать и упорно ограждать от потрясений лишь усугубляет ситуацию. Нам не следовало приезжать за ней на "роллсе", но такова была последняя просьба Марка — в понедельник вечером. Когда мы выходили из дома, он шепнул мне: "Проверь-ка 'Королеву-Мать', я хочу, чтобы она работала как часы, когда мы поедем в аэропорт". Надо было ехать на "рено" Марлен. Чем дольше мы поддерживаем мечты юной китаянки, тем хуже подготавливаем ее к трагедии. С другой стороны, может, ей и правда лучше заняться шопингом, раз Марк все оплатил заранее? По крайней мере, не уедет с пустыми руками.

— Я сейчас вернусь, — говорит Жан-Клод, открывая дверцу.

Мы смотрим, как он проходит шагов сто по автостраде между зажатыми в пробке машинами, прижав к уху мобильник. Очевидно, звонит Жюдит и говорит ей, что не успеет заехать за дочерью в Венсен, потому что Марк умер и мы возим его невесту по магазинам. Он жестикулирует левой рукой, и на нее падает снег; он что-то доказывает, раздражается, настаивает на своем. Приятно видеть, как он вновь берет вверх над своей болезненной упертостью, из-за которой превратился в тряпку.

Юнь-Сян не сводит с него глаз. Она спрашивает нас, как у него обстоят дела с Жюдит. Наше неопределенное молчание

1. Имеется в виду "опиумная война", которую Наполеон Третий вел против Китая в 1856—1860 гг.
2. "Йи Ли" — древнекитайский сборник записей об этикете, обрядах эпохи династии Чжоу (II в. до н. э. — III в. н. э.).

подтверждает то, что ей, должно быть, рассказал Марк. Она наклоняется, чтобы опустить стекло, и кричит Жан-Клоду:

— Если она сегодня утром работает, то может приехать к “Картье” с зазой, а мы ее оттуда заберем! Мне не терпится с ней познакомиться!

В зеркале заднего вида я обмениваюсь взглядом с Марлен. Просто поразительно, до чего подробно Марк проинформировал будущую жену о своем ближайшем окружении. Она знает нас как облупленных. Разве что нам удастся сегодня обвести ее вокруг пальца, вот тут нам есть чем ее удивить.

Я с тревогой смотрю на приборную доску из орехового дерева и вижу, что стрелка, показывающая уровень бензина в баке, вращается быстрее, чем минутная на соседнем циферблате. В двух километрах отсюда есть автозаправка, надеюсь, мы успеем туда добраться. В противном случае Юнь-Сян отомстит за свой народ, оставив три тонны Британской империи с пустым баком посреди дороги.

Внезапно левый ряд начинает двигаться. Я сигналю Жан-Клоду, он прерывает разговор с Жюдит и бежит к нам. Вновь усаживается, стряхивает снег со своего шерстяного пальто.

— Все улажено, — с улыбкой говорит он Юнь-Сян.

И улыбка его совершенно искренняя.

Все пошло не так, как мы предполагали. В бутике “Франческо Смальто” она увидела свой свадебный наряд, сшитый по ее меркам на заказ — узкое облегающее платье из алого шелка. С комком в горле мы смотрели, как она идет к зеркальной стене под руку с воображаемым Марком, попутно объясняя, что в Китае красный — это цвет счастья. Она попросила переколоть три булавки и исправить линию талии, потом предложила нам надеть футболки с Магриттом, чтобы подобрать к ним костюмы. Кажется, она перепутала свидетелей с подружками невесты, но как можно сердиться на мелочи, когда мы утаили от нее главное? Она вся светилась счастьем и резвилась как ребенок — с нашего молчаливого согласия.

Не прошло и получаса, как она отобрала три приталенных мужских костюма и один брючный женский — для Марлен, все в серо-зеленых тонах (такие, пробормотал сквозь зубы Люка, носят в Иль-де-Франс только придурки).

Хозяин бутика придерживался того же мнения. Он был поражен жестокой комедией, которую, как мы считали, необходимо играть перед юной китаянкой. Оплакивая своего клиента, которого здесь одевали в течение пятнадцати лет, он одновременно осуждал нас. Нам стоило большого труда

заставить его проглотить свои соболезнования, тем более что Юнь спросила его с веселым упреком, почему при такой прекрасной профессии у него столь унылый вид?

— Ну же, покажите, какие еще сюрпризы приготовил мне Марк!

Не зная, как выразить переполнявшие его чувства, он ответил ей сдавленным голосом, что мсье Эсслеру надо было гораздо раньше встретить такую девушку, как она. После чего отошел в отдел аксессуаров, где с возмущением зашептал что-то на ухо своему помощнику.

— Плохо дело, — прошептал Люка, сидевший в своем кресле между двумя витринами с галстуками. — Здесь еще нас знают, но, если она произнесет имя Марка в примерочной "Ле Нюи д'Элиз", мы не сможем заткнуть рот продавщице. Мое мнение — пора кончать с этим шопингом.

— Ты с ума сошел! — воскликнул Жан-Клод. — Мы слишком далеко зашли, теперь надо держаться до конца.

— До какого конца? Мы обновляем ей гардероб, откармливаем миндальным печеньем, ты предоставляешь ей на ночь свадебные апартаменты, а завтра отвозим в аэропорт и вручаем стеклянный шар с горсткой пепла Марка и надписью "На память о Париже"? Мне вообще не надо было вас слушать!

Я позволил себе вмешаться:

— Но ты же веришь в загробный мир, ты ведь сказал вчера вечером, что Марк просит нас позаботиться о ней...

— Позаботиться — не значит ввести в заблуждение! Я хочу немедленно это прекратить! Здесь и сейчас!

— И как ты себе это представляешь? — тихо прошипел Жан-Клод. — Входим в примерочную и говорим: "Вообще-то, ни к чему тебе переделывать свадебное платье". Так, что ли? Ты совсем не соображаешь, Люка! Оттого что она сравнила Тибет с Корсикой, ты не можешь прикончить ее, не глядя!

Я сделал им знак, чтобы они прекратили шептаться. Хозяин бутика и его помощник с кислыми лицами поглядывали на нас, не переставая снимать чехлы с брюк, юбок и блейзеров. Я предложил проголосовать за варианты наших дальнейших действий: сказать правду или продолжать нашу ложь во спасение.

— Подождем Марлен, — ответил Жан-Клод, задыхаясь.

Он пристально смотрел под серую занавеску на пол, куда только что соскользнуло свадебное платье. Я кивнул и направился к примерочной. В этот момент кто-то открыл входную дверь бутика, и от легкого сквозняка занавеска в примерочной

всколыхнулась. Благодаря игре отражений в зеркалах я увидел Юнь в нижнем белье. Оно было куплено в "Ле пти бато"[1], и его простота не вязалась с ее узким стройным телом. Жан-Клод был прав: лучше подарить ей день шопинга, прежде чем разбить сердце. Одиночество не станет легче в трусиках-стрингах и эротическом бюстгальтере, но все же она сохранит их на всю оставшуюся жизнь.

— Тебе нравится моя грудь? — спросила она, приспустив бюстгальтер.

— Она великолепна, — сказала Марлен. — Не ожидала, что она выглядит так естественно.

— Я решила, что вкладки с физиологическим раствором лучше силикона.

— Ты правильно сделала. Это долговечнее.

И тут Юнь сказала вполголоса то, чего мне слышать никак не полагалось. После этих слов можно было выбросить из головы все наши прекраснодушные намерения.

— Я могу быть с тобой откровенна, Марлен?

— Разумеется.

— Марку не нравилось заниматься со мной любовью, я это чувствовала. Я понимаю, он привык к лучшему... Как ты думаешь, вы сможете мне помочь?

Я застыл. Только что вошедшая разговорчивая клиентка — то ли итальянка, то ли бразильянка — собрала вокруг себя весь персонал бутика. Притаившись за стенкой примерочной и стараясь не дышать, я подслушивал интимный разговор Юнь и Марлен.

— Я так боюсь его снова разочаровать, ведь он столько сделал для меня... Я выучила его язык, изменила свое тело и свои манеры, но в том, что вы называете сексом, я действительно страшно скованна. Вы должны сказать мне, что он любит. Ты согласна поговорить со мной об этом или мне лучше спросить у мужчин?

Я ждал ответа с пересохшим от волнения ртом. Видя нерешительность Марлен, она уточнила:

— Марк мне говорил, что у вас во Франции есть давний обычай... "право первой ночи". Это правда?

— Д-да... Во всяком случае, есть такое понятие.

Голос Марлен стал хриплым, слегка напряженным. Я почувствовал, что ее, как и меня, обуревают неясные надежды, изумление, волнение и смех.

1. Магазин дешевого добротного белья из натуральных тканей.

— Но потом он мне сказал, что в наше время свидетели не обязаны заниматься сексом с невестой. Это так?

— Ну... да... Некоторые традиции не сохраняются.

— Мне очень важно быть Марку хорошей женой. Если он до завтра не вернется, согласились бы вы научить меня заниматься любовью?

С колотящимся сердцем я вслушивался в молчание Марлен.

— А вот довольно интересный ансамбль для второй половины дня, — сказал хозяин бутика, обойдя меня, чтобы показать модель прямо в примерочной. — В спортивном стиле для хаус-клуба.

Побагровев, я отошел. Когда Люка спросил меня, что решила Марлен, я что-то уклончиво пробормотал. Но в голове у меня вертелся нужный ответ.

— Ты в порядке, Бани? — встревожился Жан-Клод. — У тебя какой-то странный вид.

Я ответил, что время поджимает и его ждут у Картье. Тут он вспомнил, что у него есть дочь и что его бывшая терпеть не может, когда та заявляется к ней на работу. Он позвонил в бутик на Вандомской площади, куда мать с дочерью только что прибыли, и предупредил Жюдит, что у него возникли некоторые осложнения; он заедет, как только освободится.

Едва он договорил, как Юнь выскочила из кабинки уже переодетая и объявила хозяину бутика, что у нее больше нет времени; все остальное она примерит дома. И с невозмутимым видом исконной парижанки распорядилась:

— Пожалуйста, доставьте все на авеню Жюно.

И так на меня посмотрела, что я почувствовал себя, справедливо или нет, частью этого “всего остального”.

II

М*арлен* Ф*арина*

Я не ношу одежду от Шанель, но подделку отличить могу — костюм Юнь не был подделкой. То, что Юнь солгала с самого начала, насторожило меня. Я очень скоро догадалась, что она на многое пойдет, лишь бы подняться по социальной лестнице. И имеет для этого все данные. Терпеть не могу неудачливых карьеристов. Я сразу поняла, что с ней — при ее энергии, работоспособности, обаянии и таланте к подделкам — мы отлично поладим.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как же ловко она обвела меня вокруг пальца, несмотря на всю мою проницательность. Но я ни о чем не жалею. Я так часто тратила свои силы на одаренных бездельников, которые совершенно не стоили своего дарования, на всех этих непонятых гениев, гордившихся тем, что их не поняли... А вот Юнь, с ее жизненной силой, за несколько часов вдохновила меня. Мне просто необходимо кем-то восхищаться!

Она обманула Марка, что само по себе уже достижение, но, несмотря на то что мы скрывали от нее правду с момента приезда, чувства, которые она вызывала у Марка, передались и нам. Творить безумства ради этой девушки казалось совершенно естественным. Непроизвольно мы приписывали ей наши мысли и обнаруживали, что думаем, как она. Проникшись ее обаянием, мы позволили себя обмануть. Люка, единственный, сопротивлялся ей с самого начала — и очень скоро за это поплатится. Она напомнила мне паучиху, впрыскивающую в жертвы свой ядовитый желудочный сок: она переваривает их еще до того, как проглотит.

В случае с Банюльсом все было очевидно. Как и я, она видела, что он подслушивает нас за занавеской примерочной. Вопрос был в том, действительно ли жених рассказал ей историю о "праве первой ночи" или она сама ее придумала, чтобы поразить наше воображение. Предположим, она сказала правду — выходит, Марк подарил нам красотку-китаянку для того, чтобы дружба заново сплотила нас вокруг него и его жены. Или же она действительно занималась сексом как треска мороженая, и Марк хотел довести ее "до кондиции"? Мне было трудно понять ее мотивы. Знала ли она о замысле Марка, собиралась ли ему следовать или вела свою игру? Последняя гипотеза наводила на два возможных объяснения: либо ей нужна была наша помощь, чтобы больше нравиться своему мужу, либо она хотела внести между нами раздор, чтобы получить больше власти над ним. Иными словами: она завидовала нам, нуждалась в нас или боялась?

Я не могла разобраться, был ли это расчет или патологическая испорченность. Чем энергичнее она действовала, тем беспомощнее казалась. Во всяком случае, ни одна женщина до сих пор так меня не притягивала. Прощай, моя дзен-безмятежность! За двадцать минут, проведенных в примерочной, во мне проснулось желание. Наше стремление смягчить удар, первоначально возникшее из жалости, стало гораздо искреннее теперь, когда нами руководили эгоистические мотивы. Я предвидела, что соперничество с мальчиками будет жарким — таким же как при жизни Марка. Мы будем делить благосклон-

ность женщины, которую он выбрал для нас, так же как делили прежде его дружбу. Интересно, как развивались бы события, если бы не автомобильная авария? Вообще, это вполне в его духе: задумать женитьбу как эстафету свидетелей.

Хорошо зная нашего друга, могу сказать, что его цель выходила за рамки простой фантазии. Люка, Жан-Клод и Бани с их чисто мужской наивностью, нередко принимаемой за слепоту, совершенно не представляли, насколько Марк нас любил. Он стыдился удачи, которая сопутствовала ему с самого начала, считая ее незаслуженной, и, желая восстановить справедливость, упорно побуждал нас развивать свои таланты — он верил в них больше, чем мы сами. Я была для него художником, который игнорирует свой талант, Люка — романистом, не знающим себе цену, Бани — изобретателем, способным изменить лицо цивилизации, а Жан-Клод — выдающимся менеджером. В результате я довольствовалась тем, что выставляла картины других художников, получая за это проценты, Люка тратил себя на безнадежную борьбу за свободу угнетенных наций, Бани не осмеливался замахнуться на большее, чем ремонт автомобилей и мелкие поделки, а Жан-Клод, потенциальный лидер, без устали пресмыкался перед женщиной, которой он давно осточертел.

Карьера Марка началась с одной фотографии, которая в девятнадцать лет перевернула его жизнь. Это был снимок Полин Лафон[1], приехавшей посмотреть спектакль по пьесе Беккета, которую мы играли на фестивале в Севеннах. Снимок сделал его знаменитым и богатым три дня спустя, когда молодая актриса отправилась на прогулку в горы и не вернулась. Эта *последняя фотография*, такая трогательная, заряженная тревогой и "зловещими предчувствиями", мгновенно раскупленная всеми журналами, определила его дальнейшую судьбу, хотя он и считал, что просто случайно нажился на смерти молодой женщины. Отсюда его навязчивая идея, что он украл у нас "шанс". Нам так и не удалось разубедить его в этом. Общественное признание и личностная самореализация, которых он желал для каждого из нас, стали бы искуплением его "вины", но этого удовольствия мы ему доставить не могли.

По мере того как я анализировала поведение Юнь-Сян, мне становилось ясно, что Марк, выбрав себе невесту, возможно, даже подготовил ее к тому, чтобы она играла — то соглашаясь с нами, то вступая в разногласия — роль проявителя талантов, от которой сам он отказался. Я стала смотреть на

1. Полин Лафон (1963–1988) — французская киноактриса.

нее, невзирая на пресловутое право первой ночи, как на предназначенный нам свадебный подарок. Видя, какую силу сопереживания она развила в себе благодаря искусству имитации, Марк поручил ей обольстить нас, поощрить, помочь открыть наше истинное предназначение, обрести себя. За двадцать лет дружбы, проведенных в его тени, каждый из нас прошел мимо собственного "я"... — так он, наверное, думал.

А теперь "подарок" превратился в наследство. Все, что нам осталось от Марка, если не считать еще не зачитанного завещания, это красота его замысла, это жертва судьбы, это бывшая невеста — Душистое Облако. Так можно ли позволить ей уехать? Можно ли помешать ей исполнить предназначенную миссию?

Я наблюдала за Бани. Я смотрела, как Юнь манипулирует им. Она сразу поняла, с кем имеет дело. Угадала его тайные мысли, сильные стороны и уязвимые места. Спускаясь по лестнице на парковке, она говорила с ним о литературе. Спрашивала между вторым и третьим уровнем, кого он любит больше — Кокто или Монтерлана[1]?

Бани споткнулся на ступеньке. Наивный, как все мужчины, он счел это удивительным совпадением: надо же, ведь это его любимые писатели, как она догадалась? "Догадка" была шита белыми нитками, но Юнь виртуозно вышла из положения, сославшись на то, что Марк советовал ей читать этих авторов в оригинале в дополнение к французским курсам.

Впервые в жизни я увидела слезы на глазах Бани. Ведь во время своих метаний — с пятнадцати до семнадцати лет — именно у Монтерлана и Кокто он черпал удивительную пунктуальность и целеустремленность, которые привели его на порог университета. Марк за всю жизнь ни одной книги не открыл, и на людях всегда подсмеивался над бесполезной начитанностью своего чудо-мастера, этого прирожденного изобретателя, который собирал библиотеку, вместо того чтобы патентовать собственные изобретения. А теперь оказалось, что Марк к нему *прислушивался*. Чтобы улучшить язык и стиль речи любимой женщины, он прибег к культовым авторам Банюльса. После моторов ничто не могло доставить Бани большего удовольствия.

— А можно посмотреть, что у него под юбкой?

Юнь встала, как вкопанная, перед старым "роллс-ройсом". Она и здесь хорошо подготовилась: высокий капот "Фантома III" распахивался на две половины, по правому и

1. Анри де Монтерлан (1896–1972) — французский писатель.

левому крылу, словно кружевной подол. Бани бросился демонстрировать ей двигатель.

— Как он, однако, прекрасен, этот V-12, — вздохнула она, глядя на огромный газовый карбюратор, и продолжала, тронув Бани за рукав: — Сколько у него лошадиных сил?

— До того как его купил "Фольксваген", — ответил он, покраснев, — компания не разглашала мощности своих моторов. Ограничивалась указанием: "достаточная".

— Полагаю, больше чем сто шестьдесят?

— Думаю, да.

Она пробежалась пальцами по алюминиевому блоку, покрытому черным лаком, ощупала шланги и трубки, любовно погладила гибкие тросы.

— Здесь подача питания, а это — гидравлический насос?

Бани подтвердил. На его лице читались удивление и гордость. Мне не терпелось отвезти Юнь в свою галерею, чтобы увидеть, будет ли она обольщать меня так же, играючи, объясняя технику моих художников.

— И двойное зажигание, — прибавила она, глядя ему в глаза.

— Уже почти одиннадцать, — вскользь заметил Жан-Клод. — Если я опоздаю, от меня только мокрое место останется.

В его голосе чувствовалось предвкушение чего-то приятного. Во всяком случае, начало реванша, пробуждение воли, которое Юнь поощрила улыбкой соучастницы, не преминув спросить, что значит "останется мокрое место".

— Меня убьют, в прямом и переносном смысле. Как это будет по-китайски?

— Сба лянь сба фэн цбэн жэнь. Стрела целилась в бумажного змея, а убила человека. Этими словами в манускрипте четвертого века до рождения вашего Христа описывал битву мудрый философ Мо-цзы. Это доказывает, что уже в ту эпоху китайцы изобрели дельтаплан для уничтожения врага.

— Просто невероятно! — радостно подхватил Жан-Клод.

— Спасибо, — улыбнулась Юнь.

— Хочешь сесть за руль? — предложил ей Бани.

Я не верила своим ушам. Бани никогда не позволял нам водить автомобили Марка, ведь только он способен управлять ими и нести за них ответственность. И причина столь резкой перемены крылась не в том, что владелец умер. Я почувствовала, как внутри у меня все сжалось. Если Бани до такой степени подпал под чары китаянки, то, без сомнения, захочет показать ей свое самое перспективное изобретение — биоротор, то есть первый в мире мотор, работающий на отходах. Бани установил его на "триумф-спитфайр", который теперь ездил на

сгнивших овощах: карбюратор потреблял сок от их брожения. Сидеть в таком автомобиле можно было только с прищепкой на носу, зато он являл собой блестящий пример использования биотоплива. Может, Юнь-Сян удалось бы убедить Бани подать заявку на патент, одолеть административные препоны и зарегистрировать свое изобретение... Тогда одно из самых сильных желаний Марка осуществится посмертно.

Наша маленькая китаянка удивительно ловко пролезла под гигантский руль из черного бакелита. Проверила регулировку хромированных ручек вокруг втулки клаксона и завела мотор, который глухо зарычал.

На мгновение она закрыла глаза, вслушиваясь в тишину в салоне, едва нарушаемую тиканьем часов и дребезжанием авторучки в изящной пристенной вазочке из хрусталя, на самом деле предназначенной для цветка. Потом ее правая рука легла на крохотный переключатель скоростей, скрытый в декоративном вырезе сиденья со стороны дверцы. Крылатая статуэтка, венчающая радиатор, теперь находилась ровно напротив Юнь. Она словно взяла на мушку невидимую цель и включила первую передачу. Огромный "летучий голландец" дрогнул, поднялся на выездную эстакаду, лавируя между стойками, и двинулся, то и дело останавливаясь и вздыхая.

— Можно немного ослабить амортизаторы, Бани?

— Конечно.

Она повернула какой-то тумблер, и наши ягодицы перестали подпрыгивать на "лежачих полицейских". То, как беспрекословно повинуется ей громадный лимузин, впечатляло. Как девятнадцатилетняя китаянка, выросшая в деревне, могла досконально знать устройство английского автомобиля 1937 года? Даже если Марк нашептал ей в постели руководство по эксплуатации, непросто пересесть с трактора на "роллс-ройс". Почерпнуть такие познания и научиться вести себя непринужденно в любых обстоятельствах можно, например, лет за десять карьеры элитной "девочки по вызову". Но достичь подобного уровня в девятнадцать лет, ни разу не выехав из своей коммунистической страны, — это уже стахановский рекорд какой-то.

— Ну, как тебе V-12? — осведомился Бани, когда лимузин выехал на улицу Пьер-Шаррон.

— Очень тихо и ровно работает. И мне безумно нравятся короткие ходы переключения передач.

Бани упивался ее похвалами, и разговор перешел в сугубо техническую область. Я смотрела на Жан-Клода и Люка, в их молчании чувствовалось нетерпение. А я еще не передала им просьбу Юнь, высказанную в примерочной, и Бани тоже, су-

дя по всему, пока не торопился. Он продвигал вперед свою пешку, стараясь держать партнеров вне игры.

— К "Картье", на Вандомскую площадь! — радостно и торжественно объявила Юнь, выезжая на Елисейские поля. — Посмотрим, хорошо ли я изучила план Парижа!

Толпа, спешившая за рождественскими покупками, выплеснулась на проезжую часть, перекрыв движение. Все оборачивались на юную девушку-шофера, управляющую такой древностью на колесах. Рукав ее красного костюма резко выделялся на фоне дверцы чернильного цвета; она опустила стекло и объясняла прохожим, что сегодня — самый счастливый день в ее жизни и что, хотя в это трудно поверить, ее зарплата составляет всего сто евро в месяц. Ее принимали за победительницу в какой-то телевизионной викторине и искренне поздравляли. Посмертно Марку удалось срежиссировать такой сеанс магии и волшебства, что нам все труднее было помнить о трагической реальности, ждущей за кулисами. Радость Юнь — радость будущей новобрачной — передалась и нам. Но как сохранить в ней ощущение счастья, когда она узнает, что свадьбы не будет? Эта практически невозможная задача почти затмила наше горе. За несколько часов, проведенных с Юнь, Марк словно вернулся к нам с того света.

А потом, когда загорелся красный свет, своим нежным голосом с легким швейцарским акцентом она задала Бани вопрос, который всегда его раздражал:

— Ты мог бы поставить биоротор на этот "роллс"?

Мы сжались на сиденьях. Вопреки ожиданию, Бани спокойно отреагировал на упоминание о своем невостребованном изобретении. Он лишь ответил менторским тоном, что такой автомобиль следует сохранять строго в том виде, в каком он был первоначально сконструирован.

— Я понимаю, но ведь надо и о будущем думать, верно?

Казалось, будто это говорит Марк.

Красный свет сменился зеленым. У велосипедиста перед нами зазвонил мобильник; он снял ногу с педали и опустил ее на землю, собираясь ответить на звонок. Юнь посигналила ему, как заправский водитель грузовика, и продолжила голосом сирены:

— На мой взгляд, для Китая было бы большой честью, если бы старый правительственный автомобиль Британской короны ездил на гнилых отбросах.

— С таким карбюратором это невозможно, — закрыл тему Бани.

Он достал из инкрустированного ящичка старый ламповый приемник и включил его. Сквозь помехи слабо зазвучала музы-

ка Гершвина. Юнь молчала. Если Марк рассказывал ей об изобретениях своего помощника, то непременно должен был объяснить, почему они так и остались на бумаге. Бани, найденный в винограднике Банюльс в День святого Эрмана, всю жизнь ощущал себя брошенным ребенком и боялся чужих суждений. Поддерживать старинные машины в идеальном состоянии было для него жизненно важно, но и только: изобретательство оставалось его личным делом. Может, он боялся, что, если однажды станет знаменитым, объявится его раскаявшаяся мамаша и будет просить у него прощения и компенсацию за те жертвы, на которые она пошла, поручив его Провидению? Однажды ночью, на втором году подготовительных курсов, когда мы спали вместе, он проснулся от кошмарного сна, который потом подробно пересказывал, подражая голосу своей предполагаемой биологической матери:

— Ты представляешь, дорогой, как ужасно переживала твоя мама, которая только и думала, что о твоем будущем? Ведь я не бросила тебя где попало! Я выбрала для этого самый лучший виноградник — в Кап-Беар![1]

Я была уверена, что Бани уже и думать забыл обо всем об этом, но в начале года он пригласил меня на ужин при свечах, чтобы отпраздновать "суперновость", как он выразился: вину из Кап-Беар был присвоен номер 93 из 100 в справочнике Паркера[2]. Даже орден Почетного легиона вряд ли сделал бы его счастливее. Как будто место, где его бросили, было тем самым оправдано, освящено. Как будто суждение самых влиятельных в мире дегустаторов реабилитировало его родительницу, одобрив ее выбор. Он заставил меня выпить "своего" вина, произведенного в год его рождения. Сладковатое красное вино имело привкус сливы, шоколада и сигары. Я поздравила его, мысленно проклиная за ту головную боль, которую он устроил мне двадцать лет назад своим ночным кошмаром и из-за которой я чувствовала себя обязанной иногда спать с ним.

— Тебе лучше остаться на третьей полосе, — посоветовал он Юнь, когда вереница машин тронулась с места. — Мощности двигателя достаточно.

Я смотрела на него: он сидел впереди, повернувшись к Юнь, и внимательно следил за ее действиями. Мне доставляло наслаждение смотреть на его реакцию, на то, как он пожирает глазами маленькую китаянку, управляющую его "танком" не менее ловко, чем он сам. Я всегда питала слабость к

1. Кап-Беар — местность в Восточных Пиренеях.
2. Справочник Паркера — авторитетный рейтинговый справочник вин.

Эрману Банюльсу, но мы слишком давно были друзьями, чтобы позволить себе что-то большее, чем эпизодический секс. Я спала с ним, лишь когда мне было невыносимо тяжело. Он — прекрасный любовник, если иметь в виду главное. Не скажу, что исключительный, но очень техничный. Он ведет женщину к оргазму педантично и добросовестно. У меня, правда, всегда возникает ощущение, что я прохожу стендовые испытания, — ну да ладно, такой способ "техосмотра" необходим мне не чаще одного раза в три-четыре года.

Когда мы откроем Юнь-Сян правду, Бани несомненно станет для нее спасительной соломинкой. Самое лучшее — и она сама это подсказала — как можно раньше заняться с ним любовью. Прежде чем обнаружится ее статус незаконной вдовы. Удовольствие, которое она получит с Бани, несравнимое с тем, что мог дать ей искатель наслаждений Марк, будет для нее, вероятно, единственным способом начать новую жизнь после траура. Подготовив свое тело к любви, она избежит участи закрыть лавочку в девятнадцать лет.

Я пыталась поставить себя на место Марка, чтобы разгадать его план. В любом случае вряд ли его задумку можно объяснить игрой воображения или альтруизмом. Он ни во что не верил, но, быть может, у него было предчувствие трагического конца? Или же он просто-напросто допускал такую вероятность и принял меры предосторожности, как бы "застраховал" свою жизнь? Право первой ночи с его невестой, этот "древний обычай" теперь представлялся мне нашим долгом. И влечение к Бани, опять невольно проснувшееся во мне, вкупе со смятением, которое вызывала у меня Юнь, превращали этот долг в нечто весьма приятное.

Откуда-то изнутри во мне поднималось чувство ликования, и я мысленно поблагодарила Марка за то, что его смерть создала для нас такую ситуацию. Я смотрела на его невесту, которая так непринужденно чувствовала себя за рулем "роллса", и представляла, как она, сидя за рулем трактора, стрижет газон в Шеврёзе, идет навстречу приливу на старой плоскодонке в Вильфранше, кладет вместе с нами кирпичи, стоя посреди строительного мусора на авеню Жюно... Умение Юнь адаптироваться к любой ситуации, ее способность составлять одно целое с Марком, талант мимикрии и обаяние были так сильны, что не прошло и трех часов, как мне стало казаться, что отсылать ее обратно к пролетариям в Шанхай — совершенно невозможно и даже противоестественно. Похоже, мальчики придерживаются того же мнения.

Вот тут-то у меня и возникла совершенно безумная догадка, позволявшая наконец-то объяснить ее поведение с нами.

Она *знала*. Знала, что Марка больше нет. Может, увидела газетный заголовок в киоске или же продавец в "Смальто" все же тайком выразил ей соболезнования. Но благодаря своему поразительному азиатскому хладнокровию, она *подыгрывала нам*. Мы скрывали от нее аварию; она делала вид, что ни о чем не подозревает, и это могло затянуться надолго. На все то время, что она будет нас приручать, утверждаться в своей роли, убеждать нас уважать его предсмертную волю, позволив ей, несмотря ни на что, занять место, которое он ей обещал. Обязательство принял на себя Марк, но выполнить его должны были мы.

Здесь, правда, была маленькая неувязочка. Если моя догадка верна, то логика Юнь, ее мужество и актерский дар, конечно, достойны восхищения, но вот объект она выбрала неверно. Ей следовало обхаживать не нас. Мы не имели никакого влияния на семью Марка: теперь наследством будет распоряжаться его брат. И этот сухарь вряд ли захочет возиться с несостоявшейся невесткой. Если же она выбирает нас, ей придется рассчитывать только на себя.

Я решила, что поделюсь подозрениями с мальчиками, только когда буду полностью уверена в своей догадке, а пока продолжу молча следить за поведением китаянки, анализировать его и пытаться объяснить. До поры до времени следует скрывать от нее правду, которую она якобы не знает. Вдруг вспомнилась считалочка из моего детства в пансионе:"Раз, два, три! Ты меня перехитри!"

У нас с Юнь, я чувствовала, была одна общая черта — ребячья храбрость, благодаря которой мы не боялись естественного хода событий, каким бы губительным он для нас ни был.

Ее глаза в зеркале заднего вида смотрели прямо на меня. Она улыбнулась и прикрыла веки, будто угадала мои мысли, сомнения, желания и одобрила мой выбор. Меня так потянуло к Юнь, что я совсем растерялась. А потом вдруг ощутила, как изнутри поднимается волна веселой ярости, которая всегда помогала мне выходить из трудных ситуаций.

Снова лениво пошел снег. Еще и полдень не наступил, а на улице темно, как вечером. Включив первую передачу и держа руку на хромированном рычаге, Юнь медленно едет по Елисейским Полям. Люка и Жан-Клод, сидящие сзади рядом со мной, чувствуют себя немного забытыми и пытаются привлечь внимание Юнь к праздничной иллюминации. Она скептически разглядывает деревья, украшенные голубыми гирляндами.

— Похоже на рыболовные сети.

И добавляет, что мы, французы, выглядим очень трогательно с нашими энергосберегающими лампочками, наполненными ртутью и электромагнитной радиацией.

Люка, не в силах сдержаться, возражает, что Китай в вопросах экологии тоже далеко вперед не ушел.

— К две тысячи тридцатому году Китай станет мировым лидером по выработке электроэнергии ветряными двигателями, — отвечает Юнь со спокойной уверенностью. — Нашу страну не зря называют "Империей ветра". Когда-нибудь вы будете закупать у нас почти все, даже ветер. А у вас мы будем производить что-нибудь второстепенное. Но вы сами в этом виноваты. Если бы французы любили Францию так, как мы любим Китай, вы и сейчас были бы первыми в мире, как в тысяча семьсот восемьдесят девятом году.

Мы немеем от изумления. Один Люка открывает рот, чтобы возразить, но тут же его закрывает, потому что я щиплю его за ляжку. Если она продолжит свои политические выпады, он ей выложит, что ее жениха через пять часов кремируют, так что, в принципе, ее больше ничего не держит во Франции, скатертью дорога.

— Знаете, чего мне по-настоящему хочется? — продолжает она тоном заговорщицы. — Увидеть "Джоконду".

— Настоящую? — удивляется Бани. — Прямо сейчас?

— А почему бы и нет? — говорит Жан-Клод, готовый воспользоваться любым предлогом, лишь бы подольше помурыжить свою дочь. — Перед площадью Согласия повернешь в туннель направо и припаркуешься на стоянке у Лувра.

— Не *настоящую*, – отвечает Юнь. — Ту я знаю наизусть, и мне не нравятся ее размеры. Я всегда ее пишу в формате сто двадцать на сто сорок: так улыбка заметнее... Нет, я хочу увидеть ее статую. Я прочитала рекламу в самолете... Ну, вот и приехали.

Она включает правый поворотник, проезжает между Малым дворцом[1] и садом ресторана "Ледуайен" и останавливается прямо перед парковщиком.

— Мы ненадолго, — говорит она ему, когда он открывает дверцу и снимает фуражку.

Ошеломленные ее самоуверенностью, мы следуем за ней, пробираясь через снежную кашу. Пока Бани ищет в кармане десять евро для парковщика, она мчится к большому павильону, стоящему между двумя белыми швейцарскими домиками, в которых сейчас развернулся рождественский базар.

1. Малый дворец (Petit Palais) — парижский Музей изящных искусств.

К окошку кассы тянется очередь метров на пятьдесят. Бани догоняет нас и объявляет, что пойдет купить нам вафли.

— Нет, спасибо, — говорит ему Юнь. — Я на диете.

— Ты права, — присоединяется Жан-Клод, — в отеле тебя ждет божественное меню: вершина французской гастрономии... Но мне, Бани, ты вафлю все-таки купи!

Его мобильник играет "Реквием" Моцарта. Пока он отвечает своей дочери, я тихо говорю Юнь:

— Насчет того, о чем ты меня недавно спрашивала в примерочной, поговори с Банюльсом.

И добавляю прямо ей в ухо:

— Он — единственный, кто сможет тебя всему научить.

Она слегка смущается и благодарит меня тем же тоном, каким только что говорила о вафлях. Совершенно очевидно, сейчас она думает только о скульптурном варианте "Джоконды" — версии резца и шлифовки.

— Говорю тебе, Дебора, я скоро приеду! — надрывается в трубку Жан-Клод. — Да, представь себе, у меня есть и другие срочные дела! У всех Рождество, не только у тебя! И девяносто процентов детей на земле всё бы отдали, чтобы быть на твоем месте, потому что у них нет ничего за душой, хоть они и не сделали никому ничего плохого! Поэтому кончай капризничать, посиди спокойно в офисе матери, поиграй в телефон и предупреди свою лошадь, что я приеду, когда приеду! Передай трубку Жюдит.

Пока он все это кричит, Юнь спрашивает меня вполголоса, за что конкретно он упрекает Дебору. Марк толком не смог ей объяснить. Я на ухо рассказываю ей, в чем дело: Жан-Клод валит всю вину на Дебору за свой рухнувший брак. Она, мол, как многие дети ее возраста, мечтала иметь два дома, два источника карманных денег и двойные каникулы. Рассудив, что самые сговорчивые родители — это те, что разводятся из-за супружеской измены, она перешла к действиям.

Однажды утром Жюдит заявилась в галерею, чтобы обвинить меня в присутствии двух коллекционеров и одного эксперта, что я взасос целовалась с ее мужем! Ее дочь якобы нас застукала. Я с чистой совестью все отрицала: никаких отношений с Жан-Клодом у меня не было со времени первого года обучения на подготовительных курсах, когда она еще под стол пешком ходила. Жюдит еще больше разозлилась и обвинила меня в том, что я хвастаюсь своим первенством. Торопясь завершить переговоры по рисунку Баския[1], я вышла вместе с

1. Жан-Мишель Баския (1960–1988) — американский художник.

ней на улицу и заверила ее, что Жан-Клода я в тысячу раз больше предпочитаю иметь другом, а не любовником.

— Это еще почему?

— Может, поговорим об этом, когда я закончу с делами?

— Я требую ответа немедленно, Марлен. Так что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что мне осточертело каждый раз совать ему палец в задницу, чтобы довести до оргазма.

Я очень надеялась, что шок ее немного успокоит. Но не тут-то было.

— *Каждый раз*? Ты сказала: *каждый раз*?!

— Да просто вспомнилось, Жюдит, все уже в прошлом.

— Меня он никогда об этом не просил!

— Ну так тем лучше, поздравляю! Значит, я нравилась ему меньше, чем ты.

— Это значит, что со мной он спит из чувства долга, а с тобой — ради удовольствия!

Разговор становился невыносимым. Чем упорнее я отнекивалась, тем больше она входила в роль жертвы. У Жюдит непростые отношения со мной, а все потому, что ее мать гойка; я больше еврейка, чем она, хотя и работаю в субботу и ем свинину. Словом, идеальный объект для обострения ее паранойи. Я попыталась смягчить ситуацию:

— Жюдит, в самом деле, как ты можешь сомневаться в Жан-Клоде? Ведь он обожает тебя, боготворит, идеализирует!

— Он меня идеализирует, проделывая с другой то, что не осмеливается делать со мной! Он меня обманывает, я знаю, пусть катится к черту!

Я положила руки на плечи этой восхитительной чертовки весом сорок пять кило, которая вот уже пятнадцать лет действует нам на нервы своим тридцать четвертым размером[1], ортодоксальным иудаизмом и работой у "Картье". Надо слышать, с каким идиотским придыханием Жан-Клод зовет ее своей Танагрской статуэткой, хотя с недавнего времени из-за предательских жировых складочек она начала приближаться к простым смертным; ей достаточно только взглянуть на миндальное печенье, как оно тут же откладывается на ее бедрах. Люка называет Жюдит "двойной Танагрой", и степень ее истеричности напрямую зависит от цифры на весах.

Я в двадцатый раз поклялась ей, что между мной и ее мужем с осени девяностого не было ни пальцев, ни траханья.

— Значит, по-твоему, моя дочь — лгунья?

1. Тридцать четвертый размер соответствует в России сороковому.

— Именно так.

— Ах ты, дрянь!

Она дала мне пощечину, а я треснула ее по голове — на том и расстались. Но с тех пор я немного сержусь на себя. Думаю, если бы я так упрямо не отрицала свою вину, Жан-Клод мог бы договориться о размере компенсации за свой грех, и это, возможно, спасло бы их брак. Я слишком поздно поняла, что Жюдит гораздо труднее усомниться в словах дочери, чем бросить мужа.

— Как мне нравятся отношения между вами, — шепчет Юнь, выслушав мой рассказ.

Она смотрит на Жан-Клода, который доедает свою вафлю, держась в стороне от очереди и продолжая ругаться в телефонную трубку. Затем Юнь провожает взглядом Бани — он пошел вызволять Люка, который заехал в грязь под деревьями и, как всегда, отказывается от помощи.

— У меня никогда не было друзей, — добавляет она, наклонившись ко мне, — я всегда была одинока и так гордилась этим, чувствовала себя такой сильной... Но теперь, глядя на вас, я вижу, что за этой силой скрывалась пустота.

Я смотрю ей прямо в глаза. В ее словах нет никакого подвоха, это просто признание собственной слабости. Зная, откуда она приехала, я ценю доверие, которое она, видимо, испытывает ко мне, раз решается на такие откровения. И даже если здесь есть какой-то расчет, я все равно взволнована. Как совершенно незнакомая девушка заставила так быстро вновь забиться мое сердце? Не то чтобы меня поразила любовь с первого взгляда, скорее, мы с ней — два громоотвода, притягивающие электричество из атмосферы.

— Жюдит, я сказал то, что должен был сказать, вот и все! И не трудись звонить судье, чтобы зафиксировать "уклонение от отцовских обязанностей"! Я отказываюсь от совместной опеки, вот так, это тебе подарочек на Рождество!

Жан-Клод дает отбой, не успев закрыть рот, ошарашенный собственной дерзостью. Я беззвучно ему аплодирую. Он опускает глаза, стряхивает с себя сахарную пудру. Потом поворачивается к Юнь и уже с меньшей уверенностью спрашивает, как если бы перед ним стоял Марк:

— Я не слишком далеко зашел?

Она отвечает, что нет, очень хорошо, что у его дочери теперь есть к нему *реальные* претензии. Он не должен защищаться, нападать на нее, злиться за то, что чувствует себя виноватым. Требуется только вежливое безразличие. Дебора должна понять, что он — прежде всего мужчина, а уж потом отец.

Жан-Клод задумчиво выслушивает ее.

— Но как добиться, чтобы ее мать это поняла? — с сомнением спрашивает он.

— Не втягивай свою дочь в ваши супружеские проблемы. Хочешь, чтобы Жюдит к тебе вернулась? Заставь ее ревновать, вот и все.

Она улыбается ему — обольстительно и откровенно, и от этого он совершенно теряется. Зато мне теперь все ясно: Юнь перешла в наступление.

Люка подъезжает к нам. Он совсем вспотел в своей тибетской шапочке, его руки в перчатках замучились прокладывать маршрут по снегу и гололеду. Юнь тут же хватается за ручки кресла.

— Спасибо, я сам! — сухо отказывается он.

— Да нет, — успокаивает она его, — это только чтобы не стоять в очереди.

И катит его кресло к окошку кассы для инвалидов. Сдержав улыбку, я иду следом.

— Я сплю или она действительно заигрывает со мной? — шепчет Жан-Клод, хватая меня за руку.

— Каждый имеет право на сны, — отвечаю я сдержанно, чтобы подольше продержать его в состоянии неопределенности, которое ему не повредит.

— Но это низко по отношению к Марку!

— Жан-Клод!

Под моим взглядом, в котором читается красноречивый упрек, он розовеет от стыда и вспоминает о реальном положении дел, куда более серьезном, чем его некорректное поведение.

— Вы идете, свидетели?

Прокладывая себе дорогу креслом на колесах сквозь густую толпу, Юнь входит в ледяной шатер. На небе из черного брезента мерцают звезды. Обойдя Триумфальную арку, Санта-Клауса, Венеру Милосскую и базилику Сакре-Кёр, она стремительно подходит к статуе Моны Лизы из синеватого подтаявшего льда, по бокам которой расположились Жанна Д'Арк и "Мыслитель" Родена. Она неподвижно стоит перед скульптурой три секунды, потом наклоняется к Люка и говорит с досадой:

— Это не Джоконда, это какая-то "Молочница"[1].

И разворачивает его кресло к выходу.

— Зато Роден очень хорош. Нет, в самом деле, если берешься за Леонардо, нельзя быть таким небрежным! Извините...

1. Возможно, имеется в виду картина Вермеера или персонаж басни Лафонтена "Молочница, или Кувшин с молоком".

В приступе ярости она наталкивается креслом Люка на другое кресло. Пожилая дама в собольей шубе поднимает крик: ее муж — инвалид, получивший тяжелое увечье на войне! Она требует составить протокол. Вместо того чтобы завязать спор, Юнь берет ее в свидетели, призывая разделить свое негодование, и теперь уже соболья шуба сама пытается ее успокоить.

Мне нравится ее нетерпимость к халтуре в искусстве, ее оскорбленное чувство профессионала, столкнувшегося с небрежной, бездарной работой. У нее та же, что и у меня, внутренняя потребность находить объект для восхищения и беспристрастно оценивать результаты творческого процесса. Я знаю, что скоро повезу Юнь в свою галерею. Знаю, что открою ей мастерскую Клер. Ее Магритт на футболках вызвал у меня сильное желание проверить, есть ли у нее свой художественный мир, свой стиль, свое ви́дение. И, если нет, подсказать, как их обрести, ведь техникой живописи она овладела в совершенстве.

Однако я сдерживаю свое нетерпение. Сейчас не самый подходящий момент. Я чувствую какие-то колебания у мальчиков. Люка промерз в шатре, Бани предпочел бы оказаться наедине с Юнь, чтобы продолжить разговор о моторах, подальше от наших невежественных ушей, а Жан-Клод разрывается между дочерью, которая его заждалась, предстоящим обедом и соблазнительным силуэтом Юнь. Теперь он невольно сравнивает его с анорексическими прелестями Жюдит, воображая, что завидел свет в конце туннеля.

Мгновенно превратившись из сурового художественного критика в непритязательного посетителя, Юнь простодушно веселится, проходя мимо белых деревянных павильонов, два из которых торгуют горячей капустной солянкой, три — хот-догами, а в витринах остальных выставлены овощерезки, яркие цветочные букеты, рождественские санки, платки, шапки и матрешки.

— Сделано в Китае, — подчеркивает Юнь, указывая на этикетку.

Она тянет время, как и мы. Или же провоцирует нас, чтобы ускорить развязку.

— Могу я зайти в Большой дворец[1]?

Прямо перед нами огромная афиша сообщает о выставке “От Византии до Константинополя”. Но ее интересуют аттракционы, устроенные под стеклянным куполом музея. И через несколько минут мы стоим в томительном ожидании перед аттракционами, а она радостно вопит, кувыркаясь в подвесных гондолах и решетчатых корзинах.

1. Большой дворец (Grand Palais) — парижский Музей изящных искусств.

— Вам не кажется, что у нас возникла некоторая неловкость? — брюзжит Люка.

Он подъезжает к стенду с чуррос[1] и сладкой ватой, воротник его куртки поднят, шея трижды обмотана шарфом. Его мощное тело атлетического сложения выглядит еще более неуместным в маленьком кресле, когда он жестикулирует.

— Учтите, вам не удастся избавить ее от шока... Я просто хочу напомнить, что времени у нас — ровно до семнадцати часов. Когда вы собираетесь ей объявить, что перед ней не рис будут разбрасывать, а пепел ее возлюбленного?

— Люка, — возражает Жан-Клод, — мы просто ждем подходящего момента, вот и все...

— У "Картье" нам будут мешать две твои мегеры, в отеле ты не захочешь портить обед, потом Бани даст ей порулить еще на одиннадцати своих драндулетах, а затем Марлен отвезет ее в галерею, чтобы отреставрировать какую-нибудь картину... Вы что, правда думаете: напустили туману, и я уже ничего не вижу? Вы о Марке и думать забыли! Вам даже не хочется идти на кремацию. Потому что Жером отнял его у нас, и все, что от него останется — это она! Но у меня к вам только один вопрос: если бы она оказалась тем бесцветным существом с фотографии, которую нам показывал Марк, возникли бы у вас все эти нравственные сомнения и колебания? Нет, настоящая цель каждого из вас вот в чем: как бы потактичнее дать ей понять, что теперь она свободна и может сразу выбрать меня?

Мы смотрим на Юнь, которая крутится в клетке, подвешенной на тросе, посылая нам оттуда воздушные поцелуи. Люка прав. Он единственный среди нас счастлив в семейной жизни. Это дает ему право не принимать всерьез то смятенное чувство, которое в самый тяжкий момент жизни вдруг затмило и наше горе, и прежние беспорядочные увлечения. Но мы не забыли Марка, наоборот. Держаться за Юнь — значит снова обрести центр притяжения, которым всегда для нас был только он.

— Я думаю, она все знает про Марка.

Они дружно поворачиваются ко мне, выпучив глаза, как ошпаренные креветки.

— Ты шутишь?

Я рассказываю им о своей интуитивной догадке и делюсь соображением, которое только что пришло мне в голову: в какой-то момент она призна́ется одному из них, что подыг-

1. Чуррос — сладкая выпечка в виде трубочек.

рывает нам, и попросит держать это в секрете. Я уже получила от нее свою долю признаний. Ее тактическая цель — всех нас по очереди подцепить на крючок.

— Ох уж эти китайцы! — цедит сквозь зубы Люка.

— Ерунда! — восклицает Жан-Клод. — Она просто девчонка, которая изображает бесстыдницу, чтобы поскорее втереться к нам в доверие, вот и все, потому что иностранцы считают французов бабниками и вообще... Если бы она знала о смерти Марка, думаешь, она стала бы веселиться на карусели? Нет, Марлен, прости, но не все женщины такие же ненормальные, как ты. И не все такие мизантропки, как твои подруги.

Я оборачиваюсь к Бани, который воздерживается от комментариев. Он-то видел, как Юнь вела себя в примерочной, он знает, как к этому относиться и насколько ее любовная экспансия может быть благоприятна для всех нас.

— Она не бесстыдница и не извращенка, Жан-Клод, — говорю я, сдерживая раздражение. — Она просто самоутверждается. Ее единственный шанс закрепиться здесь — это понравиться нам.

— Ты все видишь в черном цвете.

— Неправда, наоборот! Вместо того чтобы впасть в отчаяние, она изо всех сил цепляется за счастье, которое обещал ей Марк.

— Марлен, — произносит сквозь зубы Жан-Клод, поднимая руку, чтобы меня остановить.

Напрасный труд, ему придется выслушать меня до конца:

— Она подготовилась к нашей встрече как нельзя лучше, она держит перед нами экзамен с момента приземления и в то же время тестирует экзаменаторов. Эта девушка — боец высшей пробы, сами видите. Мы не можем взять и выставить ее за дверь!

— Вы говорите обо мне?

Юнь внезапно появляется за моей спиной и бросается мне на шею со словами, что *экстрем* — это здорово, но все-таки *сальто-мортале* еще лучше. И добавляет, глядя мне прямо в глаза, что если человек в детстве был всего лишен, то потом всю жизнь пытается компенсировать недополученное.

— Кто хочет покататься на поезде-призраке? Я боюсь одна.

Бани поднимает руку и вопросительно смотрит на меня. Я киваю. Она тянет его за рукав, говоря, что кожа ее живота хочет есть. Мы смотрим, как они бегут к аттракциону.

— Это типичное шанхайское выражение, — сладким голосом успокаивает нас Люка. — Это значит, что у нее сосет под ложечкой, а вовсе не то, что она хочет трахаться в поезде-призраке.

— Она явно о чем-то догадывается, — встревоженно говорит Жан-Клод.

— Да ну...

— Подожди, Люка! Она слышала, что говорила Марлен, и теперь думает, что мы принимаем ее за интриганку. Слушайте, я считаю, что мы должны придерживаться нашего первоначального плана: как можно лучше подготовить ее к печальному известию.

Он смотрит, как Юнь усаживает Бани в двухместную вагонетку, и тот стремительно несется в гигантскую пасть беззубой колдуньи.

— И что ты предлагаешь? — нетерпеливо спрашивает Люка.

— Я распорядился достать из погреба бутылку божественного "Шевалье-Монтраше" от Бушара, — осторожно произносит тот.

— То есть напоим ее, — поясняет Люка, — потом за чашкой кофе все ей выложим, а что там с ней дальше будет — плевать. Слушай, ты опасный тип, Жан-Клод. Твой план — подлый.

— Да, черт возьми! — взрывается Жан-Клод. — Это ведь я потерял друга, и никакие страдания невесты мне его обратно не вернут!

— А мы никого не потеряли, да? — кричит Люка. — Таскаем с собой, как придурки, эту кривляку, которая решила захапать Марка, убедив его, что мы к ней пристаем! Вот какая у нее стратегия! Поэтому, простите великодушно, но облегчать страдания этой мерзавке я не намерен... у меня в жизни есть дела поважней!

Уязвленная, я разворачиваю его кресло на сто восемьдесят градусов и выкладываю все, что думаю по его поводу. Он отказался от журналистики, от творчества, вообще от всякой писательской деятельности ради того, чтобы сойтись со смазливой бездельницей, которая проедает его инвалидную пенсию, поэтому не надо считать шлюхами тех, кто осмеливается быть независимыми!

— Независимыми? А разве она не рассчитывала на деньги Марка? У тебя крыша едет, Марлен! Перестань рассуждать, как все эти проститутки, на которых ты западаешь!

Моя оплеуха приводит Люка в чувство. Я поднимаю с земли его слетевшие очки, протягиваю их ему, бормоча извинения. Зажмурившись, он поправляет дужки.

— Виноват, извини, Марлен, я вовсе не это хотел сказать. Но посуди сама — до чего она нас довела.

В кармане Жан-Клода раздается бетховенская "Ода к радости". Звонят из отеля. Он включает мобильник в нервном

ожидании очередной проблемы после тысячи других, которые ему приходится решать ежедневно, с утра до вечера.

— Жан-Клод Шаньо, слушаю. Да, Клеманс. Нет-нет, никакого беспокойства, говорите.

Затем он трижды повторяет: “Что?”, с каждым разом все визгливее, и мы начинаем опасаться самого худшего, еще не понимая, в чем дело. Смертельно побледнев, он медленно складывает телефон, кладет его в карман и говорит упавшим голосом:

— Это Клеманс.

— Какая Клеманс?

— Новая экономка из отеля. Я отправил ее на авеню Жюно, чтобы все привести там в порядок. Вдруг Юнь, когда она уже все узнает, захочет увидеть дом, где жил Марк...

— И что?

— Входная дверь опечатана.

Когда они вернулись с поезда-призрака, мы уже сидели в буфете и попивали грог. Это была единственно возможная реакция на предательский удар в спину, который мы сейчас получили.

В глазах Юнь-Сян блестели слезы. Даже не взглянув на нас, она убежала в туалет. Бани сел к нам за стол, и вид у него был чересчур спокойный, что сразу вызывало подозрения. Мы вопросительно поглядывали друг на друга. Минуты через три мы нанесем ему удар под дых, но сначала допросим с пристрастием.

— Ты ей что-нибудь сказал, Бани?

— Ни слова!

— Почему же она в слезах?

— Она испугалась. На самом деле, это чертовски страшный аттракцион.

— Бани...

Он сразу сдался. Его неспособность врать — как другим, так и себе — всегда была самой большой помехой в его жизни.

— Тут такое дело... — он поднял руку, чтобы пресечь наши вопросы. — Впрочем, нам это даже на руку. С другой стороны, я не знаю, как теперь быть... Но я вам ничего не говорил, ладно? Она взяла с меня клятву.

Мы кивнули в знак того, что уважим его просьбу. Он поднял воротник рубашки, снова опустил его, чтобы разгладить складку, после чего уставился на использованный билет и пробормотал:

— Она мне сказала. В общем... Она не уверена, что ей надо выходить за него замуж.

Люка подмигнул мне с выражением скромного торжества, его скула до сих пор горела от моей пощечины. Я едва удержалась от порыва подрумянить ему и вторую щеку.

— Она проговорилась в этом поезде-призраке. Темнота, визг вокруг, а рядом — мое плечо, уж не знаю, что подействовало... Короче, она не поддалась на наш обман. Она сказала: "Когда вы мне сообщили, что он готовит репортаж в Афганистане, я подумала, что он..."

Бани замолкает, изображая многоточие постукиванием пальцев правой руки.

— "...умер?" — пугается Жан-Клод.

— "...уехал с другой".

Бани наслаждается эффектом от слов, которые он процитировал, изобразив легкий швейцарский акцент Юнь. И говорит в заключение, глядя на наши застывшие физиономии:

— Его отношение к женщинам ей известно. Она думает, что не годится для него, что он нашел кого-то получше, а ей сказать побоялся. И тогда он удрал, переложив на нас это неблагодарное дело — постепенно подготовить ее к мысли, что свадьбе не бывать.

— М-да... — задумчиво тянет Жан-Клод, — это, конечно, не так уж плохо для нас. Возвращаемся к варианту Марлен номер три.

— Подожди, это не все. Она чувствует себя брошенной, это понятно, но есть еще один момент. Мы.

— Мы?

— Она считает, что мы — просто классные.

Жан-Клод ждет продолжения, сосредоточенно качая головой. Бани продолжает, как будто расписывает нам наши собственные достоинства:

— Вдобавок мы тратим на нее свое время, всюду ее возим. И поэтому ей стыдно.

— Почему стыдно?

— Марк был ее первым мужчиной, и для нее это важно, несмотря на его холодность, которую она порой чувствовала, на его желание ею командовать, обращаться с ней, как с рабыней... Но, с другой стороны, она действительно ничего другого не знает... Да и жизнь в роскоши для нее не пустой звук...

— И все это она тебе сказала в поезде-призраке? — озадаченно уточняет Люка. — Сколько же кругов вы сделали?

— А потом она прилетает сюда, знакомится с нами, а мы, оказывается, такие милые, такие внимательные, такие душевные, с таким уважением отнеслись к ней, и, кроме всего прочего, такие открытые и искренние... Она от нас в востор-

ге. — Бани замечает молчание, которое воцаряется после его слов. И уточняет, продолжая рвать свой билет на мелкие кусочки: — От нас четверых. Теперь она сравнивает нас с Марком. И боится встречаться с ним.

Я давлю ложечкой лимон в своем бокале. Что означает эта резкая перемена? Нелегко разобраться, где у Юнь — проявление чувств, а где продуманная стратегия. Скорее всего, одно от другого неотделимо.

— Ах так, — восклицает Люка, — тогда все отлично устраивается! Мы решим ее проблему одним взмахом волшебной палочки: не хочешь выходить замуж, милочка, — нет проблем, утри слезки! Прибереги свое свадебное платье до следующего раза, и счастливого возвращения на родину!

— Зачем такой цинизм? — говорит Жан-Клод, явно воодушевленный перспективой обойти самого отъявленного соблазнителя в мире фотогламура. — Мы несем за нее моральную ответственность, дети мои. Я имею в виду: если Марк плохо с ней обошелся, мы должны это исправить.

— Точно, ты ее трахнешь, и у нее сразу все наладится.

— Прекрати, Люка, ты какой-то сексуально озабоченный!

— С кем поведешься... Меня она вообще не волнует, эта королева ветряных двигателей. Поэтому, если вы хотите купить ее в складчину, не смущайтесь, я уступлю вам свою долю.

Я допиваю грог в полной растерянности. Неужели я ошиблась? Она и правда не знает о смерти Марка и у нее свой план, цель которого мне пока неизвестна? Она откровенна с нами, но паникует и выставляет себя на аукцион, чтобы один из нас четверых женился на ней вместо Марка. Или я все-таки права? Она все знает, но великодушно старается облегчить нашу задачу. Тогда ей можно сказать правду, и она не будет особенно убиваться.

— А что конкретно ты ей ответил насчет неверности Марка? — вмешивается Жан-Клод.

— Я ее успокоил и поклялся, что у него никого нет, кроме нее.

— Ну, ты дурак! Может, ты забыл, что он умер?

— Послушай, Жан-Клод, ей было так тяжело... Я старался помочь.

— Теперь она снова будет мечтать о браке!

— Это глупо, знаю, но она выглядела такой несчастной, что я растерялся...

— Сейчас ты растеряешься еще больше, — вздыхает Люка. — Давай, мы закажем тебе грог.

Исповедник из поезда-призрака с беспокойством смотрит на нас.

— А в чем дело?

Жан-Клод набирает побольше воздуха, ставит локти на стол и начинает:

— Бани... мне звонила Клеманс.

— Кто это?

— Новая экономка из отеля. Я просил ее навести порядок на авеню Жюно.

— И что?

Жан-Клод не спешит, чтобы дать Бани возможность собраться с силами. Люка его опережает:

— Пока мы выгуливали мисс Шанхай, Жером опечатал дом.

Я не могу сдержаться и пинаю его прямо в безжизненную, неподвижную ногу. Банюльс обводит нас взглядом, всех по очереди. Потом закрывает глаза и сжимает кулаки. Вид у него скорее несчастный, чем разгневанный.

— Я не думал, что он до такого дойдет, — бормочет он. — Как же он нас ненавидит!

— И это еще не все... — продолжает Жан-Клод. — Твои вещи выставлены на тротуар.

Бани бледнеет.

— Мои вещи? Ты имеешь в виду... все?

— По словам Клеманс, все...

— И мои книги?

Молчание Жан-Клода красноречивее всякого ответа.

— Но она их убрала куда-нибудь?

— Нет. Она не решилась. И потом, двенадцать ящиков...

Наш друг на секунду прикрывает глаза, а Люка пытается подбодрить его в своей особой манере:

— А ты чего хотел? Занимал жилплощадь и не платил за нее. Тебя использовали на всю катушку, но без оформления. Сколько раз Марк предлагал тебе заключить трудовой договор, а ты отказывался... Так что снова станешь клошаром.

Бани его не слушает. В его глазах я читаю только одно: первые издания Кокто и Монтерлана валяются в снегу на тротуаре.

— А что со мной будет, — говорит Жан-Клод, солидаризуясь с Бани, — я даже не представляю... У меня бессрочный контракт, но, если Жером захочет меня выгнать — предупредит за два месяца, и привет, я уже на улице, а на мне алиментов тысяча четыреста евро...

Я хлопаю ладонью по столу.

— Вот что, сейчас мы разделимся. Ты, Жан-Клод, и Люка возьмете такси и поедете с Юнь к "Картье". И будь поосторожней с Жюдит: после того что ты наговорил ей по телефону, она захочет отыграться на Юнь типа: "К сожалению, мы

не принимаем обратно обручальные кольца". А мы с Бани съездим на Монмартр, заберем вещи и присоединимся к вам за обедом. И с этой минуты — никаких разговоров о чем бы то ни было, будем решать проблемы в порядке поступления.

— Надо позвонить в "Смальто", чтобы они доставили платье не на авеню Жюно, а в отель, — медленно произносит Бани, как получивший нокаут боксер, у которого после матча берут интервью.

— Все в порядке, — говорит Юнь, с улыбкой садясь за стол. — В туннеле мне попала пыль в глаза. Вы уходите?

— Надо утрясти кое-какие мелочи, — отвечает с душераздирающим спокойствием изгнанник Бани. — Встретимся в отеле.

Обходя колесо обозрения, я украдкой бросила взгляд назад. Юнь-Сян смотрела нам вслед со странным выражением задумчивой нерешительности и досады. Выражение лица снайпера, от которого ускользает добыча.

Монмартр был практически парализован из-за снегопада. Бани молчал, стиснув зубы. Раздраженно надавив на педаль газа, он заставил "Королеву-Мать" преодолеть заснеженную улицу Коленкур на второй передаче с уверенностью ледокола.

Как только мы повернули на авеню Жюно, Бани увидел на тротуаре свой матрас, два чемодана и одну коробку. Он остановился прямо на проезжей части и, не выключая двигателя, пошел смотреть, что именно у него украли. Я присоединилась к нему. В коробке была только синяя папка, которую он называл "мой пресс-бук". В ней лежали давнишние статьи из "Миди Либр": "Младенец, чудом спасенный в винограднике", "Просьба к свидетелям — помогите найти родителей!" Я обняла его за талию. Единственное, что он произнес:

— Надеюсь, мои книги попали в хорошие руки, — вот все, что он сказал.

И вернулся назад. Я сложила чемоданы и коробку в багажник. Садясь в машину, я предложила ему пожить у меня. В ответ он отрицательно покачал головой. Он решил поселиться в отеле, чтобы быть рядом с Жан-Клодом, когда того тоже вышвырнут на улицу. У них еще будет время решить, где жить дальше. Может, снимут квартиру на двоих.

Бани неловко, он в три приема развернул лимузин, не оглядываясь назад. Теперь, когда у него отняли домашний очаг, подаренный Марком, в нем опять проснулось ощущение брошенности — главный мотив всей его жизни. Он не возмущался. Словно разрешилось недоразумение, длившееся двадцать лет. Конец спектакля. Занавес.

— Когда теряешь все, обретаешь себя, — прокомментировал он бесстрастным тоном.

Я придвинулась к нему поближе и положила голову ему на плечо. Словно искала у него утешения. Он поцеловал меня в макушку. В конце авеню Жюно он повернул налево.

— Разве мы не едем в отель?

— Я хочу кое-что проверить.

Мы вернулись на площадь Клиши. Бани остановился у парковки перед входом и попросил меня заглянуть в гараж.

Я спустилась в лифте на минус пятый этаж, отведенный для постоянных арендаторов, где в железных боксах выстроились автомобили Марка. На каждой двери висели совершенно новые замки с печатями судебного исполнителя, наложенными на косяки. Даже пустые боксы "ягуара" и "Королевы-Матери" были опечатаны.

В последний раз я взглянула на сверкающие кабриолеты, упрятанные за решетку, без права посещений и выезда. Они так и остались бы развалюхами, если бы не золотые руки Бани. Все эти легендарные автомобили — "астон-мартин DB2", "остин-хили-фрог-ай", "алвис TD", "дженсен-интерсептор", "бентли", победивший в гонке Ле Ман в 1928 году, "лотус-илан" Эммы Пипл из фильма "Котелок и кожаные сапоги"[1] — все эти шедевры, воссозданные трудами инженеров, кузовщиков, мастеров, возили нас на природу в Довиль, Межев, Аркашон, Вильфранш... Всплыли воспоминания об авариях и пикниках, о солнечных ударах и дождях, поливавших нас в открытом автомобиле, о ралли Льда и Снега[2], о гонках на старинных автомобилях в песках Марокко. Теперь эти свидетели нашей дружбы, эти верные спутники нашей жизни будут ржаветь и трескаться в пыльном гараже, пока не превратятся в труху. Жером не водит машину.

Я задержалась перед самым скромным автомобилем — "триумф- спитфайром", с мотором, работающим на овощах... увы, он так и останется всего лишь опытным образцом. Рассеянно блуждая взглядом по хромированным и кожаным поверхностям, я представляла себе, что за рулем сидит Юнь, ее волосы развеваются на ветру — значит, и этой мечте не суждено сбыться. Предсмертные желания Марка развеивались как дым, одно за другим.

1. Эмма Пипл — один из главных персонажей английского телесериала "Мстители", агент английской разведки. Во Франции этот сериал шел под названием "Котелок и кожаные сапоги".
2. Европейское зимнее ралли для автомобилей, сконструированных до 1950 г.

Когда я поднялась наверх, Бани пререкался с полицейским. Я думала, что готова к любой гадости со стороны Жерома, но мне не пришло в голову, что он способен подать жалобу на кражу "роллс-ройса". Я подошла, приготовившись защищаться.

Как выяснилось, речь шла всего лишь о ремнях безопасности. Но Бани разом излил на полицейского всю свою накопившуюся боль, яростно упрекая его в незнании законов: нигде не сказано, что автомобили старше шестидесятых годов нужно оборудовать ремнями безопасности.

— Ваши права и документы на машину.

— А с какой стати? Я остановился в разрешенном месте, я ничего не нарушил, вот разве что физиономия у меня неподходящая. Ведь так? Я принадлежу к средиземноморскому типу, как вы теперь выражаетесь, и сижу за рулем "роллса", следовательно, выгляжу подозрительно. Так берегитесь: я, может быть, всемогущий эмир или даже бен Ладен, весь обложенный тротилом; в обоих случаях могу вас подорвать!

Рука молодого полицейского легла на пояс. Я поздоровалась с ним и попросила не обижаться на моего друга, который только что испытал сильный эмоциональный шок.

— Ваши права и документы на машину.

Видя, что Бани уперся и стоит как вкопанный, я сама вынула из кармана его куртки бумажник и вручила полицейскому. Потом открыла бардачок и достала техпаспорт, страховой полис, талон техосмотра, доверенность на машину, выданную Марком, свидетельство о пожертвованиях в пользу сирот погибших полицейских и разрешение на парковку во дворе Елисейского дворца.

Там же я обнаружила документ, который мог круто изменить весь ход событий.

— Так ваша фамилия Банюльс? — уточнил полицейский, и в тоне его прозвучал нехороший намек.

— И что? Из-за этого я теперь должен дышать в трубку?

Атмосфера постепенно накалялась, а я тем временем открыла конверт с эмблемой французского консульства в Шанхае. В нем был брачный контракт, оформленный по всем правилам месяц назад сотрудником посольства, облеченным соответствующими полномочиями. Согласно первому параграфу, заявители вступали в брак на основе совместного владения имуществом.

Я поспешила показать Бани этот пункт договора.

— А что это меняет, если брак не состоялся?

— Попрошу вас выйти из машины.

— Один момент! Разве вы не видите, что мадам со мной разговаривает?

Я размышляла вслух. Возможно, из ситуации есть выход, который устроит и нас, и Юнь-Сян. Только прежде, чем рассказывать о нем, я должна выяснить, все ли тут законно, чтобы избежать пустых надежд и горьких разочарований.

Потеряв целый час в полицейском участке, куда нас доставили, после того как Бани в грубой форме отказался пройти тест на алкоголь (за что его принудили сдать кровь на анализ и вдобавок выписали штраф за отсутствие аварийного жилета в машине), мы приехали в отель, где нас ждал потрясающий спектакль. Расположившись в салоне "Модильяни" перед газовым камином, Жан-Клод беседовал со своей дочерью, улыбаясь и держа ее за руки. Люка оторвался от своего ингалятора и состроил нам гримасу обреченности в качестве комментария к этой сюрреалистической сцене.

— Она отдыхает в своем номере, — фыркая, сообщил он.

— А я ждал вас, чтобы распорядиться насчет суфле, — сказал Жан-Клод, вскакивая с дивана и почему-то подмигивая мне.

— Ты сходишь за ней, Марлен?

На столе, накрытом у балкона, появился шестой прибор, а на Деборе уже не было сапог для верховой езды: она щеголяла в новых туфлях от Прада.

— Что за женщина — с ума сойти! — прошептал Жан-Клод мне на ухо, увлекая за собой к двери. — Скажу честно: я по уши влюблен.

Это я видела. И не верила своим глазам. За час шопинга с Юнь Жан-Клод, как по волшебству, вновь превратился в отца и мужчину. Он искоса взглянул на Бани, который поставил свои чемоданы перед камином и сел на них. В его взгляде читалась жалость и скрытое торжество. Меня так и подмывало рассказать ему о брачном контракте, обнаруженном в бардачке, но он повторил, что надо срочно заказывать суфле, и я решила дождаться более подходящего момента.

— Моя комната свободна? — спросил Бани.

— Пока я здесь командую, — ответил Жан-Клод, сжимая ему плечо, — считай, ты у себя дома. Возьми лучше номер "Пикассо", он удобней.

— Нет уж, спасибо. С меня и так достаточно всяких перемен.

Мы снова вышли в холл, обшитый деревянными панелями эпохи Людовика XIII, которые я приберегла после реконструкции одного бретонского замка, и поднялись по лестнице орехового дерева, которая прежде украшала дом священника. Отель "Демарн" был первой стройкой, которую

доверил нам Марк: мэрия XVIII округа продала ему это заброшенное здание, приют монмартрских художников, и мы превратили его в очаровательный отель-музей, посвященный памяти живших здесь мастеров.

Бани, ни слова не говоря, вошел в спальню Мориса Утрилло[1], служившую ему сексодромом, когда Марк передавал ему очередную любовницу. Поставил чемоданы и закрыл за собой дверь. Я негромко постучала в дверь напротив — это были свадебные апартаменты, переделанные из бывшей мастерской Сюзанны Валадон[2]. Мне никто не ответил. Только шумела вода в душе. Я повернула фарфоровую ручку и медленно отворила дверь. На кровати с балдахином лежало подвенечное платье, а вокруг него была разложена остальная одежда от Смальто. Шесть коробок с обувью "Прада" выстроились под большим запотевшим зеркалом.

Я окликнула Юнь и, не получив ответа, заглянула в ванную комнату. Она сидела в мраморной ванне, съежившись и обхватив себя руками. Повернула ко мне мокрое то ли от слез, то ли от воды лицо.

— Я делаю вид, что я в порядке, Марлен, но мне плохо. Мне очень плохо. Ты нужна мне.

Я подошла, едва переводя дыхание. Выключила воду и протянула ей полотенце. Наконец-то она откроется мне.

— Я должна работать, Марлен. Я никогда еще не оставалась так долго без дела.

Я отреагировала спокойно. Сказала, что после обеда отвезу ее в галерею: там у нее будет все необходимое для работы. Она медленно поднялась, вскинула голову и пристально посмотрела на меня. От ее безупречно сложенного гладкого тела веяло холодной чувственностью мраморной статуи. Это было тело не женщины, а рано развившейся девочки: слишком круглые, слишком упругие груди, как будто не подвластные силе тяжести, тонкие, стройные ноги, выпуклые ягодицы... Все в ней казалось неестественно новым. Не хватало соразмерности, гармонии, каких-то маленьких недостатков, возникающих с течением времени.

На вызов надо было как-то отвечать. Мои жесты все сказали за меня: я начала деловито, без эмоций вытирать ее полотенцем. Никому не позволяю играть моими чувствами, будить во мне желание. Пусть она даже не пытается манипулировать

1. Морис Утрилло (1883–1955) — французский живописец-постимпрессионист.
2. Сюзанна Валадон (1865-1938) — французская художница, натурщица, мать Утрилло.

мною, изображая пылкое влечение. Слишком многое перегорело в моем сердце, слишком много я страдала, растратив столько времени и сил в безысходных страстях, обманутых надеждах, бесплодных восторгах.

— Что ты теперь будешь делать с галереей, без Марка?

Мои руки застыли у нее на пояснице. Однако я не сразу поверила, что мои подозрения оказались верны. "Без Марка" могло означать, что после женитьбы мои проблемы перестанут его интересовать. Но Юнь быстро развеяла эту двусмысленность.

— Марлен, кто из вас решил ничего мне не рассказывать?

Я не знала, что ответить. Все четверо, в той или иной мере.

— Вы собирались мне сказать до или после кремации?

Я спросила ее, откуда она все узнала. Она оттолкнула мою руку с полотенцем и накинула халат, висевший на двери ванной.

— Заправка на шоссе. Вы не подпустили меня к газетному киоску, но не подумали про радио в туалете.

Я закрыла глаза. У меня вдруг закружилась голова. Нервное напряжение, пришедший ему на смену упадок сил, конец всем вопросам и подозрениям... В комнате зазвонил телефон. Она завязала пояс на халате, потом подошла к телефону и сняла трубку. Звонил Жан-Клод со своим суфле.

— Уже идем! — ответила она бодрым тоном.

И вернулась в ванную, чтобы нанести макияж. Ее лицо не выражало ничего, кроме внимания к своему отражению.

— Почему ты не прекратила эту комедию, Юнь?

— Из уважения к вам. Вы приложили столько усилий, чтобы не огорчать меня, вот я и показываю, что вам это удалось.

— А на самом деле... тебе не тяжело?

Она обернулась и посмотрела мне прямо в лицо. И снова я ощутила этот жесткий оценивающий взгляд.

— Я читаю по твоим глазам, Марлен. Ты думаешь, что я не любила Марка. Ты думаешь, все, что мне нужно, — это женить на себе богача и жить в роскоши во Франции. Что ж, именно так я себя и повела — чтобы соответствовать вашим ожиданиям. Но если ты впредь будешь откровенна со мной, я отвечу тем же.

Она взяла карандаш для век и обвела глаза, подчеркнув их миндалевидную форму. От этого жесткость во взгляде сразу исчезла.

— Раз так, скажи мне правду про вас с Марком.

С обезоруживающей прямотой она ответила, снимая колпачок с тюбика помады:

— Сначала я его не любила, но мне нравилось, что он меня любит и обещает другую жизнь; так что, считай, я люблю его, и его смерть ничего не меняет.

Она очертила контур своих губ. Не зная, как справиться с волнением, я перешла на ироничный тон:

— Для тебя любовь, как живопись, ведь так? Акт сопереживания. Ты впитываешь ее, а потом воспроизводишь.

— А как это происходит у тебя?

Я отвела взгляд от ее отражения в зеркале. Если она ко всему прочему столь же проницательна, сколь последовательна, то смятение, которое она во мне вызвала, вряд ли утихнет. Она осторожно провела щеткой по волосам, стараясь их пригладить, и сделала пучок. Теперь она выглядела старше лет на десять. А я, наоборот, ощущала себя все моложе, по мере того как в ней проявлялась зрелость, которую я в ней давно угадала. Мне было необыкновенно легко. Впервые в жизни я любила, не строя планов, не думая о том, что смогу дать любимому человеку. Юнь меня просто сразила своим характером и тем, как она вела себя в столь сложных обстоятельствах.

— Как вы поступите со мной, Марлен? Что со мной будет?

Халат упал к ее ногам. Она переступила через него, прошлась по ковру, как манекенщица по подиуму. Кто научил ее так ходить? Я смотрела, как она надевает трусики-стринги и бюстье цвета слоновой кости с перламутровым отливом, которые долго выбирала в “Нюи д’Элиз”. Чем больше она скрывала свое тело под мягкой женской броней, тем легче ей было обнажать чувства, показывать уязвимость. Мой защитный инстинкт функционирует с точностью до наоборот. Или в этом тоже есть расчет?

— Если ты вернешься в Китай, у тебя возникнут сложности?

Она подошла к кровати и выбрала платье из белого кашемира.

— Мой отец — политзаключенный, он считается диссидентом. На родине я могу делать только одно — работать в подпольной мастерской. Раньше меня это устраивало. Я была вполне счастлива, пока благодаря Марку не узнала, что существует и другая жизнь. Со мной все будет в порядке. У меня всегда все в порядке.

Юнь повернулась ко мне спиной, чтобы я застегнула ей молнию. Она вполне справилась бы сама, но прикидывалась беспомощной, чтобы подчеркнуть этой хитрой уловкой свою последнюю фразу. По крайней мере, возникало такое впечатление. Мне не хотелось попасть в расставленную ею

ловушку, я пыталась понять ее чувства и мысли. Удавалось ли мне, или она специально создавала у меня такую иллюзию? Чем больше я верила в нее, тем меньше доверяла себе. Я не хотела оказаться обманутой. Я понимала: она играет на моих чувствах, чтобы потом выдать мне их безупречную копию.

— А ты, Марлен?

— Я?

— Что будет с тобой? Хочешь, я напишу тебе картину Вонга Кай-Фу? "Рыжую девочку с косичками"?

Я озадаченно смотрела на нее. Она говорила об общепризнанном мэтре китайского авангарда, который на последнем аукционе "Кристис" котировался выше, чем Цзао Ву Ки[1]. А упомянутая ею картина была украдена в прошлом году в Женеве.

— Я ее уже три раза писала, для черного рынка, — сказала она, забирая у меня полотенце, которое я так и держала в руке.

Вытерев им запотевшее зеркало, она продолжала:

— Ты покажешь картину страховым компаниям, как будто тебе предложили выставить ее на продажу. Они подтвердят ее подлинность, можешь мне поверить. И тогда ты получишь премию за эту находку и сможешь выкупить долю Марка прежде, чем его брат вынудит тебя продать галерею.

Я проглотила слюну. Что это — опять игра, или же в этот момент проявлялась ее истинная природа, скрытая суть? Изготовительница "Джоконд" исчезла. Передо мной стояла не ремесленница, малюющая поточным методом картинки по два евро за штуку, а талантливая копиистка, работающая на мафию. Пытаясь справиться с головокружением, я притворилась, будто запомнила только конец ее речи.

— Марк рассказывал тебе о своем брате?

Она внимательно изучала свою фигуру в зеркале. Белоснежное платье сидело на ней как влитое.

— Да, все рассказал, — ответила она, надевая туфли-лодочки такого же белоснежного цвета. — О вашей учебе в лицее и театральном клубе, о том, как Жером пытался пролезть в вашу компанию и как он безуспешно пробовал тебя соблазнить... О его ревности, интригах и мстительности. Марк сказал, что он — опытный адвокат. Он нас оставит ни с чем.

Мне стоило большого труда не отреагировать на это "нас". Юнь продолжала, теперь с едва заметной угрозой в голосе:

— Но я буду бороться вместе с вами и за вас.

1. Цзао Ву Ки (р. 1921) — французский художник китайского происхождения, каллиграф, автор абстрактных пейзажей.

— Каким образом?

Она улыбнулась и нежно погладила меня по щеке.

— С помощью оружия китаянки, которую любят. Ты не представляешь, какую силу пробудили во мне чувства Марка.

— Кажется, начинаю понимать...

— Ничего ты не понимаешь. Нельзя украсть у меня мечту, Марлен. И я не дам вас в обиду. Французы никогда не поймут Китай, пока не усвоят простой вещи: у нас прагматическая сторона жизни всегда подчинена сакральному смыслу. Мы знаем, ради чего работаем. Я тружусь над созданием своего счастья. Всеми средствами, какими располагаю, без разбора и щепетильности.

Ее хладнокровие внезапно вывело меня из себя. С яростью жертвы я бросила ей в лицо:

— Юнь, мы говорим о смерти моего самого старинного друга. Ты хоть немного грустишь о нем?

— У меня нет такой возможности.

Я выдержала ее взгляд, в котором увидела крушение мечты. Теперь я начинала понимать разницу между нашими восприятиями, о которой она говорила. Для нее самым важным было остаться в строю. Муравей, кузнец своего счастья в стране разочарованных стрекоз, она не могла бросить нас на произвол судьбы.

— Смерть Марка — это не конец, Марлен, это только начало. Если ты предоставишь дело мне.

Ее взгляд упал на листки бумаги с логотипом отеля. Она вдруг схватила карандаш, лежавший возле телефона, и начала рисовать. С невероятной быстротой и точностью. Я видела, как под ее рукой появляется набросок “Рыжей девочки с косичками”. Она бросила рисовать так же внезапно, как начала, и разом повеселела. Эти штрихи на бумаге подействовали на нее как “дорожка” кокаина.

Скомкав листок, она швырнула его в корзину.

— Идем?

Юнь взяла сумочку и обвела взглядом спальню, проверяя, не забыла ли чего.

— Если не возражаешь, я по-прежнему буду невестой, которая ждет возвращения своего любимого из афганской командировки.

— Ты уверена? Мальчики уже не в состоянии тебя обманывать.

— Наоборот. Я сильно упрощаю им жизнь, давая возможность продолжать игру. И для тебя это хорошо — ведь я честна с тобой. Разве нет? Я все-таки хотела бы продолжать, если ты не против.

— Это твоя жизнь, Юнь. Тебе решать.

— Спасибо. В любом случае никаких признаний за обедом. Не прощу себе, если испорчу вам аппетит.

— Значит, кожа твоего живота хочет есть?

— Ты даже не представляешь, как сильно! И я намерена порадовать вас всех.

Она повернулась передо мной на своих высоких каблуках — грациозная и строгая.

— Как я выгляжу?

Я улыбнулась: Юнь походила на Снежную королеву. Суфле с белыми трюфелями будет прекрасно сочетаться с ее нарядом, сказала я. Юнь выдержала мой взгляд, не мигая; разочарование, написанное на ее лице, мало-помалу сошло на нет. Взяв ключ от номера, она сказала нарочито спокойным тоном, каким говорят самые банальные вещи:

— Белый цвет в моей стране — это цвет траура.

Обед не задался с самого начала. Великолепная посуда, изысканность блюд и восхитительные вина только усиливали тоску по Марку. Оставалось меньше трех часов до того, как мы увидим его гроб и его брата. Поминки, предшествующие похоронам, сами по себе противоестественны. В общем, от нашего банкета в честь невесты, которая притворялась обманутой, напряжение росло с каждой минутой.

Мы пытались отвлечься от мыслей о предстоящем действе. Бани пересказывал эпизод о женитьбе Косталя из "Девушек" Монтерлана[1]. Люка рассуждал о наследниках председателя Ху Цзиньтао[2]. Жан-Клод расписывал достоинства основного блюда — морского петуха с овощным рагу, объясняя Юнь, почему эта рыба считается самой вкусной на Лазурном берегу, особенно если подавать ее с пирожками, начиненными цветками тыквы. Ему хотелось приобщить ее к средиземноморской кухне, которую Марк предпочитал всем остальным, несмотря на гастрономические открытия, сделанные им во всех странах мира. Дебора перебивала отца, обсуждая со своей новой подружкой каких-то певцов и модные бренды, названия которых нам ни о чем не говорили. А Юнь знала и это, и еще многое другое, как будто она неделями штудировала журналы для парижских подростков.

Жан-Клод следил за их увлеченной беседой с гордостью отца семейства. Он вмешивался в разговор, всем интересо-

1. "Девушки" (1936—1939) — антифеминистский четырехчастный роман Анри де Монтерлана.
2. Ху Цзиньтао (р. 1942 г.) — председатель КНР с 2003 г.

вался, хотел все знать о жизни дочери, как будто наверстывал упущенное за время, потраченное на оплакивание своего неудачного брака. Его энтузиазм образцового папаши был еще утомительнее, чем нытье, которым он нас изводил два последних года.

— У кого-нибудь есть вести от Марка?

Все разом обернулись к Юнь, которая задала этот вопрос, препарируя свой пирожок с цветками тыквы так старательно, словно она выбирала кости из рыбы.

— Там, где он сейчас, связь не работает, — пробормотал Люка.

— Он предусмотрел программу на завтра? Что вы обычно делаете в рождественский вечер?

Звяканье посуды перемежалось с гудением газового пламени в камине.

— А ведь Юнь еще не видела, где мы проводим праздники! — воскликнул Жан-Клод, чтобы разрядить атмосферу.

Он сходил наверх, в свои апартаменты, за нашим "семейным" альбомом и развернул его перед Юнь, как меню. Вильфранш в тот вечер, когда мы отмечали сорокалетие Марка, дом на авеню Жюно — в день его приобретения, вилла в Шеврёзе — после и до строительных работ, отель "Демарн" на всех этапах: с конечного — торжественной инаугурации, до начального — демонтажа старых чердачных перекрытий... Юнь листала страницы в обратном порядке, возвращая нашу прошлую жизнь, наши отпуска, нашу любовь, наши стройки, и так дошла до лицея Массена, где Марк впервые распределял между нами на сцене театрального клуба роли в пьесе Камю "Праведники".

Она засмеялась, глядя на наши строптивые физиономии в подготовительных классах, потом, открыв первую страницу, узнала Жажа, выходившую из моря — в те давние времена мать Марка была похожа на американскую старлетку. Юнь попросила рассказать ее историю — единственный период нашей жизни, о котором Марк предпочел умолчать.

Жан-Клод во всех подробностях рассказал ей о жизни Жанин Эсслер в Алжире, о том, как она чудом избежала гибели, о ее возвращении на родину, о безумной тайной любви с будущим отцом ее близнецов, об их желтой вилле над морем в Вильфранше...

— Неужели для Марка так важно, чтобы мы поженились именно там?

— Ну разумеется! — гордо заявил Жан-Клод. — Это магическое место, точка отсчета всех наших начинаний... Что бы с нами ни случалось, мы обязательно собирались там. Итак, переходим к "Шато де Белле 2002", лучшему вину, когда-либо

произведенному на виноградных холмах Ниццы в ограниченном количестве! Марк любил его больше всего.

Это "любил" прозвучало как прощание с праздником. Чтобы отвлечь внимание Юнь, Люка перевел разговор на тему Олимпийских игр в Пекине, потом неуклюже связал это с цензурой в интернете и правами человека. Юнь оставалась любезной, но отстраненной и отвечала уклончиво. Покончив с вином, он опять стал нападать на нее по поводу Тибета. Она невозмутимо выслушала его речи о китайском вторжении в 1950 году, о геноциде, о разрушении монастырей. Затем, проглотив последний кусок рыбы, спокойно напомнила ему о происхождении свастики — священного в Индии символа, вестника удачи, который один тибетский монах показал Гитлеру, полностью извратив его смысл.

Люка с такой силой хлопнул об стол бокалом, что разбил его.

— Уж не считаешь ли ты нацистами тибетцев, которых твоя страна истязает, высылает, истребляет...

— Я избегаю обобщений, и тебе следовало бы делать так же.

Люка отъехал от стола. Жан-Клод встал, чтобы придвинуть его обратно, но как раз в этот момент его дочь подавилась рыбной костью. Надо было тащить Дебору в туалет.

С Юнь остались я и Бани. Тишина периодически прерывалась звуками рвоты, и было слышно, как отец подбадривает свою дочь одобрительными возгласами.

— Что именно ты сказала Деборе? — с любопытством спросил Бани, пытаясь сгладить выходку Люка.

— Что, если она не хочет навсегда поссорить своих родителей, — ответила Юнь, — ей нужно поменять стратегию.

Я спросила:

— И какой должна быть новая стратегия?

— Убедить своего отца, что это мать заставила ее солгать о тебе и Жан-Клоде. Скажи мне, у тебя не назначена встреча в галерее?

Юнь застигла меня врасплох. Я покачала головой и стала вытирать губы салфеткой, чтобы выиграть время.

Она настаивала:

— Так поедем к тебе?

Я вопросительно взглянула на Бани. Ситуация выходила из-под контроля, отступничество Люка выбило у нас почву из-под ног. По мере того как приближалось время кремации, наша решимость убывала на глазах. Мне стало казаться, что ехать в крематорий будет ошибкой. Бессмысленное возвращение в прошлое, бесполезная дань уважения, бесплодное противостояние Жерому. Мы должны уступить ему прах его

брата. Не в крематории ждал нас Марк. Наше будущее начиналось в другом месте.

— Я вас отвезу, — предложил Бани в ответ на мой вопросительный взгляд.

— Мы срочно едем в клинику! — объявил Жан-Клод, который вернулся в гостиную, поддерживая за плечи свою мертвенно-бледную дочь.

— Все нормально, пап, я ее проглотила...

— Мало ли, кость может застрять где угодно. Клеманс, вызовите такси и позвоните профессору Лашо в клинику Сен-Поль. Ей нужно сделать томографию.

Жан-Клод тоже нашел идеальный предлог, чтобы сбежать с похорон. Уже на пороге он обернулся к Юнь:

— На десерт я заказал для вас, на выбор, ментонский лимонный торт, щербет с душистыми травами и крем-брюле с лавандой. Желаю приятного завершения обеда, простите, буду держать вас в курсе, до скорого.

Мы переглянулись. Юнь положила на тарелку вилку с ножом и встала из-за стола:

— Я только захвачу пальто.

Жан-Клод просиял: он было подумал, что Юнь хочет ехать с ними. А когда понял, что она собралась со мной в галерею, в его глазах промелькнуло разочарование. Понурившись, он повел дочь из зала.

Стоя на тротуаре в ожидании Бани, который пошел за машиной, Юнь наблюдала за Люка. Он застрял в сугробе в начале улицы Корто и безуспешно пытался привести в движение колеса своего кресла. Примирительным тоном она предложила мне:

— Может, отвезем его домой?

— От этого он еще больше распсихуется, к тому же его дом — в ста метрах отсюда. И на колесах у него зимние шины.

Юнь подняла воротник моего кожаного пиджака, поправила мой шарф и прошептала, глядя мне в глаза:

— Почему вы его кремируете так скоро?

— Так решил Жером. Он явно хочет как можно скорее вернуться домой, в Лион, чтобы спокойно отпраздновать Рождество с женой и четырьмя детьми.

— А как же его мать?

— Вот уже лет десять он норовит сдать ее в богадельню с врачебным уходом. Марк всегда был против этого. Мы ухаживали за ней по очереди, но теперь... Мы не имеем права голоса.

— Как ты думаешь, мне надо присутствовать на церемонии?

Я не знала, что ей ответить. Только смотрела, как она застегивает свое бархатное пальто "под зебру". Если бы это зависело от меня, мы вдвоем сбежали бы с кремации. Пусть светские тусовщики — посетители закрытых просмотров со скорбными лицами ожидают конца ритуала, а мы бы с Юнь посидели в галерее, в моей стихии, среди моих любимых картин, в которые Марк вложил столько средств. Через полтора часа я хочу почтить его память здесь, на набережной Вольтера, перед всеми шедеврами, которые он дал мне возможность собрать, выставить, выкупить для галереи.

— Ты считаешь, я должна там присутствовать? — настаивала она.

— Не думаю, что это так уж необходимо.

— Тогда надо подтвердить заказ.

— Заказ?

— Вы же заказали мне обратный билет. Я звонила в "Чайна Эрлайнс".

Ледяной ветер катил нам навстречу по водосточному желобу банку из-под пива. Следом, занимая всю ширину улицы, медленно ехала "Королева-Мать", покряхтывая на неровностях дороги.

— Я не знаю, что делать, Юнь...

— Я тоже не знаю. Но у вас есть выбор. Либо вы сажаете меня завтра утром в самолет, либо кидаете жребий.

Меня охватила дрожь. Эти же самые слова произнес Марк позавчера вечером, предлагая нам быть свидетелями.

— Ваша цель, если я правильно поняла, сделать меня возлюбленной одного из вас, чтобы смягчить мое горе. Бани и Жан-Клод уже ждут, кого из них двоих я выберу, у тебя тоже появился свой интерес, а Люка вступит в соревнование еще до утра: я буду рядом всю ночь и позабочусь об этом.

Я молчала. Сколько цинизма в таком нежном голоске! Атака Юнь оказалась тем более успешной, что она воспользовалась нашей же тактикой.

Бани остановил автомобиль, потом подал назад, чтобы можно было открыть дверцы, не задев бетонные ограничители на тротуаре.

— Но существует третье решение, которое позволит мне сохранить верность Марку. Ты берешь меня к себе в галерею, делаешь из меня настоящего художника под моим собственным именем, показываешь, что сейчас лучше всего продается на французском рынке, я беру это за образец, и мы "раскручиваемся".

Ногтем указательного пальца она нарисовала лицо на моей руке.

— А может, ты предпочтешь тайно использовать мой талант к подделкам и посчитаешь его более доходным? Мне все равно, тебе решать. Если я приму твое предложение, то буду во всем тебе послушна и совершенно счастлива. А со своей совестью ты разберешься сама.

К нашему "роллсу" подъехал фургон и посигналил: мы загородили ему дорогу. Юнь села назад и захлопнула дверцу, ясно давая мне понять, что я должна сесть рядом с Бани. От роли комитета по приему иммигрантов мы незаметно перешли к роли исполнителей всех ее прихотей.

— Если мы все будем заодно, — продолжала она, когда автомобиль тронулся, — думаю, мы сможем исполнить желание Марка. Это в ваших интересах.

Она вынула из своей сумки конверт и протянула его мне. Я поймала тревожный взгляд Бани, который сейчас поворачивал на улицу де Соль. В конверте была копия брачного контракта, который я нашла в бардачке.

— Есть только один-единственный способ исполнить то, что говорится в первом параграфе, — продолжала она, подсовывая мне под нос вторую страницу.

Я играла в открытую и сказала Юнь, что нам это известно, но по закону только Президент Республики может дать соответствующее разрешение.

— Я знаю. Марк много раз фотографировал его жену, ведь так? Надо обратиться именно к ней. Я думаю, она придет на кремацию или хотя бы пришлет своего представителя, какое-нибудь важное лицо.

Бани остановил машину на углу улицы Сен-Венсан. Он обернулся к Юнь, потрясенный ее последней фразой. Она не только обвела нас вокруг пальца, притворившись, будто верит в наши россказни, но и прибегла к нашей же стратегии спасения. Он не спросил ее, откуда она узнала о смерти Марка, просто попросил прощения за ложь, которую мы плели с самого утра.

— Не нужно извинений, Бани, — ответила она с благосклонностью королевы, которая отказывается принять отставку своего верного министра. — Жан Кокто сказал: "Я — та ложь, что говорит правду". Вы сделали мне самый лучший свадебный подарок, приложив столько усилий, чтобы скрыть от меня страшную новость. И я знаю, что вы на этом не остановитесь.

Она откинулась назад, сняла туфли, вытянула ноги и пристроила голову под маленькое зеркальце в рамке из красного дерева.

— У меня голова кружится от вашего белого вина. Разбудите меня, когда мы приедем на набережную Вольтера!

Бани высадил нас перед галереей, а сам поехал дальше по набережной Сены. Юнь, сонно потягиваясь, разглядывала витрину, где я выставила работы Сой[1] — современной художницы, на которую сейчас рассчитываю больше всего. Мне удалось выставить ее работы на Венецианском биеннале; за последние полгода ее популярность постоянно растет, и скоро она уже не будет во мне нуждаться.

Открыв дверь, я сказала Фернандо, что он может идти обедать. Вздохнув с облегчением, он схватил свой рюкзак и уже на пороге сообщил, что получил второе предложение продать Клер Дамм за шестьдесят тысяч, что "Лестница" Жана-Франсуа Фариона[2] пока останется в Бобуре[3] и что Джексон Поллок[4] ушел у нас прямо из-под носа. Исчерпав весь запас плохих новостей, он вихляющей походкой двинулся по набережной к любимому вегетарианскому ресторану.

Я наблюдала за Юнь. Она стояла перед моей любимой картиной Сой. Мужчина, погруженный в медитацию; светлое, одухотворенное лицо и крест вместо чресел. Она как будто впитывала в себя картину. Взгляд сканировал, ноздри определяли состав лака, пальцы запоминали текстуру и характер мазка. Я взяла Юнь под руку и подвела к картине, на которую не могла смотреть без боли: последняя работа Клер Дамм — растерзанный труп сирены, распростертый на пляже. Я никак не могла решиться ее продать.

Лицо Юнь потемнело, дыхание участилось, как будто она почувствовала страдание моей подруги, глядя на ее последнюю работу.

— Что ты об этом думаешь?

— Я никогда не выношу суждений, Марлен. Я усваиваю и воссоздаю, вот и все. "Сирена, 2007". Хочешь, я сделаю тебе копию?

— Нет.

Я закрыла галерею на ключ, спустилась по винтовой лестнице, которая вела в комнату-сейф и достала оттуда холст — "Женщину-богомола", 2004 год. Юнь молча оглядела мой портрет в образе женщины-насекомого на холсте, располосованном ударами ножа. Отреставрировать полотно было

1. Сой (наст. имя Gaetan Gris, р. 1975) — современная художница, работает в Швейцарии.
2. Жан-Франсуа Фарион (р. 1955) — современный французский художник и реставратор.
3. Бобур — просторечное название Национального центра искусства и культуры Жоржа Помпиду.
4. Джексон Поллок (1912–1956) — американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма второй половины XX в.

невозможно, стежки швов исказили бы мой взгляд, мою доверчивую улыбку, мою тоску — и любовь Клер, которая пыталась выразить мою духовную сущность.

— Сколько времени тебе понадобится?

— Я никогда не знаю заранее. Зависит от того, сколько было сделано эскизов. Пока я не найду главную, характерную, особенность, не пойму, с чего начинать, я останусь всего лишь сторонним наблюдателем.

— Пойдем.

Взяв картину, я отвела Юнь на второй этаж, где анфилада из трех комнат, выходивших окнами на Сену, полгода служила Клер мастерской. Здесь все осталось, как было при ней. Сюда никто не заходил, спальни были этажом выше.

Я показала Юнь стеллаж, на котором лежали чистые холсты.

— Выбери себе подходящий размер. Мне нужен верно переданный характер, а не точная копия. Это лично для меня.

Она достала загрунтованный холст 70 100 в раме и поставила его на мольберт. Осмотрела беличьи кисти в стаканах, новые щетинные кисти, сваленные кучей в лотке. Потом опять погрузилась в созерцание "Женщины-богомола". Я вспомнила прошлый год: приступы ярости Клер, безумие в ее остановившихся глазах, когда кончался кокаин. Вспомнила, как она исступленно кромсала холст, будто надеялась таким способом меня убить. Смотри, что я делаю с тобой, с твоей любовью, с твоей опекой, с моим талантом, который ты эксплуатируешь, оставь меня в покое, дай мне сдохнуть... То был период, когда она глотала отраву — скипидар или сиену, и после вообще не могла работать.

Я вдруг забыла о Марке, о своем будущем, забыла обо всем, что существует вне этого холста. Юнь нашла в ящике стола пастельные мелки, которыми Клер рисовала эскизы. Я увидела, как под ее пальцами постепенно обрастаю плотью, словно это Клер возрождала меня. Словно видение этой чужестранки, ее сопереживание и мастерство возвращали мне любовь, на которую я уже не имела права.

Я медленно отошла, чтобы позволить Юнь вдохнуть в меня жизнь. Она переводила взгляд с одного изображения на другое, касаясь пальцами то изрезанного оригинала, то его точной копии, которая рождалась у меня на глазах. Она копировала мазки один за другим, и я существовала лишь в этом акте копирования.

— Ты не могла бы оставить меня одну, Марлен?

Я на цыпочках поднялась в спальню. Скинула пиджак и сапоги, развязала шарф. Сняла джинсы, свитер, нижнее белье.

Взглянула в зеркало на себя, на свою наготу, которая больше никому не нужна, на фигуру, которая сохранилась неизвестно для чего и для кого, несмотря на мои сорок лет, несмотря на отчаяние и мнимые радости, с помощью которых я обманывала себя. Я давно не ощущала себя женщиной, я убедила себя, что так спокойнее, но теперь от этой спасительной убежденности не оставалось и малой доли.

Я легла на кровать рядом с Клер, с ее с телом, истаявшим до тридцати пяти килограммов, погруженным в искусственный сон. Транквилизаторы были единственным средством борьбы с наркотиками — средством еще более коварным, чем сама болезнь.

Моя любовь, моя надежда, моя гордость. Теперь — овощ.

Я закрыла глаза и стала ласкать себя, представляя, что занимаюсь любовью с Клер. Однако все ощущения вытеснял образ трудолюбивой китаяночки на втором этаже, этой маленькой мастерицы подделок, которая, может быть, в этот миг возвращала мне меня — и на холсте, и в жизни... Я больше не питала никаких иллюзий. "Только когда все теряешь, обретаешь себя". Как же! Именно в этот момент, когда кажется, что вновь нашел смысл существования, больше всего рискуешь потерять себя. Но я пойду до конца.

III

Жан-Клод Шаньо

Никогда в жизни я не был так счастлив. И это еще слабо сказано. Сидя в приемном отделении под слепящими неоновыми лампами, вместе с двумя раковыми больными и тремя жертвами ДТП, я с трудом сдерживаю улыбку, стараясь соблюдать приличия.

В начале нашей совместной жизни Жюдит считала, что я похож на Пола Ньюмана, только ростом поменьше. Теперь она говорит, что я напоминаю ей Джорджа Буша. Вот уже двадцать шесть месяцев я выключаю свет, чтобы не видеть себя, когда мысленно занимаюсь с ней любовью, а сегодня вдруг все это разом улетучилось из головы, освободив меня от идиотских комплексов. Разглядывая себя в больничном зеркале, я убедился, что хорош собой. Меланхоличен и умен. Взгляд Юнь вернул меня на пятнадцать лет назад — в те времена, когда сексуальность Жюдит еще не вытеснила в моей шкале ценностей философию Шопенгауэра. Я вновь обрел пламенную чистоту моей молодости. И даже без примеси пессимизма.

Марк был прав: эта девушка — настоящая волшебница. ВОЛШЕБНИЦА. Как подумаю, сколько раз называл так Жюдит, эту бесчувственную ледышку... До чего же я был слеп! Но когда любишь одного-единственного человека на всем белом свете, не знаешь, что такое счастье: довольствуешься тем, что имеешь. И рискуешь подохнуть, когда тебя держат на голодном пайке. Слава богу, все это кончилось! Я вновь открыл глаза, жизнь продолжается, и я голоден как волк. Изголодался по любви, уважению, искренности, участию. Юнь-Сян. Мое ясное облачко. Мое белоснежное облачко.

Дебора сейчас на томографии, но врач меня уже успокоил и поздравил: благодаря хлебному мякишу, который я заставил ее проглотить, можно не бояться застрявшей косточки. К тому же у морского петуха она не такая острая, как у барабульки. Так что я и здесь не ошибся в выборе. После двух лет постоянных унижений никак не могу нарадоваться на себя, и это чертовски приятно! Правда, мне пришлось изобразить панику, чтобы сбежать с нашего невыносимого обеда и при этом соблюсти приличия и не вызвать подозрений. Бани, Люка и Марлен сразу почуяли, что между мной и Юнь что-то есть. Даже если сама она изображала невинность (должен признать, очень убедительно), я с трудом сдерживал ликование. Чертов Марк! Даже мертвый, он не устает меня изумлять. И преподносить мне судьбоносные подарки. От всей души надеюсь, что, по крайней мере, этот не окажется бомбой замедленного действия.

Нет, лучше не думать о Марке. Мысли о нем сразу возвращают в реальность, в которой меня гнетет все, кроме Юнь. Как говорится, хороша страсть, да надо что-то и в рот класть. Как я буду выкручиваться без зарплаты и служебной квартиры, чтобы ежемесячно выплачивать этой гадине Жюдит тысячу четыреста евро? И еще расходы на адвоката... Я очень рассчитываю на пересмотр условий развода после того, как она сыграла с нами такую гнусную шутку. Слава богу, Юнь удалось убедить мою девочку во всем признаться. Мало того что Жюдит чуть не сделала из меня импотента, так она еще внушила мне ненависть к совершенно невинной дочери и чуть не убила во мне отца.

Юнь разоблачила гнусные интриги моей бывшей, но самое невероятное — те обстоятельства, которые этому сопутствовали. Все началось у "Картье", когда моя бывшая жена показывала Юнь кольца, выбранные Марком. Я просто умирал от страха при мысли, что Жюдит, несмотря на мои предупреждения, сболтнет что-нибудь лишнее и откроет Юнь глаза на ее истинное положение, но она ограничилась тем, что порекомендова-

ла самое дорогое кольцо. Ответив, что посоветуется с Марком, когда он вернется из Афганистана, Юнь заинтересовалась, во что обута моя дочь, и посоветовала ей снять поскорее сапоги для верховой езды, иначе может развиться плоскостопие. Они с Деборой беседовали, явно симпатизируя друг другу, в то время как мы с Жюдит препирались из-за счета, выставленного конным клубом. Дебора, юная, но уже законченная кокетка, сразу же прилипла к своей новой подруге, которая в утешение за пропущенное начало занятий верховой ездой предложила ей заняться шопингом вместе с нами.

Люка, с его аллергией на детей и китайцев, сослался на неотложные дела до самого обеда и откололся от нашей компании; таким образом, в "Прада" мы приехали втроем. Юнь выбрала себе туфли за пять минут, пока я звонил бухгалтеру, зато моя дочь была гораздо медлительнее. Тогда Юнь, не спрашивая моего мнения, поручила ее продавщице, а сама потащила меня в следующий бутик. И вот там моя судьба круто изменилась.

Снимая с вешалок нижнее белье, она передала мне признания Деборы: это мать, желая развестись со мной, заставила ее выдумать, будто она видела, как я целую Марлен взасос. Моя малышка, загнанная в угол угрызениями совести и моей злобой, которую она считала справедливой, хотя это никак не облегчало ее страданий, не осмеливалась сказать мне правду из опасения, что я возненавижу ее еще больше. Юнь предложила ей выступить посредницей между нами.

Только что я катился в пропасть — и вдруг все наладилось благодаря фее-миротворице, которая за несколько минут вернула мне любовь дочери и дала вескую причину ненавидеть ее мать. Наконец-то появился выход из тупика, наконец-то я перестану возвращаться в прошлое, от которого меня уже тошнит.

Продолжая вешать на руку трусики и бюстгальтеры, отобранные для примерки, Юнь советовала мне успокоиться и постараться восстановить душевное равновесие.

— Жан-Клод, ты ведь наверняка знаешь вкусы Марка. Не мог бы ты и мне помочь советом?

Конечно, я согласился. С невозмутимым видом, как будто всю жизнь только этим и занимался, я сравнивал один кружевной бюстгальтер с другим, из вискозного трикотажа, тюлевое боди с вышивкой — с боди из лайкры, усыпанное блестками, трусики-стринги и шортики-стрейч, помогая Юнь собирать арсенал женского оружия. При этом я старался выбросить из головы образ моего друга — обугленного, лежащего в гробу; эта картина мешала приписывать ему предпочтения и фантазии, которые на самом деле были моими.

Мало-помалу в примерочной, в которую я периодически заходил, курсируя между ней и вешалками, становилось все жарче: возбуждение от соблазнов, предназначенных Марку, охватило меня и передалось Юнь. Изображая Сирано, я говорил от имени Кристиана, разжигая страсть в Роксане (используя весь ассортимент кокетливого женского белья), и ее пальцы в конце концов слегка коснулись моей напряженной плоти. Я, увлеченно игравший все годы учебы в любительском театре, и представить себе не мог, что самую лучшую роль в своей жизни исполню на сцене в два квадратных метра.

— Прости, что прошу тебя об этом, Жан-Клод, — прошептала она мне на ухо, — но раз уж мы говорим о его вкусах... Кое в чем, что ему нравится, я чувствую себя совсем неопытной; он деликатен, поэтому ничего не говорит, но я чувствую, что он разочарован.

Я, как идиот, промычал "да-а-а...", перед этим чуть было не сказав по профессиональной привычке: "К вашим услугам".

— Дорогой Жан-Клод, поскольку мы действуем с самыми лучшими намерениями... Ты не мог бы мне объяснить, как делать феллирование[1]?

Это была первая ошибка во французском, которую я от нее услышал. Я позволил ей произнести запретное слово, но как теперь быть? Объяснять подобные вещи в моем распаленном состоянии как бы "с самыми лучшими намерениями" было чистым мазохизмом.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе в общих чертах?

— Устрой мне проверку. Но обещай, что будешь откровенен.

Я обещал. Дрожа от восторга, я подумал о своих друзьях. Конечно, мне было их очень жаль, но какое счастье, что она выбрала для обучения именно меня. Все же я решил исключить возможность недоразумения:

— Ты хочешь сказать... здесь?

— Да, я предпочитаю публичное место. Из-за Марка.

Я кивнул, не очень понимая, что она имеет в виду. Беспокоится о том, "что-скажут-люди", если мы пойдем в более укромное место? Ее представление о стыдливости было довольно-таки оригинальным. Тем не менее она закрыла глаза, прежде чем опуститься на колени. Но тут же встала, и, взглянув на дверь кабинки, которая сантиметров на тридцать не доходила до пола, прошептала: "Думаю, лучше будет, если не я присяду, а ты поднимешься".

1. Имеется в виду фелляция.

И она указала на скамеечку под зеркалом. Без всяких возражений я забрался на ворох трусиков и ночных рубашек, снабженных магнитными бирками против кражи. Но теперь моя голова торчала над стенками кабины, хоть я не так уж высок ростом. Мне пришлось наклониться вперед и поставить ноги на ширину плеч, что было не очень удобно и выглядело не слишком эротично, зато усиливало впечатление, будто я читаю курс лекций. И действительно здесь был предмет для обширного сообщения.

Я начал с того, что посоветовал ей избегать прикосновений зубами. Бедный Марк! Разумеется, там, где он сейчас был, это уже не имело для него особого значения, но я реально представил себе, каких страданий он, человек стоический и воспитанный, имевший тысячу и одну женщину, натерпелся в Китае. Впрочем, она была хорошей ученицей, более того, проявила недюжинные способности, когда я дал ей несколько практических советов: не пыхтеть, как в трубку алкотеста, и не "прибавлять газу", как за рулем мопеда. Я объяснил, как нужно дышать, как действовать языком, держась строго по оси; я сообщил ей ритм, надавливая пальцами на затылок, научил регулировать скорость и вовремя притормаживать.

Выровняв "последние шероховатости", я пробормотал самым нейтральным тоном, на который только был способен, что Марк был бы очень доволен ее успехами.

— Он бы не стал на этом останавливаться?

Задавая этот вопрос, она вновь открыла глаза. Ее лицо, ставшее такого же цвета, как головка моего члена, выражало неподдельную тревогу. И снова искушение стало испытанием для моей совести. Я не мог так поступить с Марком. С другой стороны, я был бы просто ненормальным, если бы, подойдя к кульминации, пожертвовал удовольствием во имя иудейско-христианской морали, тем более что я — атеист. И потом, ее беспокойство было не столько нравственного, сколько практического порядка: она привыкла хорошо делать любую работу. Не мог же я бросить дело на полпути. У нее будет еще много времени, чтобы зажечь иные свечи, оплакивая Марка; это ему она училась доставлять удовольствие через меня, и я должен был соответствовать. Я ответил:

— Конечно, не стал бы.

Она опять закрыла глаза и взяла в рот мой член. Я чувствовал себя восхитительно подлым; впрочем, я никому ничего плохого не делал, а сам получал некоторую компенсацию за гнусные происки Жюдит, за мою бедную Дебору, вынужденную врать ради алиментов, за гибель моего друга, за скорую потерю работы и служебной квартиры...

— Спасибо, Жан-Клод.

Она натянула на меня трусы. Я с трудом перевел дыхание, в изнеможении прислонившись к шаткой перегородке. Впервые в жизни мне выпало такое — чтобы девушка глотала мою сперму, а потом меня же за это благодарила. Верно говорят, что в сорок лет жизнь только начинается.

Но реальность вновь свалилась на меня, как снег на голову, пока она помогала мне сойти со скамейки. Слепое желание уступило место подспудному страху, который мне так хорошо знаком. Шопенгауэровскому сомнению. Боязни невольно разрушить волшебство, если я буду упорно думать о плохом.

— Юнь... пройдет немного времени, и ты будешь упрекать меня за то, что произошло...

— Никогда! Я попросила тебя об услуге, ты вел себя честно со мной, и я тебе за это благодарна.

Я не смог удержаться и машинально ответил: "Всегда к вашим услугам".

— Всегда? — переспросила она, опустив глаза.

Я вспыхнул. Но она поспешила прояснить ситуацию:

— Послушай, Жан-Клод, я не хочу потерять Марка. Я прекрасно знаю, что еще ни одной женщине не удавалось привязать его к себе больше, чем на неделю. Я сделаю все, чтобы не надоесть ему, чтобы его удержать. И даже если нужно, стану подражать ему: буду вести себя с мужчинами, как он — с женщинами. Мой единственный шанс продержаться — это заставить его ревновать. Разве не так?

Я не стал с ней спорить и даже постарался изобразить удивление, иначе она могла бы догадаться, что Бани разболтал нам ее признания в поезде-призраке. Очевидно, она по-разному вела себя с нами, приспосабливаясь к личности каждого, и роль, которую она мне отвела, меня полностью устраивала.

Продавщица постучала в дверцу кабины и спросила довольно кислым тоном, не хотим ли мы еще что-нибудь примерить. Я вышел первым и сказал, что все подошло и мы все берем. Кассирша не приняла мою карточку "Американ Экспресс", напомнив, что мсье Эсслер распорядился списывать все расходы с его кредитной карты. Невольно я устыдился и впал в тоску. Но настроение сразу улучшилось, когда кассирша сказала мне, что кредитный лимит по моей карточке не израсходован.

— Все окей, па, никаких проблем.

Я гляжу на свою дочь, о существовании которой просто-напросто забыл. Она пришла с томографии, мусоля во рту жвачку. Я мысленно повторяю ее слова, пытаясь ухватить смысл, говорю: "Ах да, это супер", и иду за ней к выходу, спра-

шивая себя, что мне теперь с ней делать. О чудо, она как будто читает мои мысли:

— Знаешь, пап, я могу поехать в манеж на электричке. И маме говорить не обязательно.

Действительно наш новый союз за спиной ее матери допускает такую вольность. Но я все-таки даю ей сто евро на такси.

— Круто! Теперь ты можешь заняться Юнь.

Я даже не пытаюсь ничего отрицать. Когда сегодня утром, выйдя из "Нюи д'Элиз", мы вернулись за ней в обувной отдел, она внимательно, с прищуром, посмотрела на нас и ухмыльнулась. Это был взгляд взрослой женщины, и я сразу почувствовал себя старше лет на десять. Зато когда мы присоединились к остальным в отеле на обеде, она прикинулась маленькой девочкой, чтобы сохранить папину тайну.

— Ты будешь с ней трахаться?

Я смотрю на нее, пробираясь сквозь уличную толкучку, слегка шокированный выражением, вышедшим из детских уст.

— Будь спок, я ничего не скажу маме. Только знаешь, она и ее новый дружок не стесняются.

— И что из этого?

Дебора отвечает, что я тоже имею право отрываться, что Юнь — полный улет, и, если я буду канителиться, ее быстренько у меня уведут. Я прижимаю дочь к себе, целую в лоб и говорю:

— Обожаю тебя.

Я подзываю ей такси — чистенькое и с женщиной-шофером, ставлю в багажник ее дорожную сумку, из которой торчат хлыстик и сапоги, желаю удачной тренировки и машу на прощанье. Первое Рождество без нас. В прошлом году она провела двадцать четвертое декабря с матерью, двадцать пятое — со мной; мы купили ей, не сговариваясь, два одинаковых компьютера, и она была так разочарована нашим подарком, что в этом году заказала себе по интернету двойные каникулы: неделю — на манеже и неделю — на лыжном курорте.

Я облегченно вздыхаю, стоя на бульваре, забитом машинами. Сейчас без четверти семь. Если я поеду на метро, то, может быть, поспею на кремацию. Я родился заново, ко мне вернулось самолюбие, я снова обрел любовь и свою дочь и больше не боюсь встречи с Жеромом. Какими бы ни были его претензии в нашем подростковом прошлом, нынешние цифры свидетельствуют в мою пользу: заполнение номерного фонда — 98 %, положительных отзывов — 100 %, рост прибыли за отчетный период на 20 %, постоянные клиенты из

США и Японии, бронирующие номера из года в год, “Золотой ключ” победителя на конкурсе “Реле де шарм”[1] и одна звезда в “Мишлене”. Вся документация при мне.

Стоя на перроне в ожидании поезда, я звоню Марлен, чтобы успокоить ее насчет рыбной кости. Но она явно не понимает, о чем я ей рассказываю. Видимо, я позвонил не вовремя. Спрашиваю, с ней ли Юнь. В ответ она говорит шепотом:

— Юнь из-за Жерома не хочет, чтобы мы шли на кремацию. Ты уже там, на месте?

Сердце у меня останавливается.

— Подожди... Ты ей все рассказала, да? Про аварию, кремацию... Как она отреагировала?

— Адекватно. Я сейчас не могу говорить. Потом приезжай к нам. Не волнуйся, я присмотрю за ней.

И она отключилась. У меня дурное предчувствие. Стеснение в груди, спазм в горле, жжение в глазах. Двери закрываются прямо перед моим носом, я смотрю на лица, которые уносит поезд; они почему-то расплываются. Снова проснулась ревность, которая мучит меня уже два года. Каждый раз, отвозя Дебору домой, я захожу в ванную и считаю, сколько презервативов осталось у ее матери. Эта ревность, от которой, как мне казалось, я избавился сегодня в полдень, вернулась, чтобы терзать меня с еще большей силой. Ибо я вдруг понимаю, что ревную двух женщин сразу.

Крематорий переполнен. В холле установлен экран для тех, кто не попал в список приглашенных. С изумлением убеждаюсь, что меня в списке нет. Охранник похоронного бюро прикидывается глухим, показывая мне листок, где нет моей фамилии. Тридцать евро, опущенные в его карман, устраняют это недоразумение, и я с получасовым опозданием незаметно проскальзываю в зал для прощаний, где из динамиков льется слащавый Шуман. Идиотский выбор Жерома, разумеется. Его брат слушал только Мадонну, Эми Вайнхаус и Вагнера.

Зал полон под завязку, в гуще толпы чернеют камеры “Canal +”, “France 3 Ile-de-France” и “Fashion-TV”. А вот гроба что-то не видно. Должно быть, его уже отправили в печь. Я сажусь на стул, где лежит листок с надписью “Мадемуазель Аджани” — ей, видно, что-то помешало приехать, — и слушаю мэра округа, который только что приступил к прощальной

1. “Реле де шарм” — объединение отелей-люкс и таких же ресторанов.

речи. Я ничего не вижу: передо мной сидит ряд из топ-моделей, которые заслонили весь обзор.

В конце концов, меня охватывает раздражение от пошлостей, которые извергают динамики. Эти похороны напоминают мне о моем месте в жизни Марка. Вечно на вторых ролях — эдакий незаменимый работник кулис, которого забывают пригласить на премьеру. Вечно в тени, вечно кому-то обязанный, вечно вкалывающий за "спасибо". Точно, как с Жюдит. Конечно, тут я и сам виноват — меня губила дурацкая потребность цепляться за людей, чьи воображаемые достоинства не заслуживали моих унижений; я сознавал это и чувствовал свое превосходство, считал себя защищенным и незаменимым. Я гордился тем, что служу им опорой, а они только тешили за мой счет свое самолюбие. Я был рядом, чтобы потворствовать их слабостям, утешать в горестях, сглаживать их чувство вины, терпеть от них обиды. Переносить злобные нападки Жюдит, которая не могла простить мужчинам, что ее отец женился на гойке. И компенсировать незаслуженную удачу, которая так огорчала Марка: считая свой успех чрезмерным и несправедливым, он изображал Пигмалиона, чтобы успокоить свою совесть.

Но я-то ни о чем не просил! И мечтал совсем не о такой судьбе. Мне повезло сделать карьеру управляющего роскошным отелем вовсе не потому, что мой отец служил поваром в "Отель де ля Рад", а мать Марка сидела там за стойкой портье. Двадцать лет материальной ответственности — и это у меня, человека, для которого духовное начало всегда было важнее материального. Плюс тринадцать лет соблюдения Шаббата и ежевечернего исполнения обрядов иудаизма — из любви к жене я делал вид, что верю в Бога.

К счастью, со всем этим покончено благодаря Юнь, которая вернула мне ясность сознания, достоинство, мужскую гордость и мою дочь. Я буду просить Юнь выйти за меня замуж, это решено. Надо только найти четвертого свидетеля. Вот что: попрошу-ка я актрису, на месте которой сижу. Она гарантирует нам два разворота в "Пари Матч", посвященных грандиозному празднику, который я устрою в отеле.

Хотя нет... Если Жером меня выставит, я не собираюсь делать ему рекламу. Пора, наконец, подумать о себе. Может, начать собственное дело. Может, поехать для этого в Китай. А что? С Юнь я чувствую в себе силы начать все заново на другом конце света. Или можно выкупить ресторан "Тонг-Йен" на улице Жан-Мермоз. Так мне будет проще воспитывать дочь. Боже, как хочется гармонии! Глубокой взаимной страсти с чистой женщиной, которую я научу любви... Но где

взять денег на все это? Я выпрямляюсь, кладу ногу на ногу, меняю позу, разглядываю знаменитостей, которые зевают в ожидании конца церемонии. Сейчас выступает издатель "Женщин мира": он выпустил альбом фотографий тиражом три миллиона экземпляров, и сейчас произносит надгробное слово. "Марк горячо любил людей и умел видеть душу, скрытую за внешним обликом". Это верно. А потом отпечатывал эту душу на фотобумаге.

После лицея я выбрал неверный путь. И все из-за этого "любителя людей", который заставил меня отказаться от намерения преподавать философию, решив, что по своей природе я не интеллектуал, а управленец. В то время я пошел бы на что угодно: очень уж хотелось увести у него Марлен. Мне это удалось. Я стал режиссером их любительской труппы, а потом администратором их гастролей и театрального кафе в старой Ницце. Позже, когда Марк начал получать огромные гонорары за свои фотографии, он всех нас перетащил в Париж, и я оказался во главе его чертова отеля, который отнимал все мое время, высасывал из меня все силы и нервы — лишь для того, чтобы теперь всю прибыль получил его братец.

До чего же она бестолкова, моя жизнь. Все, что осталось от моих восемнадцати лет, — это пессимизм Шопенгауэра, чья правота неустанно подтверждается моим жизненным опытом, но не приносит никакой пользы. Если бы не это дурацкое увлечение философией, я бы не доискивался до причин краха моих иллюзий. Наверное, Марк в конце концов унес бы меня за собой в могилу, но меня спасет любовь с первого взгляда между мной и его невестой.

Свет в ритуальном зале гаснет. На экране, сменяя друг друга, появляются его самые знаменитые фотографии. Они действительно очень хороши, особенно покойные звезды былых времен и неизвестные молодые женщины — обитательницы трущоб, жертвы цунами, сидящие в барах проститутки, мусульманки, забитые камнями религиозных фанатиков, — всех их застигла врасплох его камера. Интересно, что там еще предусмотрено у Жерома? Аукцион? Караоке? Чтобы сжечь тело Марка, нужно восемьдесят минут, я узнавал. На каждый килограмм — по минуте, и еще полчаса — чтобы прах успел остыть, после чего его ссыпят в урну и выдадут родственникам. Вполне достаточно времени, чтобы организовать лотерею в пользу этих неизвестных женщин, нужда и несчастья которых обернулись такой прибылью.

Знаю, во мне говорит ожесточение, но это непроизвольная реакция. Я возьму себя в руки. Я настолько переполнен горечью, что мне стыдно. Со стороны кажется, будто я отношусь к

числу привилегированных счастливчиков: не имея университетского диплома, получаю пять тысяч евро в месяц "грязными". Ничего, скоро я разом освобожусь и от ожесточения, и от стыда. Пришло время расчистить место для нового будущего — для оптимизма, для любви, для семьи, которую я создам. У меня опять выросли крылья, как в восемнадцать лет, только теперь они не помешают мне твердо стоять на земле.

Из раздумий меня выводит резкий звук аккордеона: эту песенку Патрика Брюэля — "Стаканчик белого" — я занес в свой мобильный как звонок Банюльса. Достав телефон, я оглядываюсь: зал абсолютно пуст. Все ушли, а меня даже не предупредили.

— Бани, ты где? Я сижу тут в зале и не видел, как ты выходил.

Оторвав себя от стула, гляжу на часы и впадаю в полное уныние. Дрожащим голосом прошу Бани прийти за мной в зал, разъединяюсь и ставлю звонок в режим вибрации. Представляю, что подумали обо мне все эти люди и, в первую очередь, Жером. А я-то пришел отчитаться о своих успехах, продемонстрировать свою компетентность в гостиничном бизнесе. Мало того, я себе еще и радикулит нажил.

Отрываю листок с надписью "Мадемуазель Аджани", прилипший к штанам, и торопливо иду к выходу, держась за поясницу. В холле рослый араб возит тряпкой по полу, слушая плеер и одновременно жуя поп-корн. Я спрашиваю его, остались ли родственники, чтобы получить урну. Он вынимает наушник из левого уха, проглатывает свой поп-корн и указывает на дверь в глубине зала. Под шум ретрансляции теннисного матча он спокойно объясняет, будто желая оправдать меня, что перед лицом смерти каждый ведет себя как может. Лично у него от всех этих кремаций сосет под ложечкой.

Я благодарю его и иду к застекленной двери с бордовой портьерой. Перед тем как войти, наспех приглаживаю волосы, глядя в стекло. Только без паники! Вообще-то, в этой сутолоке бесконечных рукопожатий и потоке соболезнований мое нервное забытье вполне могло пройти незамеченным. Чтобы придать себе храбрости, вынимаю из внутреннего кармана пальто конверт с результатами моей работы и расчетами будущей прибыли. Нажимаю на кнопку, и дверь открывается с тихим жужжанием.

Комнату освещают только тусклые лампы, отражающиеся в графинах с оранжадом. Жером ходит взад-вперед с гарнитурой для телефона в ухе, обсуждая судебные поручения и вопросы лишения депутатской неприкосновенности. Жажа сидит на диване эпохи Второй Империи рядом со своей "дуэньей", уставившись в пространство и мурлыча лейтмотив

из “Огней любви”. Она великолепна в своем труакаре с капюшоном, безупречной завивкой, румянами, подведенными бровками и видом маленькой девочки, забытой в теле старой дамы. В общем-то, ее я любил дольше всех в своей жизни, с тех пор как мои родители погибли во время рафтинга, я тогда сдавал экзамены на бакалавра. Все-таки я мог бы стать прекрасным преподавателем философии... Умудрился же я приобрести эдипов комплекс, влюбившись в чужую мать. Мне очень хочется подойти и обнять ее, но я сдерживаюсь: не стоит раздражать Жерома с самого начала.

— Пошлите мне материалы суда по имэйлу, — говорит он и поворачивается ко мне. — Ну как, хорошо выспался?

Я поджимаю пальцы в своих ботинках “Вестон” ручной работы. С ума сойти, до чего же он внешне похож на Марка, хотя по сути — полная его противоположность. С течением лет этот вполне законный близнец в конце концов стал мерзким выродком.

— Сочувствую тебе, Жером, но с момента аварии я глаз не сомкнул.

— Ты, видно, думаешь, что я все утро в постели провалялся? Ладно, спасибо за соболезнования, нотариус с тобой свяжется на следующей неделе.

Я стою, переминаясь с ноги на ногу и судорожно сжимая свой конверт. Потом спрашиваю, нельзя ли мне поцеловать Жажа.

— Ни к чему ее беспокоить, все равно она никого не узнаёт. Она даже не понимает, где находится и что мы тут делаем. Ее вообще не нужно было сюда привозить. Это мне?

Он берет у меня из рук конверт, который я только что передумал ему отдавать, видя его враждебность. Открывает его, поднимает одну бровь, брезгливо листает страницы, затем складывает их и возвращает мне. На его лице написано лишь одно: ему нанесли новое оскорбление.

— У тебя хватает наглости говорить о делах на похоронах твоего друга, к тому же когда его пепел еще не остыл?! Решительно, ваше бесстыдство не знает границ.

Я слежу за направлением его взгляда. Появился Бани: руки за спиной, бейсболка под мышкой. Он стремительно подходит прямо к Жажа, целует ее, она отвечает тем же, даже не глядя на него.

— Я мысленно был с тобой, милая Жажа. “Лионская адвокатура” дала мне понять, что я здесь лишний.

Она никак не реагирует на прозвище, которое присвоила Жерому во время его первого “адвокатского” отпуска, когда он представлялся всем обитателем Вильфранша как “Мэтр

Эсслер-Файоль из Лионской коллегии адвокатов". Из нас четверых Бани — единственный, кто упорно разговаривает с ней так, будто у нее нет никакого Альцгеймера. В том же духе он разговаривал с Люка, когда тот был в коме. Выйдя из комы, Люка вспомнил почти все.

Жером уже готов выставить нас за дверь, как вдруг появляется распорядитель похоронной церемонии с вазой, похожей на греческую — такие вместе с гипсовыми гномами обычно украшают сады. Он подходит к Жажа и, поклонившись, протягивает ей урну. Она берет ее и собирается открыть, словно коробку конфет. Жером торопливо подходит, чтобы удержать ее руку. Тогда другой рукой она дает ему пощечину. Он и ухом не ведет — уже привык. С тех пор как осенью 1993 года он подверг эксгумации своего биологического отца, чтобы провести сравнительный анализ ДНК, Жажа награждает его оплеухой всякий раз, когда он к ней приближается. Эта беспощадная ненависть — единственное чувство, которое не смогла убить в ней даже болезнь Альцгеймера.

Сконфуженный тем, что вторгся в скорбящий семейный круг, распорядитель церемонии старается сгладить неловкость, вручив Жерому сертификат участника программы охраны окружающей среды. Благодаря высокоэффективной системе фильтрации, объясняет он Жерому, парижская мэрия перерабатывает больше кислот, диоксинов и выбросов ртути, образующихся от нагревания свинцовых покрытий, чем положено по существующим нормам. Что касается энергии, расходующейся на сверхбыстрое охлаждение пепла с девятисот до двухсот градусов, то она повторно используется в городском отоплении и не провоцирует тепличный эффект. Итак, он передает, вместе со своими соболезнованиями, прах, получивший удостоверение "Afnor"[1]. Посмертное участие Марка Эсслера в деле защиты окружающей среды удостоверено наклейкой на подставке урны под номером ISO 14001 с изображением триколора.

Мы с Бани отворачиваемся, нас душит смех. С трудом сдерживаемся. Жером холодно благодарит распорядителя, и тот поспешно исчезает.

— А теперь вон отсюда! Можете сообщить остальным двум прихлебателям, что я не буду оспаривать завещание. Новые условия меня вполне устраивают.

— Новые?..

1. "Afnor" (Association française de Normalisation) — Французская ассоциация по вопросам стандартизации.

— А вот и копия. Неужели Марк ничего не сказал? Месяц назад он переписал завещание, вычеркнув из него все, что вам было завещано — пай в отеле, галерею, фонд, автомобили... Оставлена только страховка жизни — так, на черный день. И больше ни на что не рассчитывайте. Все остальное имущество целиком отходит матери и мне.

Дрожащими руками я открываю конверт с последними распоряжениями Марка: эти десять строчек, написанные его косым размашистым почерком, разоряют нас вконец. Почему он так поступил с нами?

— Там есть только одно распоряжение, которое относится к вам, — замечает Жером с усмешкой. — И его я не оспариваю. Оставляю вам виллу до понедельника, потом продаю ее вместе с обстановкой, и вы исчезаете из нашей жизни. Ясно? Попутного ветра.

Он вкладывает урну в руки Бани и идет к двери. Жажа послушно дает сиделке увести себя и напоследок посылает кончиками пальцев воздушный поцелуй рослому арабу, который моет пол.

Мою грудь сжимает приступ сдавленного истеричного смеха. Мне нужно щадить сердце, только знать бы как. Я хрипло читаю вслух:

— "Поручаю мой прах Эрману Банюльсу, Марлен Фарина, Люка Спарди и Жан-Клоду Шаньо с тем, чтобы они оказали мне последнюю услугу и развеяли его над морем в Вильфранше". Попутного ветра, вот уж точно... Чтобы этот пепел забил нам глотки.

— Не переживай, — говорит Бани.

Он отрешенно улыбается, его взгляд выражает уверенность, которой я раньше никогда в нем не замечал. Передав мне урну, он берет у меня копию завещания и указывает на дату:

— Пятнадцатое ноября. А спустя десять дней Марк подписал брачный контракт.

— И что из этого?

— То, что имущество принадлежит обоим супругам. После смерти одного из них все переходит к другому при условии, что посмертный брак зарегистрирован. Я уже кое-что предпринял.

Воинственная решимость, с которой он говорит, еще больше заостряет черты его и без того худого лица. Я спрашиваю:

— И чем это может нам помочь?

— А тем, что мы будем зависеть только от доброй воли его вдовы. Ты ей доверяешь?

Я не решаюсь сказать правду. Незачем сейчас будить его ревность, так сильно огорчать. Он явно считает, что у него

есть шанс заполучить Юнь-Сян. Пусть пока так и думает. Но замуж она выйдет за меня, а не за покойника. И наплевать мне на их совместное владение имуществом. Если Юнь будет со мной, мне не страшно все потерять. Охваченный любовной лихорадкой, я пытаюсь убедить себя, что Марк лишил нас наследства ради нашего же блага, чтобы вынудить летать самостоятельно. Он не отрекся от нас, наоборот, это — доказательство его доверия.

— Банюльс!

Вернулся Жером. Этот мошенник в законе объявляет нам, что в коллекции его брата не хватает "роллс-ройса", который он только что видел на стоянке для инвалидов.

— На ветровом стекле инвалидная наклейка Люка, — успокаивает его Бани. — Но хорошо, что ты мне напомнил, давай сразу и решим этот вопрос.

— Отдай ключи и техпаспорт!

Бани вынимает чековую книжку. Остолбенев, я смотрю, как он вписывает в чек сумму — сто одиннадцать тысяч евро.

— Это меньше, чем оценили бы эксперты, но можешь навести справки — из-за кризиса ты больше и не выручишь. Эта сумма соответствует размеру моей страховки, сюда же включена тысяча евро за "триумф", — чисто символическая плата: эту машину продать невозможно, я заменил ее мотор на овощерезку. Тебя это устроит?

Оторвав чек, он сует его в нагрудный карман пиджака Жерома, между черным шелковым платочком и приколотым рядом орденом "За заслуги".

Мои пальцы непроизвольно сжимают подставку урны. Этого не может быть, Жером не согласится, Бани откажется от своих слов, это всего лишь шутка, провокация...

— Не переживай насчет печатей и замков. Я их снял и освободил тебе один бокс. По поводу денег свяжись с мсье де Пебейром из HSBS[1] на Монмартре. И тебе попутного ветра.

Пока Жером ставит свою подпись на обоих техпаспортах, которые отдал Банюльс, его глаза увлажняются. Что с ним? Он потрясен? По-другому взглянул на ситуацию? Стыдится, что относился к Бани как к ничтожеству? Или же просто разволновался оттого, что можно обобрать нашего друга?

Я стою в полном оцепенении, глядя, как этот подонок разворачивается и уносит с собой, словно чаевые, сумму, равную моей двухгодичной зарплате.

1. HSBC (The Hongkong and Shanghai Banking Corporation) — крупнейшая в мире банковская группа.

— Ты просто рехнулся, — говорю я сквозь зубы. — Кто тебя заставлял...

— Все нормально. Поехали к нашим девочкам.

Он забирает у меня урну и тянет за собой. Я не могу опомниться. Передо мной совсем не тот Бани, которого я знаю. Можно ли так измениться всего за один день? Видимо, он не отдает себе в этом отчета. Но и со мной произошло то же самое.

Марк был прав: его невеста — настоящая волшебница. "Я влюблен, и от этого мне уже не излечиться", — признался он, когда впервые рассказал нам о ней. У меня же все наоборот. Я влюблен, и благодаря ей выздоравливаю.

Когда мы приехали в галерею, Марлен рассказала нам, какая драма здесь разыгралась. Бешеная Пиявка, как мы за глаза называли Клер Дамм, впала в дикую ярость, очнувшись после своей "сиесты" и обнаружив, что неизвестная рука скопировала одну из ее картин. Тем более что Юнь не только использовала ее эскизы, но и по просьбе Марлен изучила каталог ее персональной выставки: "Представь, мол, как бы она писала сейчас, если бы продолжала творить в этом направлении".

Бешеная Пиявка, которая уже три года не прикасалась к кисти, впала в шоковое состояние. Ее творчество продолжалось без ее участия, в том же русле, с той же одержимостью, с теми же недостатками и навязчивыми идеями, которые стали очевидными благодаря технике Юнь. Этого Клер не смогла перенести. Спустя четверть часа после того, как она учинила разгром в мастерской, "скорая помощь" увезла ее в отделение гипнотерапии.

Для нас с Бани это была прекрасная новость. Марлен приучила нас к "непризнанным талантам" самого разного пошиба — ко всяким бродячим котам и драным кошкам, которых она подбирала и кормила в интересах искусства или по сердечной склонности, но ни от кого из них не исходила такая опасность, как от этой обдолбанной лесбиянки, которая трижды пыталась отравиться скипидаром во дворе Школы изящных искусств, дабы выразить протест против бесправия женщин в исламском мире.

Забившись в уголок крошечной кухни, наша самая любимая блондинка пила водку и разглядывала свою покрытую синяками руку. Потерянная, несчастная, со спутанными волосами, упавшими ей на лицо, — такой мы ее никогда не видели.

— И зачем только я все это ей отдала? — твердила она. — Или Юнь сама попросила, я уже не помню... Мне так этого хотелось. Ради Клер. Я думала, это на нее подействует как электрошок... В хорошем смысле. Что это даст ей новый импульс...

Мы утешали ее как могли. Убеждали, что нет худа без добра, что нельзя помочь человеку, если он сам этого не хочет, что жизнь продолжается, и все такое...

А потом мы спросили, где Юнь. Она подняла на нас свои красивые заплаканные глаза и ответила угасшим голосом, какого мы никогда у нее не слышали:

— Она — настоящая разрушительница. Для тех, кто слаб. Сильных она делает еще сильнее... Но какой ценой...

Мы переглянулись — Бани и я. Это правда, мы казались себе сильнее, чем раньше. А всегда считали себя слабаками.

— Ну, как прошла кремация?

— Прошла во вкусе Жерома, — ответил я.

Больше она ни о чем не спросила и протянула руки. Бани вложил в них урну. Придерживая крышку, она стала тихо баюкать ее, как ребенка. Я взволнованно рассказал Марлен, что в своем завещании Марк просил развеять его пепел над морем в Вильфранше. Она откинула с лица свои длинные волосы и, всхлипывая, ответила:

— Ничего удивительного. Что вы сказали о Марке в крематории?

Бани ответил, что всю церемонию просидел в машине. Чтобы не отставать от него, я признался, что заснул на стуле Изабель Аджани. Она улыбнулась сквозь слезы.

— А мадам Лупьон?

Бани ответил, что она взяла на заметку его просьбу и сегодня вечером поговорит с Карлой, а та уже передаст президенту. Я спросил, кто такая мадам Лупьон.

— Это советник по культуре, она награждала Марка в Елисейском дворце, ты разве не помнишь?

Я неопределенно пожал плечами: помнить чужие награждения Почетным легионом... Бани продолжал:

— Я поймал ее на выходе из крематория. Как ты мне советовала, напирал на то, что это будет положительно воспринято средствами массовой информации. Передал ей брачный контракт и номер мобильного телефона мэра.

— Ты предупредил, что ответ нам нужен завтра? — спросила Марлен.

Он кивнул. Я поинтересовался, к чему такая спешка.

— Мы пытаемся сохранить прежнюю дату, — проронила Марлен, снова наполняя свой стакан.

— Какую дату?

— Бракосочетания. Я позвонил Абделю и мэру Вильфранша, — ответил мне Бани. — И они согласны подождать.

— Подождать? Ты хочешь сказать, что через три дня...

— Как только президент подпишет указ.

Я возразил для вида, пытаясь выглядеть беспристрастным:

— Мне кажется, сначала следовало поинтересоваться мнением Юнь, а потом уже пускаться в эту авантюру, как вы считаете?

— Это и есть *ее* мнение, — заметила Марлен.

Бани кивнул с таким загадочным выражением лица, что я сразу насторожился. И вдруг явственно ощутил, что за моей спиной уже много чего произошло. Марлен добавила:

— Она мне сказала: "Я прекрасно вижу, какие чувства вы все четверо питаете ко мне. Но не просите меня выбирать между вами. Я не хочу, выбрав одного, потерять остальных. Поэтому я выйду замуж за Марка, как и собиралась, а вы останетесь нашими свидетелями, и тогда я вас не потеряю".

— Это просто бред какой-то! — возмутился я. — Она же не будет клясться в верности урне с пеплом!

— Ну, до этого, может, и не дойдет, — сказала Марлен со слабой улыбкой, — но у сердца свои причины, которые не всегда противоречат выгоде.

Бани упрямо возразил, что не следовало бы приписывать Юнь корыстный расчет. Исполняя волю Марка, она спасала наше будущее.

— И все-таки будьте бдительны, — сказала Марлен, со вздохом поставив урну на край раковины. — Она — настоящая воительница. И добивается любви, борясь за нее любыми средствами.

— Она наверху?

— Нет, уехала.

Мы не сумели скрыть свои чувства — недоверие и тревогу.

— Куда уехала?

— Где она?

Марлен залпом осушила свой стакан с водкой и ответила, не глядя на нас:

— У Люка.

IV

Люка Спарди

Однажды, когда я брал интервью у далай-ламы, он сказал замечательную фразу: "Все сущее либо взаимодействует, либо разрушается и умирает". Что и случилось с моими друзьями. Я это понял, когда уехал с их обеда: наша дружба не смогла пережить смерть Марка. Ярость и печаль, которые сейчас

обуревают меня, к счастью, имеют и оборотную сторону: мое нервное напряжение одержало победу над начинающимся насморком. Мне даже не пришлось колоть иголкой палец ноги, чтобы освободить носовые пазухи. Я победил физическое переохлаждение, но лед в моем сердце не тает.

Эта женщина появилась, чтобы подчинить нас, расколоть, лишить своих корней — как поступили ее соотечественники с Тибетом. Она взялась за дело очень ловко, обезоружив нас своим обаянием и таким образом не предоставив нам серьезной причины для протеста. Всегда выглядишь неприлично, когда с подозрением отталкиваешь руку помощи, распахнутые объятия, раскрытые для поцелуя губы. Не знаю, как далеко она зашла с моими друзьями, но, кроме Марлен, которая дала себя завлечь совершенно сознательно, я — единственный, кто видит ее насквозь, и они мне этого ни за что не простят.

Еще день не кончился, а она сумела, как в рекламном ролике, наобещать все, чего им так не хватало. Изображая попеременно то сходство интересов и жизнерадостность, то твердость и беспомощность, она водит их за нос, а они еще раздумывают, как бы ей помочь.

Бани... После реверансов в сторону литературы и антикварных драндулетов она призналась ему в своем страхе оказаться брошенной и подвела к мысли, что они — друзья по несчастью: это единственный способ завоевать доверие подкидыша.

Жан-Клода ей удалось убедить, что его чудовище-дочь стала жертвой козней бывшей жены, — чтобы и для себя приберечь местечко в душе отца, спасению которого она якобы содействовала. Девчонка не может нарадоваться такой союзнице, упавшей с неба, а отец кричит о чуде. Все, дело сделано, и этот готов!

Что касается Марлен, то, учитывая, как смущенно и понимающе они переглядывались во время обеда, Юнь, наверное, разыграла перед ней комедию типа: “Я не уверена, что люблю мужчин, помоги мне разобраться”. Марлен — наш предохранительный барьер, наша точка опоры, наш страховочный трос... Просить у нее помощи — это беспроигрышный ход. Здесь я вижу один положительный момент: очень возможно, что Бешеную Пиявку наконец вышвырнут из дома. Она пьет кровь из нашей Марлен уже много лет, пользуясь ее душевной щедростью, и беспрестанно сыплет ей соль на раны, которые никогда не заживают — правда, тут есть и моя доля вины.

Вот единственное, о чем я жалею в жизни, не считая моих ног. Узнав, что они безнадежно парализованы, я порвал интимные отношения с Марлен и до сих пор корю себя за это. Если бы не моя идиотская гордость, она не попала бы в

сети того художника-серба из Монако, вылитого Бреда Питта. Пять лет подряд она горбатилась на него, решив, что его талант так же велик, как страсть, в которой он ей клялся. Но как только его картины стали продаваться, он бросил ее — и как любовницу, и как галеристку.

Ни время, ни разочарования не изменили Марлен. Она способна любить лишь тех мужчин и женщин, которыми слепо восхищается. Кого еще не было в ее "зверинце", так это фальсификаторши-иммигрантки, вот уже три дня изображающей неутешную вдову. Но пусть уж лучше она, чем пропащая наркоманка, которая пытается утащить Марлен за собой на дно.

Сильная сторона тактики китаянки — неважно, знает ли она о своей потере, или просто готовит себе путь к отступлению, помня о репутации своего жениха-ловеласа, — ее умение оборачивать любую ситуацию себе на пользу. Если она вьет счастливое гнездышко другим, то лишь для того, чтобы и ее туда позвали. Незаметно для всех она практикует фэншуй в области чувств: обустраивает чужой внутренний мир перед тем, как самой туда внедриться.

Семь часов вечера. Я решаю выползти из ванной, где уже битых два часа пытаюсь медитировать, мысленно присутствуя на кремации Марка. Напрасно я читал самые красивые мантры, ничего не помогло: я не перестаю думать об этой чертовке — Душистом Облачке. Благодаря сведениям о каждом из нас, полученным ею от Марка, и ее собственной проницательности, у нее есть целый арсенал средств, чтобы манипулировать нами, но, мне кажется, я понял, как она действует. Умело приспосабливаясь к людям и улавливая их психологический настрой (что особенно важно для больных нарциссизмом), она предлагает человеку взглянуть на себя со стороны, оценить свой образ мыслей, признать свои ошибки и исправиться. До сих пор я встречал кривые зеркала, а Юнь-Сян — это зеркало-корректор.

Однако со мной ей будет непросто, тактика не сработает, и она это знает. Потому что у меня все в порядке. Руки у меня посильнее, чем у троих моих друзей, вместе взятых, я живу в гражданском браке с двадцатишестилетней красоткой, и мне завидует вся округа; мой гуманитарный фонд занимает тринадцатое место из пятидесяти по количеству пожертвований, и каждый февраль далай-лама лично отвечает на мои поздравления с Новым годом. Я прекрасно живу на свою пенсию, помогаю Анн-Софи. Как актриса она — ноль без палочки, зато в постели — огонь. Она успокаивает меня, ободряет, всюду таскает за собой и постоянно набивает себе цену во время закрытых просмотров, расписывая, какой у нас вос-

хитительный секс, чтобы я внушал окружающим зависть, а не жалость. В общем-то, мы вполне счастливы.

Китаянка быстро поняла, что методы похвал и обольщения со мной не пройдут: у меня все уже есть. И теперь нападает на меня, стараясь вытащить из творческого застоя. Капает на устрицу лимонным соком, чтобы заставить ее выползти из раковины. Кто я в ее глазах? Журналист, переставший писать из соображений профессиональной этики, бывший рупор общественного мнения, которого теперь слушает только его любовница, заржавевший активист, стремящийся к консенсусу, беспомощный защитник окружающей среды, поборник справедливости с картонным мечом.

Она совершенно права, но это ей не поможет: мне наплевать, что там она думает, я со всем смирился. Во мне видят всего лишь красивого парня, которому еще повезло выжить после такой аварии, но мой позвоночник сломан, и это не могло не повлиять на мою психику. Я больше ни о чем не мечтаю, я отрешился от жизни, и ясно отдаю себе в этом отчет. Мне пришлось долго учиться достигать нирваны, и теперь я защищен от всего, что могло бы сделать меня уязвимым — в том числе и от искушения распустить хвост перед незнакомкой, очень похожей на меня прежнего.

Не пойму, почему Юнь не попыталась сыграть на этой струнке. Сейчас единственное слабое место в ее системе — я. Зачем она упрямо провоцирует меня разговорами о Тибете, зачем выводит из терпения, хотя могла бы притвориться, что принимает мою сторону в этой борьбе, чтобы я почувствовал себя несправедливым и захотел загладить перед ней вину за свои антикитайские взгляды? Что-то здесь от меня ускользает. Если она действительно так умна, как я о ней думаю, то, может, она решила, что я слишком проницателен, и меня не удастся одурачить. Может быть, остерегаясь моей журналистской интуиции, она предпочла вообще оставить меня в покое. Решила оттолкнуть от меня моих друзей, выставив в неприглядном свете, чтобы потом иметь возможность меня утешить. Врага изолируют, прикидываясь его союзником, одновременно утешая его бывших друзей и устраиваясь на еще неостывшем месте.

В кармане моих штанов звонит мобильный. Звонит Абдель из Вильфранша. Он плачет навзрыд, до икоты, и я не могу разобрать ни слова. Говорю ему, что нахожусь в таком же состоянии. Призываю его молиться Аллаху, как сам я медитирую в память о Марке: его душе нужны сейчас ясность и покой, а не стенания. Он разъединяется, не в силах ответить.

Я опираюсь плечом на перила лестницы. Луна сияет над базиликой Сакре-Кёр, у моих ног весь Париж блещет огнями,

словно декорация из какого-нибудь старого американского фильма. Эту двухкомнатную квартиру-дуплекс я получил в подарок от Марка по случаю начала моей семейной жизни. Он, как всегда, проявил такт, чтобы я не чувствовал себя обязанным, и, вручая мне ключи, сказал, будто извиняясь: "Конечно, в двухэтажной квартире с твоими ногами вряд ли будет удобно, но из окна открывается такой потрясающий вид, что я не смог устоять".

Его тайное желание, которое я прекрасно понял, так и осталось втуне. Он надеялся, что в этом орлином гнезде прямо над площадью Тертр, в богемной атмосфере искусства, полностью изолированной от городских шумов, я начну, наконец, писать серьезную книгу, которую уже давно вынашиваю. Но я знаю, что это будет мертворожденное дитя. Писать — значит оглядываться назад. А я не хочу больше страдать.

Снова беру мобильник. Боюсь, что был излишне резок с Абделем. Все, что у него осталось после Алжира — это семья Жажа. Я набираю номер виллы, но тут звонят в дверь. Должно быть, Анн-Софи в очередной раз потеряла ключи. Откладываю телефон, открываю дверцу, которую врезал в перила, берусь за канат с узлами и спускаюсь, перехватывая его руками и стараясь приземлиться на сиденье своего кресла, стоящего внизу. Опять звонят в дверь.

— Сейчас, сейчас!

Отпираю дверь и... цепенею. Передо мной — Юнь-Сян, обвешанная пакетами из супермаркета. Она смотрит на мой голый торс, на мои треники, улыбается и говорит, что, конечно, следовало позвонить и предупредить меня о визите, но она подумала, что во время похорон я буду занят медитацией.

Уж не сон ли это?! Выходит, она все знает. Знает — и приехала ко мне. Только что сожгли тело ее жениха, а она приезжает поужинать и заключить перемирие. Беру себя в руки, говорю ей спокойно и холодно:

— Что вам угодно? Если вам нужен я, забудьте и не тратьте даром время. Как видите, на двери два имени.

В знак согласия Юнь только закрывает глаза. А лицо ее остается безмятежным. Она глубоко вздыхает и выпаливает, как хорошо выученный урок:

— Я хотела извиниться перед тобой за свое поведение во время обеда. Единственное, что я могу сказать в свое оправдание: в пятнадцать лет меня изнасиловал тибетский повстанец. Но мне следовало бы уважать твой политический выбор.

Я качаю головой, в горле стоит комок. Со времен Культурной революции они чертовски преуспели в самокритике. И

следующее поколение сохранило эту традицию. Не знаю, солгала она или сказала правду, но волнение ее неподдельно.

— Мне очень жаль, что я тебе помешала. Я думала, ты мог бы помочь мне ради Марка...

Опустив голову, она поворачивается к лифту. Я удерживаю ее.

— Это я должен перед тобой извиниться. То, что я сказал тогда за обедом, вырвалось у меня нечаянно, на самом деле я так не думаю. Я был в контрах с остальными, осуждал их... "выбор", как ты говоришь, связанный с тобой... Если бы мы сразу сказали тебе правду...

Она прислоняется головой к дверному косяку и вздыхает:

— Я все знала, Люка. С вашей стороны это был деликатный, разумный и сердечный поступок. Вы мне подарили чудесную отсрочку.

Я выдерживаю ее взгляд. И чувствую, что сейчас она говорит совершенно искренне.

— Теперь надо подумать о Марке, — решительно объявляет она.

И показывает на свои пакеты из магазинов "Пари стор" и "Танг фрэр"[1]. Я отъезжаю в своем кресле назад, чтобы дать ей войти.

— Мне нужно приготовить "Белую ночь"[2], чтобы облегчить уход его душе, и ты — единственный, кто может мне помочь. У остальных нет веры.

Она выкладывает свои покупки на стол между грудами сценариев и пьес, в которых Анн-Софи делает пометки для своих кастингов. Ей никогда не дают ролей, но она ничего не выкидывает. Я заглядываю в пакеты. Еда, бумажные цветы, какие-то предметы из картона. Все белого цвета.

— Я не уверен, что у нас одно и то же понимание буддизма, Юнь.

— Буддизм — это моя культура, а для тебя это — вера. Марк рассказал мне, что с тобой произошло в Тибете.

Я стискиваю зубы. Наливаю воды в чайник, вынимаю из холодильника свою банку из-под чая с прогорклым маслом[3], которую Анн-Софи завернула в пищевую пленку, чтобы не пахло. Одним движением руки я разворачиваю кресло к Юнь и говорю ей, что ничего со мной не произошло. За несколько месяцев я изъездил те уцелевшие тибетские монастыри, которые еще не превратились стараниями китайцев в Диснейленд. Я повсюду

1. Названия сетевых азиатских супермаркетов во Франции.
2. "Белая ночь" — ритуальный чай тибетцев.
3. Буддисты готовят чай с прогорклым маслом из молока яка.

искал знаки, пометы, оставленные в манускриптах святым Исой, целителем-чудодеем, которого некоторые толкователи приняли за реинкарнацию Иисуса. Я взывал с исступленной верой к силам пустоты, заклиная: "Восстань и иди!" Я учил сутры и мантры, держал пост, приобщался к тайным обрядам, которые позволяют некоторым монахам совершать левитацию. Физически во мне не произошло никаких изменений. Я не избавился от инвалидного кресла, но духовный поиск преобразил меня полностью. Может, в это трудно поверить людям со здоровыми ногами, но внутренняя левитация примирила меня с моим параличом. Он больше не является для меня препятствием, он стал движущей силой моего развития. Как слепые улавливают звуки и запахи, которые от нас ускользают, так и я развил в своем отношении к миру и в своих сексуальных отношениях связи, которые важнее физического здоровья. С тех пор я проповедую свою веру, я вижу ухмылки скептиков и как журналист уже не пользуюсь доверием, но это не имеет никакого значения. Мое духовное исцеление помогает тем, кто тоже в нем нуждается, а на остальных мне наплевать, я просто выключаю их из своего сознания.

— Однако, ты перестал писать.

— Я больше не работаю в газете.

— Да, знаю. Ты сам захотел, чтобы тебя уволили.

Я вижу, она прекрасно изучила мою творческую биографию. Действительно, когда главный редактор проверял текст эксклюзивного интервью, которое я взял у далай-ламы, и оставил в нем только политическое содержание, вымарав то, что он назвал "эзотерическими извращениями", я воспользовался статьей "о свободе совести". И чтобы ознаменовать это событие в профессиональной среде, отказался от компенсации за выслугу лет, в полной уверенности, что конкурирующие издания, даже правого толка, которые единодушно приветствовали мой поступок, ухватятся за меня во имя свободы прессы... Как бы не так: вот уже четыре года я безработный.

— Мне не заткнули рот, Юнь. Я пишу на сайте своего фонда, рассказываю о нем в ресторанах, на генеральных репетициях, в спортивных клубах, в общественном транспорте... Но в жизни есть место не только прессе. А вообще-то, забавно: именно китаянка упрекает меня в том, что я не пишу о Тибете. Хотя приравнивает его к Корсике.

Она пристально смотрит на мою молитвенную мельницу, стоящую на разделочном столе — я привез ее из монастыря в Гянтзе[1]. И говорит тихо, но твердо:

1. Третий по величине город в Тибете.

— Тибет всегда был частью Китая.

— Ничего подобного. Правительство колониальной Индии так постановило в 1890 году, чтобы упростить торговлю.

— Это западная пропаганда.

— А вторжение 1950 года якобы с целью "освободить Тибет от империалистических сил", хотя с 1912 года там уже не было иностранного присутствия, — тоже пропаганда? А миллион жертв, пытки, стерилизация женщин, уничтожение культурного наследия, лесов, диких животных, а отравление почвы ядерными отходами, чтобы целебные травы стали смертельно ядовитыми, — тоже пропаганда буддийских монахов?

— Это все только пустые слова.

— В Тибете самые крупные в мире запасы полезных ископаемых — вот в чем смысл "протектората" Китая! Благодаря политике массового заселения, из трех жителей Тибета двое — уже китайцы; скоро борьба за независимость потеряет всякий смысл. Вы выжидаете?

Она слушает меня, разглядывая афиши спектаклей, где играла Анн-Софи. Затем подходит к моей афише, единственной, которую я сохранил назло всему. "Праведники" Камю, 3 марта 1988 года, в доме культуры в центре района дешевых многоэтажек Северной Ниццы. В тот день туда ввалилась банда молодчиков, чтобы сорвать спектакль. Я, очертя голову, бросился в драку, желая защитить Марлен. Они свалили меня на пол ударами железных прутов и бросили умирать прямо на сцене.

— Раз ты считаешь себя буддистом, Люка, ты должен знать: все, что происходит, зависит от кармы.

— Ну конечно. У Тибета проблема с его предыдущими инкарнациями — ясное дело: тибетцев надо было очистить ради их же блага.

— Лао-Цзы сказал: "Ничто не происходит без причины". Маньчжурские императоры, начиная с Кангси, считали далай-лам своими духовными учителями и заставляли китайцев признать моральное превосходство Тибета.

— Значит, ты признаешь, что Тибет — отдельное государство.

— Нет. Идейное противостояние отдельной области, враждебное Революции, которое Революция должна была уничтожить, чтобы защитить свои ценности.

— Понятно. Следуя этой логике, Франции надо оккупировать Монако, чтобы защитить завоевания 1789 года.

— Я не позволяю себе обсуждать вашу внутреннюю политику.

Она бросает мне вызов своей понимающей улыбкой. Чайник свистит уже минуты три. Я отворачиваюсь, чтобы снять его с плиты, а заодно прекратить эту дискуссию. Мне больше не хочется полемизировать, и ей, видно, тоже. Стоя за моей спиной, она руководит моими действиями и начинает готовить традиционный чай тибетцев, соблюдая ритуал, который я за давностью лет уже подзабыл.

— Юнь-Сян, откуда ты знаешь правила?

Она поднимает глаза, берет поднос и выходит из кухни.

— А тебе не приходило в голову, что китаянка, так яростно обличающая тибетцев, может оказаться агентом далай-ламы, получившим задание вызвать обратную реакцию у Запада и втянуть его в борьбу за Тибет?

Она осторожно ставит поднос на молитвенный барабан, который сейчас служит нам столом.

— Ты... говоришь о себе?

— Я не комментирую сводку новостей, Люка, я лишь подсказываю тебе сюжет для книги.

Она садится в глубокое кресло Анн-Софи, кладет ногу на ногу, обхватывает руками правое колено и рассказывает мне историю маленькой девочки из Шанхая, отца которой послали в Тибет как колониста-поселенца. Семья оказывается на огромной ферме, экспроприированной у тибетцев, где нужно зарыть на площади в сотни гектаров не семена, а большие мешки с отходами, содержащими новый компонент, благодаря которому они разлагаются без остатка. Однажды отец слышит разговор тибетских крестьян, еще оставшихся в этой местности: на самом деле эти отходы токсичны и предназначены для того, чтобы проверить на местных жителях их побочное воздействие. Он делится своей тревогой со старшим по участку и попадает в тюрьму.

Его жена и дочь возвращаются в Шанхай, где живут нелегально, в постоянном ожидании ареста за пособничество диссиденту. К счастью, девочка научилась у старого тибетского монаха в гараже Нагпо, где он чинил их трактор, искусству мандалы — представлению вселенной в геометрических и символических образах. Освоив технику концентрации внимания и пройдя путь духовного освобождения, после смерти матери она смогла зарабатывать на жизнь, воспроизводя шедевры в тишине подпольной мастерской. Так она и жила, пока один француз случайно не наткнулся на нее и не решил вытащить на свет божий.

Не отрывая от нее взгляда, я делаю глоток ритуального чая. Он приготовлен по всем правилам — то есть еще меньше пригоден для питья, чем тот, что завариваю я сам. Мне чудит-

ся, будто я вместе с Марком проник в самую сокровенную глубину Тибета, будто мы оба погрузились в этот недоступный для других мир, где я чувствовал себя как дома.

— Юнь, ты говоришь правду?

— Решай сам. Отныне это твоя история. Тебе придется обработать ее, чтобы она выглядела правдоподобной, если, конечно, сюжет тебя вдохновляет.

Насторожившись, я прошу ее уточнить.

— Я дала обещание Марку, но ты не обязан его выполнять. Он хотел, чтобы я рассказала тебе эту историю для твоей будущей книги. Которую ты напишешь в память о нем.

— "В память о нем"... что ты имеешь в виду?

Внезапно раздается звонок моего мобильного. Я оставил его наверху. Должно быть, это опять Абдель. Я качу к лестнице, хватаюсь за канат. Она смотрит, как я подтягиваюсь на собственных руках. Я успеваю ответить на звонок. Абдель извиняется и объясняет, что не смог со мной поговорить из-за звонка Бани. Абдель и сейчас плачет и смеется одновременно; жалуется, что смерть Марка обрушилась на него как лавина; он вместе с нами горько оплакивает покойного, но считает, что это потрясающая идея — женить его, несмотря ни на что. Он успел отменить заказ ресторатору, но сейчас позвонил и сделал заказ снова; и пусть я не беспокоюсь — всем остальным он оставил сообщение на автоответчике, да свершится воля Аллаха!

Абдель разъединяется, как всегда, не прощаясь, озабоченный множеством проблем, которые он успевает решать, невзирая на свои сто тридцать килограммов. Что все это значит? Похоже, я что-то пропустил. Я вопросительно смотрю на Юнь поверх перил — громовой голос Абделя был слышен на весь дом. Юнь поднимается из кресла Анн-Софи:

— Еще ничего неизвестно. Посмертный брак можно зарегистрировать, только если ваш президент даст разрешение. Твои друзья передали ему мои документы вместе с брачным контрактом, который мы с Марком подписали во французском посольстве.

Опустив телефон в карман, я в четыре приема спускаюсь по канату вниз. Так как я забыл поставить свое кресло на тормоз, оно отъезжает назад, и я шлепаюсь на пол. Отвожу в сторону ее протянутую руку.

— Чего ты хочешь? Официального признания? Свидетельство вдовы, чтобы получить наследство и французское гражданство?

— Думай, что хочешь. Но есть и другое объяснение...

— Все это из любви к Марку?

— Не надо иронизировать.

Защелкивая на колесах тормоз, я отвечаю, что вовсе не иронизирую. Я оскорблен. Посмертный брак! Как женщина, воспитанная в буддистской традиции, может соглашаться удерживать душу таким способом и мешать ей перейти в следующую инкарнацию?!

— Как раз чтобы этого избежать, мне и нужна сегодня ночью твоя помощь. Мы с тобой совершим ритуал проводов Марка, чтобы помочь ему покинуть материальный мир.

Опершись на подлокотники кресла, я приподнимаюсь, затем, ослабив хватку, плюхаюсь обратно.

— Он тебя и об этом просил? Он что, оставил тебе персональное завещание?

— Он возложил на меня миссию, и я приняла ее. Быть рядом с вами. В каком-то смысле пробудить вас. Взять на себя его роль.

— Ясно, ты — его душеприказчица.

На глазах у нее выступают слезы, и она отворачивается. Я успокаиваюсь, поправляю очки и уточняю смысл слова:

— Исполнительница его воли по завещанию. Та, которую он уполномочил выполнить его пожелания.

Она опять смотрит мне в глаза и кивает. Приносит мне мою пиалу и вновь опускается в кожаное кресло, чтобы не глядеть на меня сверху вниз.

— Тебе, Люка, я могу сказать правду. У тебя хватит сил и твердости принять ее. Не знаю, как у остальных... Ты должен мне помочь.

— И что это за правда, Юнь?

Она тяжело вздыхает, выпивает весь чай без остатка до самого масляного слоя и потом отвечает:

— У Марка была последняя стадия рака. Я — единственная, кому он в этом признался. Врачи говорили, что ему оставалось жить всего две-три недели.

Пиала выпала у меня из рук. Я смотрю, как жирная струйка просачивается в щели паркета. Рак... У меня не укладывается это в голове, и в то же время где-то в глубине души я ясно чувствую, что это — единственное возможное объяснение поведения Марка. Как же мы ничего не заподозрили? Ничего не заметили? Несколько случаев всплывают у меня в памяти: отмененные встречи, краткие недомогания, которые объяснялись злоупотреблением сексом, алкоголем или несвежими устрицами... Как это похоже на Марка — морочить нам голову. Он не хотел превратиться в больного, которого опекают, лечат, жалеют. И речи не могло быть о том, чтобы поменяться с нами ролями. Он до самого конца остался нашим режиссером-постановщиком.

Юнь пошла на кухню и вернулась оттуда с рулоном бумажных полотенец. Она вытирает лужицу ритуального чая и не

спешит продолжать свои признания. Но логика уже подсказала мне остальное. Она видит по моим глазам, что я все понял. Кладет бумажный рулон и, стоя на коленях слева от моего кресла, говорит:

— Да, он все предвидел. Он не хотел ложиться в больницу, терпеть бесполезные мучения, обременять вас своей болезнью. Он сам выбрал день и способ умереть. И поручил мне устроить все, что будет "после".

Я закрываю глаза. Самое поразительное — не то, что я сейчас услышал, а то, как она это произнесла. В ее голосе решимость, смирение и непоколебимая вера в свою миссию. Она — избранная, ее направляют свыше. Камикадзе любви, который жертвует собой ради других.

Я едва могу выговорить:

— Но ты, Юнь... Я могу понять Марка, я поступил бы так же, если бы, придя в себя после комы и узнав, что не смогу больше ходить, оказался совсем один... Но ты, как ты могла взвалить на себя такой груз? Неужели ты оставила свою родину, все бросила... чтобы приехать сюда, выйти замуж за мертвеца и опекать его друзей?

Она улыбается и говорит, что таковы были условия договора: у нее есть определенные обязательства, но и преимущества очевидны. Она настойчиво повторяет, видя мое волнение: то, что я ошибочно принимаю за жертвенность с ее стороны, на самом деле — сказочный подарок, который сделал ей Марк. Ее жизнь в Китае ограничивалась копированием картин и постоянным страхом оказаться за решеткой. Марк подарил ей возможность творить новое, соединять людей. Более того, она считает, что мы оказались достойны ее миссии. Могло быть куда хуже.

Она прислоняется щекой к моим коленям. У меня начинает покалывать в животе, и я поспешно отъезжаю назад. Самым что ни на есть нейтральным тоном я интересуюсь, где она познакомилась с Марком.

— В поезде. Он хотел сфотографировать пассажирок и спрашивал у них разрешения. Все они отказались. А мне было безразлично. Я тогда узнала, что моего отца скоро переведут в другую тюрьму, где я больше не смогу с ним видеться даже раз в месяц. Марк всю дорогу безостановочно "собирал на пленку" мои слезы, как он говорил. А потом мы познакомились. С помощью его трех китайских слов и моего английского, выученного в мастерской, по каталогам живописи, нам удалось поговорить.

Ее палец рисует на моем колене рельсы, стрелки, движение по кругу.

— Я рассказала всю свою жизнь незнакомому человеку при посторонних, но мне было все равно: я уже ни на что не надеялась, а значит, ничего не боялась. На вокзале в Шанхае он сделал мне предложение: “Если к моему приезду через полгода вы станете самой красивой женщиной в мире и выучите французский, я на вас женюсь”. И дал мне пять тысяч долларов наличными, чтобы я могла сделать все необходимое и заслужить его доверие. Он вернулся в конце ноября снимать показ “Шанель” на барже со стеклянным навесом, посреди реки Хуанг-Пу. Пригласил меня на торжественный прием, а потом в отель “Пенинсула”. И там мы заключили наше соглашение.

— Ваше соглашение... Прости, но разве не мог он просто жениться на тебе, а потом покончить с собой? Мы бы тебя не оставили...

— Разумеется. Защитить вдову пунктом о равных правах супругов на владение имуществом, а потом кидать жребий, кому она теперь достанется — какой в этом смысл, в чем здесь заслуга? Я должна была быть в опасности, и вы тоже, тогда это настоящий выбор. И потом, я могла вас совсем не заинтересовать. Марк купил мне обратный билет, на случай, если бы я не понравилась вам или вы не понравились мне.

Философ Мэн-Цзы говорил: “То, чем мы обязаны мертвым, не должно вредить живым”.

Я поднимаю голову. Жгучее желание заняться с ней любовью — здесь, немедленно. Не в память о Марке. Из-за нее самой. Из-за того, что она сделала. За то, что она — такая, какая есть.

— Марк так любил вас, с такой теплотой о вас отзывался... И я не разочарована.

Она отводит мои руки от своего лица и опускает их на подлокотники кресла. Затем слегка откидывается назад, избегая интимных прикосновений и по-прежнему стоя передо мной на коленях.

— Марлен — подруга, какой у меня никогда не было, воплощение всего, что мне самой не удалось найти в живописи: страсти, смысла, красоты страдания. Бани — как подарочный пакет с сюрпризом: открывая его, находишь все новые и новые сокровища. А Жан-Клод — трогателен, как ребенок, который, может когда-нибудь родиться у меня от одного из вас...

Она замолкает. У меня с языка рвется вопрос. И она сама произносит его:

— А ты, Люка? Не бойся, выскажись за меня: “Я хочу быть твоей героиней, хочу принадлежать тебе на бумаге, вдохновлять тебя, войти в твой потаенный сад, разрушить твои стереотипы и твою такую удобную скорлупу...”

Она встает с колен, обвивает мою шею руками и присаживается на левый подлокотник кресла с риском опрокинуть нас обоих.

— Я хочу быть твоим сердцем и твоими ногами, если ты мне позволишь.

Она прижимается губами к моим губам и тут же отстраняется.

— Но между нами больше ничего не будет, пока ты не напишешь книгу. Поэтому берись скорее за работу, если хочешь оказаться первым.

— Это угроза?

— Скорее состязание между вами. Воспользуйся своим преимуществом. Сейчас ты единственный знаешь правила игры.

Она потягивается. Я хватаюсь за стойку перил, чтобы удержать равновесие. Зевая, она улыбается — точь-в-точь спортивный тренер, возбужденный и заранее утомленный при мысли о задачах, которые ему предстоит решать со своими подопечными.

— Марлен сама должна стать художником, Бани нужно довести до ума свой двигатель на овощах, Жан-Клод создаст прибыльное предприятие, тебе в будущем году предстоит издать книгу. Вот последние желания Марка. А я — премия за риск.

Она сдерживает мои руки, которые скользят все выше и выше по ее белому платью.

— Но наш уговор вовсе не означает, что я обязательно возьму вас в любовники. Марк сказал только одно: я буду руководить вами.

Я обнимаю ее за талию и привлекаю к себе, чтобы полнее впитать в себя светлую радость, которой дышат ее слова. Она ловит ртом мои губы, жадно впивается в них. Ее тело так трепещет, что эта дрожь как будто передается моим ногам, и они уже не кажутся мне безжизненными.

Но в этот момент я слышу, как в замке поворачивается ключ. С молниеносной быстротой Юнь сбрасывает с ног туфли, вскакивает и, прежде, чем я успеваю что-то сообразить, на цыпочках взлетает по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек и держа туфли в руке.

— Ку-ку, как дела?

Анн Софи закрывает дверь, швыряет в угол свой шлем и сценарий.

— Идиотский кастинг! Я, видите ли, “слишком француженка”. А как же иначе, твою мать? Мои пробы прошли на ура, и я отлично знаю, почему в результате взяли эту шалаву...

Бен, ты готов? Котик, у нас сеанс в восемь часов! А зачем ты жратву купил?

Застигнутый врасплох, я качу к балкону с пачкой сигарет в руке и напоминаю, что сегодня никак не могу: мне предстоит ночное бдение вместе с душой Марка.

— Ой, правда, я совсем забыла, извини.

В три прыжка она оказывается рядом со мной, разворачивает кресло к себе, приникает губами к моему рту и целует взасос. Потом отступает назад и улыбается мне с притворно-виноватым видом. Я не дрогнул. Надеюсь, помада Юнь останется незамеченной под помадой Анн-Софи.

— Бедный мой котик, это ведь твой лучший друг... Тебе было очень тяжело на похоронах?

Она снимает куртку, свитер, бюстгальтер, сапоги, джинсы. В растерянности я смотрю, как на полу вырастает груда одежды. Боюсь даже представить, что за этим последует.

— Этот кастинг — просто ад. Нет, но кем они себя воображают, эти американцы? Вздумали объяснять нам, как играть Мольера!.. Эй, не сметь! — восклицает она, указывая на выпуклость, появившуюся у меня между ног. — Я правда жутко опаздываю, и потом не забудь, что ты в трауре! "Друг" называется!

С ласковым смехом она закидывает свои трусики-стринги кончиком ноги прямо в груду одежды, жмет мимоходом мой член, как какой-нибудь кабачок в овощной лавке, и взбегает по лестнице.

— Приму душ и сразу убегаю, так я успею повидаться со всеми до просмотра и вернусь пораньше. Жалко, что ты не идешь, там будет полно режиссеров, которых ты любишь.

Я закрываю глаза, мысленно перебирая укромные места, где можно спрятаться. Таких наверху только два: за занавеской в ванной комнате и в платяном шкафу спальни, который Анн-Софи скоро откроет, чтобы переодеться. Только бы Юнь выбрала второе: тогда она успеет выбраться и исчезнуть, пока Анн-Софи будет в душе. Я напрягаю слух. Шум струи, бьющей по эмалированной поверхности, шуршание пластиковой занавески. Я откатываюсь к лестнице, чтобы наблюдать за шкафом. Его дверцы по-прежнему закрыты. Но не звать же мне Юнь! Пока я решал, не подняться ли мне наверх, в ванной смолкает шум воды. Слишком поздно.

Чтобы не впасть в панику, я возвращаюсь на кухню к столу, придвигаю к себе сумку из магазина "Танг фрэр" и запихиваю в рот что-то вроде рисового пудинга с белым кремом. Заодно пытаюсь наладить контакт с душой Марка и воззвать к нему. Если он действительно хочет, чтобы я обрел душевную

гармонию и начал писать, то было бы так мило с его стороны избавить меня от бурного скандала.

Я слышу позвякивание флаконов, хлопанье крышки мусорного ведерка, шарканье шлепанцев по паркету, скрип дверцы шкафа, дребезжание металлических вешалок, но не слышу голоса Анн-Софи. Я проглатываю, наконец, кусок пудинга и начинаю нормально дышать. Ко всем ее прочим талантам, Юнь должна быть еще и поразительно гибкой, если она сейчас, сложившись втрое, сидит в бойлерном шкафчике.

Анн-Софи появляется минуты через три уже в сапогах-ботфордах и свитере, не доходящем ей до пупка. Роясь в коробке из-под печенья, где мы держим деньги, она небрежно замечает:

— Ты в курсе, что у тебя девица в постели?

Сдерживая подступившую тошноту, я отвечаю с невинной улыбкой:

— Правда? А я думал, она в бойлерном шкафчике. Это невеста Марка.

— Ясно. Я смотрю, она не теряет время, чтобы снова к кому-нибудь пристроиться.

— Да нет... Ты уже вообразила невесть что!

Она роется в одежде, ищет куртку.

— Ты меня еще и за идиотку держишь? Положим, мне сейчас и правда не до секса из-за этих проблем с пособием по безработице, а ты, я знаю, огонь-парень, но всему есть границы! Я тоже могла бы воспользоваться случаем, учти это, и не раз, — может, даже сегодня вечером. Так что не переживай, если вам вздумается закончить ваши похоронные посиделки в "Кост"[1]: мы там тоже будем, вот уж покайфуем все вместе! Крутая тусовка, вполне в духе твоего Марка, он был бы в восторге. Ну все, привет! Счастливо утешиться!

Она хлопает дверью. Через секунду выходит Юнь, по-прежнему на цыпочках, смахивая на ходу перышко со своего шерстяного платья.

— Можно узнать, зачем ты это сделала?

— Я не нашла другого места, где спрятаться.

— Да и не надо было прятаться! Я имею право принимать женщину в гостиной и никакой драмы в этом нет.

— Прости, но Марк был прав: она должна немного ослабить свою хватку. Ничего, ей будет полезно проветриться, это в ваших общих интересах. Ведь признайся, ты уже начинал скучать?

1. "Кост" ("Costes") — пятизвездочный отель в Париже, известный своими дорогими вечеринками.

Мне нечего возразить. Не будь я прикован к креслу, Анн-Софи наверняка чаще изменяла бы мне ради своей карьеры. И если теперь она не будет винить себя слишком сильно, я начну ощущать себя по отношению к ней полноценным мужчиной. Я уже не буду для нее мертвым грузом, виновником ее угрызений совести, тормозом ее таланта. Она уже не станет упрекать себя за свой выбор, за этот порыв благородства, который превратился в тяжкую повинность: победа над ветрами и штормами не такая простая штука для пары, в которой один — инвалид. Может статься, Юнь права: наш единственный шанс иметь будущее — это не загнивать в прибрежной тине, а смело вести свой корабль через бурное море.

Она смотрит на часы, собирает покупки.

— Ты поднимешься переодеться, Люка? Мы должны поехать в отель к остальным.

Я молчу, погрузившись в созерцание своих ног, и она спрашивает с тревогой:

— Ты сердишься на меня? Тебя тревожит реакция Анн-Софи?

Я поднимаю глаза и подражая ее тону, которым она цитирует своих мудрецов, изрекаю:

— Мольер сказал: “Оставим в стороне мы наших дней пороки и к слабости людской смягчим свои упреки”[1].

Она кусает губы, качает головой. Я подъезжаю к канату, хватаюсь за него, повисаю в воздухе и вижу, как она отрывает листок-стикер от дверцы холодильника и добросовестно записывает услышанное.

Сегодня вечером я смотрю на своих друзей совсем другими глазами. Как и я, каждый из них спрашивает себя: какие кусочки головоломки она раздала остальным? Дополняющие друг друга, похожие, несовместимые? Отныне между нами есть тайна, соревнование, сговор: мы хитрим, блефуем, и это возвращает нашей дружбе молодость.

Юнь провела два часа на кухне, и теперь аромат китайских трав пропитывает отель от погреба до крыши. Но вся еда в наших тарелках — белого цвета и совершенно безвкусна, согласно ритуалу. Мы жуем, поднимая брови в знак вежливого одобрения.

— Не притворяйтесь, что это вкусно, и не добавляйте специй. Так надо. Этот ужин предназначен не нам, а Марку. А он может оценить его только по запаху. Эта трапеза состоит из запахов, для живых она должна быть безвкусной.

1. Мизантроп. Акт I, сцена 1. Перевод Н. Холодковского.

— Класс! — комментирует Жан-Клод, отодвигая свой бокал с кокосовым молоком. — Выходит, мы должны есть все белое?

Он вынимает пачку сигарет и показывает ее Юнь, уточнив, что это облегченные сигареты без вкуса, но с запахом ментола. Юнь соглашается. Тогда он предлагает закурить и нам. Американцы за соседним столом пялятся на нас, разинув рты с таким ужасом, будто наступил конец света. Жан-Клод встает, напоминает им, что они уже поужинали и что ресторан закрывается. Он отправляет их в бар и закрывает за ними раздвижные двери под возмущенным взглядом бармена.

— Как-никак, мы у себя дома, — заключает он, раскуривая пять сигарет.

Пять струек дыма дружно возносятся к жестяной люстре в стиле ар-деко. Где-то там наверху сейчас ужинает душа Марка. Мы сидим с ним за компанию еще полчасика, затем поднимаемся в номер Юнь для продолжения программы. Жан-Клод предложил гостиную "Модильяни", но она ее отвергла. Никакого газового камина, только настоящий, на дровах. Такой камин есть в свадебных апартаментах. Жан-Клод и Бани берут меня под руки, чтобы втащить наверх по маленькой лесенке. Поскольку я крупнее их, мои ноги бьются о каждую ступеньку, и этот стук напоминает мне ритуальный барабанный бой.

В китайских супермаркетах возле площади Италии Юнь накупила множество предметов из белого картона: домики, как в игре "Монополия", миниатюрные модели автомобилей, пачки игрушечных банкнот, фотоаппарат-"мыльницу", кукол Барби в коротких юбочках... Все воспоминания, дорогие сердцу покойника, нужно символически изъять из материального мира, чтобы он мог унести их с собой в мир иной. В ритме мантр, которые мы повторяем согласно канонам, Юнь бросает фигурки в огонь, одну за другой.

— Ты не возражаешь? — спрашивает Бани, забирая в последний момент две картонных машинки. — Это не суеверие, но все-таки... На "Королеве-Матери" мы ездили в Вильфранш, а "триумф"я сохраню как опытный образец.

Звонит его мобильный. Он смотрит на номер, который высветился на экране. Поспешно включает связь, слушает, мрачно бормочет "спасибо" и медленно отключается. Мы вопросительно смотрим на него. Он отводит взгляд и бросает:

— Это из Елисейского дворца. Сказали, для решения нашего вопроса понадобится восемь-десять месяцев.

Юнь встает, деревянной походкой, с невидящим взглядом идет к кровати и падает на нее. Резные стойки балдахина

сотрясаются от ее рыданий, которые она заглушает, уткнувшись лицом в подушку.

С минуту мы сидим в молчании. Потом приводим комнату в порядок, гасим пламя в камине. По очереди подходим к Юнь и целуем ее в затылок. В ответ она сжимает пальцами воздух, словно хочет пожать нам руки. Бани говорит, что он смажет все узлы в машине, и завтра в полдень можно уезжать. Вилла будет в нашем распоряжении только до понедельника: если мы за это время не развеем прах над морем, то уже никогда этого не сделаем. Всегда найдутся срочные дела, из-за которых миссия будет вечно откладываться. Он прав. Я смотрю на урну у постели. Слава богу, на ней нет ярлычка “best before”[1]. Я все еще цепляюсь за призрачную надежду:

— Вы уверены, что брачный контракт не имеет законной силы, пока брак не зарегистрирован?

— Абсолютно, — со вздохом отвечает Жан-Клод.

Марлен напоминает о Жажа: она останется одна на Рождество. Мы поворачиваемся к Юнь. Я спрашиваю, что она решила.

— Я аннулировала бронь на самолет, — отвечает она, не двигаясь, по-прежнему уткнувшись лицом в подушку.

Жан-Клод закрывает ставни окна, выходящего в парк, который сменяется густой рощей в конце улицы Сен-Венсан. Ночь ясная, звездная. Меня поднимают со стула, и мы удаляемся, бросив последний взгляд на несостоявшуюся невесту. Легкий сквозняк ворошит пепел в камине, откуда дым вознес к Марку все его земные услады.

Я представляю себе, как его дух обретает покой — смесь ностальгии, смирения и похмелья. Марк завершил свое земное существование.

Мы уже почти у лестницы, когда вдруг дверь номера Юнь открывается. Мы думаем, что она хочет позвать нас обратно, но нет — дверь уже захлопнута. Она просто вывесила на дверной ручке свой заказ к завтраку. Жан-Клод, поручив Марлен поддерживать меня слева, идет назад, с минуту стоит, уткнувшись носом в карточку, а потом, весь красный, бесшумно отходит и показывает ее нам. Юнь заказала завтрак на двоих.

При мысли, что приглашен будет кто-то один из четверых, между нами возникает неловкость. Но, увидев, что она отметила в заказе только чай с молоком и белый хлеб с маслом, мы понимаем, что и завтра утром этим вторым будет Марк.

1. Использовать до... (*англ.*)

Поездка длилась двенадцать часов. Жажа, сидя в наушниках, которые смяли всю ее завивку, восторженно разглядывала в промежутках между сериями пейзажи, проплывающие за окном. Бани раздобыл для нее все серии “Огней любви”. Нам слегка надоел лейтмотив, который она все время мурлыкала, и, чтобы не слышать его, мы включили музыку предвоенных лет на старом ламповом приемнике. Когда дорога становилась неинтересной, Юнь погружалась в игры на своем айфоне. То ли с горя, то ли назло судьбе, она надела под просторный мохеровый свитер свое узкое платье из алого шелка, в котором собиралась выходить замуж.

Мы по очереди сменяли друг друга за рулем старого “роллса”, останавливаясь каждые два часа, чтобы заправить машину. Бани был доволен: нигде ничего не перегревалось. К сожалению, салон тоже. В шерстяных шапках, в теплых куртках, закутанные в пледы, мы были похожи на семейство бомжей в королевской карете. На парковках у автозаправок Жажа приветствовала любопытных заученным жестом королевы-матери.

Поездка оказалась гораздо приятнее, чем мы ожидали, особенно когда Жажа спала. Тишина ковра-самолета, колыхание корабля на волнах. Путешествие, которое вновь погружало нас в самих себя, заставляло подводить итоги, пересматривать планы. Путешествие назад, возвращение к себе приводило нас к отправной точке — к желтой вилле Жоржа Файоля. Он навсегда остался сороколетним и улыбающимся на фото в медальоне Жажа, который она постоянно носила открытым. Два крохотных снимка, вырезанных в форме овалов, относились ко времени их встречи в Алжире. Тогда, Жанин Эсслер, официантка в кафе “Нали”, инстинктивно бросилась к местному судовладельцу-французу, чтобы заслонить его от пулеметной очереди алжирского партизана. Героизм такой молоденькой девушки и немедленно последовавшие репрессии привели к тому, что между ними возникла глубокая страсть, которую этот человек, будучи отцом семейства, скрывал в течение тридцати лет. Вернувшись во Францию, он приобрел судостроительные верфи в Вильфранше и желтую виллу над внутренней гаванью, где и поселил свою возлюбленную. Он проводил там одну неделю в месяц во время деловых поездок. Семейство Файолей ничего не знало о его двойной жизни и о существовании незаконнорожденных близнецов, которые росли в тени харизмы своего “приходящего” отца вплоть до его смерти. После чего Жером настоял на эксгумации — ради одной четвертой доли наследства и права писать через дефис вторую фамилию.

Когда мы подъезжали к Валансу, зазвонил телефон Бани. Он буркнул “алло”, вдруг дернулся так, что машину занесло, четыре раза пролепетал “спасибо” и, включив громкую связь, попросил говорившего повторить то же самое.

— Да, я сказала, что, учитывая длительность административной процедуры, президент принял решение подписать документ, не откладывая. Он передает вам... — три секунды неловкой заминки, а потом голос цитирует слова первого лица государства: — ...свои самые искренние пожелания счастья”. Мы перешлем указ в мэрию коммуны.

Мы приехали незадолго до полуночи. Мне чудилось, что мы сошли на берег после долгих скитаний, как в те моменты моего отрочества, когда Марк забирал меня из лицейского интерната, чтобы я встретил Рождество в их семейном кругу. Его отец желал нам веселого Рождества из телефонной кабины на другом конце Вильфранша.

Абдель чтил традиции. На столе был и турецкий горох, тушенный с мангольдом, и фаршированные кабачки, и запеченные с сыром испанские артишоки, и тринадцать разных десертов, и маленький Иисус, уложенный в провансальские рождественские ясли ровно в полночь. Абдель, уважавший все религии, по своему обыкновению повернул фигурки волхвов лицом к Мекке.

Юнь сразу же понравилась желтая вилла, ее пряный запах сырости, укромные уголки, густые заросли пальм и эвкалиптов, гладивших ветвями, при легком бризе, ее облупленный фасад. Абдель принял Юнь так, будто она всегда была членом семьи. Марлен показала ей комнату Жоржа Файоля на верхнем этаже квадратной башни, которая высилась над морем, с рассохшимися, побелевшими от сырости окнами-витражами — выцветшими, исхлестанными водяной пылью. Жорж был художником-любителем; с тех пор как он умер, никто не прикасался к его мольберту. На солнце кисти и тюбики с красками затвердели, акварели выцвели. Но уже на следующий день женщины вдохнули жизнь в эту мастерскую, где когда-то зародилась страсть Марлен к живописи.

Жан-Клод и Бани привязали веревку к верхним перилам лестничной клетки, так что я тоже теперь мог подниматься и незаметно следить за нашими девочками.

— Возьми у других то, что ты больше всего любишь в их картинах, Марлен. Главное — твое восприятие, а не замысел художника... Позволь краскам выразить то, что ты чувствуешь, то, что ты все время ищешь. Вот так. Теперь собери воедино все технические приемы, все, чему обучили тебя твои

художники... И особенно то, чего они не смогли тебе дать. Все, что ты видела в их картинах и чего там на самом деле не было. Это — твое. И тебе нужно это выразить.

Марлен скомкала свой первый набросок, взяла новый лист. Бани, закутанный в плед, устроился на солнце в шезлонге и стал чертить какой-то план. Жан-Клод, сидя за столом перед ноутбуком, грезил своими цифрами.

А я глядел на Юнь и чувствовал, как мой роман обретает четкую форму. Роман на пять голосов, чтобы зазвучал и ее голос.

— С глубокой скорбью, но и с великой радостью обращаюсь я к вам, поскольку вы оказали честь нашей прекрасной коммуне, собираясь сегодня заключить союз — волнующий и необыкновенный; и должен признаться, что в таком событии я участвую, невзирая на мой преклонный возраст, впервые в жизни.

Могучий, как регбист, с перекошенным галстуком и очками на лбу, мэр произносит свою речь без микрофона под сводами ветхой часовни, некогда расписанной Жаном Кокто. Стоя перед алтарем, Юнь, затянутая в свое узкое платье из алого шелка, слушает его с вежливой улыбкой. Перед ней — фотография Марка, сделанная когда-то его матерью, а на подушечке — обручальные кольца.

— И когда я смотрю на вас четверых, Марлен, Люка, Эрман и Жан-Клод, когда представляю рядом с вами нашего дорогого Марка, я, конечно, вспоминаю и моего друга Жоржа Файоля в ту великую эпоху, когда он устраивал представления для нашего “Lion’s Club”[1] в Версале в пользу собак-поводырей — ведь именно там вы заразились от него прекрасной любовью к театру, которая вас сплотила.

Его взгляд перемещается с потолка на невесту.

— Юнь-Сян, — старательно выговаривает он, уткнувшись в листок, где у него записано, как произносится это имя. — Согласны ли вы взять в супруги отсутствующего здесь Марка?

Энергично вздернув брови, от чего очки падают ему на нос, он как бы просит снисхождения за этот смехотворный вопрос, столь чуждый его религиозным убеждениям. Юнь отвечает не сразу. Она поворачивается к нам. С минуту стоит молча. Что это — последний всплеск любви? Или первое сомнение?

1. “Lion’s Club” — международная общественная ассоциация гуманитарной направленности.

Она опять смотрит на мэра, а затем переводит взгляд на фотографию Марка.

— Согласна, — отвечает она сдержанно и строго.

Лицо мэра сразу же обращается к потолку.

— Марк, согласен ли ты взять в супруги присутствующую здесь Юнь-Сян?

Тишина перехватывает нам горло. И вдруг с края нашего ряда раздается взволнованный голос Жажа:

— Громче! Они тебя не слышат.

Прошло несколько секунд, прежде чем улеглось всеобщее волнение. А затем, под скрип стульев и шуршание колес моего кресла, мы приблизились к алтарю, одетые в костюмы, которые выбрала для нас Юнь и в ее футболки с Магриттом made in China. Жан-Клод и я, как свидетели Марка, надели первое обручальное кольцо на палец невесты. Она взяла второе и продела его через цепочку, которую Марлен и Бани надели ей на шею. А затем мы поцеловали ее от лица Марка.

— Пусть это добровольное испытание, которое вы приняли на себя во имя любви, мадам Марк Эсслер, придаст вам надежды и сил, — заключил мэр. — Мне вспоминаются строки, которые часто цитировал ваш свекор. Сегодня утром я уточнил в интернете имя автора — это Леон-Поль Фарг: “Быть может, нашим близким, к Нему пришедшим в храм, Господь подарит счастье, обещанное нам”[1].

Выйдя из часовни, мы пошли к набережной; там, невдалеке, нас ждал старый рыбацкий баркас, низко осевший под тяжестью красных цветов, свадебных букетов и похоронных венков.

Несколько робких восклицаний “браво!” раздалось в толпе взволнованных жителей Вильфранша, смотревших, как свидетели и невеста с урной садятся в лодку. Ярко светило зимнее солнце, на море был штиль — ни малейшего ветерка. Самое подходящее время, чтобы развеять над морем горстку праха.

Бани и Жан-Клод вдвоем подняли меня на борт, Марлен сложила мое кресло, Юнь отвязала причальный канат.

Так началось наше свадебное путешествие.

1. Цитата из стихотворения “Ноктюрн”. Перевод И. Волевич.

Из современной китайской поэзии

Перевод с китайского и вступительная статья Юлии Дрейзис

Современная китайская поэзия — это terra incognita для российского читателя. Меж тем ее история насчитывает уже почти сто лет, если считать от выхода в свет сборника Ху Ши (1891—1962) “Эксперименты”. Публикация “Экспериментов” в 1919 году знаменовала появление феномена китайской поэзии на современном языке (modern Chinese poetry) — в отличие от традиционной поэзии на классическом *вэньяне*. Но для становления по-настоящему современной поэтики важными оказались открытие Китая внешнему миру после эпохи Мао Цзэдуна (1949—1976) и преодоление наследия соцреализма в литературе. Условной датой выхода китайского авангарда на поэтическую авансцену после долгого существования в подполье можно считать 1978 год — начало публикации в Пекине неофициального журнала “Сегодня”. Оно стало знаком рождения современной китайской поэзии.

Язык современной поэзии вобрал и преобразовал элементы классического и разговорного языка, массу заимствований, неологизмов, диалектизмов, чуждую традиции пунктуацию, а порой и иностранные слова, напрямую включаемые в текст. Этот язык завис невозможной сцепкой между двумя полюсами “инаковости” — западной культурой, бомбардировавшей Китай с середины XIX века, и собственной традицией классического стиха. Отделённость сегодняшнего китайского читателя от этой традиции обусловлена языковым барьером — читать классические стихи без специальной подготовки практически невозможно. Восприятие затрудняется и выключенностью читателя из общего контекста культуры интеллектуалов, создавших феномен стиха как интегральной части жизни образованной элиты. Поэзия всегда занимала особое место в китайской культуре, в высшей степени филолого- и текстоцентричной. Именно поэтому современный поэт обречен писать в тени эстетического колосса классики на языке, чья история укладывается в столетие (а если считать от официального рождения государственного языка *путунхуа* в 1956 году, то почти вполовину меньше).

Смена языка — один из ключей к пониманию того, как взаимодействуют в китайской поэзии современное и традиционное. Первый сборник “нового” стиха недаром получил название “Эксперименты”. По той же причине большинство современных китайских стихов — это верлибры,

© Юлия Дрейзис. Перевод, вступительная статья, 2017

Редакция выражает благодарность поэтам Хань Дуну, Си Чуаню, Сюаньюань Шикэ и Чжэн Сяоцюн за любезное разрешение безвозмездно опубликовать их стихи на страницах журнала.

писать которые, оказывается, гораздо проще, чем пытаться перенести на китайскую почву европейские форматы метризованной поэзии.

Изменив форму стиха, современные поэты продолжают опираться на традиционную поэтику. Решительный разрыв с традицией начала XX века за столетний путь "новой" поэзии стал значительно менее радикальным. Оказалось, что и классическая, и современная поэзия стремятся к созданию языка, который порывает с "прозаической" природой реальности. Травма "культурной революции" толкнула наших современников к созданию новых связей с традицией взамен утраченных. Связи эти многомерны: они протягиваются через все слои текста, от графики до выстраивания поэтической идентичности. Так, например, сложность внутрифразовых и внутритекстовых структур, столь характерная для поэтов Си Чуаня (р. 1960) и Оуян Цзянхэ (р. 1956), напоминает организацию даосских философских текстов. Для Хань Дуна (р. 1961), И Ша (р. 1966) и других провокационных фигур явно выходит на первый план позиция отрицания — радикализация поэтических альтернатив взаимодействию с классикой.

Трансформация китайского общества и культуры, начавшаяся в 1910-е годы, в конечном счёте привела к трансформации поэзии, сделала китайский авангард ближе к американо-европейскому культурному пространству. Это ощущается в той легкости, с какой китайские поэты, оперируют европейскими реалиями, рассыпают по тексту отсылки к древнегреческой мифологии, европейскому искусству, порой воспринимая иностранных авторов в качестве своих предшественников. Китайская поэзия последних тридцати пяти лет представляет собой творческое поле, более интегрированное в общемировое поэтическое пространство, чем когда-либо. Большинство авторов с готовностью отмечают влияние, которое на них оказала западная литература — от французского символизма и американской поэзии XX века и вплоть до Пушкина, Цветаевой, Бродского. Многие активно занимаются поэтическими переводами и переложениями.

Но устремляясь к внешнему миру, китайская поэзия все же не достигает полной открытости. Она движется к нам навстречу, но не может перестать "говорить на жаргоне". Недаром развернувшаяся в последние годы в Китае бурная дискуссия по проблемам поэтического языка фокусируется и на том, следует ли китайским поэтам подражать своим западным "учителям" или же они должны писать стихи, которые обращены к "обычной жизни". Апофеозом поиска "своего" языка стали так называемые паньфэнские дебаты в Пекине — в 1999 году в отеле "Паньфэн" проходила поэтическая конференция, посвящённая "состоянию китайского поэтического творчества и построению его теоретической базы". Паньфэнские дебаты разделили мир поэзии КНР конца 90-х на два противоборствующих направления. Они стали кульминацией обсуждений того, на каком языке должна обращаться к своему читателю китайская поэзия.

Суть полемики сводилась к определению того, насколько современный стих оторвался от повседневной жизни и вообще на каком языке должна создаваться современная поэзия. Первая, "интеллектуалистская", страте-

гия была представлена произведениями поэтов Ван Цзясиня (р. 1957), Цзан Ди (р. 1964), Си Чуаня, Оуян Цзянхэ, Чэнь Дундуна (р. 1961), Сяо Кайюя (р. 1960), Сунь Вэньбо (р. 1956) и других. Они считали, что поэтический эксперимент должен быть нацелен на демонстрацию независимой природы языка. Эта намеченная в 1999—2002 линия сохраняется в современной китайской поэзии и сегодня. Например, Ян Сяобинь (р. 1963) пытается раздвинуть границы языка, экспериментируя с выражением грамматических категорий. Он создает целый цикл стихов, где возникают слова "женского рода", обозначающие неодушевленные сущности, тогда как в китайском языке грамматическая категория рода отсутствует. "Народные" поэты противопоставляют абстрактному эксперименту приближение языка поэзии к разговорной речи, максимизацию их сходства, отказ от тропики (по крайней мере декларируемый). Особенную роль для "народных" поэтов играет диалектальный компонент, а разговорное — в теории — часто подменяется диалектальным, сленговым. Главные апологеты "народного" подхода — это Хань Дун, Юй Цзянь (р. 1954), Чжоу Лунью (р. 1952), И Ша, Шэнь Хаобо (р. 1976).

И "народники", и "интеллектуалы" — часть так называемого "третьего поколения"[1], чье творчество было прямой реакцией на традицию предшественников и определило поэтический ландшафт 90-х. "Третье поколение" демонстрирует широкую палитру стилей и эстетических позиций, но на этом фоне четко обозначены две тенденции. Первая — это протест против поэзии 80-х, он касается и тематики, и поэтического языка. Будучи лишенным исторического пафоса и гуманистического запала, новое поколение раскрывает объятья опыту городской повседневности. Отсюда легкий, слегка ироничный — и самоироничный — тон, тенденция к снижению и деконструкции. Для второй тенденции характерна близость к конфессиональной поэзии, ностальгия по естественному, природному и стремление к мистическому и трансцендентному. Одной из форм подобной поэзии становится так называемая женская поэзия. Поэтессы нового поколения часто смелее исследуют эмоциональный и психологический мир женщины, мир подавляемых желаний, сексуальности, столкновений с обществом; их поэзия мрачнее, в ней больше одиночества, гнева, отчаяния, паранойи.

В "нулевые годы" китайская поэзия развивается в условиях ярко выраженной коммерциализации культуры. Современная поэзия окончательно отходит от идеалистического пафоса. Поэт Оуян Цзянхэ называет её "творчеством среднего возраста", которое разительно отличается от исполненного надежд творчества 80-х. Характерными для него становятся иронически-пародийные или элегически-интроспективные настроения. Хотя лиризм и романтизм по-прежнему имеют своих последователей,

1. "Первое поколение" — это андерграунд времен "культурной революции", "второе поколение" — так называемые "туманные" поэты, активно писавшие в 80-е гг. XX столетия.

большинство авторов обратились к повествовательной поэзии, более простому стилю и повседневному опыту. Появился и еще один, новый, фактор в поэтической жизни Китая — распространение интернета.

В "нулевые" начинают активно публиковаться представители совсем молодого поколения: "постсемидесятники" (то есть рожденные в 70-е) и "поствосьмидесятники" (рожденные в 80-е). Среди них возникают группы, заведомо нацеленные на скандал, — активно функционирующие в сети поэты "телесного низа", шокируют читателей уже начиная с 2000 года. Их главные тематические ориентиры — секс, декаданс, цинизм, насмешка, апатия, при этом нельзя не отметить в их стихах эффектное использование стиховой формы. Яркие представители этого направления Инь Личуань (р. 1973), Шэнь Хаобо, Ли Хунци (р. 1976), Сюаньюань Шикэ (р. 1971), У Ан (р. 1974), многие из них стали известны и как сценаристы и режиссёры китайского артхауса.

В мире поэзии интернет оказался мощной демократизирующей силой, которая создала равные условия и для трудящихся-мигрантов (таких, как поэтесса Чжэн Сяоцюн (р. 1980)), и для миллионеров (как поэт Ло Ин, он же глава девелоперской компании Хуан Нубо (р. 1956)), и для провокаторов от литературы ("трэшовое" направление). Социальные медиа также влияют на современную поэтическую практику. В январе 2015 года WeChat, приложение для обмена сообщениями и одновременно соцсеть, произвело на свет феномен поэта Юй Сюхуа (р. 1976). Две ее книги были опубликованы в течение одной недели, а 15 тысяч экземпляров проданы за одну ночь. Критики окрестили ее "китайской Эмили Дикинсон". Юй из глубинки, она родилась с церебральным параличом и до сих пор продолжает вести хозяйство в родной деревне. Никто не знает, как сложилась бы ее судьба, если бы не блогосфера.

Феномен "низовых поэтов" играет в Китае заметную роль. Это сообщество пишущих, маргинальное с точки зрения литературного официоза и существующее на периферии как "интеллектуальной", так и "народной" поэзии, лишь частично пересекается с миром поэтов из среды рабочих-мигрантов. Большинство его представителей не чужды риторике grassroots-движений — в честь которых направление получило свое название. В то же время творчество "низовых поэтов" лишь условно можно назвать политизированным — гораздо больше внимания в их стихах уделено переживаниям "человека из народа", не обязательно связанным с общественными проблемами. Юй Сюхуа не единственный автор, на кого критикой был навешен ярлык "низового поэта", — к этой группе причисляют и покончившего с собой Сюй Личжи (1990—2014) и других. Вместе эти люди из разных регионов страны представляют ощутимую новую силу на китайской поэтической сцене — наряду с теми, кого канадский писатель Дуглас Коупленд назвал "алмазным поколением". Дети 90-х, выросшие в стремительно глобализирующемся мире, не мыслящие себя без интернета и прячущие искренность под маской провокации, — самое юное поколение поэтов, открывающих новую страницу в истории современного китайского стиха.

Хань Дун

Родился в 1961 году в Нанкине (провинция Цзянсу). После завершения "культурной революции" изучал философию в Шаньдунском университете, преподавал в Сиане и Нанкине, но потом отказался от преподавания и занялся писательством. Хань – один из самых влиятельных авангардных поэтов Китая, он известен и как эссеист, прозаик и блоггер. В 1984 году Хань создал ставший легендарным литературный журнал "Они", где публиковались многие известные авторы "народного" направления. Сегодня Хань живёт в Нанкине, продолжает писать и активно публиковать стихи и прозу.

А *и* Б

А и Б два человека с разных сторон встают с постели
А завязывает шнурки. спиной к нему Б тоже
завязывает шнурки.
перед А окно, и он видит улицу
и горизонтальную ветку, ствол заслоняет стена.
потому он вынужден из-за заслона поглядеть снова
на ветку, все более тонкую, до самого кончика
еще остается до другой стены здоровенный кусок
пустого
пространства, ничего нет, нет ветки, улицы
возможно есть только небо. А снова (повторно)
смотрит на ветку
голова смещается влево на пять сантиметров, или
вперед
на те же пять сантиметров, или влево и
одновременно вперед
больше чем на пять сантиметров, все чтоб увидеть
побольше
побольше ветки, побольше пустоты. левый глаз
видит
больше правого глаза. между ними расстояние в три
сантиметра
но ветки видно больше чем на три сантиметра
он (А) с этого расстояния снова смотрит на улицу
закрывает левый глаз, потом закрывает правый глаз
открывает левый
потом снова закрывает левый глаз. к настоящему
моменту оба глаза
уже закрыты. А ни на что не смотрит. когда А
завязывает шнурки

ему не нужно смотреть, не нужно смотреть на свои
ноги, сперва левая потом правая

обе завязаны. в четыре года научился
в пять освоился, в шесть приобрел опыт
сегодня один из дней после его семилетия, день в
тридцать или
в шестьдесят, когда он еще может наклониться
завязать шнурки
правда игнорируя при этом Б слишком долго. это
наша
(в первую очередь автора) и А общая ошибка
она (Б) встает с другой стороны постели, лицом к
серванту
через стекло или сетку видит не видимую А посуду
для законченности повествования нужно еще
отметить
когда Б завязав шнурки встает, вытекает
принадлежавшая когда-то А сперма

о большой пагоде диких гусей[1]

о большой пагоде диких гусей
в общем-то что мы можем знать
уйма народу издалека устремляется сюда
чтоб забраться наверх
стать разок героем
некоторые даже становятся дважды
или больше раз
эти разочарованные
эти раздобревшие
что как один упорно лезут наверх
чтобы побыть героем
потом спускаются
ныряют в улицу
моргнешь их уже нет
есть смельчаки что прыгают вниз
на ступенях распускаются красные цветы
эти действительно становятся героями
современными героями

1. Большая пагода диких гусей — кирпичная пагода, построенная в Чанъане (современное название — г. Сиань) тогда, когда он был столицей китайской империи Тан. Возведена под влиянием индийского зодчества в 652 г., в настоящее время является одной из главных достопримечательностей Сианя. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

о большой пагоде диких гусей
в общем-то что мы можем знать
мы забираемся наверх
глядим на все четыре стороны
а потом спускаемся вниз

Си Чуань

Настоящее имя – Лю Цзюнь. Родился в Сюйчжоу (провинция Цзянсу) в 1963 году, но вырос в Пекине, где живет до сих пор. С 1981 по 1985 годы изучал английскую литературу в Пекинском университете, защитил диссертацию о китайских переводах стихов Эзры Паунда. В 1988 году вместе с друзьями основал неофициальный журнал поэзии "Тенденция" и много сделал для продвижения "интеллектуалистского" направления в современной китайской поэзии. С 1990 по 1994 годы сотрудничал в качестве редактора с журналом "Современная китайская поэзия". Си – лауреат литературных премий Лу Синя (2001) и Чжуан Чжунвэня (2003). В настоящее время Си Чуань – главный редактор журнала "Современная зарубежная поэзия". Он преподает классическую китайскую литературу в Колледже свободных искусств Центральной академии изящных искусств в Пекине.

летучие мыши в лучах заката

на офорте гойи, это они художнику
подарили кошмар. это они делают петли
то влево то вправо; они шуршат шепотком
но не будят творца
невыразимая радость ощущается в этих
закатных летучих мышах
на человечества лике. как птицы
но все же не птицы, тела их — черная смоль —
сливаются с теменью, как семя что никогда не
исторгнет цветка
как лишенные надежды души
слепые, злодейские, мыслью ведомые
порою висящие вниз головой на ветвях
как чешуи сохлой листвы, что внушают сочувствие
жалость
а в других историйках, они во
влажных пещерах и гротах гнездятся
солнце за горы значит время пуститься
искать пропитанье, плодиться, потом раствориться
бестенно бесследно

они с силой потянут лунатика влиться в свой сонм
они отнимут из рук у него факел его загасить
они отобьют вторжение волка
заставят его безответного провалиться в ущелье,
ночью, если ребенок не спит
то тому точно причиной летучая мышь
что прячется от ноющих глаз часового
и подлетая вплотную ему вещает судьбу
одна, потом двое, трое летучих мышей
у них нет имущества, нет очага, как могут они
принести людям счастье[1]? от лун полных ли
ущербных повыцвело их
оперенье; они безобразные, лишенные имени
их камень-утроба никогда мне не трогала сердце
вплоть до потемок лета того
когда я проходя мимо прежнего дома увидел толпу
играющих ребятишек
увидел как тучей кружатся над их головами летучие
мыши
закатного света в *хутуне*[2] раскинуты тени
а у летучих мышей раззолочены платья
они впорхнут в парадную дверь с лаком облезшим
но в отношении судеб промолчат безглагольно
среди древних вещей, летучая мышь
это воистину род воспоминанья. они
удержали меня, заставили надолго остаться
в том районе, в моего взросленья *хутуне*

Сюаньюань Шикэ

Родился в 1971 году в городе Линьи (провинция Шаньдун), публиковать стихи начал в интернете в конце 90-х, вдохновившись произведениями раннего Юй Цзяня и Хань Дуна. Одна из активных фигур провокационного направления "телесного низа". Произведения Сюаньюаня Шикэ печатались в известных журналах "Народная литература", "Все", "На краю света" и других. Первый сборник стихов "Среди людей созерцая дождь" вышел в свет в 2014 году. За цикл "Посвящаю Ли Бо" он получил Народную литературную премию 2012 года. В настоящее время живет в Линьи.

1. Традиционно в Китае летучая мышь считается символом счастья, прежде всего из-за созвучия ее названия (*фу*) со словом "счастье".
2. *Хутун* — тип средневековой китайской городской застройки, околоток.

какой шик

какой шик
взаправду как круто
я сижу на шаре земном на этой холодной скамье
глядя на широкоэкранный наш мир
не стерпев вперед всех ударяю в ладоши
но никто не откликается
во всей вселенной
есть только мои две ладони
как божьи веки
хлопнувшие несколько раз

чтобы узнать вкус груши

чтобы узнать вкус груши
мне нужно сперва вырастить грушу
а ещё нужно сперва дождаться для посадки весны
и нужно до весны наперед родиться на свет
родившись здоровым и крепким взрасти и как
следует кушать
пока родители живы далеко не уезжать[1] не
заниматься торговлей
не батрачить не хлеборобствовать не подаваться в
чины
не выезжать за рубеж не продвигаться по службе не
становиться монахом
не сидеть в изоляторе не иметь дел с женским полом
не сходиться с людьми
не балакать с разносчиком фруктов
не трындеть без цели с расфуфыренным миром
обнимая девиц что сидят на коленях оставаться
спокойным
обнимая богом выданный кошт — грушеву кость
сидеть на коленях весны засевши в весну
как завязший в слякоти корень
и будь он совершенно бесплоден
или напротив плодами ломился
вечно в мыслях о грушевом вкусе
что как налет на языке сохраняет свою непорочность
сомкнуты заставы зубов

2000–7–6

1. Аллюзия на известную цитату Конфуция: “Пока родители живы, не уезжай далеко, а если уехал, обязательно живи в определенном месте”.

Чжэн Сяоцюн

Родилась в 1980 году в Наньчуне (провинция Сычуань), после средней школы уехала на заработки в Гуандун. Работала на дунгуаньском заводе по производству крепежных изделий, там начала писать стихи и публиковать их в сети, а также в "Поэтическом вестнике рабочих-мигрантов". Чжэн – одна из самых ярких фигур среди "поэтов-мигрантов". Она – лауреат многих премий, в том числе Народной литературной премии (2007). Живет и работает в Гуандуне.

промзоны

лампы накаливания источают свет, многоэтажки —
свет, механизмы — свет,
усталость тоже источает свет, чертежи источают
свет...
это вечер седьмого дня, вечер августа пятнадцатый
день[1]
луна выходит колесом пустоты, в роще *личжи*[2]
свежий ветер колышет души белизну, многолетний
молчащий
покой, в вечнозеленой траве скрипят жуки,
городские огни источают свет
в промзонах, сколько наречий, сколько по дому
тоски
сколько слабых и немощных — телом там, сколько
блеска лунного света на
день седьмой на станках чертежах, и она — луна —
поднимаясь вверх
озаряет мое лицо, пока сердце исподволь ухает вниз

сколько ламп источают свет, сколько людей в
промзоне проходят меж
света, прошлого и станков
этот не знающий слов лунный свет, лампы и с ними я

1. Пятнадцатого числа восьмого месяца по лунному календарю отмечается традиционный праздник Чжунцюцзе (букв. "Праздник середины осени"), выпадающий обычно на вторую половину сентября. В современной городской традиции это вечер любования полной луной — считается, что в этот день лунный диск самый яркий и круглый в году. Праздник обычно стараются отмечать всей семьёй.
2. *Личжи* — плодовое дерево, известное также как "личи", "лиджи", "китайская слива"; растет на юге Китая.

сколько мелочи, малой как деталей щепье, нить
накала
слабеющим телом угрев промзон оживленье и гам

и нами обрященные все — слезы, радости, боль
ослепительных или презренных забот, душа
луною озарена, добавлена в избранное — и ею
унесена далеко
чтобы исчезнуть там где не видит никто в
пространстве промеж лучей

Лидия Амейко

Ф*арраго*

Пьеса

Перевод с польского Анастасии Векшиной

Действующие лица:

Его Превосходительство, лицо принципиально невидимое, здесь выступает в ипостаси Голоса (в других случаях так же, как Хлеб и Вино)
Петр, мажордом
Фарраго, знаменитый актер

Место лишено ярко выраженной пространственной специфики. В полумраке вспыхивают молнии, их голубоватый оттенок напоминает свет телевизионного экрана.

Петр (*входя*). Ваше Превосходительство!
Его Превосходительство. Тсс! Не сейчас, Петр!
Петр. Но... Ваше Превосходительство!
Его Превосходительство. Не мешай! Не видишь, я смотрю!

Молния разрезает небо.

© Lidia Amejko
© Анастасия Векшина. Перевод, 2017

Петр. Ваше Превосходительство только испортит себе глаза...

Его Превосходительство (*урча от удовольствия*). Гуситские войны, мои любимые!

Снова молния. Сквозь просвет в тучах прорываются военные крики и отчетливая барабанная дробь.

Его Превосходительство (*радуясь, как ребенок*). Вот! Посмотри сам, Петр! Видишь барабан, вон там, впереди? Он их ведет! Ух, как бьют, бум, бум, бум, слышишь?

Петр (*с укором*). Ваше Превосходительство!

Его Превосходительство. А ты знаешь, что это за барабан? Ха! Не знаешь! Не знаешь, потому что не смотрел! Так я тебе скажу: это не простой барабан, нет! Это (*с гордостью*) мой Жижка! Он велел после смерти своей собственной кожей барабан обтянуть, и вот он, нате вам! Гетман, как прежде, ведет в бой! (*Восхищенно.*) Эх, молодцы, молодцы! Знаешь, Петр, я люблю чехов! Мне даже иногда кажется, больше, чем всех остальных. А может, сделать их избранным народом, а?

Петр. Я только хотел бы напомнить, что Ваше Превосходительство однажды уже избрали...

Его Превосходительство. Я? А, ну да! А еще раз нельзя?

Петр. Увы!

Его Превосходительство. Жаль!

Петр. Если мне позволено будет сказать... Не стоит Вашему Превосходительству столько это смотреть — кровь, насилие, жестокость...

Его Превосходительство (*уязвленно*). Ты слишком долго был проповедником, Петр! Я не ребенок и буду смотреть, что захочу!

Гром.

Петр. Конечно, конечно...

Его Превосходительство (*словно оправдываясь*). Понимаешь, Петр, это такая красивая война! Вон, смотри, совсем рядом, на холмах, какие чудесные костры!

Петр. Это казнь, Ваше Превосходительство! Сжигают мятежников!

Его Превосходительство. Может быть, может быть... но, знаешь, мне кажется, будто все это сделано для меня одного! Гляди, как они задирают головы, можно подумать, знают, что я смотрю!

Молния.

Петр (*кашлянув*). Если Ваше Превосходительство позволит, я еще только хотел сказать, что Фарраго ждет.

Его Превосходительство. Он по записи?

Петр. Нет, Ваше Превосходительство, несчастный случай! Машина упала с моста в реку.

Его Превосходительство (*фыркнув с негодованием*). Можно подумать, в первый раз! Ты уверен, что это он?

Петр. Он, он, Ваше Превосходительство! Как живой!

Его Превосходительство. Сам не знаю, Петр... (*Брезгливо.*) Понимаешь, такие типы... А может, сразу отправить его вниз?

Петр (*уверенно*). О нет, Ваше Превосходительство! Хоть какая-то справедливость должна быть на том... то есть на этом свете!

Его Превосходительство (*возмущенно*). Да, но Фарраго...

Петр. Вашему Превосходительству не следует забывать, что в каком-то смысле он тоже — часть Вашего Превосходительства!

Его Превосходительство. Ну да, да... Ладно уж, пусть войдет.

Его Превосходительство прекращает греметь и метать молнии, наступает тишина.

Петр (*торжественно объявляет*). Виктор Фарраго!

Фарраго вваливается скорее пьяный, чем живой.

Фарраго (*бормочет*). Гражданин начальник, ради Бога, два пива! До двух пив — не рецидив! (*Петру, угрожающе.*) А ты, дедуля, придержи ручонки, понял? Я... Фарраго! (*Засыпает стоя.*)

Его Превосходительство. Надо, Петр, чтобы он протрезвел.

Фарраго (*просыпается*). Сколько времени, господа? У меня вот-вот съемки начнутся, я ехал на съемочную площадку, а тут... Божеее! Надо заплатить? Голубчик, позвоните срочно продюсеру, у него все деньги. Он точно заплатит. (*Хихикает.*) Без меня фильма не будет!

Петр (*зловеще, сквозь зубы*). О да, придется заплатить, господин Фарраго! Придется заплатить!

Фарраго. Ладно, дедуля, твоя взяла! Хочешь сразу — получишь сразу, к чему эти нервы. (*Ищет по карманам.*) Чеки принимаете? Нет? (*Вынимает мелочь из кармана.*) Маловато будет, но... знаешь что? Бери часы! Ну давай, начальник не видит, хорошие, "Ролекс". Я себе новые куп-

лю! Только ты меня, дедуля, сразу на студию вези, не то режиссер озвереет. Режиссер! (*Хихикает.*) А к черту его, пусть звереет. Ты видел меня, милейший, в его последнем фильме? "Ночной фрезеровщик"! Не видел? И правильно! Ночь, пустой завод, а я после работы фрезерую... команду регбисток! Ножи вращаются, секут, вонзаются, жертвы медленно приближаются к ним...

Петр (*в ужасе*). Все, хватит! К счастью, я не обязан выслушивать эти ужасы. (*Торжественно.*) Виктор Фарраго! Через мгновение ты предстанешь пред лицом... Его Превосходительства. Ему дашь отчет во всем, что натворил...

Фарраго (*перебивает его*). Эй, минуточку, дедуля! Зачем сразу впутывать его... его... прев... прев... (*Икает.*)

Петр. Превосходительство?

Фарраго. Именно! (*Заговорщически.*) Давай обойдемся без него, а? Говори, чего хочешь! Ну, смело, не стесняйся! Я Фарраго!

Петр (*с достоинством*). Вижу, ты не понял. Это исключительный случай. Его Превосходительство редко принимает лично.

Фарраго (*нервно*). Эй, момент, дед! А что я такого, собственно, сделал? Это же мой "ягуар" упал в реку, нет? "Ягуар", сукин кот! Наплевать, куплю новый!

Петр. Виктор Фарраго! Готов ли ты?

Фарраго (*небрежно*). А, ладно! Давай сюда твое Превосходительство, только быстро, я спешу!

Петр (*себе под нос*). Поспешишь, чертей насмешишь!

Фарраго устраивается в каком-то кресле, достает мятую пачку сигарет, вытаскивает сигарету, вставляет в уголок рта. Говорит твердым голосом.

Фарраго. Эй, дед! Курить охота! У вас тут огонька не найдется?

Раздается шипение молнии.

Петр. О Боже! То есть я хотел сказать: Ваше Превосходительство!

Фарраго с удовольствием затягивается сигаретой.

Фарраго (*поднимая руку*). Спасибо, Превосходительство!

Его Превосходительство остается невидим. Его голос звучит четко, но нельзя определить, откуда он доносится.

Его Превосходительство. Мне бы хотелось сначала тебя рассмотреть, Виктор Фарраго.

Фарраго (*оглядываясь вокруг*). Мне тоже... но меня, кажется, ослепила эта твоя зажигалка. Зови меня по имени. Я — Витек!

Его Превосходительство. А я... есмь... Что касается имени, тут есть варианты! Вы любите придумывать имена. Любите придумывать... Я... Знаешь, я ни разу ничего не придумал. Вещи появлялись, я на них смотрел, они были уже завершенными, цельными, хорошими. К ним нечего было добавить, даже имени. Но, возвращаясь к делу...

Фарраго. Вот именно. Давай короче, Превосходительство, у меня нет времени.

Его Превосходительство. Нет времени! Как хорошо ты это сказал! Поистине, у тебя его уже нет! Теперь мы с тобой можем болтать бесконечно.

Фарраго (*нервно*). Думаешь, меня кинули?

Его Превосходительство. Что-то в этом роде.

Фарраго. Ты меня, Превосходительство, не пугай. У меня контракт. Если что, они попадут на бабки!

Его Превосходительство. Твой контракт просрочен.

Фарраго пытается встать, но что-то невидимое удерживает его в кресле.

Фарраго (*удивленно*). Это еще что?

Его Превосходительство. Я только хотел к тебе присмотреться. Ты... ты ведь отличаешься от тех, что были тут до тебя! Подожди!

Молния просвечивает Фарраго, как рентгеном.

Фарраго (*заслоняя глаза*). Перестань! Я ничего не вижу!

Его Превосходительство. Поразительно!

Петр. Никаких следов, Ваше Превосходительство! К нему ничего не прилипло! Ради... я хотел сказать: даже странно, что у него это совсем... разошлось!

Фарраго. Минутку! О чем речь? Что разошлось?

Его Превосходительство. Видишь ли, Фарраго, душа и тело связаны... гм, особой связью, и потом их нелегко разделить. Душа пропитывает тело...

Петр (*перебивает его*). А иногда так им провоняет — смердит, как бочка от селедки!

Его Превосходительство (*продолжая мысль*). ...так же, как тело пропитывает душу!

Петр (*взволнованно*). А помните, Ваше Превосходительство, того портного из Салоник? Вот у кого душа телом набрякла! По самые уши! Хорошие поступки салом заплы-

ли, а совесть-то, извините за выражение, так от газов расперло, что нам она в два раза больше показалась, чем у нормального человека! А как бы с ним в чистилище намучались!

Его Превосходительство (*укоризненно*). Петр!.. Скажу тебе так, Фарраго: если тело и душа на злое настроились, как сообщники, о-о-о-о! Тогда разделить их всего труднее! У тебя же они отдельно существуют! Получается, что, если ты совершил какое-то зло... а может быть, (*поколебавшись*) и добро, тебя как будто при этом не было! Гм...

Петр подходит к Фарраго и осторожно втягивает носом воздух.

Его Превосходительство. Чувствуешь что-нибудь, Петр?

Петр еще ближе подходит к Фарраго.

Петр. Пахнет, Ваше Превосходительство!

Его Превосходительство. А что это, по-твоему, может быть?

Петр засовывает нос под мышку Фарраго.

Петр. Не знаю, Ваше Превосходительство!

Фарраго (*хватая Петра за нос*). Скажи своему Превосходительству, что это "Вечность". "Eternity" Кельвина Кляйна! А ты, дедуля, если еще раз меня тронешь, я из твоей задницы расписной ларец сделаю, ясно!

Петр, кривясь от боли, трет нос. Его Превосходительство покашливает, пытаясь скрыть смех.

Его Превосходительство. Приступим к делу. Начинай, Петр.

Петр (*торжественно гундосит*). Виктор Фарраго! Ты обвиняешься в совершении многочисленных убийств с использованием таких орудий, как... (*Умолкает в замешательстве.*) С позволения Его Превосходительства я не буду перечислять орудия, потому что...

Его Превосходительство. Почему?

Петр. Потому, что в этом списке есть... всё!

Его Превосходительство (*с интересом*). Всё, говоришь? Но ведь не любое подходит!

Петр. У него подошли. Ваше Превосходительство! Все без исключения!

Его Превосходительство. Не верю! Прочти... хотя бы несколько!

Петр. Да пожалуйста! (*Прокашливается.*) Астролябия, гвоздь, топор, метафора, кастет, налоги, Его Превосходительство...

Его Превосходительство. Хватит! Переходи к следующему пункту.

Петр. Виктор Фарраго! Ты обвиняешься в том, что: потрошил, хлестал, бухáл, грыз, травил, рубил, болтал, волочился, пренебрегал, свежевал и усугублял! Что замучил, укокошил, шлепнул, грохнул, а вдобавок, Ваше Превосходительство, как он сам признался, отфрезеровал команду регбисток во внеурочное время! (*С глубочайшим омерзением возводит глаза к небу.*)

Воцаряется долгая тишина.

Петр (*плачущим тоном*). Ваше Превосходительство!

Его Превосходительство. Что такое?

Петр. Ваше Превосходительство! Он... заснул!

Его Превосходительство. Что ты говоришь, Петр! Это невозможно!

Фарраго раскатисто храпит, развалившись в кресле.

Ну да! Он действительно спит.

Петр (*не выдержав, взрывается*). Ваше Превосходительство! Так не может продолжаться! Это какое-то издевательство! Нужно немедленно что-то сделать!

Его Превосходительство (*беспомощно*). А что я могу сделать?

Петр. Лучше всего — сказать ему! Прямо! Без обиняков!

Его Превосходительство. Ну хорошо, хорошо!

Молния и гром, мощнее, чем предыдущие; становится и вправду жутко.

Фарраго (*просыпаясь*). Начинаем съемку? Иду, иду! Дайте мне текст. И организуй, что ли, кофейку, дедуля!

Его Превосходительство (*громко*). Послушай меня, человек! Ты умер! Ты находишься там, где дашь ответ за свои грехи пред лицом...

Фарраго (*перебивая его, деловым тоном*). А где камера? И текст... есть вообще какой-нибудь текст?

Петр. Видите, Ваше Превосходительство! С ним невозможно по-человечески! Только чудо, Ваше Превосходительство, только чудо!

Его Превосходительство. Чудо только в крайнем случае, Петр! Ты же знаешь, это противоречит моей натуре. Попробуем по-простому!

Молния трясет Фарраго довольно продолжительное время. Сильно контуженный и обожженный Фарраго скулит от боли.

Фарраго (*чуть не плача*). Ты чего, Превосходительство? Я же сказал, без рук! Если ты постановщик этого балагана, то это еще не значит, что ты Господь Бог!

Его Превосходительство (*потрясенно*). Ты был прав, Петр! Только чудо! (*Перебирает в уме.*) Чудо, чудо, сейчас...

Петр. Знаю, Ваше Превосходительство! Сделаем так... (*Закрывает глаза, с мстительным наслаждением.*) Сначала насыплем ему в глаза воробьиный помет, чтобы утратил зрение, потом подвесим на ветке смоковницы головой вниз, чтобы Асмодей ему пчелиное гнездо в жо... то есть ниже поясницы, как в дупло, всадил. А затем... да будет он брошен в пещь огненную, как Седрах, Мисах и Авденаго! А когда его уже хорошенько припечет... тогда Ваше Превосходительство освободит его без единого следа на теле!

Его Превосходительство (*с отвращением*). Петр, я всего лишь Господь Бог, пожалуйста, не забывай об этом!

Петр (*покорно*). Пусть будет по воле Вашего Превосходительства.

Фарраго (*очухавшись, встает*). Кофейку, дедуля! И бутылку минералки!

Его Превосходительство (*с раздражением*). Вот именно, дедуля, кофейку! Дай ему кофе — на такие чудеса я пока еще способен!

Петр приносит поднос с кофе и воду. Фарраго выпивает залпом три чашки кофе, бутылку минеральной воды, потом потягивается, шлепает себя по щекам, делает несколько упражнений, приглаживает рукой волосы — и готово. Перед нами ослепительно красивый, с лучистой улыбкой на лице актер, готовый к работе.

Петр (*смотрит остолбенело*). Это... это чудо, Ваше Превосходительство! Никогда б не поверил, если бы собственными глазами...

Его Превосходительство. Сделай и мне этого, ну... кофе!

Фарраго (*голос мягкий, звучный, превосходная дикция*). Я понимаю, Ваше Превосходительство, Вы от меня чего-то ждете, однако прошу великодушно простить: я тут не

все понимаю. Буду искренне благодарен, если Вы соблаговолите несколько прояснить ситуацию!

Его Превосходительство (*себе под нос*). Я бы не поверил, если б собственными глазами... (*Откашливается.*) Ну хорошо, раз уж ты здесь...

Фарраго (*перебивает*). А где я, собственно, нахожусь?

Его Превосходительство (*продолжая мысль*). ...раз уж ты здесь...

Входит Петр, неся поднос с кофе.

Петр. Кофе для Вашего Превосходительства!

Его Превосходительство. Оставь нас одних, Петр!

Петр, удивленный, выходит. Чашка наклоняется. Его Превосходительство урчит от удовольствия.

Его Превосходительство. Божественный аромат! Итак, раз уж ты здесь...

Чашка описывает в воздухе кренделя, свидетельствующие о замешательстве Его Превосходительства.

(*Почти шепотом.*) Послушай, Фарраго! У меня проблема. Я не хотел, чтобы Петр слышал, он такой... принципиальный! Но ты... ты... другой! Тебе я могу сказать, ты поймешь! Речь о... зле!

Чашка танцует над головой Фарраго, который изо всех сил старается увернуться.

Фарраго. Мгм!

Кофе придал смелости Его Превосходительству, кровообращение ускорилось, танец чашки — тоже.

Его Превосходительство. Не думай, что зло меня как-то особенно интересует, нет-нет! Не больше, чем все остальное, из чего я состою. Только, понимаешь, в последнее время появилось нечто новое!

Фарраго (*с легким сомнением*). В последнее время?

Его Превосходительство *(убежденно)*. Да! Какой-то новый вид зла, над которым я уже не властен! Оно размножается само по себе, по собственному образу и подобию, плодит двойников, а я разглядываю его в себе и совершенно не понимаю! Оно растет во мне, Фарраго, растет и лишает меня реальности. Иногда мне кажется, что оно

совершеннее меня, что в нем больше жизни, чем... (*Заходится кашлем, как самый обыкновенный больной человек.*)

Прибегает встревоженный Петр.

Петр. Ваше Превосходительство, не говорите так много! Это вредно Вашему Превосходительству! (*Себе под нос.*) Веками молчал, а тут на тебе, разговорился!

Фарраго разглядывает в карманном зеркальце свои зубы. Его Превосходительство приходит в себя.

Его Превосходительство (*слабым голосом*). На чем мы остановились, Петр?

Петр. Да на том, Ваше Превосходительство, что пора уже раз и навсегда отправить его ко всем чертям!

Его Превосходительство. Но прежде надо выслушать...

Петр. Вот еще! Выслушать! Если мы всех будем выслушивать, то ни Вашего Превосходительства, ни моей жизни не хватит!

Его Превосходительство (*сомневаясь*). Знаешь, по-моему, это будет неправильно...

Петр (*нетерпеливо*). Да ведь его жизнь — тот случай, которому никакая защита не поможет, неужели Ваше Превосходительство этого не видит? Шабат на носу, а приговор ему давно уже вынесен! И ничего такого, что могло бы его изменить, уже не случится, это точно!

Фарраго (*чарующе*). Прошу прощения, что прерываю вашу беседу, но, честно говоря, я тороплюсь на работу.

Петр (*возмущенно*). Торопится на работу! Мало ему еще преступлений и мерзостей.

Фарраго (*по-прежнему, не обращая внимания на Петра*). А что касается этого несчастного инцидента с машиной, может быть, договоримся на другое время?

Петр. Нет другого времени! *Сюда* приходят только раз!

Фарраго (*обольстительно*). Я рассчитываю, что для меня, господа, вы сделаете исключение! Дело, которому я служу, безумно изматывает психически и физически.

Петр (*торжествующе*). Ага! Ваше Превосходительство, он признается!

Фарраго. Однако уже одно то, что я могу хоть немного развлечь людей и доставить им удовольствие, для меня достаточное вознаграждение! (*Его глаза наполняются слезами.*)

Петр стоит с открытым ртом, потеряв дар речи.

Фарраго (*взволнованно*). Речь не обо мне, господа, а обо всех тех, кому я отдаю себя, свою плоть и кровь, кому дарю минуты утешения в их безрадостной жизни! Подумайте о них, о ваших матерях, сестрах, братьях, которые приходят толпами, чтобы встретиться со мной! Которые сидят в темноте, притихшие и сосредоточенные, завороженно глядящие на бьющий из этой темноты свет — lux in tenebris. Которые препоручают мне свою волю, чувства и мысли, а я, в отличие от тебя, Ваше Превосходительство, видимый, но отсутствующий, ввожу их в мое царство — царство обратимых событий! В мир абсурдной уверенности — а что такое надежда, господа, как не вера в нелогичное развитие событий, в то, что убитый воскреснет и спасется бегством, что пострадавшая и униженная улыбнется сквозь слезы в объятиях раскаявшегося преступника? Вера в то, что необратимости не существует, а жестокость слов "конец" и "никогда" исчезает с выходом на экран новой серии!

Его Превосходительство (*задумчиво*). Гм! Я понятия не имел, что...

Петр изо всех сил старается укрыть Фарраго от глаз Его Превосходительства. Он возбужденно кричит, машет руками.

Петр. Не слушайте его, Ваше Превосходительство! Это обыкновенный обманщик, он хочет задурить нам головы, чтобы отвлечь от себя внимание. Но это тебе не удастся, Фарраго! О нет! Ты за все ответишь!

Фарраго. То есть за что?

Петр. За что? Он спрашивает за что? Да хотя бы за команду регбисток, отфрезерованную после работы...

Фарраго разражается неудержимым смехом, вскоре, однако, перестает смеяться, и на лице его отражается безграничное недоумение.

Фарраго. Ну нет! Вы это серьезно? Кто вы, собственно, такие? Религиозная секта? Нью эйдж? Здоровое питание? У вас нет телевизора? Чем вы тут занимаетесь целыми днями?

Его Превосходительство. О чем он говорит, Петр? Какой еще телевизор?

Петр. Ей-богу, не понимаю, Ваше Превосходительство!

Фарраго. Я спрашиваю: вы что тут смотрите?

Его Превосходительство. А-а-а! Я смотрю фрагменты времени.

Фарраго. “Фрагменты времени”? Не слышал! Это новый сериал?

Петр. Его Превосходительство любит смотреть войны, которые ведутся во имя Его Превосходительства.

Фарраго. Значит, военные фильмы! Ну, так теперь все ясно, правда же, господа? Фильм есть фильм! За вождение в нетрезвом виде я могу заплатить, но за “Ночного фрезеровщика” не отвечаю! Я актер! Профессионально создаю действительность...

Его Превосходительство (*удивленно*). Создает действительность! Слышишь, Петр?

Фарраго. Действительность, но понарошку!

Его Превосходительство. Что значит “понарошку”, Петр? Разве я когда-нибудь делал что-нибудь “понарошку”?

Петр. А мне откуда знать? Когда Ваше Превосходительство создавали мир, никто Вашему Превосходительству на руки не смотрел!

Его Превосходительство. Объясни нам, Фарраго, что значит “создавать понарошку”? Это очень интересно!

Фарраго. Понарошку? (*Задумывается.*) Если что-то “понарошку”, значит, на самом деле этого не существует.

Его Превосходительство. Ты хочешь сказать, что создал что-то, чего нет?

Фарраго. Да! То есть нет! Ну, например: я стреляю, но никого не убиваю.

Его Превосходительство. Каждый может промахнуться, Фарраго! Уж в этом я разбираюсь — “человек стреляет, Господь Бог пули носит”. Только тебя это никак не оправдывает. Если ты хотел его убить...

Фарраго. Но я вовсе не хотел его убивать!

Его Превосходительство. А зачем, в таком случае, ты вообще стрелял?

Фарраго. Так велел режиссер.

Петр (*про себя*). “Кто-то ему велел” — худший способ защиты!

Его Превосходительство. Значит, кто-то, кого ты называешь режиссером, велел тебе стрелять в человека. И ты согласился? Почему? Он тебе угрожал?

Фарраго. Мне? Угрожать? Это моя профессия, вот и все! Мне за это платят!

Петр (*с отвращением*). Вы слышите, Ваше Превосходительство, он это сделал ради денег, как Иуда. Гадость! У тех, что были здесь до него, имелась, по крайней мере, какая-то благородная идея, а этот — за деньги! Убил человека за деньги!

Фарраго. Да ведь я же никого не убивал!

Его Превосходительство. Но стрелял!

Фарраго. Ну и что? Так стрелял, чтобы не убить.

Его Превосходительство. Так зачем ты вообще стрелял, если не хотел убивать? А если бы случайно в кого-нибудь попал? Каждый может промахнуться...

Фарраго (*стонет*). Я только хотел сказать, что создавать "понарошку" — значит изображать, будто что-то делаешь, хотя вовсе этого... не делаешь!

Его Превосходительство. Ты хоть что-нибудь понимаешь, Петр?

Петр. Ничегошеньки, Ваше Превосходительство!

Фарраго. Возьмем какое-нибудь простое действие. Вот, например, это... (*Встает с кресла и медленно идет в сторону Петра.*)

Петр (*внимательно к нему приглядываясь*). А сейчас ты по-настоящему идешь или понарошку? Только изображаешь...

Фарраго останавливается перед Петром. Обездвиживает его молниеносным ударом, выкручивает ему руку, начинает душить.

Фарраго (*голос хриплый, злой*). Гони ключи, дедуля! Мне надо немедленно возвращаться, понятно? Если я нарушу контракт и меня прижмут юристы, мне несдобровать!

Его Превосходительство (*в восторге аплодирует*). Прекрасно, браво! Теперь понимаю! Ты изображаешь, что делаешь что-то, хотя вовсе этого... не делаешь!

Петр (*хрипит*). Ваше Превосходительство... на помощь!

Фарраго ощупывает Петра, снимает у него с пояса ключи.

Фарраго. Теперь тебе никакое Превосходительство не поможет! Давай, старик, показывай, где тут выход?

Его Превосходительство аплодирует.

Петр. Ваше Превосходительство, он же меня убьет!

Фарраго. Хватит болтать, пошел!

Петр стоит на месте, как скала. Фарраго сильнее выворачивает ему руку.

Петр. Боже... помоги мне!

Фарраго. Ты тверд, как скала! Но ты меня еще не знаешь! (*Душит его.*)

Петр (*в отчаянии*). Боже мой, зачем ты меня оставил!

Вдруг свет гаснет, раздаются раскаты грома, становится жутко. Петр и Фарраго в ужасе застывают. Молния разрезает небо, Фарраго падает без чувств.

(*Освобожденный, растирая руку.*) Ваше Превосходительство не торопились...

Его Превосходительство (*с грустью*). Это было нечестно! Откуда ты знаешь эти слова? Слышал, как... как *он* их говорил?

Петр. Те, что стояли близко, слышали.

Его Превосходительство. А ты повторил *его* слова...

Петр. Главное, что они подействовали... на этот раз!

Его Превосходительство. Ты воспользовался тем, что тебе не принадлежит! Ты вызвал место и время, которых здесь не было, пока ты не произнес эти слова! (*Пораженный.*) Петр, ты и-зо-бра-жал!

Петр (*в ужасе*). Я...

Его Превосходительство. Ты прикинулся тем, кем не являешься, чтобы меня задеть, чтобы я почувствовал себя виноватым, чтобы...

Петр. Чтобы Ваше Превосходительство, наконец, сделали то, что давно должны были сделать!

Его Превосходительство (*раздраженно*). Перестань, Петр!

Петр. А вот и не перестану! Нет уж! Мы все считали, что со стороны Вашего Превосходительства это подло! Чего стоило Вашему Превосходительству тогда мучителей молниями пораскидать?

Его Превосходительство (*страдальчески*). План был другой!

Петр. План! План! Однако Ваше Превосходительство до сих пор не могут себе этого простить! И я скажу Вашему Превосходительству прямо в глаза (*озирается, потому что попасть в глаза Его Превосходительству и впрямь непросто*), Ваше Превосходительство не меня только что спасли, а... Его!!! А это значит, что Ваше Превосходительство сами... сами сейчас и-зо-бра-жа-ли!

Наступает тягостное молчание. Вдруг, как феникс из пепла, поднимается Фарраго с кривой смущенной улыбкой.

Фарраго. Ну, дай пять, дедуля, помиримся! Это ведь было понарошку.

Петр (*пятясь*). Но больно...

Его Превосходительство (*задумчиво*). Больно!

Фарраго. Это и есть искусство, господа: делаешь понарошку, а болит по полной программе!

Петр (*потирая руку*). Ваше Превосходительство! Понарошку или не понарошку, это уже не мое дело! Я одно знаю: если болит по-настоящему, значит, кто-то должен за это ответить! (*Грозно смотрит на Фарраго.*)

Фарраго. Слушай, дедуля, давай поменьше принципов. Я актер! Я играю! А когда я играю, это уже не я, а герой, которого я создаю!

Петр (*иронически*). Ага! Выходит, вас двое?

Фарраго. Нет, один! Я один, но в двух лицах!

Петр. Вы слышите, Ваше Превосходительство? Он один в двух лицах. А может, в трех, а, Фарраго?

Фарраго (*устало*). Ладно, дедуля, пускай в трех. Я актер!!! Я сыграю Макбета и всю семью Мэнсона, но в тюрьму за них не сяду! Нет, это какая-то паранойя!

Петр. А я, Фарраго, простой рыбак из Вифсаиды, но я умею считать рыб, которые попадаются мне в сеть! Мы здесь ведем учет душ... Так что скажи, мой Фарраго, что тебя связывает с тем, другим, ну, тем, кого ты играешь? Похож он на тебя лицом и фигурой?

Фарраго. Ну конечно, ведь...

Петр. А руки у него, как у тебя?

Фарраго. В точности!

Петр. А здесь, внутри, сердце — чье, его или твое?

Фарраго. Ну как, чье? Мое!

Петр. Скажи мне еще: а если ты поранишься, чья кровь потечет, твоя или его? А пот — его или твой? А если... если бы ты вдруг умер, склонится он над тобой и заплачет или тоже умрет?

Фарраго. Да пошел ты со своими вопросами!

Петр (*умильно*). Скажи мне только еще, а что... с душой? Их две или одна? Если одна, то как вы ее между собой делите? Поровну? Или, может быть, ты даешь ему три четверти, а себе оставляешь четверть, а? Нет, может, не так, может... может, ты отдаешь ее всю — для простоты, ведь душу не так-то легко поделить!

Фарраго. Не тяни, старик! Говори прямо, о чем речь!

Петр. О том, что имитация преступления — тоже преступление! А чем вернее копия, тем в большей мере она преступна, потому что ни ты их в себе не разделяешь, ни взгляд на тебя смотрящего! Не думал об этом, а, Фарраго? Не думал о том единственном зрителе, который

смотрит и все видит? Который, возможно, не различает, что "понарошку", а что "взаправду"? Не приходила тебе в голову такая безумная мысль: а что, если мне это представление засчитают как правду?

Фарраго. Нет! Нет! Нет! Отцепись от меня, старикан!

Петр. Мне дела нет, сколько народу ты изображаешь, если душа всегда одна и та же! Я всего лишь простой рыбак из Вифсаиды, но, когда мне в сеть попадется рыба, я в счете не ошибусь, пусть хоть за пятерых дочерей Салпаада себя выдает!

Его Превосходительство. Оставь его в покое, Петр!

Петр. Нет, Ваше Превосходительство! Он мой! Это *я* здесь отвечаю за души! (*Его голос звучит как иерихонская труба.*) Виктор Фарраго! Теперь ты признаешь свою вину? Берешь на себя ответственность за всех тех, кого ты сотворил? За их поступки, мысли и слова?

Его Превосходительство. Оставь его! Петр (*голос Его Превосходительства резко срывается*), оставь его в покое!

Петр. Ваше Превосходительство, я...

Его Превосходительство. Ты ничего не понимаешь, Петр!

Фарраго щурится, как будто стараясь что-то вспомнить.

Фарраго. Ничего ты не понимаешь. Даже не можешь себе представить, чть со мной происходит, когда я стою там совершенно один. Вокруг пустота, и темнота над рядами. Я... Откуда мне знать, существую ли я, если нет стены, от которой могло бы отразиться мое дыхание... Го-о-о-осподи! Я здесь так давно, прошел ли уже вечер и утро? День первый? Второй? Третий... Вдруг зажигается свет и отделяет сцену от зрительного зала. Теплое, ослепительное пространство — спасибо Тебе, Боже, что сотворил пространство! Если бы еще не эта тишина...

Его Превосходительство. Тишина первых дней сводила меня с ума!

Фарраго. Я постепенно припоминаю слова, из-за которых сюда попал. Слова, которые были вначале, до того, как все началось, потому что вначале — всегда слова. То есть текст. Текст — у режиссера, а слова — во мне, я полон ими, они подступают к горлу...

Его Превосходительство. ...не было во мне ничего, кроме слов...

Опешивший Петр со страхом смотрит на Фарраго.

Петр (*предостерегающе*). Ваше Превосходительство! Ваше Превосходительство, не слушайте его!

Его Превосходительство. Ты ничего не понимаешь, Петр!

Фарраго. Я подумал: он состоит из одних слов, значит, я дам ему тело, мое тело, потное, дрожащее, облепленное гримом, как глиной...

Его Превосходительство. Я подумал: он грубый и бесформенный, как плохо обожженный горшок. Я дам ему слова, которые ношу в себе, они сделают из него человека по моему образу и подобию, я дам ему себя, отдам ему себя в тех словах, что во мне...

Фарраго. ...подчиню свое тело его словам...

Его Превосходительство. ...обрету его дыхание, мысли и чувства...

Фарраго. ...и он заговорит моим голосом!

Его Превосходительство. Я поселюсь в нем...

Фарраго. ...а он врастет в меня так, что я стану им, а он — мной.

Петр (*просияв*). Вы слышите, Ваше Превосходительство? Слышите? Признался! Наконец-то! Ну, здóрово Ваше Превосходительство его прижали, чтоб я сд... (*Кхекает.*) Виктор Фарраго! Суд окончен! Признаем тебя виновным во всех упомянутых преступлениях, ибо не только тот преступник, кто преступление совершает, но и тот, кто сотворил преступника и ни душой, ни телом отделиться от него не в силах! Виктор Фарраго! Ты признаешь свою вину?

Тишина. Фарраго с лицом, как гипсовая маска, беззвучно шевелит губами.

Петр. Ты признаешь свою вину?

Его Превосходительство. Да, Петр, признаю!

Финал

Те же декорации, что и раньше. Фарраго уже нет. Входит Петр.

Петр (*кашлянув*). Извините. Ваше Превосходительство! Ваше Превосходительство?

Его Превосходительство (*задумчиво*). Мммм...

Петр. Ваше Превосходительство, все сидите и сидите! Может, Вашему Превосходительству что-нибудь посмот-

реть? Крестовые походы или Столетнюю войну — ах, какая это была красивая война!

Его Превосходительство. Нет, не хочется! А кроме того... Теперь я не уверен, что это... взаправду. Петр?

Петр. Слушаю, Ваше Превосходительство!

Его Превосходительство. Разве я им мало дал?

Петр. О-о-о-о! Что Вы, Ваше Превосходительство! Я бы сказал, даже слишком много! Скорпионов, люмбаго и свободу воли можно было и придержать!

Его Превосходительство. Так зачем им еще понадобилось это... "понарошку"?

Петр. Таков уж человек! Ваше Превосходительство даст ему невиданные сокровища, а он только скривится, плечами пожмет, а потом сам себе палку из говна смастерит и давай из нее стрелять! Я в этом не разбираюсь, но одно скажу: когда Ваше Превосходительство создали мир, все было на своих местах, как положено! Зверь, камень, травинка и человек тоже! А тут вдруг Вашему Превосходительству вздумалось, чтобы человек всему имена дал! И зачем надо было на него полагаться? Не могли, Ваше Превосходительство, еще денек-другой потрудиться, чтобы мир доделать как следует? А человек, хитрюга, имена, конечно, понадавал, но тут же и заметил, что названия к вещам не очень-то пристают и оторвать их легко; что слово к слову тянется, как свой к своему, а на саму вещь и не смотрит! Поначалу ведь даже осторожничал, разве что чуть-чуть подрежет или подтянет, и все. Потом осмелел: там местами поменяет, чтобы проверить, по-прежнему ли роза розой пахнет, если ее капустой назвать, здесь поженит, сцепит, одно другим испортит. И таким себе всемогущим казался, прямо как Творец, а то и лучше! Работу за Вашим Превосходительством начал переделывать, а потом обнаружил, что может еще больше! Неудивительно, что он теперь мира за словами не видит!

Его Превосходительство. Думаешь, в этом причина?

Петр. Еще бы! Вот, пожалуйста, газеты пришли! Сколько тут слов, Ваше Превосходительство! Одни слова! И о чем пишут... Вашему Превосходительству угодно послушать?

Его Превосходительство. Ну, читай!

Петр. "Известный актер, Виктор Фарраго, который неделю назад попал в страшную аварию..." Кстати, Ваше Превосходительство зря его так запросто отпустили! У меня от этого недостача образовалась. Смерть была? Была! А души нет!

Его Превосходительство. Читай дальше!

Петр. “...неожиданно пришел в сознание в больнице Милосердия Господня. Его жизни ничто не угрожает, однако врачи говорят о серьезных изменениях, произошедших в психике актера. Наш штатный “отрицательный герой”, король криминального жанра, незабываемый Ночной Фрезеровщик разорвал контракт на главную роль в фильме “Гитлин”. Напоминаем, что в картине, появления которой с нетерпением ждут зрители, рассказывается о чудовище-мутанте, созданном путем соединения генов Гитлера и Сталина. Впрочем, это не означает, что знаменитый актер намерен покинуть киноэкраны! В интервью нашей газете он сообщил, что ‘с сегодняшнего дня будет более тщательно выбирать роли’. Как нам стало известно из неофициальных источников, уже вскоре Фарраго начнет подготовку к роли... святого Франциска Ассизского!”

Конец

Янош Арань

В*аллийские барды*

Перевод с венгерского, вступление и послесловие Юрия Гусева

В духовной культуре венгров поэзия занимает такое же важное место, как в нашей, русской. Может быть, даже еще более важное, поскольку в Венгрии она, поэзия, сформировалась как самостоятельный, обладающий всеми свойствами художественности (в современном смысле этого слова), литературный феномен гораздо раньше нашей: уже в XVI (Балинт Балаши), XVII (Миклош Зрини) веках. Объяснение этого (во всяком случае, одно из объяснений) в том, что венгры, приняв почти одновременно с Киевской Русью христианство, выбрали западную его ветвь, и благодаря этому западноевропейская литература (конкретнее: неолатинская, ренессансная поэзия) интенсивно подпитывала своими импульсами венгерскую словесность. Тогда как русский мир надолго, после падения Византии, оказался лишенным такой, невероятно важной в процессе становления национальной литературы, “подпитки”.

Как бы там ни было, мощный расцвет русской литературы в XIX веке с лихвой компенсировал предшествующее “отставание” (если здесь вообще можно говорить об отставании). Венгерская литература в XIX веке также цветет всеми красками; по интенсивности и разнообразию две наши литературы в этот период (учитывая, конечно, огромные различия и в масштабах, и в конкретных особенностях) вполне могут быть поставлены рядом друг с другом. Картина поэзии тоже — в самых общих чертах — близка нашей. В Венгрии были свои гении; прежде всего, конечно, Шандор Пете-

© Юрий Гусев. Перевод, вступление и послесловие, 2017

фи, роль которого схожа — опять же, разумеется, в самом общем плане — с ролью Пушкина в нашей литературе.

Но Петефи слишком мало прожил (всего 27 лет), чтобы в полной мере раскрыть заложенные в нем исключительные способности. Все-таки хочется сказать, поэт — если он великий поэт — не должен быть еще и великим революционером: для одного человека это многовато. Один человек такой двойной груз долго нести едва ли сможет…

К счастью (к счастью для венгерской поэзии), рядом с Петефи, еще при его жизни, появился и расцвел другой великий поэт, Янош Арань. Будучи другом и единомышленником Петефи, Арань обладал куда более умеренным темпераментом. Поэтому, уцелев в революционном урагане 1848—1849 годов и в последующие годы, когда Вена жестоко усмиряла взбунтовавшуюся колонию, он сохранил и продолжил начатый Петефи курс революционного обновления поэзии. Суть этого обновления: внедрение в поэзию народности — в плане как формы, так и главным образом духа, то есть демократизма, близости к самой широкой массе, костяку нации, которым в ту эпоху было крестьянство. Янош Арань последовательно, методично довел эту линию до совершенства, до такого уровня гармонии, какой, может быть, не очень свойствен и самой аристократической поэзии.

Аспектом той же — не поверхностной, не фольклорно-ряженой — народности следует, видимо, считать и то, что Арань ощутил потребность создать нечто вроде национального эпоса (в перипетиях своей бурной истории венгры не сохранили наследие древней эпической поэзии). Таковым надо считать, например, его цикл эпических поэм о Миклоше Толди, благородном богатыре, соединяющем в себе черты рыцаря и крестьянина-землепашца.

Не могу удержаться, чтобы не повторить здесь то, что я уже упоминал в разговорах с венгерскими коллегами (ну да они не совсем меня понимали): Янош Арань кажется мне самым русским из венгерских поэтов. То есть поэзия его — максимально прозрачна, кристально ясна и к тому же чрезвычайно благозвучна и мелодична. (Не то чтобы другие венгерские поэты писали непонятно и коряво — отнюдь; но у Араня эта ясность и гармоничность как-то особенно бросается в глаза.)

Араня, как и других венгерских классиков, у нас переводили довольно много; особенно в период протокольной дружбы, в 50, 60, 70-х годах минувшего столетия. Увы, очень грустно констатировать сейчас, что он остался практически не замеченным, не воспринятым нашей читательской аудиторией. В чем причина? В первую очередь, по-видимому, в том, что в указанный период — как и вообще в XX веке — царила практика перевода, где главный критерием, главной целью была точность. Но точность эта подразумевала максимальную точность передачи лексического корпуса поэтического произведения (на деле это означало стремление максимально точно зарифмовать подстрочник), и за точностью этой терялся сокровенный смысл, все то, что не исчерпывается словами, а содержится в звучании, в ассоциативном фоне и т. д.

Конечно, было и в XX веке немало удивительных удач, когда творчество чужеязычного поэта становилось в переводе событием, органической частью русской поэзии; взять хотя бы самый, может быть, очевидный пример — поэзию Роберта Бёрнса в переводах С. Я. Маршака.

Яношу Араню в этом плане не повезло.

Потому и предпринимается здесь попытка "переперевести", хотя бы для начала, одно произведение Араня. Тем более что венгры сейчас широко и масштабно празднуют 200-летие своего национального поэтического гения.

Арань славен в Венгрии не только своими эпическими поэмами, но и великолепными балладами. Одну из них — по-моему, самую лучшую — я и выбрал для "переперевода".

В*аллийские барды*

Король английский Эдуард
Велит седлать коня:
– Желаю видеть, что и как
В Уэльсе у меня.

Что там за реки и луга,
Обильны ли поля,
И любит ли валлийский люд
Меня, их короля?

Довольны, рады ли они,
Что, не жалея сил,
Уэльс загнал я под ярмо
И кровью оросил?

– О, сэр, прекраснее земли
Нигде не сыщешь ты.
Здесь реки рыбою полны,
В лугах цветут цветы.

А люди, сэр, все как один,
От счастья без ума!
Смотри, как мирно спят вокруг
Валлийские дома...

В седле привстав, глядит король:
Тишь и покой кругом;
Подобно склепу, нем, угрюм
Любой валлийский дом...

Уже зарделась в небесах
Вечерняя заря.
Ждет в замке граф Монтгомери
На ужин короля.

Шипит жаркое в казанах,
И дичь, и рыба тут.
Десятки слуг десятки блюд
Бегом на стол несут.

Каких же яств тут только нет!
Всего полным-полно.
Играет в кубках золотых
Заморское вино.

— Эй, псы валлийские, иль вы
Забыли про меня?
Подымет кубок кто-нибудь
За здравье короля?

Да, вижу я: столы у вас
И погреба полны.
Зато нутром, в кого ни ткни, —
Отродье сатаны.

Эй, псы валлийцы, иль не люб
Король вам Эдуард?
Хочу, чтоб славу мне пропел
Ваш самый лучший бард!

Кто бел как мел, а кто багров —
Угрюмо все сидят
И друг на друга от стыда
Не поднимают взгляд.

В зловещей, тяжкой тишине
Бежит за мигом миг...
Вдруг на конце стола встает
Седой, как лунь, старик.

— Тебя, кто край родимый мой
Обрек на мрак и смерть,
Твои деяния, король,
Согласен я воспеть.

И грянул лютни грозный звон,
И раздались слова:
“Кровь, муки, рабство — вот они,
Король, твои дела!

Без счета гибнет наш народ,
Как под косой трава.
Уэльс раздавлен — вот они,
Король, твои дела!”

— Довольно! На костер его! —
Взъярился Эдуард. —
Желаю песню веселей.
Тут входит юный бард.

“Звенят над Милфордом ветра,
Невесел их напев.
В нем слышатся рыданья вдов
И слезы юных дев.

Не стоит, мать, кормить дитя:
Ему расти рабом...”
— Молчать! В костер! — вскричал король
И грохнул кулаком.

И третий, вскинув дерзкий взгляд,
Выходит бард вперед.
Звучит отрывистый аккорд,
И громко бард поет:

“Погибло много нас в боях,
Но помни, Эдуард:
Не станет славить ни один
Тебя валлийский бард!

Героям славу мы поем,
Но помни, Эдуард:
Проклятье наше шлет тебе
Любой валлийский бард!”

— Ах, вот как? Ладно... — И король,
Вскочив, дает приказ:
— Всех бардов!.. Всех найти, схватить —
И на костер тотчас!

Приказ ужасный понесли
Гонцы во все края.
И сам Монтгомери не смог
Умаслить короля...

И снова едет Эдуард
На вороном коне.
Он видит: весь Уэльс вокруг
Горит, горит в огне.

Пять сотен бардов: молодых
И старых — всех подряд
Сожгли. Никто не захотел
Пропеть: король, виват!..

— Эй, стража, что за странный гул
Я слышу по ночам?
Чтоб был порядок! Или всех
Отправлю к палачам!..

И замер Лондон. В тишине
Комар не пролетит.
“Замолкни, люд! Не сметь шуметь,
Когда король не спит!”

— Эй, челядь! Где мои шуты?
Собрать немедля их!
Валлийских бардов песнь гудит,
Гудит в ушах моих...

Но сквозь волынок дикий вой
И скоморохов гвалт
Гремит, гремит суровый хор:
“Будь проклят, Эдуард!”

Текст своей баллады сам Арань снабдил следующим лаконичным послесловием-примечанием:

”Историки сильно в том сомневаются, но предание же утверждает упорно: английский король Эдуард I, покорив в 1277 году Уэльс, приказал казнить пять сотен валлийских бардов, дабы те, воспевая славное прошлое народа своего, не возбуждали у сынов желания стряхнуть английское владычество. Я. А.”

К этому следует добавить, что датирована баллада 1857 годом. Это было время, когда в Венгрии еще не закончился период террора, расправы за попытку венгров отстоять свою национальную независимость, за револю-

ционное восстание 1848—1849 годов, вождем которого стал Лайош Кошут, а певцом — Шандор Петефи. Так что баллада Араня — это поэтический памятник национальной революции, памятник ее героям, ее жертвам, среди которых был и Петефи. Австрия, позвав на помощь русского царя, жестоко подавила венгерскую революцию. Арань же в своей балладе — как и во многих других своих произведениях — утверждает незыблемость гордого стремления народа к свободе и независимости. Утверждает огромную роль “бардов”, то есть поэтов в поддержании народного духа. Так что прекрасная баллада эта — в какой-то мере и памятник другу автора, Шандору Петефи.

Гюнтер Грасс и Генрих Бёлль

Нобелевская премия 1999 года

Нобелевская премия 1972 года

Декабрь — двойной юбилей двух замечательных немецких писателей, друзей, единомышленников по Группе-47, нобелевских лауреатов Генриха Бёлля и Гюнтера Грасса. Бёллю в 2017 году исполнилось бы сто лет. Грассу, не дожившему до своего юбилея буквально двух лет, — девяносто. Оба писателя горячо любимы российским читателем, оба неоднократно печатались в “Иностранной литературе”.

© 2002, 2004, 2006, 2007 Verlag Kiepenheuer & Witsch Gmbh & Co KG, Cologne, Germany
© Günter Grass

Генрих Бёлль
Монах и разбойник

Радиопьеса

Перевод с немецкого Анны Кукес

Действующие лица:

Евгений
Мульц
Бунц
Епископ
Пастор
Хозяйка трактира
Агнес
Привратник
Раймунд
Библиотекарь
Таможенники
Путники
Посетители трактира

Где-то, в келье.

Евгений. Все хотят знать... много ли чудесного повидал я в жизни?.. Повидал, да. Обо всем не расскажешь. Но вот с чего следует начать непременно, так с того, что до пятнадцати лет я пас наших коров. Я выгонял их на Байтовы пустоши[1], иногда до самого октября. Байта — это такая пустынная местность высоко в горах. Травы там не густо, коровы никогда не наедаются вволю, оттого и молока дают мало. Люди там так бедны, и жизнь у них такая убогая... Это когда бережешь каждую кружку молока, каждый кружок сыра. А бывало, в иной год я, совсем еще мальчишкой, до самого начала зимы оставался там, в Байте, один, в хижине из досок и камней. И ветер выл и гнал мне в лицо дым костра. Но был там, в горах, еще один, у кого

© Анна Кукес. Перевод, 2017

1. Все географические названия и названия наций и народов в пьесе вымышленные. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

жизнь была, пожалуй, безрадостней моей. Мульц — сын разбойника, мой ровесник. Осень на Байтовых пустошах, знаете ли, сурова и тосклива, так что скудная добыча разбойника ей под стать. Продрогший и оборванный, приползал Мульц, помню, ко мне в хижину, а я давно перестал его бояться, хоть и был он сыном разбойника Бунца.

Изменение акустики. Слышно потрескивание костра.

Евгений. Что-то ты сегодня молчишь, Мульц, ничего не рассказываешь.

Мульц. Погоди, Евгений, погоди... я такой голодный.

Евгений. Откуда ты сейчас?

Мульц. Из города.

Евгений. Из города? И голодный? Я думал, уж в городе...

Мульц. Да, сходил вот в город. Мой старик взял меня с собой. Там нынче ярмарка, самое время поживиться, сам понимаешь. Если, конечно, повезет... Знаешь, иногда можно встретить по дороге и сытого толстого крестьянина...

Евгений. Ладно. Давай свою миску... Супу налью. (*Наливает суп.*) Хлеба?

Мульц. Угу... Если остался.

Евгений. Есть немного. На, держи...

Мульц. Спасибо.

Меняется акустика.

Евгений. Прежде Мульц часто рассказывал мне разные истории, причем так рассказывал, что это захватывало меня, и я обо всем на свете забывал — о коровах, о холоде, о вое ветра. Он слыхал эти байки от своего отца и от отца своего отца, на ярмарках и рынках, короче, там, где у них сходка, у разбойного люда. Но в тот вечер он молчал. После еды свернул себе папироску, угостил и меня табаком, и мы молча уставились в огонь и слушали, как воет ветер. Это был верный знак, что Мульц сейчас запоет. Он любил петь, когда мы вот так вдвоем сиживали у костра.

Меняется акустика.

Мульц (*поет*).

Кто молотил и сеял для богатых?
Кто их подвалы наполнял вином?
Тот, у кого штаны всегда в заплатах —
Работу делай, а гроши потом.

Им подбивают бархатом штиблеты,
Им утром носят на подносе ром...
А мы в опорках и зимой и летом —
Работу делай, а гроши потом...

Евгений. Почему ничего не рассказываешь, Мульц?

Мульц. Да я повздорил с моим стариком. Понимаешь, пошли в город на ярмарку, и к вечеру у нас было две вот таких штуки из золота, куча мелочи, две овечьи шкуры и целый горшок топленого сала на зиму. Но мой старик... мой старик...

Евгений. Что — старик?

Мульц. Отнес это все той бабе, этой Агнес. И теперь у нас на зиму ничего нет! А это была последняя ярмарка в этом году! Ты... ты знаешь, что значит "блудница"?

Евгений. Ну... Вроде Каты, что живет в нашей деревне?

Мульц. Может быть, Агнес и похожа на Кату из вашей деревни. А почему ты решил, что Ката блудница?

Евгений (*неуверенно*). Потому что она... пастор говорит... ну, она это... с мужчинами.

Мульц. Разумеется, с мужчинами... Вот таких и называют блудницами...

Тишина, акустика меняется.

Евгений. Это был последний вечер, что мы провели с Мульцем. С тех пор я его никогда больше не встречал. А вот его отца, старика Бунца, видел. Да, а с той поры, когда мы курили у костра, полвека прошло. Тогда, на другой день, помню, пришел отец за мной и забрал в деревню. Так что зиму я провел, как обычно: кормил коров, помогал их доить, мял сыр, а по вечерам слушал, как поют пряхи за прялками. Как и в былые зимы, я помогал пастору в церкви и во время мессы, и в другое время, пел литании, был служкой. Пастор и надоумил отца, что мне прямая дорога в монахи. Он взялся обучить меня латыни и истории церкви. Целых два года не гонял я больше коров на горные пустоши. А когда мне минуло шестнадцать, я был принят в большой монастырь в городе, под начало отца Павла. И там... (*неуверенно и тихо*) да, там я скоро прослыл человеком большой учености и великого благочестия. Мне не сравнялось еще и двадцати, я даже еще не был рукоположен в сан священника, когда стал помогать отцу Павлу в управлении монастырем. И вот тогда я снова встретил Бунца, отца Мульца.

Смена акустики, в помещении.

Привратник. Там какой-то человек спрашивает отца Павла, брат Евгений, желает с ним непременно говорить.

Евгений. Но ведь ты объяснил ему...

Привратник. Да. Я сказал, что отец Павел в отъезде, в братском монастыре с визитом. Но этот человек настаивает, что в таком случае он должен обязательно говорить с тем, кто замещает отца Павла, говорит, это не терпит отлагательств.

Евгений. Кто он такой, ты его знаешь?

Привратник. А его все знают, брат, это разбойник Бунц.

Евгений. Бунц? Я уже иду... отведи меня к нему...

Акустика меняется.

Евгений. Я уже стал забывать мои Байтовы пустоши, и Мульца, и хижину, и вой ветра. А тут вдруг почудился мне привкус табака, разбойничьего табака, во рту и в горле. Я последовал за братом-привратником, обогнал его и вошел в приемную залу прежде него. М-да... Я испугался, увидав Бунца. Как же он постарел! Сколько же ему сейчас?..

Смена акустики.

Бунц (*в волнении*). Спасибо, что вышли ко мне, святой отец.

Евгений. Я еще не отец, Бунц, я брат Евгений, на пару дней замещаю отца Павла.

Бунц. Неважно! Вот, брат, здесь деньги... я украл из пожертвований на ваш монастырь. Возьмите обратно! Скорее!

Евгений. Угу... Почему ты решил их вернуть?

Бунц. Я бы и не принес, но... брат... эта (*запинается, далее быстро произносит*), эта грешница... эта блудница Агнес... я собирался принести деньги ей... но она...

Евгений. Она велела тебе их вернуть?

Бунц. Да, брат Евгений (*запинаясь, в смущении*)... она отказала мне в своей любви, когда узнала, откуда эти деньги.

Евгений. Ты, говорят, из тех, кого зовут разбойниками? Это правда или лгут люди?

Бунц. Не лгут, сударь, я из них.

Евгений. И давно ты промышляешь... этим?

Бунц. Уже тридцать лет, сударь...

Евгений. А сколько тебе лет?

Бунц. Сорок, сударь.

Евгений. Сорок? То есть ты стал на этот путь десяти лет от роду?

Бунц. Так, сударь. Все мы разбойники. С детства. Знаете ли вы Байту?

Евгений. Нет, никакой Байты я не знаю.

Бунц. Я там родился, сударь, но моей родной деревни уже нет больше: это как в песне, может, знаете: "Бедность съела ее, ветер стер все следы, да и снегом присыпал зимою"... Мне было пять лет, когда мать послала меня к крестьянам убирать пшеницу. Три часа пути туда, три — обратно. А принес я ровно столько, что едва хватило на горшок супа. Мы съели его в два дня. В восемь лет мне довелось в первый раз помогать отцу резать корову одному крестьянину. Почему-то ночью. Я тогда, помню, продрог, устал, а меня, пока отец сдирал с забитой скотины шкуру, учили... оплеухами. В двенадцать я срезал первый кошелек у одного крестьянина. А в тринадцать вместе с отцом перевозил через границу красное вино в бурдюках. Контрабанда, конечно. Отец тогда дал мне попробовать этого вина. И мне понравилось, сударь... Доброе было вино...

Евгений. Наверное, ты часто голодал?

Бунц. Очень часто, сударь. И никто не обучил меня никакому ремеслу. Меня научили только контрабанде и воровству. И приучили к вкусу вина.

Евгений. И теперь ты тоже голоден?

Бунц. И теперь.

Евгений. Вот, возьми один дукат из тех денег, что ты украл. Брат-привратник даст тебе хлеба, а когда проголодаешься, приходи снова и спроси меня. Ты говоришь, ты ходишь к блуднице Агнес?

Бунц. Да, сударь... не будь на свете блудниц, как бедный разбойник узнает, что такое любовь?

Евгений. Разве у тебя нет жены?

Бунц. Была, сударь, была, да ведь наши жены долго не живут. В двадцать лет уже старухи. Моя рано умерла. Другой я брать не стал. Разбойнику ни к чему жена. Нехорошо это. Нашему брату лучше быть холостым...

Евгений. Послушай... Не ходи больше к блудницам... брось это свое... ремесло.

Бунц. Благодарствуйте, брат... я постараюсь...

Евгений (*перебивает его*). А что стало с твоим сыном Мульцем?

Бунц. Вы знаете моего Мульца?

Евгений. Знаю. Я и Байту знаю. Я обманул тебя, прости. Я столько вечеров провел с Мульцем в нашей пастушьей лачуге в горах...

Бунц. А-а... Так вы тот самый Евгений! Ну, да... Мульц мне рассказывал о вас. (*С жаром.*) Только знайте, мы ни разу ничего не украли у жителей вашей деревни, и у вашего отца тоже.

Евгений. Знаю, знаю. Так что с Мульцем?

Бунц. Не знаю, сударь. Он как ушел через границу в соседнюю Мурдию, так и не вернулся. Два года прошло. Поди, в тюрьме теперь.

Смена акустики.

Евгений. Позже, когда вернулся отец Павел, мы приняли Бунца к нам в монастырь. Он помогал брату-привратнику рубить дрова, топил печи в гостевых залах, хлопотал на кухне, пироги пек. Но он был уже болен и прожил недолго, скоро умер. Я заплакал, узнав о его смерти. И снова в горле ощутил вкус табака самокрутки, которую мы с Мульцем курили. Мягкий вкус разбойничьего табака. Я ощущал этот вкус все время, пока отец Симон служил заупокойную над открытым гробом Бунца. И братья дивились моим слезам. Но и после этого прошло уже сорок пять лет... А после смерти отца Макария и отца Симона братья избрали меня главой монастыря. Я только что рукоположен был в сан священника. И мне исполнилось всего двадцать пять лет. А блудница Агнес соблазнила еще немало мужчин, сбила их с пути истинного. Известная всей округе была особа... У ворот нашего монастыря плакали женщины, чьих мужей совратила Агнес, плакали дети... ну, они, конечно, плакали вместе с матерями... ведь они еще не догадывались, что их отцы промотали с грешницей все, на что надо было жить. Тогда я испросил у Господа благословения, просил братьев молиться за меня, облачился в одежды светского человека и отправился к блуднице Агнес. Я испугался ее красоты, когда увидел ее впервые.

Смена акустики.

Евгений. Комната твоя и вправду укромна и скрыта от чужих глаз. Но я бы предпочел, чтобы она была еще более укромна и секретна.

Агнес. Уверяю тебя, здесь мы совершенно спрятаны от людских взглядов.

Евгений. Я тебе верю, что от людских взглядов, да, спрятаны. Скажи, а нет ли у тебя комнаты, где можно было бы укрыться от глаз Господа?..

Агнес (*тихо и настороженно*). Чего ты хочешь от меня?

Евгений. Не я хочу... Ты скрываешь от глаз человеческих то, в каком виде ты предстаешь перед лицом Господа... Ты совершаешь... нет, ты представь себя... представь, что этих стен не существует для Него... И ты смеешь быть пред Ним вот такой?

Смена акустики.

Тут Агнес упала передо мной на колени и заплакала. И в тот же день она сожгла свои наряды и украшения на рыночной площади, а имущество свое раздала бедным. Она велела запереть себя в келье и замуровать вход и жила с тех пор в затворничестве. Мы передавали ей воду и хлеб через окошко в двери и всякий раз слышали, как она молится.

Агнес. Ты, сотворивший меня, смилуйся надо мной.

Евгений. Так провела она много лет. Но теперь и ее уже нет в живых. А брат Лео даже видел место, уготованное ей на небесах. Я был настоятелем монастыря почти пятьдесят лет. Моими усилиями возведен был монастырь и в Байте, я послал туда братьев, и они научили разбойный люд возделывать Байтовы пустоши, выращивать хлеб, разводить скот. И всякий раз, когда я думал о Байте или слышал это название, ощущал в горле вкус разбойничьего табака. Я проводил дни и ночи в молитвах, я основывал монастыри в нашей провинции, вырубал леса, чтобы строить деревни, осушал болота и возделывал поля. И отовсюду приходили люди посмотреть на меня, послушать мою проповедь. И все они называли меня святым. Тридцать лет я слышал, как меня зовут святым, и в итоге сам в это уверовал, даже не заметил как. Но как одинок я был среди тех, кто возносил мне хвалы, среди братьев-монахов, среди моей паствы. И однажды я не выдержал и взмолился Господу: пусть ниспошлет мне встречу с человеком, который мне ближе всех на этом свете и столь же свят, как и я. Я молился об этом много лет, всякий день. И чем более ширилась моя слава святого, тем сильнее была моя тоска по родной душе. Чем больше народу приходили в монастырь, чтобы

узреть и услышать меня, тем более становился я одинок. И вот, наконец, Господь внял моим молитвам.

Акустика меняется, стук в дверь кельи.

Раймунд. Отец Евгений, позволь мне войти.
Евгений. Это срочно?
Раймунд. Уверен, что срочно, отец.
Евгений. Уверен?
Раймунд. Да.
Евгений. Ну, заходи.

Открывается дверь кельи.

Что тебя так встревожило?
Раймунд. Мне был сон, отец.
Евгений. Будь осторожен, брат, не всякий сон от Бога.
Раймунд. Во сне я увидел нечто, о чем должен рассказать тебе.
Евгений. Именно мне?
Раймунд. Да, отец, мне приснился один человек. Мы встретились на пустынной дороге. У него не было лица. Вернее, у него был такой же капюшон, как у нас, монахов, но лица его я разглядеть не мог. И я решил, что он безлик. Я заговорил с ним, он не отвечал, а потом вдруг повернулся ко мне и произнес: скажи отцу Евгению, человек, которого он ищет, зовется Милути́н и живет в деревне под названием Бегуна.
Евгений (*очень взволнованно*). Он не сказал, кто этот человек из Бегуны?
Раймунд. Не сказал, отец. Сколько я ни спрашивал, ничего не отвечал больше. И лица у него как бы не было. Только монашеская одежда. Когда он сказал мне о человеке, я проснулся и поспешил к тебе.
Евгений. Так ты спал средь бела дня?
Раймунд. Да, уснул в своей келье. Устал и уснул прямо на полу. Но я искуплю вину. Не буду спать две ночи за то, что уснул днем.
Евгений. Ты не виноват, брат. Я молил Господа, а он дал мне ответ в твоем сне.
Раймунд. Позволь спросить, отец: ты хочешь найти человека по имени Милутин?
Евгений. Я ищу человека на этом свете, который был бы более всего похож на меня. Я просил Господа показать мне такого человека. И вот через тебя узнаю теперь, что это Милутин из деревни Бегуна.

Раймунд. Это, должно быть, святой человек, ежели он похож на тебя, отец.

Евгений. Перестань говорить о моей святости... Позови-ка мне библиотекаря, прошу тебя. Я не ведаю, где эта Бегуна. Никогда прежде не слыхал о таком месте.

Смена акустики.

Я возрадовался, сердце мое возликовало, я уже любил его, неведомого еще брата моего Милутина. Я поспешил навстречу библиотекарю, мы вместе последовали в библиотеку и стали искать в книгах...

Смена акустики, библиотека.

Библиотекарь. Бегених — Бегено — Беговиа — Бегрот — Бегуна. (*Очень оживленно.*) Отец, я нашел место под названием Бегуна!

Евгений. Далеко ли отсюда?

Библиотекарь. Я посмотрю по карте. Вот...это в Мурдии, отец, в соседней провинции. (*Возбужденно.*) Вот здесь, вот Бегуна — между городами Антониа и Тугра, среди рудников.

Евгений. Сколько миль отсюда?

Библиотекарь. Много, отец, миль двести... Но неужели ты собираешься туда совсем один?

Евгений. Мне необходимо попасть туда, брат, я должен. Напиши мне, как пролегает мой путь, какие монастыри я буду проходить и где смогу переночевать.

Библиотекарь. Я напишу, отец.

Смена акустики.

Евгений. Братья мои плакали, когда я отправлялся в путь, меня проводили до города, и за нами следовала толпа. Я попросил братьев благословить мой путь, даже самых младших из них, в том числе одного молоденького послушника из крестьянской семьи. Многие просили позволения следовать за мной и дальше, но я хотел прибыть в Бегуну один и встретить моего брата без посторонних. Я любил его, еще не зная его. Любил и благодарил Господа за милость, оказанную мне, за то, что указал Он мне на брата моего Милутина. Известие о моем путешествии летело вперед меня, на обочине дороги стояли люди и просили моего благословения.

Смена акустики, на дороге.

Женщина. Благослови нас, отец Евгений.
Евгений. Откуда ты идешь, дочь моя?
Женщина. Из Мурдии, отец.
Евгений. Куда вы теперь идете?
Женщина. Возвращаемся на родину, отец.
Евгений. Где же ваша родина?
Женщина. В Байте, отец, высоко в горах.
Евгений. Байта — и моя родина, моя бедная земля.
Женщина. Да, отец, земля наша хоть и бедная и скудная, но уж лучше там, чем работать на рудниках и жить... если бы ты, отец, знал, в каких грязных лачугах нам пришлось ютиться... да еще эти дикие песни пьяных, что шатаются ночью по дорогам.
Евгений. Давно ли вы в пути?
Женщина. Много дней, отец.
Евгений. Не пролегал ли путь ваш через Бегуну?
Мужчина. Да, мы проходили через Бегуну, мы провели там ночь. Это такая же деревня, как и все остальные в краю рудников.
Евгений. Не встречали ли вы в деревне человека по имени Милутин?
Мужчина. Нет, отец. Кто он? Неужто вы из-за него следуете в Бегуну?
Евгений. Я не знаю, кто он... может быть, он священник.
Мужчина. Мы не видели священника в Бегуне, отец. Лишь его дом. Он живет рядом с церковью, в красивом доме, там же проживают врач, директор копей и аптекарь. Вы легко найдете его, отец. Но зовется ли он Милутин — этого мы не знаем.

Смена акустики.

Евгений. Вечером нога моя ступила на землю той страны, где находилась Бегуна. Таможенники нашей страны, аккуратно одетые и чистые, вышли из своей конторы, преклонили колени и просили о благословении. Но в ста шагах стояла таможня Мурдии. Таможенники здесь были неприветливы, выглядели, пожалуй, отталкивающе. И лишь один из них великодушно указал мне дорогу.

Смена акустики.

Я ищу монастырь, брат, где я мог бы переночевать и подкрепиться. Здесь по близости должна быть обитель.
Первый таможенник. Тебе разве нечего есть?

Евгений. Нечего.

Первый таможенник. Хм, монастырь... Думаю, есть один в Тугре, но до него еще тридцать миль. Ступай-ка ты лучше в ближайшую деревню к священнику.

Евгений. Но мой брат библиотекарь написал, что в десяти милях от границы находится монастырь Святой Елены.

Первый таможенник. Был когда-то. Но монахи давно покинули эту обитель, епископ отозвал их обратно в город.

Евгений. А сколько миль до ближайшей деревни, где есть дом священника?

Первый таможенник. Миль пять, отец. Вот, возьми немного хлеба, тебе еще час пути. А ты сегодня точно еще не ел?

Евгений. Не ел.

Первый таможенник. Тогда бери хлеб, и глоток вина, если желаешь.

Евгений. Да, охотно.

Первый таможенник. Садись, вот вино.

Из домика таможни доносится солдатская песня.

Евгений. Ты знаешь деревню под названием Бегуна?

Первый таможенник. Есть такая тут у нас. Мой товарищ долго служил там жандармом. Эй, Симон. (*Громче.*) Симон! Поди-ка сюда.

Песня умолкает.

Второй таможенник (*из помещения таможни*). Ну что там? Опять какая-нибудь баба хочет протащить через границу бурдюк с вином?

Первый таможенник. Да пойди же ты сюда!

Второй таможенник (*приближается*). Ну, в чем дело? Доброго вечера!

Первый таможенник. Ты же служил жандармом в Бегуне?

Второй таможенник. Ну, служил, пять лет. Слава богу, ноги унес. Чертова дыра! Один разврат и пьянство!

Первый таможенник. Кого тебе надо в Бегуне, отец?

Евгений. Человека по имени Милутин.

Первый таможенник. Милутин? Нет, не знаю такого. У нас и имен-то толком нет. Здесь много всякого сброда шатается, но нет никого по имени Милутин. Не встречал такого. Кто он такой? Рабочий на копях?

Евгений. Не знаю... может быть, священник. Нет ли в Бегуне монастыря?

Второй таможенник. Не-а, знаю только священника по имени Губерт. А монастыря в Бегуне нет. (*Со смехом.*) Это в Бегуне-то монастырь! Милутина я там уж во всяком случае не встречал. Но с тех пор как я поступил на таможню, там поселилось много нового чужого народа.

Первый таможенник. Надеюсь, ты не зря проделал свой долгий путь, брат. Давно ли ты уже в пути?

Евгений. Я покинул мой монастырь в Сунторе две недели назад.

Первый таможенник. Так ты из Сунторской обители?

Евгений. Да.

Первый таможенник. А как твое имя?

Евгений. Я зовусь Евгений.

Первый таможенник. Евгений! Евгений! Вы слышали! Так ты тот самый отец Евгений, настоятель Сунторской обители?

Евгений. Да, это я.

Первый таможенник. Мы много слышали о тебе. Ты наставил на путь истинный блудницу Агнес. Ты разослал своих братьев во все концы наших земель, чтобы помогать бедным. Благослови нас, отец Евгений.

Евгений. Благословляю вас, братья мои, благодарю вас за хлеб и вино.

Меняется акустика.

Я еще немного поговорил с таможенниками, потом отправился дальше. Уже настала ночь, а до монастыря еще было не близко. Но когда я уже собирался идти, у таможни остановилась повозка. Это подъехал епископ провинции Мурдии. Он услышал о моем путешествии и отправился мне навстречу приветствовать меня.

Смена акустики, на дороге.

Епископ. Одари меня своим благословением, брат Евгений. Молва о твоей святости из Сунторской обители долетела до столицы Мурдии. Слышал о твоем путешествии и рад, что могу первым принять тебя на границе нашего края. Всем известна твоя мудрость, твое благочестие и смирение, твое святое бытие, а историю о возвращении в лоно церкви блудницы Агнес в наших школах рассказывают детям.

Евгений. Не преувеличивай, досточтимый брат мой, я лишь беднейший из рабов Господних.

Епископ (*с жаром*). Рассказывают, ты пустился в путешествие, дабы найти человека, подобного тебе.

Евгений. Молва донесла до твоих ушей не всю правду, досточтимый. Я просил Господа явить мне человека, что был бы похож на меня и более всех прочих близок мне, и во сне брату Раймунду Господь указал мне на этого человека, назвал его имя.

Епископ. Могу ли я узнать это имя?

Евгений. Его зовут Милутин. Он проживает в деревне под названием Бегуна в вашей провинции, в Мурдии.

Епископ. Милутин? Никогда не слышал этого имени. А Бегуна находится недалеко отсюда. Гораздо ближе, чем твой монастырь Сунтор. Твое имя известно здесь всякому, но о Милутине я никогда не слышал. Бегуна же не славится своей добродетелью. Это отвратительное место, грязная, убогая деревня, погрязшая в разврате и пьянстве.

Евгений. Ты уверен в этом, досточтимый?

Епископ. Мне ли не знать, брат. Там служит священником брат Хубертус, Губерт — мой прежний брат-монах. Я навещаю его порой, однако, признаюсь, принимаю его приглашение всякий раз с неохотой. Много чужаков обитает в деревне, из всех краев страны приносит их в Бегуну — работать на рудниках. Ютятся в грязных хижинах, и даже по самым святым праздникам пьют горькую и путаются с потаскухами. Точно ли тебе нужна Бегуна, брат?

Евгений. Несомненно — Бегуна, но нет ли другого места с таким названием?

Епископ. Может быть, и есть. И если так, то мой библиотекарь найдет это место. Я прикажу сейчас же найти его для тебя, как только мы прибудем в мою резиденцию. Но сейчас кое-что другое. Я приготовил тебе сюрприз, брат. Я велел доставить в мою резиденцию трех человек, которые славны в Мурдии своей святостью. Тем самым я избавлю тебя от необходимости продолжать твой путь. Уверен, мы скоро найдем Милутина, вот увидишь.

Смена акустики.

Евгений. Я встретился с тремя святыми в резиденции епископа, но ни один из них не оказался тем, кого я искал. Епископ был до крайности удивлен.

Смена акустики, в помещении.

Епископ. Не знаю, что и думать, брат Евгений. Никто не знает здесь человека по имени Милутин, ты сам в этом убедишься, а народ будет удручен тем, что ты пренебрегаешь нашими святыми.

Евгений (*с возмущением*). Никем я не пренебрегаю, досточтимый. Я просил Господа явить мне человека, подобного мне, родную душу, а не познакомить меня с теми, кого почитают святыми в Мурдии. Я не святого просил, мне нужен тот, кто мне на всем свете ближе вех...

Епископ (*со смехом*). Но ведь близок и подобен тебе может быть только святой!

Евгений. Знаете, чем дальше я от моей Сунторской обители, чем дольше и труднее мой путь, тем больше я сомневаюсь в своей святости. И тем сильнее моя тоска по человеку по имени Милутин и по деревеньке под названием Бегуна.

Епископ. Но ведь так ты можешь и не найти его.

Евгений. Тогда прошу тебя, проводи меня в вашу библиотеку, я поищу другое место с названием Бегуна.

Епископ. Попробуем. Однако мне не верится, что есть еще одна Бегуна.

Смена акустики.

Евгений. Мы просидели в библиотеке допоздна. Лишь в два часа ночи я, утомленный, с тяжелым сердцем отправился в монастырь к моим братьям, чтобы переночевать там. Никакой второй Бегуны мы не нашли, а ведь у епископа в библиотеке были новейшие труды по географии, карты и атласы. Нигде ни намека на другую Бегуну. Утром, прощаясь с братьями, я заметил ухмылку на некоторых лицах, отчего мне стало еще тяжелее на душе. Я отправился далее, избегая больших дорог. Вечером, когда я уже был порядком измучен, я дошел до некой деревни и решил там заночевать. Кто-то показал мне дорогу к дому местного пастора.

Смена акустики. В помещении, стук в дверь.

Пастор (*изнутри*). Кто там?

Евгений. Странствующий монах, отец.

Пастор. Чудеса, ей-богу. С каких это пор странствующие монахи проходят через нашу деревню? Все больше всякий сброд, пьяницы, отребье и мерзавцы. Как зовут тебя?

Евгений. Меня зовут Евгений.

Пастор. Скажи еще, что ты тот самый святой Евгений из монастыря в Сунторе. Нынче только о нем и говорят. Он по слухам где-то в наших краях.

Евгений. Я отец Евгений из Сунтора.

Пастор. Либо ты величайший обманщик, какого только видел свет, либо ты вправду тот, за кого себя выдаешь, тогда Господь меня накажет!

Евгений. Господь тебя не накажет.

Пастор. Ладно, входи.

Скрип двери. Пауза.

Простите, святой отец, но знали бы вы, что творится здесь в деревне по ночам и кто только не стучится в двери пастора. Вы же знаете, случись что, первый, к кому приходят, это священник. Прошу, окажите мне честь, отец, входите в мое прибежище. С тех пор как я здесь служу пастором, еще ни один монах не стучал в мою дверь, а я ведь здесь уже двадцать лет. Так что, простите мою... неприветливость. Если ко мне приходит кто-то из прихожан, мне все сразу понятно. Скажем, придут за мной, чтобы позвать ночью к больному, я по голосу догадаюсь, откуда человек — из деревни или пришлый, с миром пришел или обмануть хочет. Этот здешний народ... его знать надо: на уме один разврат, карты да пьянство. Но если ночью зовут к умирающему, они становятся смиренными, аки агнцы. Куда путь держите, отец? Уже толкуют, что вы кого-то ищите в нашем краю.

Евгений. Мне надо в Бегуну.

Пастор. Бегуна! До нее еще часа четыре пути. Но зачем вам эта Господом забытая дыра?

Евгений. Я ищу человека по имени Милутин.

Пастор. Родственник?

Евгений. Нет.

Пастор. Объясните же мне, прошу вас, кто это, кого вы ищете в Бегуне?

Евгений. Господь назвал мне имя. Я молил его об этом.

Пастор. Не понимаю. Нет, правда, не могу понять...

Евгений (*очень устало*). Много месяцев просил я Господа явить мне человека, который был бы мне подобен и ближе всех на свете. И Господь назвал мне имя...

Пастор (*смеется*). Господь назвал вам человека, что живет в Бегуне? Не хочу вас огорчать, святой отец, но и не хо-

тел бы сомневаться в воле Господа! Однако послушайте, что я вам скажу. И поверьте мне. Вы заблуждаетесь. В Бегуне не найдете вы ни единого человека, что был бы подобен святому отцу Евгению, ну хоть в чем-то был бы схож с ним, уверяю вас. Мы здесь люди простые, грубые, но я вам истинную правду говорю. Уж я-то знаю Бегуну.

Евгений. Вы часто там бываете?

Пастор. Часто ли? Ну, раз в три недели точно, иногда чаще. И так вот уже двадцать лет. Вас устраивает мой ответ? И тем не менее: поворачивайте-ка вы назад, отец, обманулись вы. Как, вы говорите, его имя?

Евгений (*очень сердито*). Милутин.

Пастор. Я не знаю ни одного Милутина в Бегуне. Имя, судя по всему, грузское, а грузов здесь мало.

Евгений. Я тоже из грузов[1].

Пастор. Это нам известно. Но во всем моем приходе не более пяти грузов. И они, увы, не отмечены добродетелью. Конечно, и в Бегуне найдется несколько добродетельных душ. В церковь ходят процентов двадцать, и на том спасибо. В нашей местности это весьма неплохо. Я всех добропорядочных прихожан в Бегуне знаю. Скажем, жена второго директора Анна-Мария ходит в церковь каждый день, она вообще прекрасный человек с добрым сердцем. Есть еще Хайнц, очень достойный человек, даже слегка святой, и, наконец, их местный настоятель. Но никто из них не носит имя Милутин. И вообще, грузы здесь пользуются дурной славой. Вам-то я могу это сказать, вы не обидитесь, вы поймете: они вялые какие-то, недокормленные, что ли, голодные вечно, работать не любят, ни к какой серьезной работе не пригодны. Они тут быстро становятся просто босяками. Ну и стоит ли вам идти в Бегуну?

Евгений (*устало*). Я верю, Господь меня не обманывает.

Пастор (*очень дружелюбно*). Я вам верю, отец, но не хочу вас огорчать. Я не достоин ноги вам целовать, но не могу себе представить, чтобы Господь указал вам путь в Бегуну в поисках того, кто подобен вам. А что, если... что, если это нечистый решил вас запутать?

Евгений. А вы уверены, что хорошо знаете жителей Бегуны?

Пастор. Я, конечно, не всякого знаю лично, но добропорядочных верующих прихожан, каждую благочестивую ду-

1. Национальность грузы придумана автором и, вероятно, может иметь отношение к латинскому слову “grus” — “журавль”.

шу на двадцать миль в округе, знаю. (*Смеется.*) Их так мало, этих душ, они наперечет.

Евгений. И не знаете никого по имени Милутин?

Пастор. Точно не скажу. Может, и есть кто-нибудь с таким именем, но если он из грузов... А грузы... Ну да сами увидите.

Меняется акустика.

Евгений. В ту ночь я почти не спал. Сердце ныло от тоски, а тело — от усталости. Я молил Господа о прощении, о просветлении и об утешении. Я опустился на пол и плакал. И только на рассвете, ненадолго забылся сном. Во сне увидел я себя на белой, пустой дороге, и она как бы шла сквозь туман туда, в бесконечность. Подле меня вдруг оказался человек как бы без лица. Одет он был, подобно мне, у него был капюшон, и, хотя лица не было видно вовсе, мне казалось, будто он мне улыбается. Я заговорил с ним, он не отвечал. Мы шли рядом по этой бесконечной дороге, как он вдруг обернулся ко мне, и я увидел лицо вроде бы разбойника Бунца. Правда, это лицо только чем-то неуловимым напоминало лицо разбойника, каким я его помнил. Я опустился перед ним на колени и увидел, как издалека, сквозь туман, по дороге, нам навстречу идут какие-то люди, все ближе, ближе, ближе. И первым шел епископ Мурдии, с лицом белым как мел, перекошенным от страха. Он также опустился на колени перед Бунцем, и я вздрогнул, увидев отрешенное и строгое лицо разбойника.

Смена акустики, на дороге.

Епископ. Смилуйся, пощади.

Бунц. Господь помилует.

Епископ. Будь моим заступником перед Господом.

Бунц. Кто я такой, чтобы просить Господа за тебя... Семерым, что встретились в твоей жизни, отказал ты в любви. Первый — младенец одной блудницы. Он от рождения поражен был сифилисом, и мать подбросила его на порог твоего дворца. Ты с презрением отвернулся от него, сдал его в приют, где он и умер. Второй — вор, что украл у полковника твоей дворцовой гвардии золотой эфес от сабли. Ты не вступился за него, когда твои гвардейцы запороли его до смерти. Третьей была женщина по имени Ядвига. Она была твоей экономкой...

Епископ. Она соблазнила моего каноника!

Бунц. А каноник готов был признать свой грех и жениться на Ядвиге, когда она забеременела. Но ты отослал его в самый дальний приход, а ее выгнал на улицу. Она попала в обоз к какому-то проходимцу и вскоре умерла в придорожной канаве в нищете, страдании и никому не нужной. Четвертый...

Епископ. О, пощади! Пожалей меня!

Бунц. Я не судия тебе, я здесь не затем. Я послан лишь для того, чтобы освежить твою память. Судить же тебя будут тот младенец, вор, блудница Ядвига, диакон Юлий и еще трое, о которых тебе еще предстоит вспомнить. Помнишь ли ты их?

Епископ. Да.. да.. да... Я велел наказать диакона Юлия за его слишком долгую проповедь о том, что "блаженны нищие духом", ибо "их есть царствие божие". Мне показалось, он говорил опасные вещи.

Бунц. Тебе многое казалось опасным, хотя не было в том никакой опасности. А вот многое из того, что на самом деле опасно, ты таковым не счел. Господь наш укажет тебе, что значит опасно, а что — нет. И те, кто будет судить тебя, будут добрее и милостивее, нежели ты тогда. Ступай, ступай же, те семеро ждут тебя.

Смена акустики.

Евгений. Кто только не проходил перед Бунцем в моем сне: короли, монахи, солдаты, коммерсанты, богачи в золоте и бедняки в обносках. И всякого заставлял он вспомнить о своих грехах. И когда все прошли, поднял и я глаза на грозный лик Бунца, как ни страшно мне было. Мне же он улыбнулся.

Смена акустики.

Бунц. Не страшись, милый Евгений. И не сбивайся с пути. Человек, которого ты ищешь, живет в деревне Бегуна, и зовут его Милутин. Завтра вечером ты встретишь его.

Смена акустики.

Евгений. Тут я проснулся, и сердце мое снова возрадовалось, как тогда, когда впервые узнал я о моем брате Милутине. Я поднялся с пола, умылся чистой водой, помолился и поблагодарил Господа за озарение, ниспосланное мне во сне. В доме священника было еще тихо. Я оставил хозяи-

ну записку со словами благодарности и покинул его дом. По дороге я встретил попутчика, он также шел в Бегуну.

Смена акустики, на дороге.

Путник. У нас в деревне есть один человек, он возит пиво в Бегуну, он мог бы вас подвезти. Ах да, сегодня у него выходной. Вы ведь монах?

Евгений. Угу.

Путник. Поди, священник?

Евгений. Да.

Путник. Здесь монахи редко бывают. У нас здесь из вашего звания только настоятель прихода. (*После краткого молчания.*) Хм... Мы его не очень-то жалуем... впрочем, и он нас тоже. Директору-то он кланяется до земли, дельцам и торгашам прямо на грудь кидается, а придет кто-то из нас — из простого люда — пальцем не пошевелит. Поглядит с презрением: опять, мол, пьян? Да крикнул бы он хоть раз такое директору на улице: что, опять надрался?! А ведь и директор, бывает, напивается, и настоятель это знает. А зачем вам в Бегуну?

Евгений. Ищу человека по имени Милутин. Не знаешь ли такого?

Путник. Милутин? Милутин?

Смена акустики, сперва тихо, потом все громче шум в трактире. Слышится голос хозяйки трактира.

Хозяйка. Милутин! Эй, Милутин! Проснись!

Милутин-Мунц. А? Что? Уф... Ну, что там еще?

Хозяйка. Давай, сыграй-ка что-нибудь, я тебе не за то плачу, чтобы ты тут спал. Давай-давай, бери свою скрипку! Люди пьют и хотят музыки!

Милутин (*играет и поет*).

Я груз, разбойником родился,
Немного в жизни преуспел —
Отцовским опытом гордился:
Делить добычу я умел.

Я был коровьим скотобойцем,
Ох, не забыть коровьих глаз!..
И вот, когда я стал пропойцей,
Пилю на скрипочке для вас.

Вот до чего доводит пьянство.
Бывает, есть хочу до слез —

И мне, как лошади крестьянской,
Жевать приходится овес.

И никому из вас нет дела,
Что мой карман наружу весь...
Помилуй мя, святая Дева,
Прости и хлебушка дай днесь...

Хозяйка. Оставь ты свою святую Деву! От этой песни у кого хочешь вино поперек глотки комом встанет! Спой-ка что-нибудь забавное! Про Йохена! Давай-давай! Ну!

Милутин (*поет*).

Как-то пришел рыжий Йохен домой
Раньше на час после смены ночной.
Что же он видит — в постели жена,
Но присмотрелся — она ж не одна!
С рыжим каким-то лежит в аккурат —
Батюшки, рыжий-то, Йохена брат!

Женское сердце, ребята, — беда!
Слишком большое оно иногда.
Ласки ему не хватает порой —
Вот почему с нею рыжий другой!

Посетители трактира. Дальше, Милутин, еще давай!

Милутин (*поет*).

Рыжего брата он с ложа согнал,
"Тсс! Поднимайся!" — жене он сказал.
Вытащил нож, что всегда был при нем,
Просто без дела торчал за ремнем.
"Вот, пригодился", — им Йохен шепнул,
Женщине в сердце без шума воткнул.

Женское сердце, ребята, — беда!
Слишком большое оно иногда.
Ласки ему не хватает порой —
Вот почему с нею рыжий другой!

Посетители трактира (*хохот, аплодисменты*). Пинту пива Милутину! Рюмку водки Милутину! Спой о бедном батраке, Милутин! Спой!

Милутин (*поет*).

Кто молотил и сеял для богатых?
Кто их подвалы наполнял вином?
Тот, у кого штаны всегда в заплатах, —
Работу делай, а гроши потом.

Им подбивают бархатом штиблеты,
Им утром носят на подносе ром...

А мы в опорках и зимой, и летом —
Работу делай, а гроши потом...

Скрип двери. Внезапная тишина. Полное молчание.

Хозяйка (*робко*). Вы ищите что-то, отец?

Евгений (*очень тихо*). Я побывал у настоятеля, у бургомистра, чуть ли не в каждом доме, но никто не знает ничего о человеке, которого я ищу. (*Еще тише.*) Лишь теперь я понял, что Мульц — это и есть Милутин. У нас так матери зовут своих маленьких сыновей, крещенных именем Милутин.

Тишина.

Милутин (*медленно подходит ближе*). Ты знал меня под именем Мульц, но здесь я назвался своим полным именем. Ты меня искал, Евгений?

Евгений. Да, я пришел издалека, чтобы говорить с тобой.

Милутин. Прямо сейчас?

Евгений. Прямо сейчас, если возможно.

Милутин. Не получится, Евгений. Они меня теперь не отпустят. Мне платят за то, чтобы я пел, а если не стану петь, то мне не нальют выпить.

Евгений. И долго ты должен петь?

Милутин. Пока все не разойдутся, а это бывает под утро, Евгений... Сегодня у них получка, так что это надолго. Ты ведь не спешишь?

Евгений. Уже не спешу, я подожду. Это продлится до полуночи?

Милутин. Гораздо дольше, мой милый Евгений.

Евгений. Почему ты зовешь меня мой милый Евгений, как твой отец... тогда?

Милутин. Я всем так говорю, кто лучше меня.

Первый пьяница. Ты давай пой, Милутин, исповедоваться будешь утром...

Второй пьяница. Э-э... Оставь их в покое... видишь, они же знакомы и давно не виделись!

Милутин. Тебе теперь лучше уйти, Евгений. Это место не для тебя. Подожди меня в моей комнате, если у тебя нет лучшего жилья.

Евгений. Никакого жилья у меня нет. Где ты живешь?

Милутин. У вдовы Басколейт. Спроси, где моя комната, она тебя проводит. Ты точно меня дождешься?

Евгений. Непременно дождусь.

Хозяйка (*настойчиво*). Давай, Милутин, пой! Все песни пой. Какие знаешь! Публика желает слушать!

Милутин (*поет*).

Я — груз, я разбойник и горький пропойца.
Я в жизни умею только три вещи:
Терзать мою скрипку, коров забивать
И добычу делить.
А прочим наукам, увы, не учен!

Я — груз, разбойником родился,
Немного в жизни преуспел —
Отцовским опытом гордился:
Делить добычу я умел.

Я был коровьим скотобойцем,
Ох, не забыть коровьих глаз!..
И вот, когда я стал пропойцей,
Пилю на скрипочке для вас.

Вот до чего доводит пьянство.
Бывает, есть хочу до слез —
И мне, как лошади крестьянской,
Жевать приходится овес.

И никому из вас нет дела,
Что мой карман наружу весь...
Помилуй мя, святая Дева,
Прости и хлебушка дай днесь...

Медленно все затихает, смена акустики.

Евгений. Комната Мульца была убога: кровать, ящик вместо стола, стульев вовсе не было. Из стены торчал гвоздь, на который он вешал скрипку. Рядом с гвоздем на стене висело изображение Богоматери, однажды разорванное и снова склеенное с помощью клейких полосок. Я снял это изображение со стены и поцеловал его, ибо это была любимая картина брата моего Милутина, картина маленького Мульца, того Мульца, с которым я коротал холодные вечера на Байтовых пустошах. Ни епископ, ни священник и ни одна из этих благочестивых душ не ведали ничего об этом человеке. И хотя здесь все мне было чужим, вдруг вспомнилась моя келья в Сунторском монастыре, мне даже показалось, будто я наяву там оказался, в своей келье.

Смена акустики. Трактир. Хор пьяных голосов горланит песню. Слышен голос хозяйки.

Хозяйка. Вот, поешьте. Вы ведь голодны, я вижу. Вот и ешьте как следует. Не знаю, чего вам надо от Милутина, не мое это дело, но вот что я вам скажу: будьте добры к нему, от него никто ничего, кроме добра, не видел. Да что там, он же почти святой. И мне не стыдно так говорить. Могу вам рассказать то, чего никогда прежде никому не рассказывала...

Евгений. Расскажи.

Хозяйка. Он все раздает детям. Вы, поди, не расспрашивали детей, когда искали его, так ведь? А вам бы всякий ребенок показал, где живет Милутин. Его держат тут за блаженного, потому что он все раздает, что у него только есть, и как только у него выдается свободное время, идет гулять с детьми. Я вот считаю, что почти святой он! Священник наш местный не любит, когда Милутин возится с детьми, потому что Милутин долго сидел в тюрьме.

Евгений. Сидел в тюрьме?

Хозяйка. А-а, так вы не знали? Десять лет сидел в тюрьме, а потом еще десять работал в рудниках. Так что он у нас тут живет уже двадцать лет.

Евгений. И никто не мог сказать мне, где его найти! Никому он не известен!

Хозяйка. А теперь все его знают. Говорю вам, в деревне найдется лишь пара человек, кто его не знает. Похоже, что именно к ним-то вас и послали. Не думаю, что настоятель нашей церкви знает его имя.

Евгений. Да, такого имени священник не знает. Как он говорит: не может же он весь местный сброд знать по имени.

Хозяйка. Вот оно как! А не рассказал ли вам наш преподобный, что кое-кого из этого сброда, а именно моего сына, Милутин отправил учиться? Он хотел стать священником, мой Юлий.

Евгений. Юлий?

Хозяйка (*со слезами*). Ох, добром это не кончилось. Мой сын поспорил с епископом из-за своей проповеди. На том все и кончилось. Я о нем больше не слышала. Видно, его забрили в солдаты. А ведь он был уже диакон. Да я бы многое могла вам рассказать. Все знают, как однажды приезжала сюда знатная дама в карете с кучером, стояла на коленях перед Милутином и благодарила его...

Евгений. Я об этом не слышал.

Хозяйка. Хотите — верьте, хотите — нет, но только так именно все и было: она плакала, стоя на коленях перед Милутином, и благодарила его за то, что он...

Евгений. Что же он для нее сделал?

Хозяйка. Прежде-то он был разбойником, ну, это вам, должно быть, известно. Так вот, эта дама попала как-то в руки разбойничьей шайки, там же и Милутин был. Они хотели над ней надругаться, а он спас ее от позора и бесчестья. Она была молода и хороша собой. Ему удалось вызволить ее, да еще и денег ей дать. А она, когда приезжала сюда, вернула ему все те деньги, и что, как вы думаете, он с ними сделал? Подарил одному бедняку здесь в деревне. Только он и мог так поступить. Говорю вам, от него никто ничего, кроме добра, не видал. Он добрый человек, Милутин.

Смена акустики.

Евгений. Пока я ждал Милутина, вспомнил, как кто-то сказал: многие живут в ненависти и думают, что все их любят, и другие же в любви живут, полагая, что живут в нелюбви. Милутин все не приходил, так что я заснул глубоким сном. А когда проснулся, комнату ярко освещало солнце, а Милутин сидел на краю кровати подле меня.

Смена акустики, в комнате Милутина.

Милутин (*тихо*). Я всю ночь думал, зачем ты пустился в такой дальний путь? Неужели только затем, чтобы увидеть меня? На что я тебе?

Евгений. Я просил Господа явить мне человека, который был бы мне ближе всех на земле и был бы подобен мне. И Господь назвал мне твое имя.

Милутин (*сердито*). Ты что, смеешься надо мной!

Евгений. Прости, но это ей-богу правда...

Милутин. Нет-нет! Не надо ничего говорить. Да и не важно, зачем ты пришел. Я давно уже думал, вот бы увидеть тебя снова, вспомнить наше детство там, в горах, на Байтовых пустошах. Помнишь, как мы сидели у костра? А вот это помнишь?

Евгений. Конечно... Твой табак...

Милутин. Мы курили этот табачок на Байтовых пустошах... Хочешь покурить? Я скручу тебе папироску.

Евгений. Знаешь, я не курил с тех пор.
Милутин. Вот и давай, покурим вместе. Ну?
Евгений. А-а... Давай!..
Милутин. Ну как, нравится?
Евгений. Угу... Нравится.

Смена акустики.

Евгений. Пятьдесят лет не курил. Первая сигарета за полвека. И, вероятно, последняя. Снова мне щекотал горло дым разбойничьего табака с травами. С Мульцем мы более не говорили. Он слишком устал и скоро уснул. Я же прошел через грязную, убогую деревню, поговорил с людьми. Мне стало грустно на душе: люди любили Мульца, хотя имя его известно было лишь жителям десяти беднейших переулков деревни. Меня же знал всякий, однако никто, очевидно, не любил. Я хотел было забрать с собой в монастырь брата моего Милутина, но вечером перед домом вдовы Басколейт собрались люди, и даже дети, как были в своих рубашонках, в которых собирались лечь спать, прибежали тоже, и Мульц улыбнулся мне и просил уважить бедняков. Я покинул деревню один. Выскользнул незаметно, минуя главный тракт, и направился обратно в страну грузов. Вернувшись в монастырь, заметил я на лицах братьев-монахов усмешку, ибо молва о том, что я обманулся, опередила меня. И никто не догадался, что я вовсе не был обманут. Потом я поселился в одном из наших горных монастырей на Байтовых пустошах и вот теперь, как в детстве, слушаю вой ветра, гляжу на тощих коров с пустым выменем и провожу остаток дней моих в молитвах и размышлениях о том, что меня более всего беспокоит: многие живут в ненависти, думая, что живут в любви, другие же полагают, что живут в ненависти, но живут в любви.

1953

Генрих Бёлль

Генерал стоял на холме...

Рассказ

Перевод с немецкого Анны Кукес

ГЕНЕРАЛ стоял на холме и ждал той минуты, когда можно наконец двинуть войска. Стереотруба была установлена прямо перед ним, его окружали адъютанты, поодаль — прибывшие связные, все — в ожидании его приказов и поручений. Штандарт стоял, крепко вкопанный в землю. Дикий грохот артиллерии, пунктуально вступившей в сражение, продлится еще 25 минут. Утро брезжило над долинами и пологими холмами, тянувшимися на восток до берега широкой реки, которую его войска восемь дней назад уже пересекали в ходе отступления, почти бегства на запад, и которую сегодня, перейдя в наступление, снова должны были форсировать и по возможности перебраться на другой берег. Генерал понимал, что его войска не пробьются к реке. Он нервничал и злился, сомневался, мучился и разрывался на части, оттого что ясно видел правду и боялся ее. А правда, черт возьми, была в том, что жертвовать хотя бы одной человеческой жизнью в этой безнадежной, обреченной игре уже не было смысла...

В стереотрубу он видел, как действует его артиллерия, которая сначала била по передовым позициям противника, потом, поменяв дистанцию, навалилась на боевые укрепления вдоль реки. Вроде бы все шло неплохо, но ведь снарядов и сил не хватит, чтобы перенести за реку огневой вал, который, как степной пожар, уничтожил бы все вокруг, оставляя одну только выжженную землю.

У генерала вдруг екнуло сердце...

Он обнаружил батареи того чудовищного оружия, которое его солдаты прозвали “орга́ном”[1], батареи, абсолютно не тронутые, не поврежденные огнем его орудий, таинственным образом уцелевшие. Они стояли, замаскированные, в

© Анна Кукес. Перевод, 2017

1. Органом называли советские гвардейские минометы, знаменитые “Катюши”, которые внешним видом напоминали огранные трубы. (*Прим. перев.*)

маленьком перелеске, и в тот момент, когда генерал хотел обернуться и отдать приказ адъютанту, он увидел в стереотрубу, как орудия в перелеске внезапно начали двигаться, как будто их оживил его взгляд. Как из-под земли вылезли солдаты, сняли с орудий маскировку, проворно, как муравьи, поднесли боеприпасы... Генерал поглядел на часы: наступление через четверть часа. Что же это такое? Как быть? Отменить все свои приказы? Он услышал отвратительный, тихий и сухой треск артиллерийского залпа, и тут же огненный шквал заставил всю его свиту забыть об усталости...

Солнце, свежее и теплое, поднималось далеко за линией вражеских укреплений, и его лучи заиграли на красных обшлагах генеральской шинели. Было еще совсем рано. Вражеские орудия начали бить почти с дьявольской точностью. Теперь один залп "органа" следовал за другим. Шум и крики раненых долетали до холма, на склоне которого в штабе генерала шла суета над картами, возня у стереотрубы и суматоха возле раций и телефонных аппаратов. Через десять минут начнется наступление.

Пехота замерла, зарылась в землю так, что стала с ней одним целым.

Восемь дней назад их в дикой неразберихе перебрасывали через реку, и те, кто пережил это отступление, несколько дней провели к западу от реки в относительном покое, даже иногда получая вдоволь провианта. Четыре дня назад они снова пошли в наступление, страдая от палящего зноя, снова и снова выкапывая для себя укрытия в иссохшей, истерзанной, потрескавшейся земле. Еды и питья не хватало, ночью жара сменялась ледяным холодом, отчего гимнастерки, промокшие от пота и пропитанные пылью и гарью, замерзали и вставали колом. Изредка пехоту беспокоили взрывы вражеских гранат, но никто не оказывал ей существенного сопротивления, и, спустя четыре дня лишений и тягот, войска пробились, наконец, до этого места, где теперь готовились к бою. Противник, слабо защищаясь, похоже, обманывал их, словно заманивая к месту сражения. Отсюда пехота, соединившись с другими частями, должна начать массированное наступление. Четыре дня голода и жажды, четверо суток неизбежных страданий и мучений — это не столь невыносимо, если настроен на победу. Ради такого стоит и помучиться. Но когда уже не первый год приходится отступать, судорожно пытаясь атаковать противника, когда всякая атака оканчивается неудачей, когда постоянно не хватает ни снарядов, ни людей, ни сил, тогда война превращается в тупую привычку. Нет более зоркого и неподкупного наблюдателя, нежели

грязный фронтовой солдат, который день и ночь сидит в своем окопчике. Война ведь трезвое, хладнокровное предприятие. Недостаток военного материала обычно чем-то восполняется, да хоть бы одной только фанатичной верой в ложную идею. Но когда противник превосходит тебя по силам и численности, то армию кормят пустыми фразами и отвлеченной болтовней, офицеры что-то внушают измученным солдатам, а сами краснеют и смущаются, их самих коробит от этого топорного цинизма и чудовищного вранья. Вот тогда война превращается просто в бойню, в мясорубку, без единого проблеска надежды или радости. Единственное, что объединяет еще этих измученных людей, это их общее страдание. Страдание, смысл и оправдание которого сомнительны, после того как был распят Иисус Христос.

Задолго до того, как начался обстрел, трое солдат переговаривались в маленьком окопе, который сами же выкопали ночью. Они рыли землю всю ночь, поочередно отдыхая и стоя на карауле. Каждый из них в свой черед даже не забывался сном, а впадал в оцепенение, в какое впадают смертельно измученные люди, какое сковывает солдат на передовой (ах, сколько существует способов забыться сном, об этом знают целые народы, которым довелось оказаться в самом пекле войны). На рассвете явился связной от генерала и сообщил о времени начала наступления. Трое сидели в окопе, переговаривались и курили. Последние двое суток они ели только по куску хлеба, что выменяли у сослуживцев. Пили только немного солоноватой застоялой воды из окрестного пруда, но один из них владел невероятным сокровищем: его хлебный мешок был до отказа набит сигаретами...

Трое сидели в своей дыре, завернувшись в грязные шинели. Один — лицом к расположениям врага, двое других — справа и слева от него. Их оружие лежало сверху, на своего рода бруствере, среди скудной маскировки из веток и травы. На плоском земляном выступе лежали их армейские ремни, патроны, хлебные мешки и разного рода инвентарь, превращающий современного пехотинца во вьючную скотину: противогаз, штыковая лопата, патронташ, тяжелые жестяные ящики с боеприпасами для пулеметов, ручные гранаты, противотанковые подрывные шашки. Существуют, конечно, тысячи предписаний и инструкций, каким образом следует распределять все это добро. На бумаге все выходит идеально, но ведь предписаниям всерьез следуют, по большей части, тогда, когда на солдата надо побольше навесить, и лишь изредка, чтобы солдата освободить от лишнего груза. Э-эх, нет ничего омерзительнее войны, которая ведется на бумаге. Кто

слабее, обязательно будет обманут, и эта бессовестная игра на всех фронтах сопровождает любую войну.

Старший из трех, тот что сидел лицом к противнику, устроил себе удобное место в задней стене окопа и подстелил одеяло, которое стащил из какого-то расстрелянного обоза. Там же он разжился и сигаретами, и еще деликатесными кексами, которых, разумеется, никогда бы даже не понюхал, зная своих интендантов. Кексы он держал в резерве, чтобы подкрепить свой "молодняк" перед боем. Из личных вещей у него были только вещмешок и оружие. Остальное пропало по дороге. Лицо у него было узкое, заросшее бородой, глаза темные и крайне серьезные. Губы пухлые, приоткрытые. Он тихо говорил двум другим:

— Мой вам совет, бросайте вы весь этот хлам, оставьте себе только хлебный мешок и оружие. Говорю вам, ничего не выйдет с этим наступлением, будем опять убегать, драпать, как дикари, еще хуже, чем в прошлый раз. Этой войны нам не выиграть, выжить бы, кому ума хватит, выстоять и не струсить, потому что трус всегда обречен. Чем вся эта заваруха кончится, одному Богу известно. Вот так прямо вам и скажу: одному Богу! — Он взглянул серьезно и пристально в сторону неприятельских позиций в утренних сумерках и произнес: — Молитесь, коли умеете. Нам, солдатам, один Бог поможет. Точно вам говорю, из людей никто нам не поможет. — Он отвязал с пояса хлебный мешок с кексами и передал его соседу слева. — На вот, подели на троих.

Два других слушали его испуганно. Тот, что слева, был совсем еще молод, ему предстояло первое в жизни наступление. Второй только что выписался из госпиталя после ранения и ему было страшно, как всякому, кто уже был ранен и пролил кровь. Они разделили кексы испачканными в земле пальцами и съели их молча. Молоденький, невысокий белокурый парнишка ел с детским восторгом. Дитя большого города, бледненький и худенький, он успел уже привыкнуть к нужде и голоду. Три года проработал на одной большой фабрике, а в семнадцать лет его призвали, солдатскую форму надел всего три месяца назад. Эти три месяца его мучили и морили голодом в казармах, он терпел и молчал, и теперь вот оказался на передовой. Два дня назад их батальон просто бросили в двадцати километрах отсюда, они брели эти двадцать километров сюда, к линии фронта, и всего несколько часов назад он, измученный, истерзанный, с одним куском хлеба в вещмешке, прибыл на позиции, а через полчаса ему идти в атаку. В первую в его жизни. Вот эти дети — пример терпения и преданности. Ведь их жизнь — сплошная серая

полоса между голодом и опасностями, ни детства, ни юности они не знали, а знали только то, чем так часто манипулируют и злоупотребляют — они должны принести пользу отечеству.

Почти рассвело. Солнце перевалило через край неба, заливая ровным светом пустынный и однообразный русский пейзаж с его дикой тоской, которая доводит людей с запада до полного отчаяния. Исхудавшие лица солдат в этом утреннем свете казались серыми, лица людей без имени, возраста, пола. Продираясь сквозь дожди, огонь и смерть, закапываясь в землю, они превратились в каких-то безликих существ, в массу, которую безжалостно гонит куда-то призрак власти.

Впереди простирались поля — пустые, брошенные, бесприютные, изуродованные звериной злобой войны. Одинокие разрушенные крестьянские дворы, еще дымящиеся развалины. За полями начинались леса, что протянулись до гряды холмов. А за холмами широко и мощно текла река. Ее хорошо было видно между холмами, где в низинах пробегали ручьи, этот поток, могучий, тускло мерцающий и спокойный. В разрозненных рощах и перелесках, в кустарниках наготове стояли танки, чтобы поддержать наступление. Слышалось лошадиное ржание и рев грузовиков. Насколько легче становится солдатам, когда растворяется темная страшная ночь. Все, что во мраке казалось неопределенным и угрожающим, на рассвете снова обретает форму и привычный облик, опасность снова становится явственной, сотни звуков больше не пугают, поскольку ясны их источник и назначение.

Артиллерия ударила разом. Чудовищная волна обрушилась на переднюю линию, и вновь прибывшие на позиции в ужасе съежились в своих земляных норах. Лишь когда одна волна стала следовать за другой и обстрел превратился в непрерывную череду воя, грохота и ударов туда, в сторону врага, они осмелились поднять голову.

Старший из трех, по имени Пауль, вылез на бруствер и вместе с Йоханном наблюдал, как нарастает и катится огненный вал. Маленький новичок высовывался из норы между ними, и они старались успокоить его, разъясняя, как и почему проходит артподготовка. Паренек Эрвин внимательно слушал, что говорили старшие, вздрагивая и съеживаясь от страха при каждом новом залпе. В конце концов он все-таки решился встать в полный рост и поглядеть, что там впереди. А впереди снаряды корежили поле с подсолнухами, взметая целые пласты земли, так что подсолнухи взлетали и порхали в воздухе. Он видел, как отлетают головки цветов, слышал сухой деревянный треск, а между залпами до его слуха долета-

ли надрывные вопли раненых. Временами из земли возникал темный силуэт, оглядывался по сторонам и снова скрывался в дыре. Иные, с ярко-белыми — ах, какими же белыми — повязками на голове или на ноге пытались спастись бегством, направляясь к лесу, и малыш Эрвин наблюдал, как исчезали эти бегущие фигуры среди взрывов, как сметало их артиллерийским огнем.

— Бедолаги, — проговорил он, — с ума они, что ли... бегут под огнем... да еще и раненые...

Пауль обернулся к нему:

— Ты что, парень, им-то как раз повезло. Они еще бежать могут, им есть куда скрыться. А вот те, кто торчит там, впереди нас, в своих норах... Им бежать некуда, их никто из огня не вынесет. Они кровью истекут еще до того, как все это кончится. Их тоже ведь назовут павшими. Хотя все думают, что пасть в бою — это погибнуть на передовой... от смертельной раны. А этим-то лежать в какой-нибудь земляной норе или в чистом поле, на земле, что с кровью пополам, в грязи и вони. Ты не знаешь, парень, до чего же вонюча земля, пропитанная кровью. Так что бедолаги те, кто еще жив и невредим и торчит там, в ямках... жизнь их единственно в руках Господа, да... и ведь это страшно, ужасно это, когда без вариантов, когда до тебя никому нет дела, кроме Господа Бога... зависеть единственно от Его воли. Смерть может прийти всякую секунду. И как же счастливы, поистине счастливы те, кто лежит там впереди уже мертвый. К ним, должно быть, Господь был особенно милостив... Но, — он наклонился и положил пареньку руку на плечо, — но самые несчастные и обездоленные здесь мы, потому что скоро огонь будет здесь, и ты убедишься, малыш, что весь мир гибнет. — Глаза у него сделались огромными, и рот искривился в циничной усмешке. — Ну, кто еще нам поможет, как не Господь и его святая Матерь, пречистая дева, породившая его на свет, единственный в мире человек без единого греха. Не ей ли, знающей боль души и тела, стать нашей заступницей. Считай, мы погибли, если станем рассчитывать на людскую помощь, на помощь пушек и прочей чепухи, которую люди считают столь важной.

Огонь между тем приблизился. Очередной разрыв прогремел неожиданно близко к их окопу. Их накрыло волной грохота и ужаса. Все трое рухнули в свою яму, полумертвые от страха. Снаряды взрывали землю, осколки сыпались вокруг. Паренек Эрвин от страха вжался в землю и трясся всем телом, как маленький ребенок, которого чем-то жестоко напугали. Огонь почти накрывал их яму снова и снова, снаряды свисте-

ли над головой. Все троим было худо в их норе. Йоханн дрожал. Пауль, внешне спокойный, по временам поднимал вверх бледное лицо и глядел в небо.

— Господи! — вдруг истошно и дико завопил и запричитал Йоханн, — о Господи! Господи, зачем ты оставил нас!.. О, как же я теперь буду ненавидеть глаза женщин, никогда больше не смогу я радоваться, ненависть... отвращение навсегда теперь в нашем сердце, и бледная смерть навсегда останется у нас перед глазами! О, мать моя, мать моя, зачем только я родился на свет! Остался бы в твоем чреве, не знал бы горя! Ненавижу этот свет! Никогда не перестану ненавидеть этот мир, гадкий, мерзкий. Ненавижу это безумие, эту дикость! Даже весной, когда пойду гулять в цветущем саду, мне будет везде мерещиться вонь пролитой крови, пропитавшей землю. Не будет нам больше радости в жизни. Никогда мне не забыть этот страх животный, разрывающий сердце... Господи, Матерь Пресвятая Богородица, спаси и сохрани!

Равномерно, один за другим, совсем рядом ложились разрывы, как будто некто с дьявольской ухмылкой, планомерно устраивал охоту на людей. В грохоте взрывов слышалось демоническое ликование и вопль откуда-то из-под земли: теперь-то вы знаете, как мучаются и стенают все грешники в аду. Комья земли летели в нору, холодный сухой треск бил в уши, едкий тротиловый дым ел глаза. Взрывы, выстрелы, бомбы, гранаты, мины, пули — все слилось в единый град из огня и железа, в один сплошной ад. И ад этот ликовал, торжествовал, скалился по-звериному и хладнокровно, расчетливо, планомерно, целенаправленно жег, уничтожал, истреблял. И совершенно беззащитны и бессильны оказались против этого ада солдаты в своих земляных норах. Как будто поднялась из-под земли огромная, мерзкая, алчная ручища с вонючими окровавленными пальцами и давила, рвала на части, размазывала и перемалывала, заливая кровью все вокруг. Ад, только ад, и ничего другого...

Трое в яме тесно прижимались друг к другу, вопреки инструкциям и предписаниям, впивались в землю пальцами, вжимались в нее всем телом, да и лицом тоже. Все трое — старый опытный солдат Пауль, Йоханн, только что выписавшийся из госпиталя, и парнишка Эрвин, у которого сердце замерло, — всем отвалило поровну безумия и страха. Господи, Господи, ну почему ты оставил нас!.. Пауль первым очнулся и прислушался. Даже в этом вое и реве его ухо уловило, как отчаянно пытаются одни удержаться на своей линии и наступают другие, в кровавом угаре нанося один удар за другим, будто убийца, хмельной от крови своей жертвы, снова и снова

вонзает, вонзает, вонзает нож в мертвое тело... Вот он, момент самого черного страха и отчаяния, подумал Пауль, а парень-то атаки не переживет. Эти мальчики с худенькими шейками... На их стриженых головах стальные шлемы смотрятся как шутовские игрушки, глаза у них такие невинные и испуганные. Им прямой путь — вслед за Исусом Христом, шаг вперед — и сразу в рай, нет у них другого предназначения, кроме как погибнуть кровавой смертью, пасть жертвой ради справедливости этого мира. Сам Господь их ведет, и вы не смотри́те, что они дрожат, если на них заорет унтер-офицер. Ведет их Господь, ведет в самую мясорубку, которая их и перемелет.

Пауль схватил парня за руку, сжал покрепче и стал молиться. Больше он ничего не мог сделать для этого мальчика... если бы только мог, он бы все сокровища мира теперь отдал ему, этому никчемному солдатику, над которым вволю поиздевались все боги войны, какие только есть на свете. Солдатику, которому предназначено было только одно — погибнуть.

Огонь из сплошного превратился вдруг в точечный. Орудия стали бить прицельно в определенные точки, как будто до этого огромная рука хлопала по земле всей ладонью, а теперь сжалась и грохает кулаком, как будто адская гроза бьет в землю молниями и громом. Дым и гарь, и комья земли, и осколки. Огонь бушевал теперь совсем рядом, вокруг земляной норы, где прятались эти трое. Вой и треск... Граната ударила в заднюю стенку ямы, страшный грохот, удар, запах пороха... Пауль почувствовал, как мимо его плеча просвистел, обдав его холодом, осколок... Чудовищный хруст, как будто ломаются человеческие кости... И он вспомнил, против своей воли вспомнил и содрогнулся от ужаса и отвращения... Однажды в детстве он видел, как на стройке кусок камня, сорвавшись со стены, рухнул на ногу одному из строителей. Вот тогда он слышал точно такой же хруст человеческих костей... И тут же горячая кровь брызнула ему в лицо и побежала по шее. Он, трясясь всем телом, взглянул налево: паренек беззвучно сник и сполз по стенке ямы на дно... в спине его зияла дыра размером больше кулака, оттуда била кровь и свисали клочья гимнастерки, уже черные от крови. Бросаться на помощь было бессмысленно. Йоханн поднял голову и молча кивнул, как будто подтверждая, что да, уже не спасти парня... удар кулака пришелся точно в цель...

Пауль подхватил мальчишку и перевернул его лицом вверх. Глаза у мертвого были закрыты. Он, конечно, так и сидел в яме, зажмурившись от страха. Лицо было серое, рот от-

крыт, губы белые. Из-под каски торчали белобрысые волосы. Лицо было, однако, уже не детское... Из спины текла кровь. Глинистая земля не сразу впитывала ее, отчего кровь растеклась по всей норе, и двое стояли на коленях в кровавой жиже. Кровь все текла, текла, тихо струилась...

А вражеская артиллерия уже долбила своим гигантским кулаком по их позициям, как будто плясал по земле всеразрушающий молот. Снаряды взрывали землю, сметали кусты и деревья, швыряли их в воздух. Крики раненых оглашали это солнечное утро...

Пауль и Йоханн завернули тело погибшего в его шинель. Достали из вещмешков его документы и ценные вещи. Сняли с шеи именной жетон. Как неуместно смотрелось жалкое и трогательное наследство убитого мальчика в этом аду: дешевый карманный ножик, моток веревки, совершенно измятый и изорванный проспект туристического агентства, на обложке которого мужчины и женщины в белых платьях гуляют по берегу моря под пальмами, письмо, написанное неловким женским почерком, немного денег и еще фотографии: маленькая худенькая женщина с двумя девочками на фоне домика, какие строят для своих рабочих крупные фабриканты в рабочих поселках близ фабрик и заводов. Вот и все небогатое имущество, оставшееся после мальчика, что лежал теперь, завернутый в шинель, запачканную кровью и землей. Вот она, война...

Товарищи уложили тело покойного на уступ задней стенки ямы, сложили руки и тихо прочитали “Отче наш”. Ухватились было за свои лопатки, чтобы закидать землей кровавую лужу на дне норы, но тут в воздух взлетели две зеленые ракеты — сигнал к наступлению. И откуда-то слева звонко прокричал голос лейтенанта:

— Третья рота! В атаку! Марш!

Двое подтянули ремни, подхватили оружие и выпрыгнули из ямы. Справа и слева бесконечной цепочкой продвигались вперед такие же, как они, мужчины в солдатской форме.

Первая цепочка шла впереди, вторая — следом через двести метров. В перелесках и кустах затаились резервные силы. Но танки не двигались с места. Топлива не было...

Генерал между тем сидел в своем блиндаже с серым лицом и помертвевшим взглядом и, казалось, слушал донесения и предложения окружавших его офицеров. На самом же деле он не слышал ни слова. Он видел перед собой свою дивизию, которая, измученная, истерзанная, голодная и грязная, утратившая всякое мужество и веру, в отчаянии, как скотина под нож, шагает на очередную бессмысленную бойню. Он бы теперь

жизнь свою отдал за то, чтобы оменить наступление. Да что толку! Ну отменит он приказ, ну не отправит несколько тысяч солдат на смерть, да кто ж это оценит! Его тут же отдадут под трибунал и расстреляют, а над его великодушием и человечностью только посмеются! Господи, до чего же бессмысленно и тупо солдаты исполняют приказы командования. Они же не задумываются, им велят — они идут. И кто только придумывает эти приказы! Какому злодею и преступнику приходит в голову посылать людей на смерть сотнями тысяч! Что за кукловод дергает за ниточки! Это какой-то заговор злодеев и преступников, ей богу! Два года водил он свои войска по русским полям сражений, снова и снова, как в бездну, исчезали его солдаты, на место погибших тут же присылали новых, которые падали, как в колодец, беззвучно уходящий в самое чрево земли. Смерть забирала всех. Какая неизбывная, безнадежная тоска: впереди враг, все тот же враг, что и был, вот он перед тобой, никуда не делся. За спиной — отечество, растерзанное, разрушенное в руках мерзавцев и палачей.

Генерал резко встал и твердым голосом отдал приказ: пусть подадут его автомобиль. И объявил изумленным обескураженным офицерам, что один поедет к линии фронта.

Окружавшие переглянулись: происходило что-то чрезвычайное. Обычный ход событий прервался. Посреди войны, посреди бумажной волокиты, всех этих донесений, наказаний, награждений, наступлений, отступлений, учений, маневров... ах, среди всей этой военной рутины, этой пошлой кровавой игры с ее интригами, подлостью, чьим-то самолюбием и тщеславием, среди всего этого случилось вдруг так, что человек, значительная персона, руководитель, командир, энергично отмел все мелкое и пошлое.

Никто не проронил ни слова. В другой раз тот или иной офицер с жаром, а то, может, и от чистого сердца бросился бы сопровождать генерала. Теперь же все молчали, замерев в ожидании какой-то тайны. Эти отупевшие от войны люди, которых уже никакое человеческое страдание не могло бы потрясти, вдруг застыли в невероятном напряжении и боли, как будто у каждого из них вдруг остановилось сердце...

Генерал надел фуражку, быстро отдал честь и вышел. Он показал шоферу, в каком направлении двигаться. И автомобиль помчался вперед между взрывами, в самую гущу сражения.

Необозримая цепочка наступающих между тем становилась все реже. Подпрыгивая или, наоборот, прижимаясь к земле, когда снаряды свистели над головой, продвигались солдаты вперед, стараясь инстинктивно держать строй.

Мертвые и раненые оставались лежать на земле. Кто-то гибнул прямо на ходу. Крики, стоны, грохот. Утро продолжалось. Самолеты, как черные страшные птицы, низко кружили над землей, разбивая и корежа строй наступающих. Солдаты прятались за каждую кочку. За каждую горсть земли, взрытую снарядами. Пулеметы дырявили воздух своими очередями.

В такой ситуации любое отчаяние подобно смерти. Когда гибнут храбрейшие, трусам остается только последовать за ними. Липкий, холодный страх всякую секунду хватает за горло, душит. Солдаты, которые теперь шли в атаку, отупели и ослабли, они шли вперед, плохо соображая, что идут в наступление. Эта атака была как стихия, да, впрочем, война и есть стихия. Солдат толкала вперед привычка и неспособность нарушить приказ. А еще неопределенность: где и кто их враг — впереди или сзади — и какой из них хуже. Их объединяло великое горе, великое страдание, принадлежность к народу, который отдан был волей судьбы на растерзание врагам и внешним, и внутренним. Разве могут воевать люди, настолько измученные сомнениями? Что они за бойцы! Они обречены!

Атака же шла своим чередом. С тяжкими потерями солдаты добрались до первых вражеских окопов и взяли их с вялым “Ура!”. Окоп был пуст. Несколько трупов. Никакого оружия, отступающий враг все забрал с собой. Только пустые гильзы и мертвые тела. Все усилия впустую. Никакой добычи, никаких трофеев, ни воды, ни табака, ни хлеба.

Офицеры собрали каждый свою роту для следующего броска. Пауль и Йоханн вместе с другими обступили худенького бледного лейтенанта. Роты после тяжелого наступления всегда собираются в группы. Грязные, перепачканные сажей, утомленные опустились они на дно окопа, прислонились к стенке и курили сигареты, которые раздал Пауль. После обстрела и наступления из последних сил этот табак в относительном укрытии земляного рва был истинным блаженством. На несколько минут забылось все: и дикая жажда, и голод. А жажда мучила так, что ради глотка воды они готовы были снова в атаку. Измученный жаждой человек способен и на убийство, только бы попить. И никакая железная воля тут не выдержит. Кто-то даже стал хриплым голосом спрашивать лейтенанта: не знает ли он, есть ли там, у врага, питьевая вода?

Лейтенант молча курил, облокотившись о стенку окопа.

— Погоди-ка, — отвечал он наконец и указал на разрушенное большое здание между холмами и рекой и вопросительно посмотрел на Пауля.

Пауль кивнул.

— Да, — продолжал лейтенант, — вон там разрушенная усадьба. Оттуда на северо-запад течет ручей и впадает в реку. Восемь дней назад мы проходили мимо того места. А вообще, в лесу всегда есть вода.

И тихо пробормотал себе под нос:

— Пить, пить, пить...

Он прикурил одну сигарету от другой и с удовольствием, глубоко затянулся. Нервно оглянулся по сторонам: нет ли нового сигнала к наступлению?

Какая же глупость — торчать тут так долго после первой атаки. За это время враг наберется сил и снова начнет обстрел. Безголовое камандование хуже артиллерийского огня, ей-богу! От ярости лейтенант заскрипел зубами, пальцами потушил кончик сигареты, а окурок заботливо спрятал в карман. Будь проклят этот штаб! Это чистый саботаж! Солдаты, умирая от жажды, должны сидеть и ждать, пока их перемелет в этой мясорубке.

Он собрался было обратиться к своим солдатам и подбодрить их, тут рядом с ним возник Пауль и спокойно указал рукой куда-то в сторону.

— Гляди-ка — господин генерал... Видал?

Генерал приближался ровным, уверенным шагом, не скрываясь от огня. Хотя огня в тот момент толком и не было. Красные обшлага его шинели рдели в утреннем солнце. Пауль с лейтенантом обменялись вопросительными взглядами. Что это за явление? Зачем здесь этот генерал? С чего ему вздумалось самому пройтись по полю, усеянному трупами и залитому кровью? Жить ему надоело, что ли? Что он тут потерял? Солдаты в изумлении уставились на генерала. Здесь, в ста пятидесяти метрах от кромки леса, где, совершенно очевидно, окопались русские, он явился, совсем один, без охраны и защиты, с одной только тростью в руке...

Повисла жутковатая тишина. Вдалеке слышны были отдельные выстрелы. Как будто весь этот ад задернули вдруг занавесом. Иные из солдат спали, разморенные солнечным теплом, прямо на дне окопа. Другие не сводили глаз с генерала, хотя разве принесет он добрую весть! Чего от них ждать! Лучше бы воды принес. Что он теперь прикажет: атаковать, отступать? Наорет, промолчит? Да толку-то! Из этого ада он их не спасет, отсюда три дороги: смерть, тяжелое ранение или плен. Ну не будет этого генерала, найдется другой. Их как собак нерезаных, генералов этих. Не объявит же он, что война кончилась и наступил мир. Воды у него с собой нет. Нечего пить, пить, пить... Воды! Семнадцать генералов за кружку воды! Обоз с водой он тоже не вызовет. Он вообще так же

бессилен и отдан на растерзание этой войне, как и они сами, солдаты. И что проку от его красивой формы, от его орденов, от крестов на шее. Он, так же как и его солдаты, страдает от голода и мучается от жажды.

Генерал спрыгнул в окоп и со спокойным и серьезным лицом выслушал доклад лейтенанта. Первая цель наступления атакована. В третьей роте потери составили девятнадцать человек. В строю остаются: один офицер, один унтер-офицер и одиннадцать рядовых. Генералу стало зябко от тупого равнодушия его солдат, сидевших, лежавших и стоявших вокруг. Его как будто даже не заметили, на него почти не обратили внимания. Солнце уже начинало палить. Тишина угнетала. Явное затишье пред бурей. После такой тишины всегда грядет что-нибудь страшное. Трупы врагов, оставленные в окопе, уже начинали источать омерзительный запах разложения. Генерал стоял с неподвижным лицом, глядя в сторону врага. И обратился вдруг к лейтенанту:

— Давайте сигнал, наступаем дальше!

— Нечем сигналить, ракетницы нет, — отвечал лейтенант, — я пошлю связного в ближайшую роту. Они дадут сигнал.

Генерал кивнул. Лейтенант обернулся к Паулю и тихо произнес:

— Быстро отошли кого-нибудь. Иначе мы тут сдохнем все в этой яме от такой тишины.

Пауль, не мешкая, стал проталкиваться между солдатами, которые в полной апатии сидели вдоль стенки окопа, невзирая на трупы. Пауль добрался до соседней роты и обратился к молоденькому прапорщику, который остекленевшими глазами пялился на вражеские расположения, опершись локтями на бруствер. Он равнодушно выслушал донесение, кивнул и, даже не оборачиваясь, отдал приказ своему связному, что торчал у задней стенки окопа. Пауль поспешил вернуться в свою роту.

По-летнему весело взвилась в утреннее небо зеленая сигнальная ракета, как будто это был не сигнал к атаке, а начало парусной регаты, летний праздник, который люди в легкой белой одежде встречают на берегу большой реки, смеются, радуются, без забот и тревог ожидают новый день. Если бы! Этот зеленый сигнал поднял на ноги несколько сотен измученных, раздавленных, сломленных людей, изголодавшихся и готовых ради кружки воды продираться через огненный град. От жары и пыли жажда стала совершенно невыносимой. От голода и усталости у солдат почти не осталось сил противостоять огню. Им было уже все равно — атаковать или отступать, война опус-

тошила их. В такие минуты становится ясно, как пусты пафосные фразы, которыми бессовестные преступники посылают людей на смерть. Их перемалывают жернова двух слепых кровавых режимов, алчных, ненасытных, жаждущих крови. Какая бессмысленная, нелепая смерть, какое бессмысленное страдание ни за что. Так ли гибнут мученики за веру, за религию, за кровоточащее сердце Господа?..

Генерал первым выпрыгнул из окопа. Офицеры выкрикивали команды, пытаясь вывести своих солдат из оцепенения и апатии. Тягостную тишину разрывали новые выстрелы. Орудия палили в направлении опушки леса. Измученные роты, почти как по инструкции, с хрестоматийной точностью снова шагали вперед, уворачиваясь от огня. С позиций врага не последовало ни одного залпа. Только сухой треск, означавший, судя по всему, одно: русские заряжают свои "органы".

Роты с криком ужаса вжались в землю. И, как будто упал перед ними железный занавес, градом посыпались ракетные залпы. Каждого из наступавших как будто лично ударило в лицо. Генерал, вытянувшись в полный рост, крикнул:

— Вперед! Вперед!

Не ждать же, замерев на одном месте, что тебя прямо здесь закидают гранатами. Что толку! Вперед, одним броском преодолеть 50 метров до укрытия! Или отступить назад в тот же окоп! Вот и весь выбор. На защиту собственного оружия рассчитывать не приходится.

Некоторые побежали вперед с панической скоростью, откуда только взялись силы. Побежали механически, подгоняемые страхом, с автоматами наперевес, с ужасным отчаянным криком. Другие ринулись назад. Большинство же в нерешительности не двигались с места и, вцепившись в землю, полными ужаса глазами, как затравленные звери, ждали смерти.

И снова началась пальба, залп за залпом. Загрохотало, зарокотало над головами, как будто кто-то пытался этими звуками раздробить бедный солдатский череп. Дым, гарь, осколки, рев, крики... Откуда-то со стороны противника доносился характерный рокот и жужжание: на атакующих наступали танки. С флангов начался танковый обстрел. Там рассеянные роты больше не наступали, там солдаты, без оружия и вещмешков, спасались бегством в поисках безопасного места. Наступление превращалось в бегство. Один только генерал не двигался с места, с лицом человека, решившегося на самоубийство, с взъерошенными волосами, с холодной, отчаянной решимостью в глазах...

Отступающих косили пулеметные очереди. Теперь в бегство обратились даже храбрейшие из храбрых. Четыре года

бессмысленной войны отняли у них всю храбрость... Раненые падали на ходу, иные кричали, другие валились беззвучно лицом в землю и так оставались лежать, точно плачущие дети.

Пауль и лейтенант успели нырнуть в окоп и перевели дух. Пауля ранило осколком в руку пониже локтя, у лейтенанта зияла рана на правом плече. Они перевязали раны, оторвав лоскут от рубашек, перебрали вещмешки: может, осталось еще что-нибудь пригодное, и со страхом наблюдали за передвижением вражеских танков, которые продолжали наступать на убегающих. Из перелеска на берегу реки выступила вражеская пехота в неожиданно светлой форме цвета хаки.

Они вжались в дно окопа и, дрожа от страха, ждали, когда танки, медленно и равнодушно, как утомленные чудовища, покатят назад. Тогда Пауль и лейтенант покинули окоп и примкнули к тем, кто спасался бегством, укрываясь за земляным валом от вражеской пехоты.

Никого из своих у них за спиной больше не было, они уходили последними. Еще более измученные, еще страшнее страдая от голода и жажды. Преодолев поле боя, спотыкаясь о тела погибших, добрались они до исходной позиции, откуда на рассвете началась их сегодняшняя атака.

Свои! Что за счастье! Свои, родные, роты, санитары, даже грузовик для тяжело раненных. На лесной прогалине повсюду на носилках стонали раненые, валялись брошенное оружие и боеприпасы, кровавое тряпье. Непрерывные стоны, стоны и мухи, мухи, мухи... Врач командовал погрузкой носилок на грузовик и в пустые места между лежачими ранеными определял тех, кто мог стоять или сидеть. Лейтенант, не успев оглядеться, случайно оказался рядом с носилками одного знакомого, а вместе с ним и в кузове грузовика, и был отправлен в госпиталь. Грузовик уехал. Врач остался вместе с еще десятком тяжело раненных. Шофер поклялся, что доставит куда следует всех пострадавших, хотя как он мог быть уверен, что через четверть часа здесь не будет русских? До города ехать минут двадцать. Да еще там, да столько же обратно, значит, вернется грузовик только через час, не раньше.

Когда в лесу смолк гул грузовика, снова стало жутко тихо. Тяжелораненые со страхом, беспомощно лежа на земле, снизу вверх взирали на врача. Врач смущенно покосился на ящики с медикаментами и бинтами, потом вынул несколько пачек сигарет.

— Только спокойно, только тихо, — успокаивал он, — все образуется. Все будет хорошо. Грузовик вернется. Я знаю шофера.

Руками, испачканными в крови, он раздал раненым лекарства, сигареты, дал прикурить и сел на свой ящик. Взгляд его упал на Пауля, который невозмутимо, почти безучастно сидел на стволе поваленного дерева и курил.

— Вы-то здесь зачем? — резко выкрикнул врач. — Вы же ходячий! Так уходите скорее!

Лицо Пауля настолько было запачкано сажей и грязью, что улыбка его показалась клоунской гримасой.

— С вашего позволения я останусь здесь! — отвечал он спокойно. — Сами знаете, один часовой хорошо, а двое — лучше. И вообще, мне страшно нравится, что я познакомился с единственным приличным и не раненным офицером из всех этой героической дивизии.

Врач вскочил и подошел к Паулю.

— Вы... Вы, верно, умом тронулись... Что вы несете!.. Ну-ка дайте мне сначала осмотреть вашу рану.

Врач был немолодой, невысокий, плотный человек с красным лицом и седыми усами. Он безжалостно разодрал тряпье, которым была перевязана рана Пауля, и тщательно перебинтовал ему руку. Серые глаза его вдруг заулыбались.

— А ведь вы правы. Отчего нам не поговорить по душам, что нам еще остается в нашем положении. Присаживайтесь рядом на ящик, если уж вы задались целью вместе со мной угодить к русским в плен.

Они уселись на ящик посреди носилок с ранеными.

— Не думаю, что мы попадем в плен, — заявил Пауль, — на сегодня, ей богу, хватит приключений. Вот увидите сами. Грузовик вернется за нами. Но я, если позволите, пошел бы пешком.

Врач поглядел на Пауля испытующе, но уже спокойнее.

— Не волнуйтесь, если бы я хотел перебежать на сторону противника, то давно бы это сделал.

Обоим с их ящика видно было пространство до самой кромки леса, до самого вражеского окопа, который штурмовали утром. Там не было заметно никакого движения. Страшно одиноко лежали тела погибших под палящим солнцем. Иные уже как будто сливались с землей. Их почти было не различить, они, скрюченные в агонии, казались просто низенькими кривыми холмиками в поле. Оружие, разбросанное по земле, и стальные каски поблескивали на солнце.

Они увидели, как там, вдалеке, несколько русских пехотинцев переходили беззаботно от одного погибшего к другому, курили на ходу, переворачивали тела, обыскивали... Как шакалы... Стервятники... Они одеты были в светлую форму, напоминавшую форму солдат с запада. Это, наверняка, были

те же, которых Пауль и лейтенант видели из окопа перед тем, как противник двинулся на них из леса. Было тихо и еще очень рано, часов восемь утра. Один из русских вдруг дико, истошно завопил. Другие собрались вокруг него, жестикулируя и указывая в сторону леса.

— Генерала нашли, — тихо сообщил Пауль.

Лицо врача стало серым и исказилось от отвращения и ненависти.

— О Господи, — простонал он.

— Да уж, — подтвердил Пауль, — хорошего мало. Не всех павших станут хоронить с почестями. Видал я и у наших полный вещмешок золотых зубов, выдранных у погибших товарищей.

Исследователи трупов между тем стекались все в одно место. На левом фланге вдруг возникла высокая серая фигура и с удивительной скоростью помчалась в сторону леса. На боку у нее что-то болталось до самой земли. Человек бежал из последних сил, это было очевидно, в отчаянии и тоске пытаясь спасти свою жизнь. Русские заметили его, когда он был уже далеко. Они не стали гнаться за ним, просто стали стрелять с места. Автоматная очередь полоснула по кромке леса. Пауль схватил врача за руку, оба вскочили, белые от страха. У Пауля дрожали губы. Выстрелы сыпались в сторону бегущего, а он все бежал, бежал, спасая свою жизнь...

И теперь можно было разглядеть, что это болталось у него сбоку: это была его правая рука, которая висела на одном лоскутке. Беглец добежал до канавы на опушке леса. Здесь вражеские выстрелы не могли его достать. Он огляделся, удостоверился, что в безопасности, и в изнеможении, шатаясь, неверным шагом побрел дальше в лес.

Пауль оставил врача, который цеплялся за его руку, и пошел навстречу раненому. Несчастный, увидев перед собой незнакомого человека, сначала испугался и вздрогнул, потом узнал одного из своих, вскрикнул и повалился на землю. Пауль опустился рядом с ним на колени. Раненый был совсем еще молодой, рослый парень. Лицо у него было восковое, желтое, он был измучен, трясся от страха и напряжения. Одному Богу известно, чего он натерпелся там, на поле, пока лежал среди трупов, а эти мародеры обкрадывали мертвых. Он лежал, истекая кровью, без помощи, один, и все же решился бежать.

Пауль помог несчастному подняться и повел в лес. Оторванная рука с отвратительным стуком ударялась о деревья. Врач поднялся навстречу раненому, расстелил на земле шинель, сделал ему укол. Но прежде чем он успел осмотреть ра-

ну, последнее сухожилие, на котором еще держалась рука, оборвалось. Раненый застонал дико, почти завыл, кровь хлынула из раны. Врач и Пауль стянули рану ремнем. Раненый в это время лежал на земле и жадно затягивался сигаретой. После этого беглец почти сразу уснул. Как будто провалился в забытье, истерзанный болью и тоской. Он глубоко дышал во сне. В тени деревьев его испачканное кровью и землей, искаженное от боли лицо приобрело зеленоватый оттенок и смотрелось жутковато. Прочие раненые лежали тут же, вздрагивая от выстрелов и прислушиваясь. Некоторые также уснули глубоким сном от изнеможения. Другие, наоборот, проснулись, разбуженные выстрелами и шумом, и бранились, что до сих пор не вернулся грузовик. Врач успокаивал их, как мог. Раненые стонали и просили пить. Врач ничего не хотел обещать: что, если грузовик не привезет воды? Пусть пока надеются хотя бы, что через час будут доставлены в дивизионный медпункт. Между тем солнце поднялось, видимо, был уже полдень. Стояла жестокая жара. Вражеские пехотинцы убрались на свои позиции. Поле боя опустело, как будто уже несколько дней здесь никто не появлялся. А ведь еще и трех часов не прошло с тех пор, как там наступала целая дивизия.

Врач и Пауль снова сидели на ящике.

— Не понимаю вашего оптимизма, — заговорил врач, — с чего вы взяли, что сегодня хуже уже не будет? Вы полагаете, что все самое страшное на этой войне уже случилось?

У Пауля от усталости и печали слипались глаза. Он почти терял сознание от жажды.

— Нет, — выдохнул он, — это сражение — не самое страшное, что может произойти на войне. Я сам видел вещи и пострашнее. Я еще и не такую мясорубку прошел. Но сегодня, я уверен, хуже уже не будет. Я чувствую. А чувства мои меня не обманывают. Считайте, что это интуиция. Сегодня Господь явит нам Свое милосердие, пусть даже многие этого уже не узнают. Но сегодня судьбоносный день. Может быть, один из павших, оставленных на поле, — Пауль с тоской посмотрел в сторону поля боя, — уже сейчас предстал перед Господом и молится за наше спасение перед ним и Богоматерью. Пусть даже не о спасении, но хотя бы о нескольких днях покоя и отдыха.

Лицо Пауля, мрачное от боли и жары, вдруг просветлело:

— Видите ли, я раз за разом убеждаюсь в одном: моей судьбой распоряжается не вождь и не премье-министр, не Гитлер и не Сталин, но одна только воля Господа. Приглядитесь хоть раз: что есть случай? Рука Господа, вот что.

Врач удивленно поглядел на собеседника.

— Вы, должно быть, исключительно счастливый человек, раз так думаете.

Пауль обернулся к нему:

— Вы полагаете, человек может быть счастлив, если знает правду и вообще живет в этом мире? Вы думаете, Иисус Христос был счастлив, по-человечески счастлив? Ему было наверняка невыносимо тяжело каждую минуту своей жизни нести в мир истину Своего Отца. Нам неведомы Его муки, даже если бы мы всю жизнь провели под шквальным огнем. И каждый из нас, кто внял Его слову, несет в себе часть этой Его печали, как бы ни были мы плохи и грешны в нашей плотской оболочке.

Врач молча с изумлением взирал на проповедника. Он, вероятно, никогда еще в своей жизни ничего подобного не слышал. Его красное, открытое, простоватое лицо странно менялось, как будто помолодело и выражало смущение.

— Чудные вещи доводится слышать на войне, — тихо проговорил он, — так странно и так искренне... А знаете, я никогда не сомневался в Боге. Он мне всегда представлялся бесконечно добрым и благим. Но теперь, на войне, я часто думаю: либо Бога нет, либо, если Он любит нас, Он, вероятно, страдает и мучается вместе с нами, даже если мы сами виноваты в наших страданиях. Ведь бесконечная, безусловная любовь не станет искать виноватого. Понимаете, я теперь вижу Бога совсем другим. Иисуса Христа...

Он вдруг умолк, как будто от резкой боли. Пауль хотел было еще что-то сказать, но увидел лицо своего собеседника и умолк.

Дикая, неизбывная тоска давила на них, расплывалась в воздухе над опустевшими истерзанными полями. Если бы не война, на этих полях теперь, в этот жаркий летний день, дети собирали бы цветы. А теперь солнце жгло тела павших...

Врач вдруг вскочил и прислушался. Грузовик... Это был точно шум приближающегося грузовика. Все ближе рычал его мотор. Лица раненых просияли. Машина, прыгая на ухабах, завернула, наконец, в прогалину. Шофер выпрыгнул из кабины, навстречу ему понеслись счастливые восклицания. Врач и шофер стали грузить в грузовик носилки с ранеными. Шофер между тем сообщил, что остатки дивизии собираются в городе, куда сходятся великое множество раненых, которые в состоянии передвигаться. Он встретил их по дороге. Иные из них в изнеможении падали по краям дороги. А в городе есть еда и вода. На рассказчика смотрели с недоверием и смущением: он говорил о воде как о само собой разумею-

щейся вещи... Ах, пить, пить, пить. Пауль, с его раненой рукой, помогал, как мог. Врач сел в кузов грузовика к раненым, Пауля разместили в кабине рядом с водителем. В последний раз оглянулись они на пустое поле, на тела павших, которых они никогда уже больше не увидят.

Когда машина выехала из леса, Пауль попросил водителя остановиться. У одного дерева он заметил две серые фигуры. Двое спали. У одного голова была перевязана, у второго левая рука болталась на перевязи. Пауль вылез из машины и разбудил обоих. Они уставились на него, ничего не соображая. Он помог им влезть в машину. Потом пожал руку врачу и сказал:

— Я дальше пешком. Я ведь ходячий. А у вас свободных мест не хватает. Увидимся на сборном пункте.

Врач молча кивнул. Пауль крикнул шоферу, чтобы ехал дальше...

В нескольких километрах на холмах виднелся городок. Среди садов и скверов приветливо и уютно мелькали белые домики. Крыши и башни раскалились от жары. Между лесом и городом лежали поля и огороды, росли отдельные деревья и кустарник. В земле были видны глубоко вдавленные следы танковых гусениц.

Пауль медленно побрел к городу... Отовсюду группами тянулись серые солдатские фигуры. Они еле двигались, парализованные жарой. Очевидно, здесь собирались и другие дивизии. Пауль наткнулся на обоз продовольственного снабжения, вернее, на то, что от него осталось после бомбежки. А не осталось почти ничего. Валялись останки лошадей, какие-то прилипли даже к взорванной телеге. Над кровавыми ошметками жужжали тучи черных мух. Вокруг взрывом разбросало амуницию, оружие и одежду. Он поднялся на холм, откуда хорошо был виден и город, и окрестности. Сады, которые он ранее проходил цветущими, были разграблены и вытоптаны. Рдеющая жара жгла землю. Пауль дышал ею, как дышат пожаром. И все же он был совершенно свободен, спокоен и почти весел. И городок с его белыми, прохладными домиками лежал перед ним. Неужели ему снова дадут поесть, нальют воды, а может, доведется даже помыться... Помнится, последний раз, не считая сегодняшней раны, его подстрелили зимой, в ночи. В совершенной темноте лежал он на снегу с простреленной ногой, беспомощный от боли и одиночества. Когда, очнувшись, он увидел себя в операционной в белоснежном белье, он плакал, как ребенок.

Он приблизился к городу на несколько сотен метров, когда заметил странное движение среди солдат, которые все

так же стекались в город разными путями-дорогами. Они все сворачивали на главную улицу, что-то их туда манило, притягивало, иные даже ускоряли шаг. И тогда он увидел, отчего измученные, смертельно уставшие, истерзанные жаждой и покрытые грязью солдаты так сюда стремились. На обочине под невысоким корявым деревом стояла маленькая женщина в белой одежде. Каждому проходящему из большого глиняного кувшина она в серебряную плошку наливала вина и из большой плетеной корзины доставала кусок белого хлеба. Солдаты собирались перед ней группами или подходили поодиночке. Не было никакого нетерпения, никакой давки. Ее невыразимо добрые, полные сострадания глаза и мягкие, плавные движения рук гнали прочь всю горечь, ненависть и озлобление, которые переполняли сердца этих совершенно изможденных мужчин. Женщина вся была в белом. Белая косынка обрамляла ее неописуемо красивое, чистое лицо. Руки ее — маленькие руки, при виде которых у солдат, вышедших из кровавой бойни, наворачивались слезы, — были украшены дорогими кольцами со сверкающими камнями. И, тем не менее, никто не счел бы ее богатой: лицо ее светилось такой чистотой, говорило о столь же знакомой всем бедности...

Молча, с улыбкой, тихо и мягко протягивала она каждому свои бесценные освежающие дары — вино и хлеб. Лишь один раз остановилась она и погладила одного совсем молоденького солдатика, что с трудом передвигался, по взъерошенной вихрастой голове и тихо сказала: “Маленький мой”. Слов благодарности не было. Но молча, радуясь из последних сил, со слезами на глазах благодарили ее усталые, грязные солдаты... Пауль стоял, как вкопанный, и с изумлением и страхом взирал на белую фигуру. Он сам себе показался в этот момент таким убогим, грязным, жалким, что его затошнило от самого себя... Тут женщина, которая одиноко стояла в стороне, подняла руку и помахала ему. Он медленно подошел к ней, и невыразимая радость переполнила его, когда принял он из ее рук вино и хлеб.

Генрих Бёлль

Ночь *любви*

Рассказ

Перевод с немецкого Анны Кукес

Он опускал глаза и видел ее голову, пробор, узенькую белую полоску пробора, чувствовал, как ее грудь касается его кожи, ее теплое дыхание у себя на лице, и не мог оторвать глаза от ее пробора. Где-то на ковре валялся его армейский ремень с четкой надписью “С нами Бог!”, рядом — брошенная гимнастерка с грязным воротником, и где-то тикали часы.

Окно было открыто, и он слышал, как снаружи на террасе мелодично позвякивали дорогие бокалы, как тихо смеются мужчины и хихикают женщины, небо было мягко-синего цвета, волшебная летняя ночь.

И он слышал, как совсем рядом с его грудью бьется ее сердце, и снова впивались его глаза в белую полоску ее пробора.

Было темно, но небо мягко по-летнему светлело, и он знал, что он к ней сейчас так близок, что ближе и быть не может, и в то же время бесконечно далек.

Они не говорили друг другу ни слова. Он ощущал, как часы своим тиканьем гонят его прочь. Тиканье становилось сильнее, чем биение ее сердца рядом с его грудью, и вот уже невозможно понять, чье это сердце так стучит — ее или его собственное. Это означало: отпуск окончится, как только они проснутся, и у тебя осталась лишь одна ночь с этой женщиной. Проведи же эту ночь с толком. И он подготовился, даже бутылку вина заказал.

Он видел эту бутылку совершенно ясно, она стояла в темноте на комоде и казалась узкой прямоугольной полоской света. Да, это была бутылка — светлая полоска в темноте. Бутылка была пуста. На ковре вместе с гимнастеркой, штанами и ремнем, должно быть, валяется и пробка.

Потом она лежала у него на груди, он обнял ее одной рукой, в другой — дымилась сигарета. Они не произнесли ни

© Анна Кукес. Перевод, 2017

слова. Все их встречи проходили в молчании. Он всегда думал, что знает, о чем и как говорить с женщиной, но эта не разговаривала.

Небо стало темнеть, на террасе умолк смех постояльцев курорта, хихиканье женщин перешло в зевоту, и вскоре он услышал, как официант, громко звеня бокалами, собирает их по четыре-по пять штук в каждую руку и уносит. Потом унесли и бутылки, очевидно, не совсем еще пустые, и в конце концов сняли скатерти со столов, составили один на другой стулья, сдвинули столы, и потом он слышал, как уборщица долго и исключительно добросовестно подметает: казалось, вся ночь состоит из тщательного подметания этой невидимой уборщицей. Она выполняла свою работу почти беззвучно, спокойно, мягко, равномерно, размеренно. Он слышал легкое шарканье метлы и шаги женщины из одного конца террасы в другой, потом густой голос из-за двери террасы устало спросил: “Еще не всё?”, и женщина так же устало отвечала: “Заканчиваю”.

И вот на террасе все стихло. Небо сделалось темно-синим. Очень мягко и спокойно, очень издалека, из-за тяжелых занавесок ночного бара долетала музыка. Так они и лежали молча рядом, пока бутылка из-под красного вина не стала выступать из темноты светлой полоской, затем все светлее и ярче, потом обрисовались ее объемные, округлые контуры, стали видны и темно-зеленый оттенок стекла, и пустота внутри. И гимнастерка на полу с нерасстегнутым грязным воротником стала заметнее, и армейский ремень с четкой надписью “С нами Бог!”.

Генрих Бёлль
О Чехове[1]

Эссе

Перевод с немецкого Анны Кукес

Дорогой господин Урбан,

нам с Вами не распутать и не ослабить те странные, судорожные отношения, которые связывают меня с Москвой, я сам же в них и виноват. Я знаю, что как автор я занимаю там определенное место, “захватил” я его уже давно (безо всякого насилия, разумеется. Это произошло вообще без моего участия), и мое влияние там сродни действиям Троянского коня (я этого совсем не хотел, так уж вышло само собой, просто, так сказать, по природе вещей). Несмотря на это, мое прочно занятое место, книги мои там, к огромному моему сожалению, стали редкостью. Ужасно жаль еще и потому, что верю: я принадлежу и к их культуре тоже. По поводу Чехова с радостью напишу. И пусть моя импровизация станет для Вас утешением и “официальным отзывом”, который можно опубликовать.

Как-то в юности, лет семнадцати-восемнадцати, через каталог всякого старья — на покупку книг в магазине денег у меня не было — я приобрел за пару грошей несколько томиков рассказов Чехова. Они увлекли меня чрезвычайно, но остались для меня тогда непонятными. Тот Чехов показался мне слишком “сухим”, холодным и каким-то рутинным. “Открытые” концовки от меня ускользали, казались какими-то размытыми. Но при более позднем прочтении именно в этой размытости я обнаружил силу чеховской прозы. Именно эти размытые концовки навели меня на сравнение: Чехов — великий акварелист среди авторов XIX века. И не случайно в его обширнейшем наследии (пожалуй, одном из самых обширных, известных мне) особое, серьезное место отведено

© Анна Кукес. Перевод, 2017

1. Письмо журналисту Петеру Урбану. Франкфурт 28.12.1983. По поводу 125-летия со дня рождения Чехова. При жизни Бёлля не публиковалось. (*Прим. перев.*)

сборнику очерков “Остров Сахалин” (здесь у меня возникает музыкальная ассоциация: я сравнил бы Чехова с Шопеном, которого слишком легко причисляют к “несерьезным” композиторам). Когда в более поздние годы я перечитывал Чехова, мне стало ясно, что бесчисленные очерки, наброски, образы, описания провинциальных городов, деревенской жизни, как в рассказах “Ионыч”, “Скрипка Ротшильда”, “Мужики”, “На дороге”, “Дачники”, “Кулачье гнездо”, ближе всего к “истинной России”, нежели описания великих проблем, образов, идей, которые везде одинаково свойственны человеку, что на Западе, что на Востоке, что у славян, что у антиславян — везде они тенденциозны, идеологически насыщены и догматичны, как и положено великим идеям. Вот в связи с этим я воспринимаю Чехова бóльшим реалистом, нежели, скажем, Горького (исходим из того, что о понятии “реализм” мы представление имеем и нам нет надобности неделями спорить о нем). Горький же мне кажется, скорее, “натуралистом”. Ну а пьесы Чехова я больше люблю читать, чем смотреть. При чтении я способен лучше постичь, ухватить это размытое, едва обозначенное, выраженное намеками, сказанное шепотом. Что же до постановок, то всегда приходится опасаться, что режиссер инсценирует самого себя, а не Чехова.

У Чехова на всем налет почти метафизической меланхолии, отчего преходящее становится вечным. Что меня восхищает еще — это его невероятное усердие, самосознание медика и хрониста, когда он пишет о Сахалине. “Остров Сахалин” обязательно следует прочитать тем, кто где-либо когда-либо сталкивался или имеет дело с так называемым исполнением наказаний.

Генрих Бёлль

Сколько терроризма можно спрятать под одним кусочком сахара

Эссе

Перевод с немецкого Анны Кукес

В первое утро нового года нам не принесли свежую газету. В сельской местности такое бывает — снег, холод, знаете ли, пресса задерживается. Однако мы имеем обыкновение новости читать даже после того, как мы их услышали или увидели. Новости, как мне кажется, только тогда и становятся для нас известием, когда мы об этом прочтем, несмотря на многочисленные выпуски новостей по радио и на телевидении. Согласитесь, интересно также бывает сравнить, насколько по-разному подается событие в разных средствах массовой информации, насколько одно и то же важно для одних и незначительно для других, сравнить, что именно выносят на первую полосу и какие события считаются достойными крупных заголовков. Одним словом, я настаиваю на этом, газета нам важна и необходима, и даже 138 телевизионных каналов не могут ее ни заменить, ни вытеснить.

Итак, в первый день нового года я совсем упустил из виду, что магазины закрываются рано, а газетные и табачные киоски и вовсе не работают. Так что пришлось мне во время прогулки добыть себе из газетного автомата некую бульварную газетку, одну из тех, что все больше превращаются в рупор для членов правительства, аппарата канцлера и премьер-министра, а также разных региональных, земельных министерств и партий. На безрыбье, как говорится, и рак рыба, или, как еще говорят, когда прижмет, так черт и мух станет есть, короче, сойдет на самый крайний случай, а это было именно так, поскольку я, скажу откровенно, человек газетозависимый. Иногда, правда, мы забываем, что бывают случаи, когда иная муха и черта может съесть или что мухой можно и подавиться.

© Анна Кукес. Перевод, 2017

Дома, в теплой комнате, сидя на краю кровати, я листал сие произведение печатной продукции со всеми его глупостями, статейками ни о чем и наткнулся, наконец, на крошечное сообщение, от которого совершенно оторопел. Заголовок гласил: “Не бей!” Я было подумал, речь идет о собаках, о детенышах тюленей или о других жертвах жестокого обращения с животными. Но, приглядевшись, прочитал: “Мюнхен. Ежегодно жертвами жестокого обращения становятся 30 000 немецких детей, сотни погибают от побоев. Сообщает Социальная служба помощи детям”. Конец цитаты.

Чтобы измерить, насколько редакция этой газеты считает данный материал важным, я, не имея под рукой ни линейки, ни складного метра, извлек из кармана продолговатый кусочек сахара, который стянул недавно в кафе. И что же я вижу: сообщение практически уместилось под моим кусочком сахара. Я обратил внимание на эту крошечную, почти что скрытую заметку благодаря одной фотографии: элегантный, уже немолодой господин и столь же элегантная, но гораздо моложе дама гуляют по берегу моря. Это фото и относящаяся к нему статья были размером в четырнадцать кусков сахара.

Позже, уже вечером, когда я еще раз вышел прогуляться, я все-таки обнаружил свежую газету на том самом месте, где ее обычно, по договоренности, оставляет мне почтальон. Вопреки холодам и снежным заносам, нам все же доставили свежую прессу. И вот в нашей привычной утренней газете это сообщение размером с сахарный параллелепипед из бульварной газетки превратилось уже в большую статью на видном месте, чуть ли не на первой полосе. Из этой статьи я узнал подробности и нюансы. Здесь было много цифр и данных, и не просто, а с уточнениями и расшифровкой. Итак, 30 000 немецких детей ежегодно страдают от жестокого обращения, несколько сот гибнут от побоев, 57 000 живут в детских домах, здоровью 100 000 детей наносится тяжкий ущерб, более сотни детей в возрасте между шестью и двенадцатью годами кончают жизнь самоубийством, и в ФРГ ежегодно гибнут в дорожных авариях или остаются инвалидами больше детей, чем в других странах. Кроме того, 6000 детей регулярно лечатся от алкогольной зависимости и около полумиллиона по всей стране нуждаются в социальной помощи.

Я не поленился — поинтересовался отчетами и пресс-релизами Социальной службы помощи детям, и оказалось, что статья в моей газете ни в чем не солгала. Не стану приводить здесь статистику по состоянию окружающей среды или цитировать отчеты о ненадежных и небезопасных детских площадках. Любой может заказать и получить эти материалы в

Федеральной службе социальной помощи детям: Мюнхен 60, Лангвидерхауптштрассе, 4. Филиалы есть в Берлине, Гамбурге, Кёльне и Ольденбурге. Важнейшие сообщения этой службы можно увидеть в вечерних новостях по телевидению.

Итак, граждане Федеративной Республики Германии, запуская в небо новогодние петарды и доставая из холодильников шампанское, имеют возможность и повод поразмыслить о том, как у нас обращаются с детьми.

Мы тоже отмечали Новый год, и внукам позволено было пару раз выстрелить хлопушками, а остаток вечера провели все вместе вокруг камина. И вовсе я не имею ничего против элегантных немолодых господ, пусть себе гуляют в свое удовольствие по пляжу с молодыми дамами. Мне хорошо известно, что у писателя и у журналиста разные взгляды на то, что есть важная информация, как эту информацию следует подавать, где и как размещать. Знаю, что редакции завалены информационными сообщениями, которые могут растянуться на километры. Но все же позволю себе вопрос. Ведь есть среди моих сограждан такие, кто читает только подобные бульварные или проправительственные листки из газетных автоматов. Что и как узнают эти люди о проблеме насилия над детьми, если их взгляд задержится под заголовком “Не бей!”?

“Не бей!” — самая что ни есть рождественская благая весть. Возможно, наткнувшись на это воззвание, особенно накануне Рождества, читатель как раз и подумает о собаках или о детенышах тюленей. И удовлетворенно кивнет миролюбивому воззванию “Не бей!” И не узнает, что 30 000 детей страдают от жестокости взрослых, сотнями погибают от побоев или сводят счеты с жизнью. Ведь это всего лишь продолговатый кусочек сахара, который так легко растворяется среди всякого информационного мусора. В конце концов, скажет большинство читателей, речь ведь идет не о преступниках, не о террористах, явных или тайных, с которыми разговор короткий: с чувством выполненного долга врезать такому по морде, и дело с концом. Речь идет о детях, об этих милых, хороших детишках, которых политики так любят гладить по головке у всех на глазах.

Но не будем пороть горячку, не станем закатывать истерики, как какие-нибудь моралисты или идеалисты: стыдно, скажут нам. В этой стране быть моралистом или идеалистом считается позором. Посмотрим на дело с точки зрения рыночной экономики, рассмотрим проблему, как до́лжно, без лишних эмоций, хладнокровно и беспристрастно. Только цифры и факты. До смерти забитые, навсегда искалеченные, самоубийцы — это потерянные для государства трудоспособ-

ные граждане. И это притом, что у нас и так плохо с рождаемостью. Что произойдет с этой неопределенной массой, размыто именуемой человечеством, — пока не об этом, а вот что теряет то, что мы называем рынком? Это вопрос не к моралистам, не к идеалистам, не к идеологам, это вопрос к экономистам! Дети — разве они не будущее наше, наша социальная надежда и опора? Какой калькулятор способен посчитать трем министрам — тем, что отвечают за финансы, за семью и за социальное обеспечение, — скольких здоровых трудоспособных налогоплательщиков лишается страна ежегодно?

Хочу кое-что уточнить. Я между тем разыскал портняжный метр в швейных принадлежностях моей жены. Размер куска сахара — 3 × 1,7 см, то есть его площадь 5,1 см^2. Сообщение же в газетке размером 4 × 1,7 см, то есть 6,8 см^2. Фото элегантной пары на пляже составляет 13,5 — даже не 14! — кусочков сахара, а сообщение в нашей обычной ежедневной газете — 25 кусочков, то есть 170 см^2. Отчеты Службы помощи детям занимают обычно две машинописные страницы. Теперь, когда мы определились с размерами и масштабами, вернемся к рынку, к счетам, к цифрам. Если ежегодно у нас 7000 детей гибнут или остаются инвалидами, то за десять лет их будет 70 000.

Что там ограничение скорости автомобильного движения, какие-то замусоренные детские площадки, грязный воздух, отравленные мегаполисы. Что говорить о детском одиночестве, о брошенных детях, о школьных стрессах, да, в конце концов, о песочницах, в которых собачьего дерьма больше, чем песка! Просто не бейте! Никого, начиная с собак. И прежде всего: не слушайте психологов и психиатров, которые так любят заботиться о благополучии и здоровье немецкой семьи, в особенности родителей. Кто эти люди, которые до смерти забивают своих детей или их калечат? Кто эти дети, что сводят счеты с жизнью в шесть, восемь или двенадцать лет? Что за террор скрывается за чистенькими занавесками, за ухоженными палисадниками? Ежедневный, как выясняется, террор немцев по отношению к своим детям! Следует ли ужасаться и бить тревогу, когда сталкиваешься с подобными сообщениями, которые на газетной полосе умещаются под кусочком сахара, или это было бы неуместно сильной эмоцией? Что за кошмар скрывается под кусочком сахара среди новогодней мишуры из заголовков вроде “Всего вам самого белоснежного в Новом году!”? Одна подобная статья, включая фото улыбающейся дамы с фейерверком в руке, — 90 кусочков. Или вот: “три года без зарплаты: спасение для безработных?” — еще 20 кусочков сахара.

30 000 детей ежегодно — это же почти сотня в день. 100 детских самоубийств — это значит, что через два дня на третий в течение года один ребенок сводит счеты с жизнью. Что же это за терроризм такой, о котором мы ничего не знаем, потому что он спрятан за чистыми гардинами в респектабельных немецких частных домиках и квартирках. Есть ли повод ужасаться?

Я адресую этот вопрос тем, кто настаивает на беспристрастном и холоднокровном отношении ко всему. К тем, кто знает об этой заразе, об этом терроризме, кто даже пылает праведным гневом, зная об этой беде, но норовит спрятать ее под кусочком сахара.

Генрих Бёлль

Речь на открытии Европейского центра переводчиков в Штралене, 24 апреля 1985

Перевод с немецкого Анны Кукес

Господин бургомистр, господин министр, господин Вормс, господин Топхофен, господин Биркенхауэр, разрешите мне не занимать вашего времени долгим перечислением имен тех, кто, несомненно, заслуживает отдельного упоминания.

Прежде всего, хотел бы выразить свое изумление и восхищение тем, что здесь был построен и открыт этот дом и что проект, о котором мы мимолетно поговорили в Париже десять лет назад, в самом деле состоялся. По-моему, это совершенно уникально.

Позвольте обратить ваше внимание на то, что большие дела не всегда свершаются в больших городах и не обязательно сопровождаются шумихой и пафосом. По-моему, здесь произошло нечто грандиозное, чего до сих пор, пожалуй, и не случалось. Хотел бы выразить надежду, что многие европейские страны присоединятся к этой инициативе. Поскольку я всегда был того мнения — прошу вас снисходительно отнестись к нему, — что переводчики в истории человечества от начала времен являются пусть и не важнее дипломатов, но играют, пожалуй, не меньшую роль.

Ибо литература, если узнать ее не с одной какой-то стороны, но во всем ее многообразии, дает наилучшее представление о народе, его обычаях, истории, традициях, характере людей. И насколько узко и неполноценно было бы представление наше о других народах, насколько мы погрязли бы в предрассудках — а это ведь порой случается в нашей истории, — если бы иностранную литературу не переводили на немецкий.

Германия, — я говорю именно Германия, не разделяя ее на ФРГ и ГДР, ибо обе страны имеют равновеликие заслуги в сфере литературного перевода, — так вот, Германия всегда

© Анна Кукес. Перевод, 2017

была великой переводческой страной, что имело значение не только для самой Германии, но и для всей Европы. Скандинавская и восточноевропейская литературы, по большей части, приходили в большой мир через Германию. И теперь создание этого переводческого центра я считаю продолжением этой традиции.

Но вот что я хотел бы еще сказать.

Полагаю, что нашей европейской культуры без переводчиков вообще не было бы. Отвлечемся от литературы, вспомним, что началось все с литургии. И между стариком Иеронимом — я говорю старик не пренебрежительно, но с благоговением — и Лютером, двумя создателями языка, лежат почти одиннадцать столетий, в течение которых творили многие, многие неведомые переводчики, и, в основном, они были монахами.

В английском языке появилось словосочетание, причинившее немыслимые трудности мне и даме, на которой я женат, потому что мы переводили его дословно и вообще долго бились над его переводом. “Clerical error” не означает “клерикальную ошибку”, как мы думали, глупо цепляясь за буквальный перевод. Оно означает “ошибка во время писания” или просто “описка”. Когда-то где-то один монах-переписчик допустил ошибку, что при этой трудной работе вполне могло случиться, и так в языке возникло недоразумение. Я воспринимаю этот пример как предостережение от грубой буквальности.

Думаю, наступит день, когда мир постигнет, наконец, всю важность переводческой деятельности, которая обычно остается в тени и происходит за занавесом. Говоря словами Брехта, “сокрыта тьмой, ее не видно”.

Хотел бы спросить вас, да и себя заодно: читая переводную литературу, интересуемся ли мы всякий раз, кто перевел то, что мы сейчас читаем, будь то даже детектив, ведь и детективы тоже требуют перевода? А ведь литературный перевод — это трудная, тонкая работа, и один из наших величайших немецких послевоенных авторов Арно Шмидт был увлечен этой деятельностью. Допустим даже, что он был вынужден заняться литературным переводом под бременем житейских обстоятельств, но он переводил вдохновенно, основательно, скрупулезно, чутко, с огромной любовью к языку.

Разрешите также напомнить, что, кроме высокой, высшей — вроде сочинений Беккета — литературы, есть литература, которую пренебрежительно именуют легкой, развлекательной, поверхностной. Но ведь ее тоже кто-то переводит. А еще мы никогда не знаем тех, кто переводит фильмы и сценарии.

Знает ли кто-нибудь, кто перевел сериал "Даллас"? Я лично не знаю. Тем не менее кто-то ведь его перевел, но имени переводчика никто никогда не слышал. Или эти популярные передачи о чем-нибудь предельно житейском и банальном... А известно ли вам, уважаемые коллеги, что именно банальности переводить труднее всего. Порой гораздо проще переводить нечто возвышенное, чем банальную, повседневную болтовню. Так что давайте все же выясним, кто перевел "Даллас" и прочие сериалы. Это тоже работа переводчика, это тоже творчество, и жаль, что ее недооценивают.

Мне однажды довелось побывать в шкуре переводчика. Как-то меня попросили отредактировать перевод сценария "Доктора Живаго", почитать его, проверить. Это была первая версия сценария. Я тогда только что окончил большой труд и взялся этот перевод посмотреть. Меня познакомили с переводчиком — молодым человеком, чье имя я вскоре забыл. Перевел он сценарий великолепно. Но ведь перевод должен был совпадать с оригиналом по части артикуляции так, чтобы актер в кадре артикулировал немецкий текст так же, как английский или русский.

Я нашел и поправил всего несколько мелочей, например, команды кавалерийских офицеров времен 1905 года. Я навел справки в библиотеке Бундесвера, мне оттуда специально прислали справочную литературу, чтобы я мог вставить в сценарий этого фильма (на мой взгляд, не слишком удачного) команды немецкой кавалерии 1905 года. Были некоторые неточности в переводе текстов православного богослужения. Это удалось исправить с помощью моего кёльнского друга-священника.

Я все это рассказываю, чтобы мы с вами поняли: существует большое, очень большое, огромное переводческое пространство, которое нам с вами совершенно неведомо. Даже тем из нас, кто является первым потребителем переводной литературы.

Я постарался охватить в моей речи все самое важное, что касается переводческой деятельности, все стадии перевода и его уровни. Я попытался показать, что перевод существует на разных уровнях, но он всегда и везде перевод, будь то Беккет, Саррот[1] или сериал "Даллас" — это все перевод, и пренебрежение или снобизм здесь неуместны. И именно перевод по-

1. Натали Саррот (урожденная Наталья Ильинична Черняк, 1900-1999) — французская писательница русского происхождения, родоначальница так называемого "нового романа". (*Прим. перев.*)

могает создать образ той или иной нации, представляет одну нацию другой.

В широком смысле это миротворчество. Действительно миротворчество. И этот род деятельности нуждается в поддержке, господа. Поэтому я обращаюсь ко всем присутствующим здесь политикам, ко всем, кто здесь собрался: настоятельно прошу вас использовать все свои возможности, чтобы поддержать эту уникальную профессию. А она поистине уникальна, по крайне мере, в той форме, в какой она возникла и существует теперь. Поверьте, ни одна марка, потраченная или пожертвованная на это дело, не пропадет даром.

Хотел бы еще обратить ваше внимание на один печальный факт: переводчики вынуждены рассчитывать лишь на крайне скупое вознаграждение за свою работу. Так что их пребывание здесь должно быть финансировано кем-то со стороны.

Еще одно замечание — о том, как важно контролировать качество переводов. Зачастую переводчик вынужден работать слишком быстро, в самые сжатые сроки, его подстегивает нужда, и это неизбежно сказывается на качестве перевода. В одной европейской стране, которую я не стану называть, иначе не избежать предрассудков и недоразумений, я слышал удивительную поговорку: “If you doubt — cut it out”, то есть “Если столкнулся с трудностью — просто выбрось ее”. Хотел бы подчеркнуть, что это поговорка не из английского языка, я просто сформулировал ее по-английски; в стране, где я ее слышал, говорят не по-английски.

Мне остается лишь поблагодарить вас, господин бургомистр, и всех, кто принимал участие в открытии этого дома, вплоть до тех, кто красил стены и монтировал перила. Убежден, что здесь, в этом маленьком городке, происходит нечто великое. В большом городе этот дом затерялся бы среди прочих организаций и учреждений. Спасибо вам, господин бургомистр, спасибо округу, общине, земле — всем, кто осуществил этот проект. Большое спасибо.

Гюнтер Грасс

Когда хоронили Генриха Бёлля

Перевод с немецкого Бориса Хлебникова

Он был старше меня на десять лет, страшных, революционно-бурных, “золотых”. В 50-е годы мне в руки попадали его ранние романы и повести, которые обычно я брал у кого-нибудь почитать — “Поезд прибывает по расписанию”, “Где ты был Адам?”, — короткие рассказы, позднее “Дом без хозяина”. Я читал его так же, как читал романы Вольфганга Кеппена, Арно Шмидта, с любопытством, в поисках собственного языка. Наверное, ему даже больше, чем мне, было отвратительно то, ознаменованное успешным беспамятством, десятилетие, которое единым строем прошли Конрад Аденауэр, занимавшийся “ариезацией” еврейских банков Ганс Йозеф Абс и комментатор расовых законов Ганс Глобке. Позже Бёлль стал для меня образцом писателя, который открыто высказывает свое мнение “за” или “против”, который при необходимости откладывал рукопись в сторону, чтобы выйти со страстной речью в публичное пространство, где в лицо ему всегда дул встречный ветер. Любимый, а за рубежом даже высоко чтимый, он давал многим читателям и слушателям жизненные ориентиры и представления о свободе, которая не ограничивается свободным рынком. Поэтому его так ненавидела шайка политиков и их клакеров вплоть до самой смерти 16 июля 1985 года.

Лето, отпускной сезон. Как это нередко бывает с печальными событиями, когда до нас дошла весть о кончине Бёлля, возникла ситуация, не лишенная комизма. Мы с женой находились на юге Португалии, куда всегда уезжаем в эту пору, чтобы побыть вдалеке от отечества; мне пришлось позаимствовать у знакомого галериста черный костюм, который был мне слишком велик и из-за своей мешковатости был едва ли способен выглядеть прилично.

Билет до Кёльна удалось достать быстро. Томас Коста из издательства “Бунд-Ферлаг”, выпускавшего журнал “L-80”, уч-

© Борис Хлебников. Перевод, 2017

редителями которого являлись Генрих Бёлль, Карола Штерн и я, а редактором считался Йохано Штрассер, забрал меня из аэропорта. Насколько я помню, панихида состоялась в церкви, но не по обычному католическому обряду, хотя вел ее священник. Он говорил скорее как друг, во всяком случае, не произнес проповедь с упоминанием небес или ада.

Бёлль позаботился об этом заранее. В семидесятые годы он вместе с женой Аннемари вышел из церкви как "корпорации публичного права", продолжая хранить верность католической вере. Он был против официальной церкви, презирал ее и ее махинации. Поэтому считать его левым католиком, как это обычно делалось тогда, было своего рода преуменьшением; он понимал христианский образ жизни гораздо радикальнее, чем просто человек левых взглядов — например, я, — и гораздо свободнее, чем это мог позволить тот или иной Папа. Не столько потому, что опыт войны сделал его пацифистом, сколько из-за того, что при всей склонности к полемическим заострениям он считал главной заповедью любовь к ближнему. Сразу за нею следовали милость прощения и безусловное сострадание: вещи, давно устаревшие в обществе, где решающую роль все больше играют потребительство и конкурентная борьба.

Все это было очевидно, об этом он говорил во всеуслышание, а вот переживаемые им сомнения вычитывались только в речевом, сюжетном потоке каждой книги, иногда прямо в тексте, часто между строк и всегда прикрытые той разновидностью юмора, который питается беседами за кухонным столом.

Мне было не слишком трудно еще в юные годы отречься от католической веры и навязываемых ею представлений, а позднее объявить о выходе из официальной церкви и об отказе платить церковный налог, поэтому Бёлль с его осознанно еретически строгим следованием христианским заповедям был особенно близок мне тогда, когда он начинал чихвостить елейных святош. И делал он это с такой истовой верой, что во времена инквизиции не миновать бы ему костра. С другой стороны, это было мне чуждо, поскольку я мог вполне обойтись и без веры; неземное меня мало волновало, мне и в земном хватало радостей и печалей.

Нас сближало сомнение в существующем политическом устройстве. Мы отвергали тотальные притязания как коммунизма, так и капитализма. Несмотря на все расхождение взглядов между ним, далеким от политических партий, и мной, социал-демократом, мы нашли нечто общее в виде журнала, выпуск которого затеяли вместе через несколько лет после событий 1968 года, того самого, когда советские танки раздавили в Праге последнюю попытку реформировать прогнивший режим. Журнал "L-76", переименованный позднее в

"L-80", был задуман как форум для реформаторов, оказавшихся в эмиграции. Поддерживая их тщетные усилия, журнал ратовал за "демократический социализм".

Тогда мы еще надеялись, что в мире, разделенном двумя "к", которые возводились в догматический абсолют, возможен третий путь. Мы не догадывались, что после краха коммунистической диктатуры пресловутая историческая победа будет одержана новой псевдоидеологической диктатурой неолиберализма, на сей раз в глобальном масштабе и с последствиями, которые уже сейчас грозят коллапсом асоциальной системы. Но Бёлль еще тогда видел всю ее бесчеловечность, а потому, изменив своей внепартийности, решил поддержать Вилли Брандта; выступая в октябре 1972 года на дортмундском съезде СДПГ, Бёлль сказал: "Существует не только уличное насилие и не только в виде бомб, пистолетов, дубинок и камней; существуют насилие и власть в виде банковских депозитов и биржевых котировок". В этих словах он выразил свое презрение по отношению к любой власти и любым власть имущим, не ведающим стыда.

Летняя погода. Мы вышли из церкви, где священник говорил какие-то проникновенные слова, которые я не запомнил. На мне взятый взаймы черный мешковатый костюм. И тут случилось нечто, что было совсем в духе Бёлля и что наверняка навсегда запомнилось всем опечаленным друзьям, собравшимся проводить его в последний путь: перед медленно катящимся катафалком, за которым шла семья и тянулась длинная вереница друзей, пошел цыганский оркестрик, играя грустные мелодии, которые одновременно походили на танцевальные.

Вероятно, дорога от церкви и часовни до кладбища в Борнхайме под Кёльном была недолгой, но в моей памяти она растянулась. Мне до сих пор слышится та цыганская музыка. Мелодии, которым ведомы страдания и которые все-таки приносят радость. Такова была его воля, не скажу — последняя. Желание миролюбиво-неуступчивого человека, который, страдая и сострадая, хотел бы — как мне кажется — жить наподобие первохристиан, но мог сильно разгневаться при столкновении с нынешним священником, претендующим на роль ревнителя истинной веры. Так в письме молодому католику, написанном Бёллем в 1958 году, еще во времена "экономического чуда", есть слова об отцах церкви, справедливые до сих пор: "все они достаточно проницательны и умны, чтобы понимать, сколь пагубно безраздельное слияние церкви с ХДС, ибо слияние это чревато гибелью теологии; читая сегодня высказывания теологов по политическим вопросам, не испытываешь ничего, кроме неловкости, потому что произносятся эти высказывания исключительно с оглядкой на Бонн — за каждой фразой только угодливое ожидание покро-

вительственного похлопывания по плечу". Это простое и вместе с тем точное суждение, сделанное на основе хорошего знания рейнско-католической среды, служит для меня образцом всех протестных заявлений, которых не мог не делать Бёлль, считая недопустимым, даже святотатственным то, что политическая партия спекулирует именем Христа, рекламируя себя литерой "х" в своей аббревиатуре и именуя своих членов "христианскими демократами". И вот теперь его, кого уже тогда пренебрежительно называли моралистом и кого до сих пор хотят таким образом списать со счетов, его, кого даже Нобелевская премия по литературе не смогла защитить от постоянных диффамаций со стороны могущественного медиаконцерна, продолжавшихся вплоть до самой смерти Бёлля, его, самого солидарного из всех писателей, который до последних дней боролся за права преследуемых писателей во всем мире, а нередко и за их освобождение из тюрем, мы провожали в последний путь. Летом 85-го года. Это было время, когда страну окутала мгла, провозглашенная правительством Гельмута Коля "духовно-нравственным обновлением". Гроб несли сыновья Бёлля, Лев Копелев, Гюнтер Вальраф и я. Среди множества людей, собравшихся у могилы, я различал знакомые лица. Угадывались и его персонажи: например, Лени Пфайфер из "Группового портрета с дамой", женщина сорока восьми лет, в домашнем платье, легкая проседь в густой и светлой копне волос. Или тот молодой человек по имени Ганс Шнир, который говорит о себе: "Я — клоун, официальное название профессии — комический артист, не плачу налогов ни одной из церквей..." Или солдат Файнхальс из раннего романа "Где ты был, Адам?". Которого в конце книги, когда он видит белый флаг на отцовском доме, убивает разрывом седьмого, последнего, снаряда на пороге родного дома: "Древко флага переломилось, белое полотнище упало на Файнхальса и укрыло его".

Вряд ли над открытой могилой произносились какие-то речи, если же кто-либо сделал это, в моей памяти не сохранилось ни слова. Возможно, когда мы несли гроб или потом стояли над открытой могилой, мне вспомнилась наша последняя встреча. Мы с женой навестили Бёлля в больнице. Пытаясь умалить причину его тогдашнего пребывания в ней — незаживающая рана ампутированной ноги, — он рассказывал, как с помощью остатков былого шарма ему удается стрельнуть сигаретку у дежурных ночных медсестер. Лишь в конце нашего визита он признался, что донимает его сильнее, чем сердечная недостаточность и ампутированная нога. Это гнусные нападки шпрингеровских газет, которым он подвергался на протяжении многих лет. Мерзость газетных заголовков. Смертельная злоба своры профессиональных циников, именующих себя журналистами.

Все это сполна довелось изведать и мне самому. Но меня мало задевала та ложь, которую публиковали на своих страницах газеты “Бильд” и “Вельт ам Зонтаг”. Мне даже удалось выиграть судебный процесс против более дюжины шпрингеровских журналистов, подавших на меня иски за высказывания в телевизионной программе “Панорама”. Какой триумф! Нет большего удовольствия, чем победа на судебном процессе у тех, кто мнит себя всемогущими творцами общественного мнения.

Генриху Бёллю подобный триумф пережить не довелось. Он защищался своими речами, письмами в различные редакции, статьями. Так было и в 1972 году, когда “Фракция Красной армии”, переоценив собственные силы, затеяла войну против ненавистного государства. Бёлль считал, что “гарантии безопасности” для Ульрики Майнхоф позволили бы провести справедливое судебное разбирательство и положить конец растущей истерии. Благое, но, пожалуй, слишком наивное пожелание. А в результате он сам стал мишенью для злостных и лживых обвинений. Защищаясь от нескончаемых подозрений в пособничестве террористам, он опубликовал статью под заголовком “Необходимо заходить слишком далеко”, где в заключение говорится: “И, в самом конце, просьба к господам из концерна Шпрингера — прекратить со мной действие договора, который за счет консолидации концерна и использования вторичных прав превратил меня из безобидного автора издательства ‘Ульштайн’ в автора издательства ‘Шпрингер-Ульштайн’. Нас разделяют миры, берлинская стена, приказ открывать огонь. У меня много прегрешений, но от греха быть автором ‘Шпрингера’ мне хотелось бы наконец избавиться”.

Наиболее убедительное литературное изображение порочных и гнусных методов журналистики дано Бёллем в романе? повести? — я бы сказал в новелле “Потерянная честь Катарины Блюм”, у которой есть второе название: “Как возникает насилие и к чему оно может привести”.

Когда мы провожали Бёлля в последний путь, то я, глядя на его жену Аннемари, твердо решил продолжить бойкот шпрингеровской прессы, решение о котором приняла “Группа 47” на своей последней встрече, до тех пор, пока руководство концерна не принесет публичных извинений семье Бёлля. Его нынешние заправилы — прежде всего главный редактор газеты “Бильд” — продолжают считать себя вправе диффамировать и оскорблять людей, как до самой смерти они диффамировали и оскорбляли Генриха Бёлля.

Гюнтер Грасс
Стихи

Перевод с немецкого Бориса Хлебникова

Дедушкина подружка

Остаток дней придется просидеть.
Один пульт осиротел,
служит просто тумбочкой.
На другом скучает голодная “Оливетти”,
пока подрастающие внуки,
заехав в гости, не заинтересуются моей подружкой
еще тех лет, когда существовали воздушные куры.

Она хранит красоту
и требует — всегда наготове — новых лент,
которых осталось всего семь.
Но, обнаруженная лишь вчера,
детям она в новинку.
Иногда, заправив лист бумаги,
Они печатают пальчиком: тук-тук.

Читаю: она была дедушкиной подружкой.
Он возил ее с собой на каникулы.
Иногда ласкал ее.
У них получилось много детей,
которые давно выросли.
Теперь она грустит, потому что ему,
как он, подмигивая, говорит,
больше ничего не приходит в голову...

Из книги “Поденки” (2011)

В*есомая переписка*

Надежные люди,
не боящиеся риска,
провозили друзьям тайком короткие строки, полные боли,
а еще лекарства, книги, матрешки в матрешке

© Борис Хлебников. Перевод, 2017

через границу в те годы, когда Восток и Запад
были врагами, что кажется сегодня
почти нереальным и всего лишь историей.

Два десятилетия не кончался рассказ о бедах.
Порой жены не давали прервать эту нить,
когда мужья болели или находились в отлучке.
Иногда пауза все-таки затягивалась,
если обоим приходилось одновременно
исполнять тягловую повинность прозы.

Оба считали себя грузчиками.
Оба уцелели на войне,
где они целили друг в друга.
Один не афишировал, что родился евреем,
другой, что был христианином без церкви.
Современники проклятого века,
они подчинялись силе своих обстоятельств.

Зато их враги множились на Западе и на Востоке,
принадлежа одному семейству,
которое лишь внешне переживает раздоры.
На деле оно состоит из сообщников,
умело ведущих торговлю
фальшивым товаром.
Оба вызвали холодную или жгучую ненависть
тем, что ратовали за человечность,
которая не в цене на рынке.

До сих пор их доброта
вызывает у циников издевательские улыбки,
похожие на оскал,
будто проявлять доброту неприлично,
а мужество — стыдно.

И все же письма Бёлля и Копелева
продолжают идти,
хотя обоих уже нет.
Написанные от руки или набитые
с множеством опечаток на “Ремингтоне”,
письма врезаются при чтении в память,
не принадлежа лишь вчерашнему дню.

Вместе с сыновьями Генриха Бёлля,
его друзьями Вальрафом и Копелевым
я нес его гроб. Летним днем.
Впереди играли цыгане.

Борис Хлебников
Неделимость творчества

В марте 2009 года еженедельник “Die Zeit” начал публикацию серии статей, посвященную шестидесятилетию ФРГ и двадцатилетию объединенной Германии. Известные граждане страны рассказывали о знаменательных событиях собственной биографии и новейшей немецкой истории. Автором десятого выпуска юбилейной серии стал Гюнтер Грасс, написавший статью под названием “Когда мы хоронили Генриха Бёлля”.

2009 год был юбилейным и для Бёлля с Грассом, для каждого в отдельности и для обоих вместе. Тридцатидвухлетний Генрих Бёлль дебютировал романом “Поезд пришел по расписанию” в 1949 году, том самом, когда на территории послевоенной Германии появились два новых государства — ФРГ и ГДР. Известность молодого писателя росла невероятно быстро. За первое же десятилетие он опубликовал десять книг — романы, повести, сборники рассказов, сюда же следует добавить огромное количество газетных и журнальных публикаций, многочисленные выступления на радио и телевидении. Все это сопровождалось ростом авторитета Бёлля как активного гражданина и общественного деятеля, не боявшегося конфликтов и острой публичной полемики. Его известность вышла за пределы Германии, в конце 50-х его, еще до выхода в свет романа “Бильярд в половине десятого”, впервые назвали возможным претендентом на Нобелевскую премию.

Если Бёлль шел к широкому признанию стремительно, но все-таки шаг за шагом, год за годом, книга за книгой, то Грасс достиг всемирной известности первым же скандальным романом “Жестяной барабан”. Упоминание о скандальности вполне уместно. Как ни парадоксально, именно она не только привлекла к роману повышенное внимание, но и спасла книгу от запрета. Вслед за шумным успехом на Франкфуртской книжной ярмарке осенью 1959 года жюри литературной премии города Бремена присудило ее автору “Жестяного барабана”, которому на эту пору исполнилось, как в свое время другому удачливому дебютанту, тоже тридцать два года. Однако решение жюри вызвало недовольство отцов горо-

© Борис Хлебников, 2017

да. Оно было отменено, что и спровоцировало шумный скандал, острый конфликт между сторонниками и противниками Грасса. Последние даже обратились в суд с требованием запретить книгу. Заявление надлежало рассмотреть Курту Боде, тогдашнему вице-президенту верховного суда земли Бремен, который несомненно удовлетворил бы требование заявителей, поскольку существовали свежие прецеденты с запретом известной трилогии Генри Миллера и набоковской "Лолиты". Если бы не одно обстоятельство... Курт Боде был тем самым судьей, вынесшим неправосудный смертный приговор защитникам данцигской почты, о которых рассказывал "Жестяной барабан". Курт Боде, сумевший после войны скрыть свое нацистское прошлое, понимал, что судебное разбирательство и, тем более, запрет нашумевшего романа привлекут пристальное внимание к его собственной личности, а потому не дал делу хода. Тот же еженедельник "Die Zeit" опубликовал в 2009 году большую разоблачительную статью о бывшем данцигском судье.

Итак, в 2009 году Грасс отмечает две годовщины: десятилетие награждения Нобелевской премией и полувековой юбилей своего первого романа, который принес ему мировую славу. Тот памятный год, когда появились "Бильярд в половине десятого" и Жестяной барабан", надолго связал имена их авторов. Обоих считали главными представителями новой немецкой литературы. Их так часто называли вместе, что когда Бёлль узнал, что ему присуждена Нобелевская премия, то новость вызвала у него поначалу недоумение: ему казалось, что наградить должны были сразу обоих. И Грасс этого не забыл. В 1999 году, сам только что став нобелевским лауреатом, он сказал: "Генрих был бы рад за меня".

Грасс отмечал полувековой юбилей по-своему. Он вспоминал и подводил итоги. "Жестяной барабан" начал "Данцигскую трилогию", которую продолжила новелла "Кошки-мышки", а завершил опубликованный в 1963 году роман "Собачьи годы". А теперь он интенсивно работал над книгой "Слова братьев Гримм", которую намеревался издать в 2010 году. Она должна была стать заключительной в его автобиографической "Трилогии памяти". Позднее он написал об этом так: "Публикацией книги 'Слова братьев Гримм' закончилась работа, занявшая семь с половиной лет: она давала возможность взглянуть на меня с разных сторон — в качестве подростка и молодого человека, в качестве отца семейства, в качестве политически ангажированного гражданина. Полве-

ка назад примерно столько же времени ушло на написание ‘Данцигской трилогии’, и подобно тому как ‘Жестяной барабан’, ‘Кошки-мышки’ и ‘Собачьи годы’ ознаменовали собой мое писательское становление, так теперь ‘Луковица памяти’, ‘Фотокамера’ и ‘Слова братьев Гримм’ составили заключительную трилогию, которой — если бы это не было излишне самонадеянно — следовало бы дать богатое традициями название ‘Из моей жизни’”. Напомним, что так назывались, например, мемуары Гёте, Бебеля, Казановы, Гинденбурга и Вильгельма II.

У книги “Слова братьев Гримм” есть подзаголовок — “Объяснение в любви”. А может быть, это обозначение нового литературного жанра? С одной стороны, книга представляет собой литературную биографию братьев Гримм, основоположников немецкой филологии и германистики. Их главный труд — большой Немецкий словарь — был начат в 1898 году, а закончен спустя 123 года. Сразу же началась подготовка обновленного издания. Вместе с выпущенным в 1971 году дополнительным томом Немецкий словарь насчитывал 33 тома и 34 824 страницы. Ныне словарь оцифрован и доступен в интернете.

Наряду с научной работой братья активно занимались общественной деятельностью. Якоб Гримм был депутатом революционного Франкфуртского парламента 1848 года. Братья выступали за объединение Германии на федеративных демократических началах. Их творческое наследие включает в себя политическую публицистику.

С другой стороны, рассказ о жизни братьев, их научной работе и общественной деятельности позволяет Грассу перемежать эти эпизоды с реминисценциями автобиографического характера. Причем те и другие выстраиваются в алфавитном порядке, текст насыщен аллитерациями в соответствии с определенной буквой алфавита, отчего пространные фрагменты выглядят как детские забавы, вроде “четыре черненьких чумазеньких чертенка...”. К тому же прозаический текст, как это часто бывает у Грасса, пересыпан стихами. Недаром Грасс уверял переводчиков, что написал принципиально непереводимый роман. (Впрочем, четыре или пять переводов все-таки состоялись, хотя лично я действительно абсолютно не представляю себе, как это возможно, даже просто технически, не говоря уж о художественности.)

Одна из таких автобиографических реминисценций посвящена Генриху Бёллю: “...когда мы вместе с ним и журналисткой Каролой Штерн издавали журнал, постоянно страдавший от нехватки денег, я попросил Бёлля перечислить мне

все рукописи, которые он напечатал на своем стареньком, уже отслужившем ‘Ремингтоне’. Ответное письмо и присланная пишущая машинка послужили мне натурой для их литографического портрета, который позднее мы с Бёллем, снабдив автографами, выпустили довольно большим тиражом, что дало нам достаточно денег, чтобы еще на пару лет обеспечить выпуск нашего журнала ‘L-80’, ратовавшего за демократический социализм”. В письме Грасса говорилось о пишущей машинке, как о живом человеке: “Я уже предчувствую наши встречи с ней. Думаю, сеансы позирования скучными не будут”.

Статья “Как мы хоронили Генриха Бёлля” относится к периоду интенсивной работы над книгой “Слова братьев Гримм”. Грасс чувствовал, что это его последняя крупная прозаическая работа. Он подводил итоги и вспоминал ушедших друзей. С Бёллем его особенно сблизил тот период, когда они выпускали совместный журнал. Он задумывался еще в 1974 году как продолжение журнала пражских реформаторов, выходившего до 1968 года под разными названиями (“Literaturny novini”, “Listy”). Издание ежеквартального журнала началось в 1976 году (отсюда первое название — “L-76”), через некоторое время выпуск был приостановлен из-за нехватки средств, которые пришлось собирать. Журнал просуществовал до 1988 года, всего вышло 45 номеров. Бёлль и Грасс относились к своему начинанию очень серьезно, сами публиковались в нем и искали для него авторов как в Западной, так и в Восточной Европе. Журнал стал форумом для писателей и публицистов, эмигрировавших из социалистических стран или остававшихся там и находившихся под запретом, из-за чего за журналом, его авторами и издателями пристально следили спецслужбы. Вышедшая в 2010 году книга Кая Шлютера “Грасс под прицелом” подробно описывает проводившиеся в семидесятые и восьмидесятые годы операции Штази против Грасса. Сохранилось и досье Штази, заведенное на Бёлля. Мне довелось познакомиться с обоими досье.

Почему выбор мотива для литографии пал именно на пишущую машинку? Видимо, Грассу помнилась Нобелевская лекция Бёлля, прочитанная 2 мая 1973 года в Стокгольме, где он рассказывал о своей пишущей машинке “...марки ‘Ремингтон’, модель ‘Travel Writer de Luxe’, год выпуска 1957; я питаю привязанность к ней, к моему средству производства, которым давно перестали интересоваться налоговики, хотя оно приносило и продолжает приносить налоговому ведомству немалый доход. С помощью этого инструмента, ко-

торого специалист удостоит разве что пренебрежительного взгляда, я напечатал четыре романа и несколько сотен текстов: но я привязан к нему не только поэтому, а еще из принципа, поскольку инструмент по-прежнему находится в рабочем состоянии, свидетельствуя о том, насколько скромны инвестиционные возможности и притязания писателя". В ходу и впрямь уже были электрические пишущие машинки и даже технические новинки, позволявшие править набитый текст, а Бёлль все еще продолжал тюкать двумя пальцами по клавиатуре старомодного "Ремингтона".

Идея Грасса ему понравилась. В ответном письме от 5 декабря 1982 года он уточнил, что за двадцать пять лет, на протяжении которых он пользовался "Ремингтоном", на нем были напечатаны почти 1400 разных текстов от большого романа до короткого рассказа или газетной статьи. Дальше в письме идет длинное перечисление романов, повестей и рассказов, а следом — не менее длинный список публицистических статей.

На литографии Грасс добавил к "портрету" пишущей машинки и трем листкам бумаги с перечнем названий, указанных в письме, спелый подсолнух, из которого сыплются семечки, и раздвинутые ножницы. На одном из листков видна приписка, судя по всему, самого Грасса: "...прилагаю подсолнух и ножницы, которых мы опасаемся...". И указана дата: 21 июня 1983 года. Похоже, это фрагмент еще одного письма, отправленного Бёллю.

Литографию размером 61 × 72 см размножили в количестве 150 штук; с автографами Бёлля и Грасса она была распродана по цене 750 марок за копию.

С "Ремингтоном" и листками письма вроде бы все понятно, но что означают подсолнух и ножницы? Тут можно вспомнить еще несколько пассажей из Нобелевской лекции Бёлля, в которых он говорил о недопустимости разделения литературы на "ангажированную" и "чистую". Еще отчетливее он выразил мысль о неделимости литературы в одном из своих многочисленных интервью 1969 года: "Я никогда не признавал разделение литературы на 'ангажированную' и 'другую', какой бы она ни была. Я верю в неразделенную, неделимую литературу".

Эта же тема прозвучала в речи Бёлля по случаю присвоения ему звания почетного гражданина Кёльна 29 апреля 1983 года (как раз в ту пору, когда Грасс работал над литографией). Торжественному акту предшествовали довольно скандальные обстоятельства. Решение о присвоении Бёллю звания почет-

ного гражданина было принято городским советом Кёльна единогласно. Однако возникли споры относительно обоснования этого решения в официальной грамоте. Депутаты от христианских демократов, возражая против первоначального замысла обер-бургомистра отметить заслуги Бёлля как писателя, публициста и активного гражданина, настаивали на том, чтобы ограничиться исключительно его литературными достижениями. Узнав об этом, Бёлль составил телеграмму с отказом от почетного звания, где в частности говорилось: "Писатели и их творчество неделимы, как сама свобода. Почести наполовину я не могу считать таковыми, ибо в них наполовину кроется диффамация". Телеграмму отсылать не пришлось. Помня о казусе 1979 года, когда Бёлль, Грасс и Зигфрид Ленц отказались от Федерального ордена за заслуги, обер-бургомистр уладил конфликт формулировкой, которая устроила Бёлля. Однако тот все же не преминул пояснить в ответном слове на торжественном акте свою позицию: "Чего я не понял и что, следовательно, не могло меня обидеть — это попытка отделить так называемого рассказчика от того 'другого', который порой пишет статьи, рецензии, выступает с речами, не говоря уж о том, что статьи, рецензии и речи — тоже литература.

Если уж они раздражают и представляют собой опасность, то именно присутствием в них литературы и, я бы даже сказал, поэзии, чем они резко отличаются от рутинно-политического языка. Кроме того, приглядываясь к себе, так называемому рассказчику, я, если зашла речь о раздражителях и опасностях, нахожу его гораздо более опасным, нежели тот 'другой'".

В этом контексте литография Грасса похожа на барочную эмблему, где пишущая машинка и исписанные листки символизируют писателя и его творчество, подсолнух олицетворяет неделимое единство и цельность многосложной писательской личности и творчества, а ножницы — опасность, которая исходит от тех, кто стремится разъять, рассечь их живое единство. Впрочем, возможно, все объясняется проще: в конце восьмидесятых подсолнух стал популярным логотипом партии "Зеленых", которым симпатизировали Бёлль и Грасс.

Увеличенная литография оказалась центральным экспонатом на выставке, посвященной столетнему юбилею Генриха Бёлля и девяностолетию Гюнтера Грасса, которая весной 2017 года открылась в Любеке, затем перекочует в Кёльн и поедет дальше по Германии.

Предчувствие не обмануло Грасса. "Признание в любви" к немецкому языку и Германии не только завершило "Трилогию

памяти", но и стало его последней большой книгой. В "Луковице памяти" он написал литературный портрет своей пишущей машинки, которую когда-то он получил в подарок к свадьбе со своей первой женой Анной Шварц: "...наиболее дорогим приобретением от нашего поспешного бракосочетания стала для меня портативная пишущая машинка марки 'леттера', выпускаемая фирмой 'Оливетти'; этот свадебный подарок — пусть не сразу, а постепенно — сделал меня писателем.

Практически всегда я хранил ей верность. Я не мог и не хотел расставаться с ней. Привержен ей и до сих пор. Она всегда знала обо мне больше, чем я сам желал бы знать о себе. Она занимает место на одной из моих конторок, ожидая меня всеми своими клавишами.

Признаюсь, временами я пробовал и другие модели — как говорится, ходил на сторону, — однако всегда побеждала привязанность к ней, на что она отвечала взаимностью даже тогда, когда такие пишущие машинки исчезли из продажи. Теперь ее можно было найти только на блошиных рынках. Всякий раз, благодаря дружеским связям, мне удавалось достать 'бывший в употреблении' экземпляр с добавлением: машинка, дескать, свое отслужила. Что было неправдой.

Моя вечная 'леттера'. Ее легко чинить, отсюда такая жизнестойкость. Выглядит она скромно и элегантно. Серо-голубой металл ее корпуса никогда не ржавеет. Легкий стук податливых клавиш, удобных для двухпальцевой техники, льстит моему слуху. Иногда начинает западать какая-нибудь буква, что учит меня такому же долготерпению, какое проявляет она сама, когда я снова и снова попадаю на неверную клавишу.

Да, у нее есть свои причуды. Порой заклинивает ленту. И все же я знаю: она стареет, но не устаревает. Когда окна открыты, ее стук разносится окрест, говоря: слушайте! мы еще живы! Наш диалог не окончен. Моего католичества хватает настолько, чтобы продолжать исповедоваться ей.

Три пишущих машинки марки 'леттера' занимают свои места на конторках в Португалии, Дании и белендорфской мастерской. Эта троица заботится о том, чтобы в потоке моих повествований не возникало заторов. Стоит мне увидеть одну из них, или другую, или третью, мне тут же что-нибудь приходит на ум, а сестрички начинают дружно болтать, стрекоча то безостановочно, то с перерывами.

Все три — мои механические музы. Других у меня нет. Книжка 'Находки для нечитателей', которая вышла в самом конце минувшего столетия, представляет собой сборник 'аквалирики'; это сочетание акварелей и стихов, посвящен-

ных разным вещам моего повседневного обихода. Есть там и четверостишие о моей пишущей машинке. Португальская ‘Оливетти’ никогда не ревнует к датской, а белендорфская — к обеим заграничным сестрам. Они любят меня в три голоса, а я храню верность им, только им.

Сколько бы новых и новейших штуковин ни появлялось на рынке, ничто не сможет изменить моей привязанности. Ни электрические пишущие машинки, ни компьютеры не сумели соблазнить меня на отказ хотя бы от одной из моих ‘Оливетти’; точно так же никому не удалось отправить на свалку меня самого, ‘старую железяку’”.

Но эти строки были написаны в 2006-м, а в самой последней, посмертной, книге под названием “О бренности” (2015), представляющей собой характерное для Грасса сочетание малой прозы, стихов и графики, звучат уже другие мотивы. “Оливетти” стала забавой для внуков, Грасс почти не подходит к пульту, за которым всегда работал стоя.

А до этого была еще книга стихов “Поденки” (2012). Эти мушки называются так потому, что срок их жизни чрезвычайно короток, он длится не больше одного дня. Однако они принадлежат к одному из древнейших на земле видов насекомых, возраст которого насчитывает почти триста миллионов лет. Век человека и человечества находится где-то между этими крайностями.

“Поденки” — тоже прощальная книга. Он вспоминает в ней ушедших друзей. Среди них — Генрих Бёлль и Лев Копелев. В 2011 году вышел большой, крупноформатный том их переписки, насчитывающий 750 страниц. Стихотворение о них заканчивается словами: “Впереди играли цыгане”.

Александр Пумпянский

Альтернативная история Дональда Трампа

Лучшие книги говорят тебе то, что ты и сам знаешь.
Джордж Оруэлл

Явление Трампа, словно вторжение хвостатой кометы, произвело веер самых неожиданных эффектов. Среди них потрясение в литературной сфере. На первое место в чарте "горячих" книг взлетел Оруэлл. "1984" ставят на Бродвее. В 1935 году роман Синклера Льюиса "У нас это невозможно" разошелся тиражом в 320 тысяч экземпляров. В первую неделю после президентских выборов в ноябре 2016-го он был полностью распродан на Amazon.com. Публицисты наперебой цитируют "Заговор против Америки" Филипа Рота и "Дивный новый мир" Олдоса Хаксли. Роман канадской писательницы Маргарет Этвуд "Рассказ служанки" переведен на сорок языков. В 1990-го его экранизировали. Потом поставили оперу, следом балет. И самая новая инкарнация. В апреле 2017-го MGM выпустила по нему телесериал.

Общее у этих романов то, что они — предупреждения. Говорят, Трамп не читает книг, он смотрит телевидение. Но вот ведь какую услугу он оказал литературе. Отдадим ему должное, он проявил отменный вкус — это прекрасная литература.

Пройдемся по избранным страницам.

В *День дураков на корабле* "*Вздор*"

Филип Рот *Заговор против Америки*

"On the morning after the election disbelief prevailed, especially among the pollsters".

Я помню это острое чувство. Московским утром (в Америке была еще ночь после дня голосования), слушая радиосводки из штатов, двигающиеся со скоростью часовых поясов с Восточного Атлантического побережья в срединную Америку и дальше на запад к Тихоокеанскому побережью, я не верил своим ушам. Трамп побеждает? Недоразумение, фрагментарная информация. Этого не может быть! По всем законам должна победить Хиллари. Шампанское в ее штабе уже

© Александр Пумпянский, 2017

стояло на льду, ее победу предсказывала вся пресса. Сам Трамп твердо знал, что проиграет, он готовился скандалить на тему подтасовки голосов. Это была его стратегия на всю оставшуюся жизнь. Как вдруг все перевернулось.

"На утро после выборов воцарилось неверие, особенно среди социологов из прессы..."

Между тем процитированная фраза вовсе не о победе Дональда Трампа над Хиллари Клинтон в ноябре 2016 года. Она о победе Чарльза Линдберга над Франклином Делано Рузвельтом на президентских выборах 1940 года. Это вымышленное событие — завязка фабулы романа Филипа Рота "Заговор против Америки".

Действие романа происходит в месяцы, предшествующие вступлению США во Вторую мировую войну. Роман — рассказ от первого лица. Мальчику-рассказчику в момент нашего с ним знакомства семь лет. Мальчика зовут Филип Рот. (Писатель родился в 1933 году.) Мама Бесс, отец Херман, брат Сэнди — все в точности как у писателя. Семья живет в Ньюарке в районе Викахик, и даже школа та же — полная автобиография.

Все герои в романе реальные и очень известные лица. В конце повествования автор приводит их список, оснастив справочным материалом, как в научном или академическом издании.

Франклин Делано Рузвельт (1882—1945)

Сделаем здесь пропуск. Мы знаем, или нам кажется, что мы знаем, этого великого деятеля. Дальше — прямые выдержки с элементами пересказа.

Чарльз Линдберг (1902—1974)

Посещает Берлинскую Олимпиаду 1936 года, где в ложе сидит Гитлер, и позже пишет о Гитлере другу: "Он, безусловно, великий человек, и я уверен, многое сделал для немецкого народа". Энн Морроу Линдберг сопровождает мужа в поездке в Германию и позже пишет критически о "строго пуританском взгляде, распространенном у нас дома, что диктатуры — это всегда зло, нестабильность и ничего хорошего от них исходить не может. Гитлер же — клоун из папье-маше. Взгляде в сочетании с очень сильной (естественно) еврейской пропагандой в газетах, принадлежащих евреям".

Октябрь 1938. По указу фюрера маршал авиации Герман Геринг вручает Линдбергу орден "За заслуги перед Германским орлом" — крест и золотой медальон с четырьмя маленькими свастиками, специально учрежденный для иностранных подданных, отличившихся перед немецким рейхом.

Сентябрь 1939. В дневниковых записях после вторжения Германии в Польшу 1 сентября 1939 года Линдберг отмечает необходимость "защищать нас от вторжения иностранных армий и размывания иными расами... и инфильтрации низшей крови". Авиация, пишет он, это "одно из бесценных приобретений, которое позволяет Белой расе выживать в накатывающемся море Желтого, Черного и Коричневого".

Октябрь 1940. Весной в Школе права Йельского университета образован America First Committee — комитет "Америка

прежде всего", чтобы противостоять интервенционистской политике Рузвельта и продвигать американский изоляционизм. В октябре на трехтысячном митинге в Йеле Линдберг призывает США признать "новые державы Европы". Энн Морроу Линдберг издает третью книгу "Волна будущего" с подзаголовком "Символ веры" — энергичный трактат против американского вмешательства в европейские дела. Министр внутренних дел Гарольд Икес называет книгу "библией каждого американского наци". "Волна будущего" становится бестселлером.

Апрель–август 1941. Линдберг выступает на десятитысячном митинге комитета "Америка прежде всего" в Чикаго, затем на другом десятитысячном митинге в Нью-Йорке. Икес награждает его титулом "Американский попутчик наци № 1".

В мае вместе с сенатором от Монтаны Бертоном К. Уилером Линдберг выступает в Мэдисон-сквер-гарден перед 25 тысячами собравшихся по призыву комитета "Америка прежде всего". Его речь встречает четырехминутная овация и крики "Наш следующий президент".

Сентябрь–декабрь 1941. 11 сентября. Речь "Кто они, агитаторы за войну?", с которой Линдберг обращается по радио к митингу, организованному комитетом "Америка прежде всего" в Де-Мойне. Когда оратор называет "еврейскую расу" среди самых могущественных и эффективных сил, подталкивающих Америку "по причинам, не являющимся американскими", к войне, аудитория взрывается одобрительными криками.

10 декабря. Запланированное выступление в Бостоне на митинге "Америка прежде всего" отменяется. Япония напала на Перл-Харбор, и США объявляют войну Японии, Германии и Италии. Руководство комитета "Америка прежде всего" сворачивает свою деятельность, организация распускается.

Фьорелло Ла Гуардиа (1882—1947)

Многократный член палаты представителей из нью-йоркского Манхэттена сначала от Нижнего Ист-Сайда, затем от Восточного Гарлема с его итальянской и еврейской общинами. Оппонировал президенту Гуверу, остро критикуя его за провал в борьбе с Великой депрессией, выступал против сухого закона.

Мэр Нью-Йорка. Клеймит фашизм и американских наци. Те кличут его не иначе как еврейским мэром. На что он отвечает крылатой фразой: "Никогда не думал, что в моих венах достаточно еврейской крови, чтобы похваляться этим".

Сентябрь 1940. Уэнделл Уилки (кандидат от Республиканской партии на президентских выборах в США в 1940 году), говорят, рассматривал Ла Гуардиа на роль своего вице-президента, но тот активно выступает за Рузвельта.

Историк Уильямс приводит рассказ Рузвельта о Ла Гуардиа. "Мэр приезжает в Вашингтон и рассказывает мне грустную историю. Слезы текут у меня по щекам, и я понимаю, что он вытянул из меня еще 50 миллионов".

Уолтер Уинчелл (1897—1972)

1924. Автор эстрадных скетчей Уолтер Уинчелл на-

нимается в "Нью-Йорк ивнинг грэфик" и быстро обретает популярность как репортер с театрального Бродвея.

Июнь 1929. Переходит в херстовскую "Нью-Йорк дейли миррор". Колумнист херстовского синдиката на протяжении тридцати лет. Его регулярная колонка появляется более чем в двух тысячах газет страны.

Май 1930. Дебютирует на радио. Вскоре его программа инсайда, слухов и общих новостей получает самую широкую аудиторию. Его фирменное приветствие "Добрый вечер, мистер и миссис Америка и все корабли, что в море, перейдем к прессе!" входит в речевой обиход поколения.

Март 1932. Освещает громкое дело о похищении маленького сына Линдбергов, его репортажи подпитывает информация, полученная от шефа ФБР Эдгара Гувера, ведущего расследование. Интерес к этой теме еще более возрастает после ареста (похитителя) Бруно Гауптмана в 1934-м и в ходе процесса над ним в 1935-м.

Февраль 1933. Едва ли не единственный из комментаторов публично выступает против Гитлера и американских наци, яростно атакует их в своих колонках и по радио. Старые связи с Гувером помогают добывать в ФБР острую информацию. Он отчеканивает два саркастичных неологизма "рацисты" ("razis" — помесь наци с расистами) и "свастинкеры".

1937. Поддерживает Рузвельта и его Новый курс, удостаивается приглашения в Белый дом. Между Уинчеллом и Рузвельтом устанавливаются добрые отношения. Что стоит ему былых отношений с Херстом.

1940. Объединенная аудитория, к которой обращается Уинчелл, достигает 50 миллионов человек, более трети населения США. Его годовая зарплата в $ 800000 помещает его в ранг самых высокооплачиваемых американцев. Пронацистскую деятельность он бичует с пафосом и размахом — "Колонка Уинчелла против Пятой колонны"...

Апрель–май 1941. Атакует Линдберга за его изоляционистские и прогерманские заявления. У Америки есть воля сражаться, адресуется он к нацистскому министру иностранных дел фон Риббентропу. Сенатор Бертон К. Уилер обвиняет журналиста в том, что тот "затеял блицкриг с целью загнать американский народ в войну".

Сентябрь 1941. После выступления Линдберга в Де-Мойне пишет, что "его нимб стал его петлей". Регулярно критикует Линдберга, сенатора Уилера и других, именуя их пронаци.

Бертон К. Уилер (1882–1975)

Сенатор США от Монтаны с 1923-го по 1947-й.

1940–1941. Влиятельные демократы образуют клуб "Уилера в президенты", который действует очень активно, покуда президент Рузвельт не выдвигает свою кандидатуру на третий срок. В сенате Уилер все тесней смыкается с республиканцами и (консервативными) южными демократами против либерального рузвельтов-

ского крыла демократической партии. Громко выступает против вовлечения Америки в войну в Европе. В июне 1940 года угрожает расколоть демократическую партию, "если она собирается стать партией войны". Встречается с Линдбергом и группой сенаторов-изоляционистов, с трибуны сената защищает Линдберга против обвинений в пронацизме. Рузвельт публично сравнил Линдберга с "медянкой", как в годы Гражданской войны в США называли северян, что симпатизировали южанам. "Шокирующей и возмутительной для любого здравомыслящего американца" назвал Уилер эту президентскую ремарку. Публично выдвигает мирное предложение из восьми пунктов для переговоров с Гитлером. Делит с Линдбергом лавры самого популярного оратора на митингах комитета "Америка прежде всего". Выступает против введения военного призыва, называя рузвельтовское предложение о призыве в мирное время "шагом к тоталитаризму". Выступая в ходе сенатской дискуссии против введения закона о ленд-лизе, заявляет: "Если американцы хотят диктатуры, если они хотят тоталитарной формы правления и если они хотят войны, этот законопроект катком прокатится через конгресс, как это и принято у президента Рузвельта". Ленд-лиз, если он будет принят, заявил Уилер, "зароет в землю каждого четвертого американского мальчика". Это "самая лживая... самая подлая антипатриотичная вещь... сказанная публично за мою жизнь", — отозвался Рузвельт.

После Перл-Харбора поддерживает военные усилия США, но выступает против союза с СССР: нельзя помогать коммунистическому правлению выжить. В 1946 году терпит поражение на праймериз в Монтане от молодого либерального кандидата. Конец сенатской карьеры.

В 50-е годы активно выступает на стороне сенатора Маккарти.

Генри Форд (1863—1947)

В 1914 году Форд объявляет о введении на своих предприятиях зарплаты в 5 долларов за восьмичасовой рабочий день и сразу обретает славу просвещенного бизнесмена и мыслителя. Чему не мешают его всегда категоричные заявления: "Я не люблю читать книги. Они только вносят путаницу в мои мозги", "История — сплошная чушь".

В ходе первой мировой войны выступает с пацифистских позиций. "Я знаю, кто вызвал войну, — поучает он служащих своей компании. — Это немецко-еврейские банкиры. У меня есть все свидетельства. Факты. Немецко-еврейские банкиры вызвали войну".

1920. В мае еженедельник "Дирнборн индепендент", купленный Фордом в 1918 году, публикует первую из целой серии статью-разоблачение "Международный еврей: мировая проблема". Следом сериалом выходят "Протоколы сионских мудрецов", представленные как подлинный документ, разоблачающий еврейский заговор с целью обретения мирового господства. Подписка вырастает до 300000 экземпляров. Все фордовские дилеры обязаны

ее приобрести. Отдельно выходит четырехтомный сборник антисемитских статей "Международный еврей: главная мировая проблема".

1920-е годы. В 1921 году сошел с конвейера 5-миллионный фордовский автомобиль. Более половины автомобилей, проданных в Америке, — это фордовская "Модель Т"... Вышедшая в 1922 году автобиография Форда "Моя жизнь и работа" становится бестселлером, имя и легенда Форда гремят по миру. Опросы показывают, что по популярности он опережает президента Гардинга, о нем говорят как о потенциальном кандидате в президенты от республиканцев. Адольф Гитлер в 1923 году заявляет: "Мы рассматриваем Хайнриха Форда как лидера растущего фашистского движения в Америке". В августе 1927 года Линдберг на своем самолете "Дух Сент-Луиса" прилетает в Детройт и приглашает Форда на борт, чтобы заинтересовать его авиастроительством; они не раз встречаются. В интервью 1940 года в Детройте Форд поясняет: "Когда Чарльз приезжает к нам, мы с ним говорим только о евреях".

1938. В июле принимает орден "За заслуги перед Германским орлом" от нацистского правительства. Вручение происходит на торжественном обеде в честь его семидесятипятилетия в Детройте с участием полутора тысяч именитых граждан.

1939—1940. С началом Второй мировой войны присоединяется к своему другу Линдбергу в поддержке изоляционизма и комитета "Америка прежде всего".

* * *

К чему такие обстоятельные документальные характеристики? Это часть замысла. Автор словно говорит нам: видите, все действующие лица романа, реальные исторические фигуры, ровно такие, какими они были в жизни. Можете сравнить. Я не исказил их ни на йоту.

Ну а нам это вдвойне интересно. Предыстория той истории, которую мы знаем, в лицах. Вот она, оказывается, какая.

Президент Рузвельт — для нас все. Лик из большой тройки с классической ялтинской фотографии. Лидер страны — союзницы по антигитлеровской коалиции. История, отлитая в бронзу. Безальтернативная история.

Безальтернативная? Еще какие альтернативы — Линдберг, Уивер, Форд! Мощные силы выступали против истории, такой, как она состоялась, с аргументацией бешеной силы и высшей привлекательности.

"Мы на пороге войны, — говорил реальный Линдберг, — но еще не поздно остаться вне ее. Еще не поздно показать, что никакие деньги, никакая пропаганда, никакое пособничество не в силах вовлечь свободных и независимых людей в войну против их воли. Еще не слишком поздно спасти и сохранить независимую американскую судьбу, которую наши предки предначертали в Новом Свете".

Вдохновенные слова.

Чистая демагогия, как мы теперь знаем.

Как отличить демагогию от правды, когда она так пластична и многолика? Она так же прекрасна — на самом деле, она всегда прекрасней правды, правда как раз может быть некрасива, отталкивающа и ужасна. Она патетична и льстива. Она апеллирует к всеобщим надеждам, к самому высокому и святому. И одновременно гладит твое эго, проникает в тайные страсти и в темные глубины. И всегда сулит райские кущи — лучший и самый простой рецепт райских кущ.

Я, кажется, нарисовал портрет Дональда Трампа? Мы придем к нему. А пока — выдающиеся американские демагоги предвоенной поры. Возможно, они даже верили в то, что вещали.

В романе Линдберг проводит свою избирательную кампанию под лозунгом "Голосуйте за Линдберга или голосуйте за войну!".

Рузвельт — это война! Мы обещаем Америке и американцам мир. Вечный мир.

Какое счастье, что в истории реализовался курс Рузвельта, а не курс его противников.

В действительности мировая война уже стучалась во все двери, в том числе и в такую надежную американскую дверь. Рузвельт, как и Черчилль, — второй номер из хрестоматийной тройки, — это понимал и хотел, чтобы его страна была к ней готова. Но пробить глухую стену не мог. Общество не желало слышать приближающийся гром. Покуда не случился Перл-Харбор.

Правда всегда побеждает демагогию. Вот только не сразу. А до того демагогия берет верх. Она может быть неотразима бесконечно долго.

Для того чтобы правда возобладала, порой нужна катастрофа. Покуда 7 декабря 1941 года адмирал Ямамото, к слову сказать, противник оси Берлин—Рим—Токио и глобальной тихоокеанской авантюры Японии, не нанес кинжальный удар по американскому флоту, потопив его в собственной гавани, — Линдберг, Уивер и Форд были пророками в своем отечестве.

В общем Филип Рот нисколько не погрешил против достоверности этих характеров. Он их вывел на страницы своего романа ровно такими, какими они были. Но чуть изменил сюжет.

Идея романа, признается писатель, пришла ему после чтения автобиографии Артура Шлезингера. Историк сообщает, что в преддверии президентских выборов 1940 года группа самых радикально настроенных сенаторов-республиканцев хотела выдвинуть кандидатуру Линдберга против Рузвельта. Вот он и реализовал эту идею. Название романа "Заговор против Америки" тоже имеет свою документальную подоплеку. Автор, похоже, позаимствовал это название из коммунистического памфлета против переизбрания сенатора Бертона Уилера в 1946 году.

Итак, президентские выборы 1940 года. Третья, что не имеет прецедента в американской истории, избирательная кампания Франклина Делано Рузвельта, в которой он разгромит Уэнделла Уилки. Дальше будет еще и четвертая в 1944-м, когда бесконечно популярный

и физически обреченный ФДР победит вновь. После чего уже после войны, 21 марта 1947 года, Конгресс примет Двадцать вторую поправку к Конституции США, установившую, что один и тот же человек может занимать пост президента США не более двух сроков (независимо от того, подряд или с перерывом).

А в романе на выборах 1940 года Рузвельту противостоит Чарльз Линдберг, который и побеждает с обвальным счетом. Пост вице-президента занимает Бертон К. Уилер. Генри Форд — ключевой министр в кабинете. И в Америке начинается новая жизнь — в полном соответствии с их взглядами, с которыми мы уже хорошо знакомы. Антисемитизм возводится в ранг государственной политики, вплоть до погромов и программы переселения евреев в американские глубинки.

"Страх царит над этими воспоминаниями, постоянный страх", — предупреждает протагонист.

Все происходящее — как снег на голову, стремительно, таинственно, невероятно, глазам не веришь, доводы разума не слышишь — на своей шкуре испытывает еврейское семейство Ротов и передано нам устами семи-, восьмилетнего мальчика Филипа. И передано необычайно убедительно.

Нет, это все-таки не Kristallnacht, но рухнуло привычное мироздание. Исчезло "великое благо личной безопасности, которое я принимал за должное как американский ребенок американских родителей в американской школе в американском городе в Америке, живущей в мире со всем светом".

"Развернувшееся не в ту сторону неумолимое непредвиденное... В школе мы это изучали как предмет 'история', безвредная история, где все неожиданное в свое время заносилось в хронику как неизбежное. Ужас непредвиденного — это то, что наука история скрывает, превращая несчастье в эпос".

Этот "ужас непредвиденного" и воссоздает писатель.

Не буду пересказывать сюжет, чтобы не стать спойлером. Вот только, чтобы не осталось недосказанности: зачем в списке действующих лиц на втором месте назван журналист Уолтер Уинчелл, упомяну роль, которая ему определена в романе. Автор возвысил эту фигуру до символа сопротивления фактическому перевороту в стране. Романный тезка журналиста выдвигает свою кандидатуру против Линдберга. Ничто не может его остановить, кроме пули убийцы. Эта пуля — точка в становлении режима.

Действие романа охватывает короткий период в два года с июня 1940-го до октября 1942 года. После чего сюжет круто разворачивается, и история возвращается в свое отработанное русло. Автор выполнил свою задачу.

"Заговор против Америки" — не антиутопия с ее универсальным замахом, это кусочек альтернативной истории, точечное предупреждение.

У писателей есть фантазия, этим они отличаются от нас, простых смертных. Они могут вообразить невообразимое, представить невозможное, ко-

торое готово обрушиться на нас ужасом непредвиденного. Писатели — истинные реалисты.

Роман вышел в 2004 году, после 9/11 и объявленной вторым Бушем войны с террором — со всеми ее побочными эффектами, расцененными как посягательство на американскую демократию. Критикам, обнаружившим аллюзии, Рот ответил в "Таймс бук ревью", что он не замышлял "романа с ключом". Он хотел драматизировать серию вопросов "что, если", представить воочию события, которые в Америке не происходили, но стали "реальностью кого-то другого", евреев Европы, например. "Все, что я делаю, — написал он, — это дефатализирую прошлое — если есть такое слово, — показываю, как могло быть по-другому и могло быть здесь".

Роман про "альтернативные события" 1940—1942 годов оказался остро актуален в 2004-м и в 2016-м.

"Ну так что, это *случилось* здесь?" — спросила журналистка "Нью-Йоркера" Джудит Терман писателя уже в январе 2017-го.

"Легче понять избрание вымышленного президента Чарльза Линдберга, чем реального президента вроде Дональда Трампа, — ответил Рот. — Линдберг при всех его нацистских симпатиях и расистских наклонностях был великий летчик и герой. Преодолев Атлантический океан в 1927 году, он проявил чрезвычайное физическое мужество и авиационный гений. У него был характер, он был всемирно известен — самый знаменитый американец своего времени наравне с Генри Фордом. А Трамп — просто мошенник. Подходящей книгой об американском предке Трампа может послужить "Искуситель: его маскарад" — последний роман Мелвилла, мрачно пессимистический, дерзко изобретательный, который можно было бы назвать 'Искусство аферы'".

("Искуситель: его маскарад" — язвительная сатира на человеческую доверчивость. Действие происходит 1 апреля в День дураков на корабле "Вздор", плывущем по Миссисипи. "Искусство аферы" — это Рот вывернул на изнанку название книги самого Трампа "Искусство сделки".)

"Американская реальность, 'Американский берсерк', — замечает Рот, — таковы, что беллетристу приходится трудно".

"Дональд Трамп превосходит воображение романиста?" — подхватывает журналистка.

"Трамп как характер и человеческий тип — делец недвижимости, пустой и убийственно бессердечный капиталист — нет, — отвечает Рот. — А вот Трамп в качестве президента США — да. — И продолжает: — Я родился в 1933-м — в год, когда состоялась инаугурация ФДР. Мне стукнуло двенадцать, а он оставался президентом. С тех пор я был всегда рузвельтовским демократом. Как гражданин я находил немало тревожного в правления Ричарда Никсона и Джорджа У. Буша. Но то, что тогда я мог определить, как недостатки характера или интеллекта, не идет ни в какое сравнение с че-

ловеческой нищетой, которую демонстрирует Трамп. В самых разных областях. Он же ничего не знает: как устроено правительство, история, наука, философия, искусство. Одно сплошное убожество, неспособность выразить или признать тонкости и нюансы, отсутствие всякого приличия, 77 слов на все случаи жизни — словарный запас придурка".

На *окрестных кактусах сидели сорок шесть газетных репортеров...*

Синклер Льюис *У нас это невозможно*[1]

Ох уж эта альтернативная история, с ней одна морока. И даже не одна. Не успели мы поверить в "Заговор против Америки", как выясняются новые обстоятельства и новые факты. То есть факты старые, ибо роман Синклера Льюиса с апокрифическим названием "У нас это невозможно" вышел на шестьдесят лет раньше.

Филип Рот описывает, как Рузвельт проигрывает ставленнику республиканцев Линдбергу на президентских выборах 1940 года. Ничего подобного. Это невозможное событие происходит за четыре года до этого. Он проигрывает выборы 1936 года — еще на стадии демократических праймериз — сенатору Уиндрипу. И тот устанавливает в стране фашистскую диктатуру. Не антисемитский шабаш, который чудесным образом разваливается через два года, а полнокровную американскую фашистскую диктатуру.

"Вы, по-видимому, не вполне в курсе, дорогой Дормэс... Habeas corpus, традиционное судопроизводство, как это ни прискорбно, все эти древние святыни времен Великой хартии вольностей временно отменены, о, только временно... прискорбная необходимость... военное положение".

"Альберт Эйнштейн, изгнанный из Германии за свою преступную преданность математике, идее мира и игре на скрипке, был теперь изгнан из Америки за те же преступления".

Роман выходит в середине 30-х годов — можно сказать, в режиме реального времени. Синклер Льюис пристально следил за тем, как развиваются события в Германии и примерял их на Америку. И у него были свои источники. Вторая жена писателя, известная журналистка Дороти Томпсон, в 1931 году интервьюировала Гитлера. Через два года тот станет канцлером. Собеседник оставил у нее впечатление "поразительной незначительности". Вернувшись в США, она взяла интервью у губернатора, сенатора и признанного диктатора Луизианы Хью Лонга. Ультрарадикальным популизмом он напомнил

1. Роман Льюиса цитируется в переводе З. Выгодской.

ей недавнего берлинского собеседника. Не одна она проводила это сравнение, тем более чреватое, что в виду президентских выборов 1936 года Лонг уже нацеливался на Белый дом. "Второй самый опасный человек в Америке", — отзывался о нем Рузвельт. (На первое место ФДР поставил генерала Макартура.) Однако какими бы ни были амбициозные планы 42-летнего Хью Лонга по прозвищу Царь-рыба, им не было суждено сбыться. 8 сентября 1935 года пуля молодого врача-идеалиста сразила его в здании луизианского Капитолия — классическая американская история.

Яркая и очень противоречивая, эта личность в ореоле самого громкого политического убийства десятилетия послужила прототипом для нескольких американских романов. Вилли Старк из "Всей королевской рати" Роберта Пенна Уоррена скорей вызывает симпатию. Синклеру же Льюису эта фигура послужила материалом для Берзелиуса "Базза" ("Жужжало") Уиндрипа — законченного кандидата в фашиствующие диктаторы.

Может ли демократическая Америка превратиться в фашистскую Германию? Насколько? И насколько быстро?

Синклер Льюис пишет свой роман стремительно — с мая по август 1935 года. Пишет с натуры. Натура европейская. Но все фигуры безошибочно американские. Роман был необыкновенно популярен. Восемьдесят лет спустя просвещенная публика, давясь от смеха и отвращения, вновь узнает в письме классика себя и своего нового героя.

Кандидат, состоящий из рекламного шума и дутой ярости, беззастенчивый популист и демагог вопреки всему становится президентом США... Это сюжет романа "У нас это невозможно". И это сюжет 2016 года, который Америка переживает наяву. Оба персонажа — выдуманный и реальный — без стеснения взывают ко всему темному, что таится в социуме и в душе американцев.

"Большинство американцев узнавало в школе, что Бог отрекся от евреев и сделал избранным народом американцев, причем на этот раз у него все получилось гораздо лучше, и посему американцы — самый богатый, самый добрый и самый умный из всех народов; ...узнавало, что, хотя иностранцы стараются изобразить политику чем-то таинственным и непонятным, по существу, это настолько простое дело, что любой деревенский адвокат или любой клерк в управлении столичного шерифа вполне достаточно подготовлен, чтобы ею заниматься. И что Джон Рокфеллер и Генри Форд, стоит им захотеть, могут стать самыми выдающимися государственными деятелями, композиторами, физиками или поэтами".

Или:

"Луи Ротенстерн... был джингоистом и ура-патриотом.

Мало сказать, что он был стопроцентным американцем, — на этот основной капитал следовало накинуть еще сорок процентов шовинизма. При всяком удобном случае он говорил: 'Мы не должны пускать всех этих иностранцев в

нашу страну — я имею в виду, конечно, евреев, итальяшек, венгров и китайцев'".

Набор нежелательных иностранцев выдает прошедшее время. А вот нечто поновей.

"Они (мексиканцы) приносят наркотики. Они приносят преступность. Они насильники".

Это самое первое выступление политика Трампа, в нем он объявил о том, что выдвигает свою кандидатуру в президенты США. Его процитировали все газеты. Вздорное, ксенофобское, нетерпимое, неприемлемое. Чем и привлекло внимание. С этой минуты все внимание прессы было приковано к нему. Что еще выкинет этот нарушитель правил?

"Они (правительство Мексики) посылают нам свои отбросы. Сами не хотят платить за них и посылают... Хитрые мексиканцы экспортируют к нам своих преступников".

"Этих людей не должно быть в нашей стране. Они проникают, как вода... ". "Мексика обдирает нас как липку... Наши глупые лидеры позволяют им это делать, потому что их просто дурят". Он, Трамп, "умен, у него чутье на любое мошенничество", он не позволит им это делать. Он построит стену вдоль мексиканской границы — высотой в 30 футов и протяженностью в 2000 миль. "Большую, прекрасную стену" вдоль всей границы.

"Великую Китайскую стену, длиной в 13000 миль, 2000 лет назад построили люди. У них не было ни тракторов, ни кранов, ни экскаваторов... Отгородиться от Мексики — просто пара пустяков по сравнению с тем, что сделали древние китайцы".

"И за эту стену заплатит Мексика, поверьте мне. Сто процентов. Они еще этого не знают, но за стену они заплатят".

Трампа несет, и чем больше он отрывался от принятых норм и приличий, тем больше отрывался от своих соперников.

Он вышлет из страны 11 миллионов нелегальных иммигрантов. Немедленно! И он заблокирует мусульманам въезд в страну.

"Я верну назад водяные пытки, и я верну назад чертову уйму вещей куда хуже водяных пыток".

Вам мало этого? Тогда продолжим.

"Оказывается, отряды мексиканцев переходили границу и проникали на территорию Соединенных Штатов, причем всегда почему-то в тех самых пустынных районах, где наши войска в это время проводили учения, а может, собирали морские ракушки. Мексиканцы сожгли город в Техасе — к счастью, все женщины и дети уехали в этот день на пикник с воскресной школой. Мексиканский патриот (ранее фигурировавший как эфиопский патриот, китайский патриот и патриот Гаити) явился к бригадиру минитменов и сообщил ему, что хотя ему очень неприятно рассказывать неблаговидные вещи о своей любимой стране, но совесть заставляет его открыть, что мексиканские правители собираются сбросить бомбы на Ларедо, Сант-Антонио, Бизби, а может быть, также на Такому и

Бангор в штате Мэн. Экстренные выпуски газет с фотографиями совестливого перебежчика вышли в Нью-Йорке и Чикаго через полчаса после того, как он появился у палатки бригадира... где совершенно случайно на окрестных кактусах в этот момент сидели сорок шесть газетных репортеров... Жена одного фермера-птицевода живущего в семи милях к северо-востоку от Эстеллина, в Южной Дакоте... ясно видела отряд из девяноста двух мексиканских солдат, проходивший мимо ее дома в три часа семнадцать минут утра 27 июля 1939 года..."

Это, понятно, уже из романа "У нас это невозможно". Невозможно? Что ж тут невозможного?

Некоторые совпадения буквальны. "America first" — "Америка прежде всего!" Это был главный лозунг избирательной кампании Трампа, им он заканчивает все свои речи. Но от Филипа Рота мы знаем, что это лозунг Чарльза Линдберга и имя печальной памяти Комитета, отмеченного каиновой печатью профашистского коллаборационизма.

А у Льюиса фигурирует "Лига забытых людей", на которой активно паразитируют голосистые и бесцеремонные вожди-демагоги.

Наш Базз поехал в Вашингтон
На лошади — в поход:
Капиталистов выгнать вон,
Чтоб правил там народ.

"Людей забытых Лига", нет,
Забыть себя не даст:
В столице скажем мы:
"Привет! Какая вонь у вас!"

Да ведь это все про Трампа. В поход на Белый дом он собрался исключительно для того, чтобы "расчистить вашингтонское болото".

В телеролике для избирателей голос Дональда Трампа, наложенный на кадры Уолл-стрита, вещает о "глобальной структуре власти, которая стоит за экономическими решениями, которые ограбили наш рабочий класс, высосали из страны ее богатства и разложили деньги по карманам кучки крупных корпораций". Трамп все поменяет. Он вернет власть народу — "забытым людям Америки". "Забытые мужчины и женщины Америки! Вы БОЛЬШЕ не будете забыты!" — клялся он после победы.

Для читателей Синклера Льюиса это прямой плагиат.

И у них есть ключ к характеру успеха Трампа.

"Дормэс Джессэп, незаметно наблюдавший за сенатором Уиндрипом из своей скромной провинции, никак не мог объяснить, в чем же заключалось его умение очаровывать людские толпы. Сенатор был откровенно вульгарен, почти безграмотен, ложь его легко поддавалась разоблачению, его 'идеи' были форменным идиотизмом...

Конечно, в его речах не было ничего окрыляющего и в его философии ничего убедительного. Его политическая платформа была подобна крыльям ветряной мельницы.

Две вещи характеризовали, по словам корреспондентов, этого Демосфена прерий. Он был гениальным актером. Более потрясающего актера не бывало ни в театре, ни в ки-

но, ни даже среди проповедников. Он заламывал руки, стучал по столу, безумно сверкал глазами, широко раскрытый рот его извергал библейский гнев; но он и ворковал, как нежная мать, умолял, как изнемогающий любовник, и вперемежку со всеми этими фокусами хладнокровно и чуть ли не презрительно швырял в толпу цифры и факты, цифры и факты, не опровержимые даже тогда, когда они, как часто случалось, были сплошь фальшивы".

Это Синклер Льюис.

А это Трамп:

"Никто не знает систему лучше меня, и поэтому только я могу ее починить".

"Мир во всем мире — вот лучшая сделка. И я думаю, я лучше кого бы то ни было знаю, как заключить ее".

"Если мы не можем получить компенсацию тех гигантских трат, которые наши военные несут, защищая другие страны... тогда да, я абсолютно готов сказать этим странам: 'Наши поздравления, отныне вы будете защищать себя сами'. Мы получим сотни миллиардов долларов от стран, которые сейчас трахают нас".

"Я знаю об ИГ (Исламском государстве), поверьте мне, больше, чем генералы".

"Я сделаю наших военных такими большими, мощными и сильными, что никто не решится связываться с нами".

"Я величайший открыватель рабочих мест, которых когда-либо создал Бог".

"Я защищу христианство".

Славословие — хлеб Трампа.

В системе шоу-биза есть занятный Мировой зал славы рестлинга как развлечения. В 2013 году Трамп добился, чтобы его туда включили. Рестлинг как развлечение — это самая шумная и вульгарная инсценировка игры в поддавки. Четверть века Трамп сдавал в наем под эти страсти-мордасти свои залы, а потом сам вышел на арену. И какой триумф: в шоу "Битва миллиардеров" он победил главного антрепренера этого богоугодного бизнеса. Очень убедительно и наглядно. Сначала с потолка на зрителей пролился долларовый дождь. (История умалчивает, превратились ли зеленые купюры в резаную бумагу в конце концов.) Потом под улюлюканье публики он отбрил соперника — прямо на арене выбрил сопернику голову. Хорошо что не оторвал. Виктория!

"Трамп — не национальный лидер. Он национальное шоу", — написал колумнист "Нью-Йорк таймс" Дэвид Брукс. Речь о политике, а не о рестлинге. Или о политике как рестлинге. Великое открытие Трампа заключается именно в этом. Оказывается, это может быть одно и то же.

"Тупицы, идиоты, лузеры", — дразнил он своих противников на митингах, словно находился на той самой арене.

"Никакой он не герой войны. Он герой войны только потому, что попал в плен. Я уважаю людей, которые не попали в плен". (О сенаторе Маккейне, бывшем кандидате в президенты от республиканской партии.)

"И вы знаете, его отец был с Ли Харви Освальдом перед тем, как Освальда, как вы знаете, застрелили..." (Об отце се-

натора Теда Круза, главного конкурента Трампа на праймериз.)

"Он основатель Исламского государства. Он основатель Исламского государства. Он основатель. Он основал Исламское государство. (О президенте Обаме.) Я бы сказал, что сооснователем была мошенница Хиллари Клинтон".

Шоу может быть чудовищным, лишь бы оно было эффектным и грандиозным. Публику увлекает агрессия, она то ли заряжается от нее, то ли, наоборот, разряжается, но безусловно *заражается* ею. И тогда она готова простить витии все: ложь, обман, вздор.

Претенденты на выборные должности обычно продают публике то, что имеют: признанные достижения, опыт. Трамп продавал то, чего не имел. У него не было ни малейшего государственного или политического опыта — именно этим он и торговал. "Страна у разбитого корыта", — вещал он, — классическая песнь демагогов всех времен и народов. "Политики, истэблишмент довели страну до ручки! Никто не знает лучше, как наладить в стране дело, чем бизнесмен. Я буду управлять страной, 'как управлял своей компанией'".

Хорошо ли это? И как он управлял свой компанией?

Как говаривал Рейган Горбачеву: "Doveriai no proveriai". Что за бизнесмен Дональд Трамп?

В "Заговоре против Америки" есть яркий персонаж второго плана — делец недвижимости Эйб. "Этот мужик — полный шмук. Любому субподрядчику, который приходит к нему в офис по пятницам, чтобы получить расчет за поставленные доски, стекло, кирпич, Эйб говорит: 'Послушай, у нас сейчас трудное положение, вот все, что я могу тебе заплатить' — и платит половину или треть, а если удастся, и четверть от договорной цены, а этим людям деньги нужны на проживание, им некуда деваться. Этому способу Эйб научился у своего отца. Но он так много строит, что все ему сходит с рук, и никто не пытается его убить... Для меня этот человек — не что иное, как ходячий призыв к ниспровержению капитализма".

Сегодняшние читатели узнают героя с первого взгляда. Судя по красочным описаниям, которыми пестрела пресса в ходе минувшей избирательной кампании, это фирменный метод Трампа. Унаследовал он его от отца — состоятельного риэлтора или сам дошел до этого, но он не только регулярно не доплачивал по контрактным обязательствам: дескать, берите, сколько дают, или не получите ничего. Ему сходили с рук еще более дерзкие трюки. "Я люблю долги. Я король долга", — повторяет он. Четырежды за свою историю король долга доводил фирмы, которые возглавлял, до банкротства, но сам вовсе не разорился. Это точно надо уметь. И он мастерски не платил налоги. Когда в ходе очных дебатов Хиллари Клинтон прижала (или думала, что прижала) его с этим вопросом, он лишь отмахнулся: "Ну и молодец, что не платил". Не платить налоги — часть его "делового гения", которым он похваляется.

Единственный из кандидатов в президенты, он так и не раскрыл свои налоговые декларации — в новейшей истории США такого не было. Эта история еще выйдет Трампу боком, когда амок спадет.

Критики пишут, что образ дельца недвижимости Филип Рот списал с Трампа буквально.

Продолжим аудит. Сколько стоит Трамп? Десять миллиардов долларов, громогласно объявляет он. Но в подписанном им официальном отчете содержится цифра — полтора миллиарда. Так десять или полтора? Проверить невозможно, он же скрывает свои налоговые декларации. В том числе поэтому. Публика должна верить: он не просто богат, он сказочно богат. Это главная часть его имиджа, который он внушает окружающим каждым словом и жестом, всем своим поведением и образом жизни.

Как он делает деньги? Бизнес Трампа — казино, гостиницы, гольф клубы... Не совсем то, что "делает Америку великой". Но у него есть метод. Казино должно быть самым большим, даже если оно по этой причине разорится. Здание самым высоким и роскошным. И на нем золотом должно гореть: ТРАМП. Годится все, на чем можно повесить вывеску ТРАМП, которую будет видно издалека. Мировые конкурсы красоты, бои без правил — самое оно... Он числился главой 515 компаний, 268 из них имеют вывеску ТРАМП.

Риторический вопрос: сколько времени — часов, минут, секунд — в день он уделяет каждой из 515 компаний?

Притом что в прайм-тайм он всегда занят. Последние десять лет он был ведущим популярного реалити-шоу "Apprentice" ("Ученик"). Быть у всех на виду, учить жизни избранных претендентов, миллионную аудиторию и весь мир — вот эта роль по нему.

К слову сказать, он организовал еще и платный "Университет Трампа", что вылилось в откровенную аферу. Не получив обещанных уроков от мирового гуру бизнеса, обманутые ученики подали в суд, и без пяти минут президенту США пришлось выплатить 25 миллионов долларов неустойки, чтобы закрыть дело. Как-то не вязалось оно с грядущей инаугурацией.

За тридцать лет его деловая активность оставила инверсионный след в 3500 дел в разных судебных инстанциях. Нет, он точно не Генри Форд, не Билл Гейтс и не Уоррен Баффет. Главный жанр Трампа — архитектура самовозвеличения. И это его бизнес. Сначала он строил здания, чтобы над городом воссиял огненный штамп ТРАМП. Потом он продавал свое имя тем, кто строит отели и клубы, сдавал его в лизинг, франшизу, стриг с него купоны. Его главное достижение — "Я — бренд".

Выдвижение кандидатом в президенты было высшим рекламным трюком в строительстве "Я — бренда". Победа, которой никто не ждал, капитализировала его уже за облаками. Как простодушно выразился его сын Эрик: "Таким горячим наш бренд не был никогда". Еще бы. Вот только в

обратную сторону это работает тоже. Американская пресса без конца предупреждает: президент США с таким бизнес-опытом, с такими бизнес-методами и с таким "чувством долга" — это рецепт катастрофы. И поэтому СМИ...

Министерство Правды заведовало всей информацией

Джордж Оруэлл *1984*[1]

...И поэтому СМИ — главный враг Трампа. Чего только он не наговорил в их адрес.

"Я слишком хорошо знаю Прессу. Почти все редакторы таятся в своих грязных норах; эти люди не думают о Семье, об интересах Общества, о радости прогулок на свежем воздухе и помышляют лишь о том, как бы всех оболгать, улучшить собственное положение и набить свои бездонные карманы, извергая клевету на государственных деятелей, готовых отдать все для блага Общества и всегда легко уязвимых, так как они находятся у всех на виду в ослепительном сиянии трона".

Простите, это не Трамп. Это Берзелиос "Жужжало" Уиндрип из "У нас это невозможно". Словарный запас Трампа заметно бедней. Или богаче?

"Я хочу, чтобы все вы знали, что мы сражаемся с фейковыми новостями. Они фейковые, фальшивые, фейковые. Как вы видели на протяжении всей кампании и даже сейчас, фейковые новости не говорят правды. Фейковые новости не говорят правды. Они не представляют народ и никогда не будут представлять народ, и мы собираемся с этим что-то сделать".

"Я думаю, медиа — одна из самых бесчестных групп, которых я когда-либо встречал. Ужасная публика".

"Эти люди — худшая форма жизни, говорю я вам. Они худшая форма человечества".

"Я собираюсь открыть наши законы о клевете так, чтобы, когда они пишут намеренно негативные, или ужасные, или фальшивые статьи, мы могли судить их и выиграть кучу денег".

А вот его твиты, которые он рассылает обычно в четыре утра. Особо хороши они своей лапидарностью.

"У нас война с медиа".

"Если я стану президентом, у них будут проблемы. У них будут еще какие проблемы". (В адрес "Вашингтон пост".)

"Забудьте прессу. Читайте интернет. Изучайте другие источники. Не обращайтесь к мейнстримовским медиа".

"Медиа ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ сознательно не говорит правду. Огромная опасность для нашей страны".

1. Роман Дж. Оруэлла цитируется в переводе В. Голышева.

"Медиа ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ (провальная "Нью-Йорк таймс", NBC News, ABC, CBS, CNN) — это не мои враги, это враги Американского Народа".

Дошло до анекдота. Короткой июньской ночью из Белого дома вылетел твит просто мистического содержания.

"Despite the constant negative press covfefe".

Что за covfefe? Должно быть недоношенное coverage — освещение?

"Несмотря на постоянное негативное пресс освещеще".

И больше ни слова.

Что случилось? Лайки и ретвиты последовали сотнями тысяч. Президент заснул за компьютером? Что-то заело в Белом доме? Органчик в голове замкнуло? "Постоянное негативное пресс освещеще" превратилось в посмешище. На сей раз, по большей части, добродушное.

Мы уже привыкли к стилю Трампа. Стоит присмотреться к его методу.

"Бесчестные мейнстримовские медиа... продажны. Они лгут и фабрикуют истории, чтобы выставить кандидата, которого они не считают своим, плохим и даже опасным до невозможности. Их нет на моих митингах, они никогда не говорят о том, как много на них собирается народа и пытаются приуменьшить все наши дела".

Страсть и пафос через край. Буря и бурлеск. А вот факты? Какие-то странные, хромоногие, словно в спешке нарисованные, от руки раскрашенные факты.

"Их нет на моих митингах?" А кого тогда он так яростно обличал, тыча пальцем: "Придурки", "абсолютное отребье", "фальшивая кучка подонков". Вся страна видела, как артистично он передразнивал репортера "Нью-Йорк таймс" — инвалида...

На самом деле все обстояло ровно наоборот. Это кандидат Трамп периодически отлучал неугодные СМИ от своих митингов. А президент Трамп — от участия в пресс-конференциях в Белом доме. Такие запреты в Америке точно не приняты.

Трамп обделен вниманием прессы? Да полноте... Мейнстримовские медиа предавали огласке, смаковали, многократно транслировали любую его эскападу и всю дичь, которую он нес. Респектабельная пресса исповедует инфотейнмент (информация должна быть с развлечением), есть такой грех. Мол, читателя надо завлекать. Штаб Хиллари Клинтон собрал и вложил в избирательную кампанию гораздо больше денег, чем штаб Трампа. Но эту разницу он многократно компенсировал повышенным медиа вниманием — фактически бесплатной рекламой. "Феномен Трампа", по большому счету (оценочно — в миллиарды долларов), создала пресса. Даром. Та самая респектабельная пресса, которая сейчас его критикует и которую он, надо полагать поэтому, так яростно обличает.

На самом деле он обожает телевидение и прессу. Он не может без них и дня прожить. Вырезки о себе, портреты на обложке любых изданий он

любовно коллекционирует, из них составлена целая выставка в Башне Трампа, он проводит по ней экскурсии. Но неприятие в его адрес нетерпимо — это анафема.

"Они лгут и фабрикуют истории". Большой вопрос: кто лжет и кто фабрикует истории?

Чего стоят факты? Кому принадлежит правда? Можно ли ее отличить от лжи? Явление Трампа поставило эти вопросы в повестку американского дня с гротескной остротой.

День инаугурации, 20 января 2017 года, Трамп описывал с восторгом: "Все поле было буквально забито народом, собралось от миллиона до 1,5 миллиона человек". По иронии судьбы, он рассказывал это в штаб-квартире ЦРУ, которую посетил на следующий день. "Это была величайшая аудитория, собравшаяся, чтобы увидеть инаугурацию, когда-либо и где-либо в мире", — вторил ему его официальный язык — пресс-секретарь Спайсер. При этом Трамп ругал телевидение, которое показало "пустое поле", и клялся, что оно "заплатит большую цену".

Но если телекамеры зафиксировали пустоты на поле, значит, поле не было забито. Не надо быть агентом ЦРУ, чтобы понять это. Реальное число участников оказалось около полумиллиона. Немало. Но первая инаугурация Обамы привлекла в три раза больше народа. На сравнительных снимках, снятых с одной точки в тот же час, это очень наглядно.

Но Трамп настаивает.

"Движение, какого свет не видывал никогда", — льстил он своим сторонникам, переходя с одного инаугурационного бала на другой.

"Мы одержали одну из величайших побед за все времена".

"Мы победили массовым лэндслайдом".

Landslide — обвал. Применительно к выборам термин этот означает подавляющее превосходство. К примеру, когда Никсон в 1972 году забрал голоса 49 штатов, это был лэндслайд. (То, что через год он получит Уотергейт — это уже другая история.) Или когда Рейган в 1980-м выиграл в 44 штатах со счетом 489 — 49 в переводе на выборщиков. А сам Трамп одержал верх над Хиллари Клинтон лишь благодаря архаичной системе выборщиков. В общенациональном зачете голосов он отстал от проигравшей почти на три миллиона голосов. Назвать такое landslide — язык не поворачивается. Еще как поворачивается!

"В дополнение к победе в коллегии выборщиков лэндслайдом, я выиграл общенациональное голосование, если вычесть миллионы людей, которые голосовали нелегально", — взорвал новое утро очередной твит Трампа. Доказательств — ровно ноль, притом что обвинение как в смертоубийстве. Сколько-нибудь серьезных нарушений ни в одном штате зафиксировано не было.

Похоже, Трамп живет в какой-то иной реальности. Или он создает иную реальность, где он легитимен и всегда прав.

“В наши дни любая связь заявлений Белого дома с фактами является непреднамеренной и случайной”. Так это формулирует обозреватель “Нью-Йорк таймс” Николас Кристоф.

Не все выражаются столь элегантно.

“Его уличали во лжи чаще, по стольким поводам, изо дня в день и таким множеством способов, как ни одного другого стремящегося к президентству”.

“Трамп говорит правду только тогда, когда не может сходу солгать”.

Это публичные оценки.

Главный редактор журнала “Нью-Йоркер” Дэвид Ремник дал развернутую характеристику нового большого стиля: “Дональд Трамп даже не сражается с правдой, он ее душит. Он лжет, чтобы уйти от ответа. Лжет, чтобы поджечь. Лжет, чтобы продвинуть что-то или соблазнить кого-то. Иногда кажется, что он лжет из удовольствия, просто потому, что ему чертовски нравится лгать. Он купается в заговорщицких теориях, в которые сам вряд ли верит, и обрушивает шквал дутых обещаний, которые не может выполнить. Когда его ловят за руку, он меняет тему или выкатывает еще большую ложь”.

Не было ни одного случая, чтобы он извинился или признал свою неправоту. Помните гомерическую инсинуацию про отца сенатора Теда Круза, который, якобы, был связан с убийцей Кеннеди Освальдом? Не думает ли он извиниться, задал вопрос Трампу журналист Майкл Шерер. “Ну почему я должен извиняться? — отмахнулся Трамп. — Я просто цитирую одну газету...” — “Но мы привыкли, что в Овальном зале, те, кто занимает ваше положение, не говорят непроверенных вещей, того, что не было бы правдой”. Трамп: “Я ничего не утверждаю, я цитирую, Майкл. Я цитирую очень уважаемых людей и источники из главных телеканалов”.

У него алиби, он цитирует. Из любого сора. В блогосфере, в кривом пространстве “альтернативных медиа” полно чокнутых и свихнувшихся на любом экстриме. Это вам не респектабельная пресса, которой нельзя доверять. Впрочем ее тоже можно цитировать под настроение. Всегда найдется на что сослаться.

В респектабельной прессе идет дискуссия, не лишенная мазохизма: как писать об этом? Слова “президент” и “ложь”, вообще говоря, не сочетаются. Не принято, недостойно, в голове не помещается. Но как быть, если они как раз сочетаются и очень часто?

Между тем самые вызывающие и оскорбительные слова в адрес президента принадлежат как раз Трампу. Сказаны они были, естественно, в адрес президента Обамы. Пять лет подряд (!) он бомбил Белый дом и общество декларациями о том, что Обама обманщик, родился не в Соединенных Штатах, он “незаконнорожденный” президент. (По конституции президент должен родиться в США.) “Мои люди изучали этот вопрос, и они просто не могут поверить тому, что им открылось...” Все оказалось пурга и цирк.

Ну да ладно, это старый безответственный Трамп. Но вот уже президент Трамп будоражит Америку паническим твитом.

Март 2017. “Ужасно. Только что узнал, что Обама ‘прослушивал мои линии’ в Башне Трампа непосредственно перед победой. Ничего не нашли. Это маккартизм.

Это Никсон — Уотергейт. Дурной (или больной) парень”.

Ключевые слова “прослушивал мои линии” закавычены, как если бы это была чья-то цитата. На всякий случай, мол, я не я... Но тогда, чья, что за источник у этого сенсационного обвинения? Не сказано. Что за слежка? Какой такой Уотергейт — маккартизм? По тротиловому эквиваленту равно атомному испытанию Ким Чен Ына. И никаких деталей, ничего похожего на доказательства.

Журналист Джон Диккерсон в интервью с Трампом попытался докопаться, что́ у автора термоядерного твита за душой. Осторожно начал с вопроса о встрече президента Обамы с Трампом сразу после его победы на выборах.

Журналист. Президент Обама... Дал ли он вам какой-то полезный совет?

Трамп. Ну да, он был очень мил на той нашей встрече. Но потом у нас были... трудности. Так что неважно. Дела́ для меня важнее слов. Вы же видели, что случилось — с этой слежкой. Все видели, что случилось с этой слежкой.

Журналист. Трудности... Какие трудности?

Трамп. Ну вы сами видели, что случилось с этой слежкой. Это было непристойно, но это было.

Журналист. Что вы имеете в виду, сэр?

Трамп. Вы сами можете сформулировать.

Журналист. Но я спрашиваю вас, вы же написали про него: “больной и дурной”.

Трамп. Вы сами можете сформулировать. Он был очень мил со мной — на словах, когда мы встретились, но потом у нас не было общения.

Журналист. Вы настаиваете на своем утверждении о нем?

Трамп. Я ни на чем не настаиваю. Я лишь... Вы можете думать, что хотите. Я думаю, наша сторона была очень убедительна. Все говорят об этом. И честно говоря, это должно обсуждаться. Я думаю, что это очень большая слежка за нашими гражданами, это очень большая тема. Это должно быть темой номер один. И мы должны узнать, что, черт подери, происходит.

Журналист. Вы — президент Соединенных Штатов. И вы назвали Обаму “больным и дурным”, потому что он вас подслушивал. Вы можете...

Трамп. Думайте, как хотите. Вы можете думать, как хотите.

Журналист. Но я спрашиваю вас. Вы же не хотите, чтобы это выглядело как...

Трамп. Вы не должны...

Журналист. ...как фейковая новость. Я хочу услышать это от вас.

Трамп. ...спрашивать это...

Журналист. Президент Трамп!

Трамп. Вы не должны спрашивать это у меня.

Журналист. Почему?

Трамп. Потому что у меня есть свое мнение. А у вас — свое.

Журналист. Я и хочу узнать ваше мнение. Вы — президент США.

Трамп. ОК, хватит. Спасибо. Большое спасибо.

"Наш 45-й президент — это человек, который считает слухи — фактами, мнения свидетельствами, желаемое полагает действительным, а правдой именует все, что ему выгодно и удобно".

Вот что значит журналистское мастерство. Лауреат Пулитцеровской премии Брет Стефенс дал исчерпывающую характеристику Трампу и обошелся без слов "ложь" и "лгать".

Тем временем советник Белого дома Келлиан Конвей сорвала джек пот.

У Келлиан Конвей бойкий язык, который она продемонстрировала в ходе избирательной кампании Трампа и теперь она не сходит с телеэкранов, кочуя из одного ток-шоу в другое, совсем как некоторые наши говорящие головы. Ее миссия — защищать Трампа от нападок прессы. И делает это она очень изобретательно.

"Ну зачем понимать все буквально... Надо слышать не то, что вылетает у него изо рта, надо слушать его сердце". Это была ее лучшая находка. До того как на нее напала эврика.

В воскресенье 22 января — на второй день после инаугурации — ведущий ток-шоу NBC "Встреча с прессой" Чак Тодд задал ей вопрос: "Почему президент поручил пресс-секретарю, впервые выходящему на подиум, сказать заведомую неправду?" (Шина Спайсера только-только назначили. И объявить он должен был как раз про "величайшую аудиторию" трамповской инаугурации.)

"Ну к чему так драматизировать, Чак, — примирительно сказала Конвей. — Ты называешь это неправдой. А Шин Спайсер, наш пресс-секретарь, просто представил альтернативные факты".

"Минуточку, — Чак Тодд чуть не задохнулся. — Альтернативные факты этому — не факты. Альтернативные факты — это ложь".

Так, советник Белого дома отчеканила недостающие слова — невольную и точную самохарактеристику режима.

Альтернативные факты... Ложь — это правда. Правда — это клевета. Ассоциация с классическими формулами "1984" оказалась настолько точной, что за четыре дня после интервью спрос на роман вырос на 9500 %! Читающая публика приникла к оригиналу.

Ну что ж, повторим по слогам:

"Война — это мир.

Свобода — это рабство.

Незнание — сила".

"Тот, кто управляет прошлым, управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым".

"Чем меньше выбор слов, тем меньше искушение задуматься".

"Здания принадлежали четырем министерствам, на которые разделялся весь прави-

тельственный аппарат. Министерство Правды заведовало всей информацией, руководило развлечениями, образованием и искусством. Министерство Мира занималось войной. Министерство Любви поддерживало закон и порядок. А Министерство Изобилия отвечало за экономику".

"— Сколько я показываю пальцев, Уинстон?

— Четыре.

— А если партия говорит, что их не четыре, а пять, — тогда сколько?"

Декретирование фактов, ворожение правдой, сочинение другой, новой, лучшей действительности — черта авторитарных режимов. По-настоящему успешным это бывает, когда "Большой брат смотрит на тебя".

Давайте назовем это антипредсказанием

Олдос Хаксли *О дивный новый мир*[1]

"О дивный новый мир..." Память злорадно подсказала Дикарю слова Миранды. "О дивный новый мир, где обитают такие люди".

Название романа Олдосу Хаксли подсказал Шекспир.

"О чудо... Сколько вижу я красивых созданий! Как прекрасен род людской... О дивный новый мир, где обитают такие люди". ("Буря". Монолог Миранды.)

Дивный новый мир — идеальный мир. Идеалом является стабильность.

"— Стабильность, — подчеркнул опять Главноуправитель, — стабильность. Первооснова и краеугольный камень. Стабильность. Для достижения ее — все это".

Все это стоит перечислить.

"— ...устроили Мор книгочеев: переморили горчичным газом в читальне Британского музея две тысячи человек.

— ...начат поход против Прошлого, закрыты музеи, взорваны исторические памятники (большинство из них, слава Форду, и без того уже сравняла с землей Девятилетняя война), изъяты книги, выпущенные до 150 года э. Ф. — Дату выпуска первой модели 'Т' господом нашим Фордом... избрали начальной датой Новой эры.

— У всех крестов спилили верх — преобразовали в знаки Т.

— Теперь у нас Мировое Государство. И мы ежегодно празднуем День Форда, мы устраиваем вечера песнословия и сходки единения.

<...>

— Не одно лишь искусство несовместимо со счастьем, но и наука. Опасная вещь наука; приходится держать ее на крепкой цепи и в наморднике.

— А может, еще чем пожертвовали?

— Ну, разумеется, религией, — ответил Мустафа. (Мустафа Монд — его фордейшество Главноуправитель). — Было

1. Роман Хаксли цитируется в переводе О. Сороки.

некое понятие, именуемое Богом...

— А если все же приключится в кои веки неприятность, так ведь у вас всегда есть сома, чтобы отдохнуть от реальности (сома — идеальный наркотик).

— Успокаивает, дает радостный настрой, вызывает приятные галлюцинации.

— Все плюсы христианства и алкоголя — и ни единого их минуса".

И еще одна цитата.

"— Все вы помните, — сказал Главноуправитель своим звучным басом, — все вы, я думаю, помните прекрасное и вдохновенное изречение господа нашего Форда: 'История — сплошная чушь'. История, — повторил он не спеша, — сплошная чушь.

Он сделал сметающий жест, словно невидимой метелкой смахнул горсть пыли, и пыль та была Ур Халдейский и Хараппа, смел древние паутинки, и то были Фивы, Вавилон, Кносс, Микены. Ширк, ширк метелочкой, — и где ты, Одиссей, где Иов, где Юпитер, Гаутама, Иисус? Ширк! — и прочь полетели крупинки античного праха, именуемые Афинами и Римом, Иерусалимом и Средним царством. Ширк! — и пусто место, где была Италия. Ширк! — сметены соборы; ширк, ширк! — прощай, 'Король Лир' и Паскалевы 'Мысли'. Прощайте, 'Страсти', ау, 'Реквием'; прощай, симфония; ширк! Ширк!.."

Мы тоже помним прекрасное и вдохновенное изречение Генри Форда: "История — сплошная чушь". Его приводил Филип Рот в своем документальном послесловии.

Вершина дивного нового мира — "серое приземистое здание всего лишь в тридцать четыре этажа. Над главным входом надпись ЦЕНТРАЛЬНО-ЛОНДОНСКИЙ ИНКУБАТОРИЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР и на геральдическом щите девиз Мирового государства: ОБЩНОСТЬ, ОДИНАКОВОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ.

Сбылась мечта утопистов. Эта цивилизация научилась делать нового человека. И даже на конвейере. Людей выводят из яйцеклетки партиями близнецов — нужных параметров, профессиональных назначений, должных каст. Отныне порядок незыблем. Лояльность, покорность, социальный покой заложены на генетическом уровне.

* * *

Маргарет Этвуд *Рассказ Служанки*

Маргарет Этвуд приступила к своему роману "Рассказ Служанки" в 1984 году. Содержание его таково, что язык не поворачивается назвать это совпадение случайным. В связи с новейшим переизданием, совместившимся с выходом в свет телесериала, — в пандан явлению Трампа, она постаралась объясниться с читателем. Не будем перебивать ее.

"Весной 1984 года я села за роман, который не сразу стал 'Рассказом Служанки'. Я писала от руки в блокноте, затем расшифровывала свои неразборчивые каракули и печатала на внушительной немецкой машинке, которую арендовала.

Пишущая машинка была немецкая, потому что я жила в Западном Берлине, который тогда еще был окружен Берлинской стеной. Советская империя прочно стояла на месте и не собиралась рушиться еще пять лет. Каждое воскресенье восточно-германские ВВС устраивали шумовые концерты, проносясь на сверхзвуке, чтобы напомнить, как они близко. Посещая некоторые страны за железным занавесом — Чехословакию, Восточную Германию, я невольно внутренне напрягалась, не оставляло чувство, что за тобой следят, разговоры были полны недомолвок, обрывались на полуслове, информация передавалась околичностями. Все это влияло на то, что у меня писалось. Или здания с изменившейся биографией... "Этот дом принадлежал... потом они пропали'. Я много раз слышала такие истории.

Родившись в 1939-м и достигнув сознательного возраста во время Второй мировой войны, я знала, что установленные порядки могут исчезнуть наутро. Перемены приходят молниеносно. 'У нас это невозможно' — на это не стоит рассчитывать. Все возможно везде, когда обстоятельства соответствующим образом складываются.

К 1984 году я уже год или два откладывала роман. Затея казалась мне слишком рискованной. Со школьных лет, в пятидесятые, я много читала научной и ненаучной фантастики, утопии, антиутопии, но я никогда не писала ничего подобного. Справлюсь ли? Сама эта форма полна ловушек, среди них — тяга к поучению, неправдоподобие, соблазны аллегоричности. А мой принцип: пруд может быть искусственным, но лягушки в нем должны квакать по-настоящему. Я взяла себе за правило: в моей книге не будет ни одного события, которое не случилось бы в жизни — в том, что Джеймс Джойс назвал 'кошмаром' истории, и никакой-такой техники, которая не была бы уже в ходу. Никаких выдуманных штучек-дрючек, никаких надуманных законов, никаких придуманных зверств. Говорят, Бог в деталях. Дьявол тоже.

Возвращаясь в 1984-й... Мне самой казался невероятным главный посыл. Смогу ли я убедить читателей, что в Соединенных Штатах произошел переворот, который превратил до того либеральную демократию в буквальном смысле в теократическую диктатуру? По сюжету ни Конституции, ни конгресса больше не существует. Республика Галаад выстроена на пуританских корнях XVII века. Америка, которую мы думали, что знаем, всегда на них стояла.

Непосредственное место действия — Кембридж, штат Массачусетс, где находится Гарвард — ныне ведущий либеральный университет, а когда-то пуританская теологическая семинария. Секретная полиция Галаада размещается в библиотеке Уиднера, где я провела немало времени в архивах, разыскивая своих предков из Новой Англии, а также сведения о судах над салемскими колдуньями. Не шокируют ли людей картины, когда тела казненных выставляются на всеобщее обозрение на Гар-

вардской стене? (Где их действительно выставляли.)

В романе население сокращается из-за отравленной среды, здоровые дети — редкость и дар. (В сегодняшнем Китае, как показывают исследования, заметно падает мужская фертильность.) При тоталитаризме, на самом деле в любом подчеркнуто иерархическом обществе, в руках у правящего класса монополия на все ценное. В романе женщины в детородном состоянии приписаны к элите режима в качестве служанок. Библейский прецедент — история Иакова, его двух жен Рахили и Лии и их двух служанок. Один мужчина, четыре женщины, двенадцать сыновей — но служанки не имели прав на сыновей. Они принадлежали женам.

Так разворачивается рассказ Служанки.

В телесериале, который выходит на экран, я играю в маленьком эпизоде. Это сцена где проходящим посвящение новеньким Служанкам промывают мозги в Красном центре перевоспитания. Они должны научиться многому: забыть свое прошлое, знать свое место и обязанности, понимать, что у них нет прав, а некоторая защита, которую они получат, — ровно до той поры, покуда они покорны. Они должны перестать ценить себя, чтобы принять эту судьбу как должное, не бунтовать и не помышлять о бегстве.

Служанки сидят в кружок, с Тетушками, вооруженными электрошоковыми пистолетами, которые принуждают их заниматься тем, что сегодня (но не в 1984-м) называется slut-shaming (буквально: пристыжение шлюхи). В этой роли оказалась одна из них — Жанин. Ее заставляют вспоминать, как она, тогда тинейджер, подверглась групповому изнасилованию. Сама виновата, спровоцировала насильников... наперебой выкрикивают служанки.

И хотя это было ‘не более, чем телешоу’, и рядом актрисы, которые будут прелестно шушукаться и хихикать в перерыве, и я сама ‘всего-навсего притворялась’, эта сцена меня переворачивала наизнанку...

Любая власть относительна... Какие-то тетушки из охраны искренне верят в свою роль и даже думают, что оказывают служанкам услугу: зато их не послали убирать нечистоты, по крайней мере их не изнасилуют в этом дивном новом мире просто так, совсем уж незнакомцы. Некоторые из тетушек садистки. Другие — оппортунистки... Все как в жизни.

В книге доминирующая ‘религия’ провозглашает свои доктрины обязательными, и знакомые нам религиозные деноминации уничтожаются...

Меня спрашивают, и чем дальше, тем чаще: является ли ‘Рассказ Служанки’ предсказанием?..

Нет, это не предсказание, потому что будущее предсказать невозможно. В будущем слишком много вероятностей и непредвиденных возможностей. Давайте назовем это антипредсказанием. Если такое будущее можно описать в подробностях, быть может, оно не случится. Но на это тоже нельзя полагаться.

Множество дорог привело к ‘Рассказу Служанки’ — массовые казни, законы, регулирующие расходы населения в интересах государства, костры из книг, Программа Третьего рейха ‘Лебенсборн’ (“Источник жизни”. Женщинам “чистой крови” предлагалось вступать в интимную связь с офицерами СС и рожать светловолосых детей с голубыми глазами), похищения детей в Аргентине в правление генеральской хунты, история рабства, история американской полигамии... Список длинный.

Потрясение недавних выборов в Америке породило множество страхов и тревог. Кажется, базовые гражданские права оказались под угрозой, вместе с многими правами женщин, завоеванными в последние десятилетия и даже столетия. В климате раскола, в котором растет ненависть к тем или иным группам, а экстремисты всех мастей выражают презрение к демократическим институтам, я уверена, кто-то где-то, на самом деле многие, пишут свои ‘рассказы’ о том, что́ происходит с ними и что они переживают. Или они запомнят и запишут потом, если смогут.

Обнаружатся ли эти послания? Быть может, их тоже найдут только через несколько веков. В старом доме, за стеной?” (Как рассказ Служанки.)

Спасибо Маргарет Этвуд. Она филигранно представила свой роман и даже выполнила мою работу: объяснила, почему без нее не обойтись в “Альтернативной истории Дональда Трампа”.

Прекрасные писатели нарисовали впечатляющие картины антибудущего. Какая служит моделью?

Неужто Америка Дональда Трампа станет теократическим государством наподобие того, что описано в “Рассказе Служанки”?

Не так буквально. Но вот интересная подробность. Вместе с Ржавым поясом Трампу отдал свои голоса Евангелический пояс. Самые верующие и благочестивые из американцев помогли избраться человеку точно не из их прихода. Плейбой, трижды женатый, бахвалящийся своими мужскими триумфами — реальными или выдуманными, — очень остроумно называвший победу над триппером своим Вьетнамом...

А знаменитая пленка с восхитительным речитативом: “Пососу-ка я Тик-Так. На случай, если я начну ее целовать. Ты знаешь, меня автоматически тянет к красоткам — я сразу начинаю их целовать, это как магнит. Сразу целовать. Я даже не жду. А когда ты звезда, они тебе это позволяют. Ты можешь делать все. Хватать их за пуську. Ты можешь делать все...”

Монолог “Жужжалы” Уиндприпа? Нет, это голос будущего президента США. После огласки пленки Трамп оправдывался. Что, мол, тут особенного? Обыкновенный разговор в мужской душевой.

Такого чистого — прямиком из душевой — авторитета у американских евангелистов еще не было. Но они его приняли — зажав носы. Так призвали их благоверные пастыри. Которые полагают, что ради высшей миссии можно пой-

ти на все. Эта миссия — борьба за запрет абортов.

Битва вокруг абортов — эпопея, эмоционально расколовшая Америку так, как, пожалуй, ни одна другая проблема. Лозунг тех, кто "за": "Право на выбор". (Женщина должна сама распоряжаться своей судьбой.) "Право на убийство" — лозунг противников. Сильный ход — аборт приравнен к убийству.

С 1973 года решением Верховного суда по делу "Роу против Уэйда" женщина имеет право прервать беременность, пока плод не стал жизнеспособным. Историческая веха. Повернуть эту историю вспять можно только одним способом — добиться нового решения Верховного суда, которое отменит ненавистное "Роу против Уэйда". В 2016 году такая возможность засветила. Или грозила вовсе погаснуть. После внезапной смерти судьи Алито в Верховном суде наступил пат: четыре консерватора на четырех либералов. И открылась одна вакансия, которую должен заполнить президент США. Президенту Обаме этого сделать не дали, республиканцы в сенате, нарушив закон и традиции, просто не стали обсуждать представленную им кандидатуру. Трамп в прошлой жизни выступал за аборты и вообще демонстрировал отчаянное свободомыслие. Но тут он клятвенно пообещал в случае победы назначить судью-ультраконсерватора, который и может перетянуть чашу весов в пользу запрета на аборты. Трампу позарез нужны были голоса, хоть верующих, хоть не верующих.

Так состоялась сделка. По всем признакам эта была сделка религии с дьяволом.

Но вернемся на литературное поле — к моделям антибудущего, что на нем выставлены. В них смотрится явление Трампа. Ну-ка, зеркальце, скажи, нам всю правду расскажи. Но прежде уточним модели.

"1984" и "Дивный новый мир" — два шедевра, две классические антиутопии, две совершенные модели тоталитаризма. При этом они разные. Между выходом в свет одной и другой книг прошло девятнадцать лет. Не так много. Но каких лет!

"Дивный новый мир" появился в 1931-м — Гитлер придет к власти в Германии еще через два года, СССР был еще дальше от своего 1937 года. О Второй мировой войне не думали, не гадали.

"1984" был опубликован в 1949-м. К слову сказать, Оруэлл был студентом профессора Хаксли. Был ли он его учеником? Вряд ли. То есть, конечно, был — литературным. Следы этого в тексте романа несомненные. Как и, возможно, учеником Замятина и, безусловно, Свифта. "1984" — плавка из апокалипсиса, только что пережитого человечеством. Опыт двух социализмов — германского и советского, сталинского. Оруэлловская модель тоталитаризма — "сапог, топчущий лицо человека". В свете Холокоста, Освенцима, ГУЛАГа, Голодомора она не могла быть иной.

Ни этого опыта, ни этих видений у автора "Дивного нового мира" не было. Но у него были прозрения. "Дивный новый

мир" — экстраполяция не чрезвычайности, а норм западного общества, его прогресса. Сапог, топчущий лицо человека, — не единственный способ достижения послушания. Тысяча способов промывания мозгов и коммерциализации духа, циничные политтехнологии, сексплуатация, оглушающие и оглупляющие игрища масскульта, экспериментальные античеловеческие науки, о которых и думать страшно, — очень перспективные направления, способные привести к результатам ничуть не хуже.

"Новый тоталитаризм вовсе не обязан походить на старый, — писал Олдос Хаксли в предисловии к более позднему изданию своего романа. — Управление с помощью дубинок и расстрелов, искусственно созданного голода, массового заключения в тюрьмы и массовых депортаций является не просто бесчеловечным (никто теперь особо не заботится о человечности), но и явно неэффективным, а в наш век передовой техники неэффективность, непроизводительность — это грех перед Святым Духом. В тоталитарном государстве, по-настоящему эффективном, всемогущая когорта политических боссов и подчиненная им армия администраторов будут править населением, состоящим из рабов, которых не надобно принуждать, ибо они любят свое рабство..."

Мой компьютер неожиданно подчеркнул красным слово "депортации" в приведенной цитате, он его знать не знает. Спасибо за подсказку.

Депортация была у Трампа программным тезисом номер один. При этом не столько реальная программа действий, сколько политтехнология. Кандидата в президенты не интересовали те, кого он грозил выслать, — легальные или нелегальные иммигранты из Мексики. Они не голосуют. Его интересовала та белая публика, которую можно было поднять и возбудить обещаниями депортаций.

Звучало страшновато.

"Вот так фашизм приходит в Америку" — озаглавил свою статью Роберт Каган в "Вашингтон пост" в мае прошлого года. "Сравнения Дональда Трампа с Муссолини или Гитлером — общее место", — отмечает Ларри Соммерс. Первый — ученый из Брукингского института. Второй был главным экономистом во Всемирном банке, министром экономики в кабинете Клинтона, президентом Гарвардского университета. Не какие-нибудь "писаки".

45-й президент США — фашист? Готовый диктатор?

Тут мне придется защитить Трампа. Ни то ни другое. Цитируемые авторы, кстати, этого и не утверждают.

Чтобы претендовать на это амплуа, надо быть идейным, а не просто самовлюбленным. Своих идей у него нет, не то что идеи фикс. Трамп готов подхватить любую идею, присвоить, довести до абсурда. И тут же забыть. Так что много чести.

Он может прихватить лозунг Линдберга или высказывание Муссолини — для него это просто слова, отчего не воспользоваться красным словцом? Его база — люди простые — так это и воспринима-

ют. Их не волнуют исторические коннотации.

“Враги народа!” — крушит Трамп прессу. У тех, кто с памятью, волосы дыбом.

В политический лексикон это словосочетание вошло в годы Французской революции сначала как кличка, потом как клеймо, потом как приговор. “Для наказания врагов народа” учредили революционный трибунал. За политические преступления полагалась смертная казнь. В том числе за “распространение фальшивых новостей, чтобы разделять или будоражить людей”. (“Фейковых новостей” в переводе на известный нам сленг.) Новую жизнь (смерть) в опасную терминологию вдохнула Октябрьская революция. Ленин благословил якобинский террор против “врагов народа”. Сталин, второй вождь, реализовал завет первого вождя с таким размахом, что теперь черней этой пары слов в языке мало что можно найти.

Трампа не волнуют эти ассоциации. Или он их не знает. Его влечет большой стиль.

Он абсолютно безапелляционен. Говорит только о себе — о том, как он богат и знаменит и всегда добивается своего. Ключи от всех проблем у него в кармане. Он знает все и обещает еще больше. Вождь, да и только. Дуче, фюрер, чучхе?

Не обязательно. Ровно так ведет себя на рынке рекламный агент. Исключительно превосходные степени, и ни за что не отвечает.

“Люди хотят верить, будто что-то самое большое, и самое великое, и самое впечатляющее существует. Я называю это правдивой гиперболой. Это невинная форма преувеличения — и очень эффективная форма продвижения”. Из книги “Искусство сделки”. Ее теневой писец Тони Шварц рассказывает, что, когда он принес эту фразу Трампу, тот был крайне доволен.

Трамп — не разлей вода с рекламой. Он ее субъект и объект, рекламный агент и товар для рекламы в одном лице. Эта стратегия вознесла его, сделала звездой, которой можно все. Неожиданно выяснилось, что не только в сомнительном бизнесе. Феномен Трампа — не в авторитарности как таковой. Он в гипертрофированной саморекламе без тормозов и границ, которая восторжествовала на самом высшем политическом уровне. И это стало шоком.

Перефразируя Синявского, у Трампа с тоталитаризмом стилистические совпадения.

Трамп продает имидж героя успеха. Он всегда на белом коне. В его альтернативном мире он вечный победитель. Ну а если что не так, это система порочна, виноват микрофон или компьютер, медиа плетут козни. Поэтому он бесконечно жалуется и разоблачает врагов народа.

И он всем грозит. Противникам, прессе, недовольным демонстрантам, судьям. Правда, пока из этого мало что получается.

“Въехав в Белый дом, Уиндрип тотчас объявил конгресс ‘совещательным органом’ и освободил от всех полномочий. Когда члены конгресса

противились, он отправлял их под запор без малейшего намека на законный процесс, что означало начало конца американской демократии". ("У нас это невозможно".)

Трамп обещал "запереть под замок мошенницу Хиллари", он продолжает выкрикивать любимый лозунг на митингах своих легко загорающихся сторонников, но это уже просто речевка.

Во исполнение своих обещаний всех изгнать, никого не пущать Трамп демонстративно подписал постановление, запретившее въезд в США из семи мусульманских стран. Это — дискриминация по религиозным основаниям, вынес решение судья в Сиэтле, штат Вашингтон, противоречит законам США. Трамп шумел, грозил, обозвал судью "так называемым судьей", но, смирившись, взамен старого постановления вынес новое, отредактированное. Два других судьи — на Гавайях и в Мэриленде наложили новый запрет. "То, что делает президент, законно по определению", — пытался парировать Белый дом. Его подняли на смех.

На начало конца американской демократии пока не похоже.

Американская демократия — сложная система. Упростить простую систему, стремящуюся к еще большей простоте, до фашизма, можно. Сложную, где в матрицу заложено столкновение интересов и выработаны алгоритмы их сочетания и разрешения, систему, сверху донизу оснащенную сдержками и противовесами? Пока это точно не выглядит реалистичным.

Но тревога в Америке неподдельная.

В правление Обамы стало видно, что двухпартийная система сбоит. Оппозиция президенту-демократу со стороны республиканского большинства в конгрессе превратилась в саботаж. Прежде аппараты власти с трениями и взаимными притирками, но всегда вырабатывали политический консенсус, и это гарантировало оптимальные результаты. А тут вдруг отказ за отказом. Выборный год показал, что раскол не просто глубоко политический, он — социальный и массовый.

Люди и страты не могут договориться не просто о базовых вещах — о фактах.

Параллельные опросы среди республиканцев и среди демократов принесли пугающий результат. У них не только ценности разные, но и отношение к одним и тем же фактам. В своих жизненных выборах и предпочтениях люди, голосующие за демократов, и те, кто выбирает республиканцев, исходят как бы из разных наборов фактов.

Общество поляризовано. И наэлектризовано. В огромной степени это результат новой информационной среды, где изощренная реклама и бронебойная пропаганда чего угодно сильно превосходит "объективную" информацию.

Недовольство, страхи, фобии в обществе присутствуют всегда — как минимум, в латентном виде. Тем более в таком разноликом — разнорасовом, многонациональном, много-

конфессиональном, с разным стажем пребывания на этой земле. Сегодняшняя ситуация похожа на закипающий котел. Раздолье для демагога. Трамповские экстремальные приколы пришлись ко двору. Пузырь стремительно надулся — сверх всяких ожиданий. Судя по тому, как часто и невпопад Трамп напоминает публике, что победил именно он и победил "лэндслайдом", он сам до конца не может поверить в случившееся.

В XX веке в США хватало демагогов. Хью Лонг, Маккарти, Уоллес — самые гремящие имена. Ни один из них, однако, не добрался до Белого дома. Трамп переплюнул их всех. И это правда.

Или постправда?

Оксфордский словарь назвал "постправду" Словом 2016 года, определив его как "касающийся или обозначающий обстоятельства, при которых объективные факты менее влияют на формирование общественного мнения, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям".

Правда — уже не вопрос фактов, а символ веры, проблема выбора подходящих тебе по настрою и темпераменту источников информации. Альтернативной действительности не существует, но ее можно создать.

В любой из предыдущих циклов кандидатура Трампа была бы экзотикой, оттеняющей так или иначе серьезность "настоящих" кандидатов. Нынче он смел их с ринга, как если бы это был рестлинг. Он явно превосходил соперников своей формой.

Звезда реалити-шоу, он был более доходчив, чем любой политик с опытом и стажем.

Говорит новоязом, общается твитами, то есть говорит на самом массовом языке.

Не стеснен ничем — ни идеологией, ни фактами, и потому имеет фору перед любым, более сдержанным и старомодным, конкурентом, примитивно исходящим из того, что дважды два должно быть непременно четыре.

Первый главнокомандующий, никогда не бывший ни на государственной, ни на военной службе. Ни строки в послужном списке, да и нет никакого послужного списка. И не надо. В печенках все эти государственные деятели. Надоело. Долой вашингтонскую элиту!

Зато у него раздутая харизма, которая действует как раз в низах. Он несет благовест богатства — оглушительно, пышно, роскошно. Его бренд — успех — ослепляет. Кто-то написал с удивлением: мол, богач стал выразителем интересов рабочего класса. Глупость какая!

"Если вас уволят прямо во вторник (то есть в день выборов), я хочу, чтобы вы проголосовали. Не бойтесь, я обеспечу вас новой работой". Интересно, как? Как он вернет рабочие места, потерянные в ходе технического прогресса и глобализации? Но он обещает.

Он вообще обещает отменить все огорчения и беды ("сделать снова Америку великой"). Глобальное потепление он уже отменил — во всяком случае, американское участие в Парижском соглашении по климату.

Посулы ласкают слух отчаявшихся, ругань по нраву злым. Но верят в золотое сияние — особенно те, кому меньше всего светит в этой жизни.

Внимание, господа! На пьедестале Чемпион альтернативных фактов и Герой постправды, великий победитель Дональд Трамп! Слово триумфатору!

“Я мог бы выйти на Пятую авеню и пристрелить кого-то посреди улицы, все равно мои избиратели останутся со мной”.

Тоже золотые слова!

Пришествие Трампа в Белый дом доказало, что в Америке неподдельная демократия. Оно же свидетельствует: демократия в Америке куда более уязвима, чем думали прежде. Ее тоже можно схватить за одно место, и она это позволит.

“...В каждом номере у него на кровати всегда валялось три цилиндра, две шляпы, какие носят лица духовного звания, нечто зеленое с пером, коричневый котелок, фуражка водителя такси и девять обыкновенных честных коричневых шляп”. Это “Жужжало” Уиндрип из “У нас это невозможно”.

У Трампа нет такого набора. На митингах он появлялся, как правило, в простецкой бейсболке красного цвета с надписью “Трамп” во весь лоб.

Любимое словцо Трампа, которым он клеймит преступно разоблачающую его прессу — “фейк”. Обратили внимание? Похоже на оговорку по Фрейду. Рекламный надув, из которого Трамп состоит на сто процентов, — это и есть настоящий, высшей пробы фейк.

Фейковый защитник простых людей.

Фейковый диктатор.

Фейковый решала американских проблем.

Лингвист + литератор = переводчик

С главным редактором журнала “Иностранная литература” Александром Ливергантом беседует Петр Плютто

Петр Плютто. Александр Яковлевич, давайте начнем с самого начала: выбрали ли вы профессию переводчика случайно или “мечтали о ней с детства”, “планомерно к ней готовились”?

Александр Ливергант. С детства я совершенно не мечтал о профессии переводчика. Мальчишкой я, как и все мальчишки, мечтал быть пожарником, матросом... Тем не менее переводить в школе маленькие учебные тексты с немецкого мне, в принципе, нравилось.

Ну а потом, уже после университета, мне попались собранные в сборник афоризмы Свифта, которые я перевел, сейчас уж не знаю как: хорошо или плохо, скорее второе. И здесь мне очень помог журнал “Вопросы литературы”: я им принес свой перевод, и они его напечатали. Вот с этого момента я и начал переводить, причем, как правило, лишь то, что мне было интересно; интерес всегда был важнее денег.

У меня появился круг любимых авторов. Это был Свифт (я перевел и издал потом целый том его писем) и вообще английский XVIII век: доктор Джонсон прежде всего и Босуэлл, который написал “Жизнь Сэмюэля Джонсона”, и Голдсмит, и Филдинг, и Смоллетт, и Стерн — всех этих авторов я переводил. Но не романы, а нон-фикшн — эссе, путевые очерки, дневники, памфлеты, письма.

А из авторов XIX—XX веков мне были ближе, с самого начала, Честертон, Уайльд, Шоу, Ивлин Во, Флэнн О’Брайен, Уолтер Мэнкен. У меня довольно рано проявился интерес к литературе смеха. Потом, когда я работал над диссертацией, у меня особый интерес возник к Ирландии. Я довольно много занимался ирландскими писателями, писал о них, переводил.

П. П. Возвращаясь к вопросу об истоках. Что вас все же привлекло к переводу? Возможность соприкоснуться с чужой культурой? Уйти в особый мир языковых смыслов? И что больше всего “зацепило” в переводоведении?

А. Л. Начать нужно с того, что переводоведением я никогда не занимался. Теория перевода не мое. Я ничего в ней не понимаю, и мне это глубоко не интересно.

П. П. Вы — практик.

А. Л. Да. И я убедился, что люди, которые пишут о переводе, как правило, почти не переводят или переводят неважно. Это две совершенно разные, отчасти даже несовместимые, сферы деятельности.

А к переводу меня приохотили авторы, которые мне были интересны как читателю.

П. П. То есть вы переводили то, что вам было интересно прочесть?

А. Л. Да. И со временем я стал выбирать для перевода авторов, которые бы естественно звучали по-русски. Поэтому я никогда не переводил так называемых "непереводимых авторов". Есть категория переводчиков, нередко очень искусных, которая любит переводить непереводимое, придумывать какой-то новый язык. На их взгляд, непереводимых текстов не существует.

П. П. Например?

А. Л. Ну, например, переводят же непереводимые "Поминки по Финнегану" Джойса. Или заумных французских, или американских постмодернистов, и так далее. Есть большие мастера этого дела. Мне это никогда не было интересно: я не большой любитель экспериментальной и авангардной литературы, мне как переводчику естественнее иметь дело с классическими текстами, написанными, так сказать, традиционными языковыми средствами. Мне кажется, что они у меня и получаются лучше. Поэтому большей частью я все-таки переводил классику. Если это был XX век, то, соответственно, классику XX века.

П. П. Если бы вы не стали переводчиком, хотя уже чувствовали в себе гуманитарную, филологическую жилку, кем бы вы стали? Писателем?

А. Л. Вы знаете, писать собственные книжки я ведь начал совсем недавно — литературные биографии.

П. П. И писать вам нравится?

А. Л. Очень нравится. Может быть, потому, что надоело переводить. Послушайте, когда переводишь столько лет, это, как всякое дело, приедается. Переводишь и преподаешь, я ведь много лет преподавал язык. И перейти с преподавания английского языка на семинары по литературному переводу было не так сложно. А преподавать я всегда любил. Это довольно близкие области, потому что если ты учишь английскому языку, то поневоле просишь своих учеников (если у

них не совсем уж прагматические цели) какие-то тексты переводить и обсуждать эти переводы.

П. П. К вопросу о писательском труде. Стихи вы писали когда-нибудь? По-русски или по-английски?

А. Л. Никогда не писал стихи ни по-русски, ни по-английски. И переводил стихи тоже крайне мало. И, думаю, не слишком удачно. В общей сложности у меня наберется едва ли десяток поэтических переводов. Но это была скорее "проба пера"... И опять-таки это были, в основном, стихи классические, стихи юмористические, имеющие отношение, как правило, к английскому XVIII веку.

П. П. Если вспомнить ваших родителей, как они отнеслись к вашему выбору стать переводчиком?

А. Л. Когда я начал профессионально переводить, отца уже не было в живых, а матери оставалось жить совсем недолго. Она была художницей и радовалась, что я печатаюсь в известных журналах, но ведь я тогда только-только начинал. По-моему, она видела одну, от силы две мои публикации. Я тогда преподавал в школе, и это ее не могло не огорчать, потому что она, конечно, хотела для меня лучшей участи. Таким образом, родители к моему переводческому труду "не поспели".

П. П. Но мечта вашей мамы все же сбылась: лучшая участь состоялась... Несколько слов о вашем образовании.

А. Л. Я закончил филологическое отделение школы при Академии педагогических наук. Была такая школа, прямо напротив моего дома, на другой стороне улицы...

П. П. Какой улицы?

А. Л. Студенческой, в районе Кутузовского проспекта... Потом я поступил в МГУ, на английское отделение, там написал диплом по антиутопиям Олдоса Хаксли — в советское время такая "скользкая" тема была большой удачей. После окончания меня распределили в школу при университете. Был такой — может быть, он и сейчас есть — так называемый "Колмогоровский интернат". В свое время великий русский математик Колмогоров создал несколько таких школ для талантливых детей. Они приезжали в Москву откуда-то из "медвежьих углов", талантливые ребята, забитые, скромные, тихие, и учились в этом интернате. Я их учил английскому языку. Потом я защитил диссертацию и, будучи в то время "свободным художником", стал переводить.

У меня все получилось поздно: в школе я преподавал не один-два года, а девять лет, диссертацию писал долго, переводить начал, когда мне было уже за тридцать. Сейчас начинают гораздо раньше...

П. П. Вы два раза упомянули о диссертации. О чем она была?

А. Л. Диссертация у меня была на границе литературоведения и искусствоведения, а защищался я, волею судеб, в ГИТИСе. Это была литературно-театроведческая работа, посвященная трагикомедиям ирландского драматурга Шона О'Кейси. Сейчас Шон О'Кейси уже никому не известен, да и не нужен, а тогда, в советские, коммунистические, времена с ним, коммунистом, другом СССР, носились.

П. П. Знакомая картина: "Забытые кумиры". Здесь ход истории виден воочию... Следующий вопрос про ваших учителей. Кого бы вы могли назвать вашим учителем в области перевода?

А. Л. Я ходил, примерно год, на семинар Марии Федоровны Лорие. А потом еще на один семинар к еще одной, тоже известной, переводчице, шекспироведу Марине Литвиновой. И, таким образом, надо было бы считать Лорие и Литвинову моими учителями. Но это было бы сильным преувеличением. Мне кажется, что моим учителем был скорее я сам, мой опыт. Эти же переводчицы меня, строго говоря, не учили: просто читали кое-что из моих переводов, да и ошибки исправляли далеко не всегда. Сказать, что у меня был наставник, который бы учил меня литературному переводу, как уже двадцать пять лет сам я учу студентов в Российском государственном гуманитарном университете, я не могу.

П. П. Поговорим в продолжение темы воспитания о личных качествах переводчика. Вы бы могли выделить какие-то особые человеческие и профессиональные качества, которые необходимы переводчику?

А. Л. Да. Начитанность, общая культура и, не в последнюю очередь, артистизм. Артистизм — это очень важная вещь, ведь литературный перевод может быть уподоблен, в некотором смысле, актерской игре.

П. П. Не могли бы вы это пояснить?

А. Л. Будучи литературным переводчиком, вы играете в некую игру — игру абсурдную, в сущности. Вы делаете вид, как будто бы Гёте писал по-русски, Бальзак писал по-русски, Диккенс писал по-русски... Но таких русских писателей не было! Вы измышляете нечто, чего на деле не существует. Вы надеваете некую маску — это чистый артистизм, в сущности, — и изображаете дело таким образом, как будто бы "Крошку Доррит" Диккенс написал по-русски или "Шагреневую кожу" Бальзак написал по-русски...

П. П. Ваш ответ перекликается с предыдущей частью нашей беседы: должен ли переводчик обладать писательским талантом?

А. Л. Конечно. Дело в том, что литературный переводчик — и я все время пытаюсь это внушить студентам — это своего рода кентавр. Он состоит из двух совершенно не сочетаемых частей. Когда переводчик только начинает работу над текстом, он работает с оригиналом, он держится оригинала, и тогда он — лингвист: он должен распутывать сложные вещи, связанные с чужим языком. Когда же эта работа закончена, то есть когда переводчик создал очень еще по-русски корявый, буквальный (это почти всегда синонимы) перевод, он забывает про оригинал и из лингвиста превращается в литератора: на этом этапе он обращает внимание, в основном, не на тот язык, *с которого* переводил, а на тот язык, *на который* переводил. Поэтому литературный переводчик, прежде всего и в первую очередь, должен хорошо знать свой *родной* язык, он должен быть литератором.

П. П. Александр Яковлевич, можно ли предельно кратко сформулировать сказанное вами так: литературный перевод — это высокое искусство (вы назвали это искусство артистизмом), в основе которого лежит тяжелый труд ремесленника?

А. Л. Это верно лишь до определенной степени. Я бы сказал, что это верно лишь на первом этапе. Дальше переводчик должен "взлететь", "вознестись" и стать настоящим литератором, не ремесленником. То есть он должен, конечно, "раскопать" тот текст, который переводит, должен понять его, не ошибиться в трактовке, но дальше... дальше он начинает уже работать с русским языком, в русле русской литературы и русской культуры, потому что он интегрирует иностранный текст в русскую культуру и русскую литературу. Здесь уместно отметить, что есть прекрасные авторы, которые на языке оригинала читаются превосходно, а вот в переводе, в том числе и на русский язык, читаются гораздо хуже.

П. П. Вы можете привести пример?

А. Л. Ну, скажем, тот же Гилберт Кийт Честертон гораздо лучше читается в оригинале, даже когда его переводит Наталья Трауберг, или Марк Твен, или О. Генри. Иногда переводчики добиваются высокого искусства, и тогда, скажем, Диккенс читается по-русски прекрасно, так сказать, адекватно оригиналу, Шекспир же, или Пруст, или Фолкнер далеко не всегда читаются в переводе так же хорошо, как в оригинале.

П. П. А как вы оцениваете случаи, когда перевод оказывается лучше оригинала?

А. Л. Такие случаи тоже бывают. Я, например, считаю, что перевод Николая Чуковского "Острова сокровищ" лучше, чем оригинал. Я не могу оценить на сто процентов стилистику английского текста, потому что это все-таки чужой

язык, но мне кажется, что по-русски получилось более искусно, я бы даже сказал, более увлекательно.

П. П. Чтобы подытожить эту часть нашей беседы: можете ли вы дать краткое определение, что такое литературный перевод?

А. Л. Скажу банальность: это попытка — нередко с негодными средствами — заставить иностранного автора заговорить на твоем родном языке.

П. П. Именно заставить?

А. Л. Именно заставить, потому что, как я уже сказал, автор же не писал по-русски.

П. П. Здесь подразумевается насилие?

А. Л. Да, необходимо совершить над автором некоторое насилие, потому что — мы об этом уже говорили — в действительности мы изобретаем нового писателя, некий "русско-иностранный" гибрид. Это похоже на то, как если бы вы пытались заставить человека питаться только не знакомой ему пищей: а ведь это требует некоторого усилия. Примерно та же самая история происходит и здесь. Вы ставите автора, который никогда не писал по-русски, в довольно сложные условия. Вы его (может быть, даже бессознательно) подгоняете под каких-то русских авторов... О. Генри — под раннего Чехова, например.

П. П. ...и под определенного читателя...

А. Л. ...и под определенного читателя, конечно же, тоже. Поэтому, кстати говоря, так важен переперевод, которым ныне увлекаются, а в советское время не увлекались никогда. В советское время идеология литературного перевода была иной. Она называлась "от добра добра не ищут": был хороший перевод — вот его бесконечно, снова и снова, печатали. Западная же система была совершенно иной: там (а теперь и у нас) каждое новое поколение "имеет право" на новый перевод. Существуют, скажем, десятки переводов "Мастера и Маргариты" на итальянский язык, или "Анны Карениной" — на немецкий, или "Доктора Живаго" — на английский. Часто бывает, конечно, что бóльшая часть переперевoдов никуда не годится. И все равно "переперевoдить" правильно: читатель нового поколения имеет право на "своего" Сэлинджера, Маркеса или Томаса Манна.

Кстати о Сэлинджере. Существует классический перевод "Над пропастью во ржи" Р. Райт-Ковалевой, перевод прекрасный, но он отцензурирован — зачастую самим переводчиком. Райт-Ковалева (или ее редактор) какие-то деликатные места из перевода убирала. Устраняла, например, обсценную лексику. Теперь, когда обсценная лексика в ори-

гинальных текстах современной русской литературы свободно циркулирует, возможно, требуется новый перевод романа Сэлинджера, в котором главный герой будет уже выражаться не столь изысканно, скажем так.

П. П. То есть перевод зависит от стиля эпохи, от ее эстетики?

А. Л. Да. И этики тоже. Потому что появился новый читатель, который не поверит в то, что шестнадцатилетний юнец выражается, как кисейная барышня. Но часто происходит перекос. Например, перевод Максима Немцова гораздо хуже, чем классический перевод Райт-Ковалевой, потому что там несчастный Холден Колфилд, наивный, простодушный и, в сущности, невинный подросток, выражается, как рецидивист — порой гораздо грубее, чем в оригинале.

П. П. Другая крайность.

А. Л. Другая крайность. И в переперевводах очень часто возникает эта "другая крайность".

П. П. В связи с таким поворотом беседы — вопрос: есть у переводчика — как представителя особого цеха — какие-то "заповеди"? И если "да", в чем они состоят?

А. Л. Конечно, есть. И я думаю, что главная заповедь заключается в том, чтобы найти себе автора по сердцу и "по руке", не лезть не в свое дело, так сказать, "не в *своего* автора". И хорош тот переводчик, который переводит тех авторов, которые ему даются, которые ему интересны как читателю, которые ему близки, которых он сможет без ущерба перенести в свой язык, в свою культуру. И плохи те переводчики, которые берутся за все, что придется. Вы же не читаете по-русски или по-английски все, что придется, какую-то книжку вы прочтете с удовольствием, а какую-то вообще отложите. То же самое должно быть и с выбором текста для перевода.

П. П. Можно ли пояснить сказанное вами на таком упрощенном примере: если, допустим, английскому переводчику нравится Чехов, он что, должен искать для перевода аналог Чехова на английском языке?

А. Л. Да. Это преувеличение, но преувеличение разумное. Конечно, если вам нравится Чехов, вы не найдете на английском языке именно Чехова, но вы найдете, например, Кэтрин Мэнсфилд, которая в чем-то на Чехова похожа.

П. П. Теперь, если позволите — ради разнообразия — о делах земных. Несколько слов относительно благополучия переводчика. Каково оно было в советские времена, в переходные 90-е годы и сейчас?

А. Л. В советские времена положение переводчика было гораздо лучше, стабильнее, чем сейчас. Профессия была, мо-

жет быть, не более востребована, чем теперь, но уж точно более престижна. Гонорары платили большие. Но тут нужно учесть, что в советское время и отбор переводчиков был гораздо жестче. Далеко не каждому удавалось получить в издательстве роман. Получали только проверенные, испытанные переводчики. Вот говорят: "Великая школа советского художественного перевода". Верно, но ведь она была гораздо у́же, малочисленней теперешней, гораздо меньше в ней было переводчиков. Это, конечно, осложняло дело, потому что сегодня — притом что имеется огромное число плохих переводчиков — разнообразие, многообразие переводческого цеха гораздо большее, чем в советские времена. И это, конечно, очень хорошо. Говорят, что сейчас переводят хуже, но это ерунда. Есть прекрасные молодые переводчики, которые переводят ничуть не хуже, а, может быть, даже лучше советских.

П. П. Почему они переводят лучше?

А. Л. Во-первых, доступ к интернету, во-вторых, доступ к ранее недостижимым источникам, например, к тексту Священного Писания... Вот, например, одна из лучших переводчиц с английского языка, Наталья Альбертовна Волжина превосходно перевела роман Грэма Грина "The Power and the Glory". Но она соврала в названии, потому что не поняла, что это цитата — из Нагорной проповеди. В Нагорной проповеди в русском каноническом переводе сказано: "Сила и слава". Но Волжина этого не знала и перевела "Власть и слава": у нее на столе Библии не было. Где было тогда ее взять? А сейчас любые источники доступны: в интернете есть все или почти все... Другое дело, что им нужно уметь пользоваться. Я, например, не умею и по старинке лезу в "бумажные" словари и энциклопедии.

П. П. И этот важный переход случился в 90-е годы...

А. Л. Да. В 90-е годы произошло очень много плохого и очень много хорошего.

Хорошее: появилось больше переводчиков, хороших и разных. Появилась возможность переводить ранее недоступные по цензурным или иным соображениям тексты. Появилась масса маленьких частных издательств, вертких, быстрых, динамичных, которые успевают быстро перевести книгу и издать ее.

Плохое: многие хорошие, трудные книги переводили начинающие переводчики, и переводили плохо. Очень часто переводили одну книгу — для скорости — несколько человек. В 90-е годы издательская работа над переводными книгами существенно изменилась. До нуля почти упал уровень редакторской подготовки. Маленькие издательства были динамич-

ны, были готовы издавать новые, ранее недоступные книжки, но они вынуждены были платить переводчикам мало и экономить на редакторе. До сих пор с редакторами дело обстоит очень плохо. Новое время, новое поколение издательской стратегии — если можно так сказать — не подготовило сильного редакторского штата. Сейчас переводные книжки редактируют, в лучшем случае, хорошие редакторы без языка. Такой редактор редактирует переводную книжку как русскую, "без пальца". Понятно, что значит "без пальца"?

П. П. То есть он не сверяется с оригиналом: не водит пальцем по оригиналу.

А. Л. Да, не водит пальцем по оригиналу. Это не всегда так. В нашем журнале ["Иностранная литература". — *П. П.*], например, мы стараемся все-таки править тексты, сверяясь с оригиналом.

П. П. Вопрос, который мне особо интересен, я даже пытался его в своей книжке поставить: вопрос о культурном эскапизме. Не жили ли переводчики в советские времена в некоем двойном мире: выезд за границу был невозможен, или почти невозможен, и они организовывали себе "заграницу" прямо на месте, то есть жили в чужой культуре, скажем, в английской, не выезжая из Советского Союза?

А. Л. Да, наверное, до известной степени это так и было. Это была такая своеобразная "ностальгия" по недостижимой зарубежной культуре, которая реализовывалась "на дому".

П. П. Тогда правомерен вопрос, насколько этот фактор эскапизма влиял на решение людей "уйти в перевод"? Эта сторона дела вас, например, привлекала?

А. Л. Даже не могу сказать. Я это так не рассматривал. Может быть, я не рассматривал это так потому, что мало переводил современных авторов. Я переводил старых авторов, с которыми все равно не встретишься, даже если поедешь в Англию или Францию.

П. П. Но ведь это все равно бегство от настоящего, то есть от того, что называлось советской действительностью?

А. Л. Ну да, до известной степени. Но литература — это вообще бегство от действительности. Если ты не переводишь, а пишешь свои собственные произведения, ты тоже бежишь от действительности.

П. П. Абсолютно верно. Как верно и то, что без иллюзий человек жить не может...

А. Л. Поэтому я и говорил, что переводчик, литературный переводчик — это литератор, писатель...

П. П. ...который должен обладать соответствующим талантом.

А. Л. Да... И когда его перевод прочли и говорят: "Ты знаешь, читается прекрасно. Читается так, как будто книга написана по-русски", то это — высший комплимент.

П. П. Критерий успеха найден. Ясно также, что он включает в себя много составляющих.

Следующий вопрос такой: сейчас, с вершины пройденного пути, рассматриваете ли вы перевод как основное дело своей жизни или, может быть, что-то другое сегодня вам кажется важнее?

А. Л. Нет, вы знаете, я не рассматриваю перевод как главное дело моей жизни. Я рассматриваю его, скорее, как одно из проявлений моего интереса к зарубежной культуре. В этом интересе соединилось все: перевод, преподавание языка и литературного перевода, преподавание зарубежной литературы, мои взгляды на зарубежную литературу и культуру, которые нашли свое выражение в моих статьях, предисловиях и рецензиях...

П. П. Понятно: перевод — лишь одна из граней вашего интереса к другой культуре... Тогда, если позволите, вопрос посложнее — о "духе языка". В данном случае — английского. Я постараюсь сформулировать его с помощью примера, прошу прощения за его обширность.

Пример такой. В английском языке традиционно принято определять что-либо плохое с помощью прилагательного *rotten*, *гнилой*. Плохой человек, плохой специалист, например, плохой артист, плохие вещи, события, явления — все это может быть определено с помощью *rotten*, *гнилое*. Буквально получается *гнилой человек, гнилой спектакль, гнилая работа, гнилое местечко* и так далее. Теперь представим себе Англию, со всех сторон окруженную морями, издревле страну мореходов и рыбаков. Представим себе пропахшие тиной рыболовные сети и корабли, знаменитую сырую английскую погоду, английский туман, дождь, влагу и сырость этого острова... Случайно ли слово *rotten* становится расхожим определением всего плохого? В конце концов, даже Шекспир в знаменитой строчке "Гамлета" говорит: "Something is *rotten* in the state of Denmark". В старом переводе Кронеберга эта строчка звучит так: "Нечисто что-то в Датском королевстве", но в подлиннике стоит именно *is rotten, подгнило*.

А. Л. Лозинский перевел точнее: "Подгнило что-то в датском государстве".

П. П. Да. А Пастернак перевел: "Какая-то в державе датской гниль". Вот это и есть "дух языка"? То есть этот дух уходит корнями в окружающую среду, в страну, в ее климат, в основные занятия ее населения? В сложившиеся привычки

видения и ощущения мира человеком? Так его можно почувствовать, поймать?

А. Л. Да, наверное... Я думаю, что задача хорошего переводчика, его умение заключаются как раз в том, чтобы *знать*, *чувствовать*, что́ он должен перевести точно, а где должен от точности отступить. В разговоре со студентами я часто сравниваю литературного переводчика с самолетом, который летит над землей именно на той высоте, которая в данный момент необходима: очень высоко или совсем низко...

П. П. Но кто же, в таком случае, прав в заочном споре из нашего примера: Лозинский или Кронеберг, если суммировать различные переводы цитированной строчки этими двумя именами? *Подгнило* или *нечисто*?

А. Л. Я бы сказал, что, скорее, прав Лозинский. Мне кажется, что это как раз тот случай, когда следовало бы перевести точнее. Слово *подгнило* передает гораздо точнее то, что творилось в Эльсиноре.

П. П. И оно более естественно звучит, учитывая особенности английской жизни, культуры, климата, о чем мы только что говорили?

А. Л. Да, но по-русски перевод не обязательно должен звучать естественно. Об этом писал Вальтер Беньямин: переводное произведение не должно звучать естественно, оно должно звучать непривычно для родного языка.

П. П. Отдавать английской гнилью, например?

А. Л. Да, английской гнилью. Поэтому когда читаешь переводное произведение как русское, то это, может быть, тоже не идеальный вариант. В нем должно быть что-то чужое, какая-то чужесть должна быть.

П. П. Но можно ли сказать тогда, что Николай Чуковский был не совсем прав, раз “Остров сокровищ” так гладко звучит по-русски?

А. Л. Я перевод с оригиналом не сравнивал, но, по всей видимости, этот случай относится к тому, что называется авторизованным переводом, когда переводчик стремится к тому, чтобы книжка стала совсем русской. Так было с “Алисой в Стране чудес”, которую Набоков *переложил* в русскую сказку “Аня в Стране чудес”. Так было с переводом Заходера той же “Алисы”, так было с “Винни-Пухом”, так было с кое-какими сказками Андерсена и так далее... Но обратите внимание: все это детские книжки. Детские книжки требуют иного, более свободного, раскованного подхода.

П. П. Иногда мне кажется, что перевод для детей, как бы по умолчанию, рассчитан на то, что ребенок вырастет и сможет сам, если очень захочет, прочитать любимого автора в

оригинале. Откроет для себя, например, что Стивенсон не просто писал по-английски, но и стилистика, и грамматика, и лексика его сочинений выдают в нем именно шотландца. Мне, например, до конца открылся Джим Хокинс — главный герой "Острова сокровищ" — лишь относительно недавно благодаря одной фразе, которую он употребляет: *hand to mouth, "рука у рта"* — так Джим характеризует пиратов. *Hand to mouth,* "рука ко рту", то есть они беспечные, расточительные люди, которые, условно говоря, живут, не думая о завтрашнем дне, ничего не откладывая про запас. И я вдруг ясно представил себе честного рассказчика Джима, рассудительного и прижимистого шотландского парня "себе на уме". Характер крепких шотландцев предстал передо мной выпукло. В переводе, вместе с этим народным выражением, утрачена какая-то частичка шотландского прижимистого благоразумия. Сказано лишь, что пираты "беззаботно относились к завтрашнему дню".

А. Л. Такого очень много в любом переводе, даже в самом хорошем. И, кстати, скажу парадоксальную вещь: часто бывает, что переводчик все эти "рука у рта" учел, понял, осознал, передал так, как надо, а перевод все равно не читается. Кроме точности, достоверности должно быть что-то еще, какое-то общее настроение, что ли...

П. П. Интонации?

А. Л. Если угодно, да, интонации, мелодии.

П. П. Поменяем, если не возражаете, тему. Какое время дня или, может быть, ночи является наиболее благоприятным для вашей переводческой работы?

А. Л. Утреннее время. И не только для перевода, а для любой работы вообще.

П. П. Тогда предположим — проведем такой мысленный эксперимент — вы утром, часов в девять, садитесь переводить...

А. Л. Именно, именно в девять.

П. П. ...и насколько вас хватает?

А. Л. Очень не на много. Часа на три от силы. И когда я сам пишу, то же самое: часа три-четыре, не больше. Дальше уже мозги не работают. Получается что-то вроде *rotten brains*, "подгнившие мозги", да?

П. П. Я понял. Тогда давайте перейдем к нашей заключительной части. У меня осталось, собственно, только два-три вопроса.

Первый. Назовите, пожалуйста, пять наиболее выдающихся отечественных переводчиков XX века, с вашей точки зрения.

А. Л. Это, безусловно, уже упоминавшаяся нами Мария Федоровна Лорие... Наталья Альбертовна Волжина... Николай Любимов, переводчик с французского и испанского... Переводчик с немецкого Соломон Апт... Ну а из современных переводчиков я мог бы назвать Анатолия Гелескула, Марину Бородицкую, Григория Кружкова, Наталию Мавлевич, Виктора Голышева, Елену Суриц, Михаила Рудницкого, Сергея Ильина, Бориса Дубина, Михаила Яснова, Веру Мильчину, Александра Богдановского, Ксению Старосельскую, Ольгу Седакову, Евгения Солоновича. Получилось больше, чем пять... Все они, кстати говоря, — постоянные авторы нашего журнала.

П. П. А не могли бы вы назвать трех, с вашей точки зрения, наиболее выдающихся западноевропейских переводчиков XX века, переводчиков с русского на иностранный?

А. Л. Это сложнее... Я знаю превосходного переводчика русской прозы англичанина Роберта Чандлера, он член нашего Международного совета, кстати. Кого он только не переводил — от Пушкина до Платонова. Или, скажем, американка Мариан Шварц и немка Маргарет Титце, они обе перевели "Анну Каренину".

П. П. Вопрос "на десерт". Можно ли представить себе психологический образ переводчика в терминах вроде: "повышенная эстетическая отзывчивость", "усиленная рефлексия и саморефлексия", приоритет "ценностей внутреннего мира" и так далее?

А. Л. И да, и нет. Все это может быть у переводчика, а может и не быть. Есть прекрасные переводчики, которые не отличаются повышенной эстетической рефлексией... Я знал переводчиков, не буду их называть, которым удаются поразительные достижения, победы над иностранным текстом, но которые совершенно не отличаются высоким интеллектом. Нет, это что-то другое... Точно так же мы можем сказать, например, что далеко не все великие писатели действительно умны и высоко образованны.

П. П. Ну, это известный тезис: "Человек талантлив, но не умен". О Белинском так говорили.

А. Л. И не только о Белинском... Но переводчику, помимо богатства внутреннего мира и саморефлексии, нужно еще многое другое: ему нужно знать хорошо язык, свой и чужой, свой прежде всего, ему нужно обладать каким-то особым видом вдохновения, чтобы артистически вжиться в того автора, которого он переводит... Переводчик, как и всякий человек, как и всякая личность, парадоксален. У него может многого не быть, но при этом он может прекрасно выпол-

нять свое дело. И, наоборот, природа его щедро наделила, а ему чего-то не хватает... Так очень часто бывает.

П. П. Вы упомянули “вдохновение” — хорошее слово, чтобы закончить наш разговор. Должен ли переводчик его терпеливо ждать или он должен каждый день — хотя бы с девяти до двенадцати — переводить, независимо от состояния души и тела?

А. Л. Второе предпочтительно. Только нужно иметь в виду, что очень многое из того, что он с девяти до двенадцати переведет, пойдет в мусорную корзину. Переводчик должен уметь обращаться с мусорной корзиной. Далеко не все, что он за это время сотворит, будет потом напечатано. Переводчик должен быть готов к неудаче. Он должен — как это говорится? — “не любить себя в искусстве”.

П. П. Как и всякий литератор.

А. Л. Как и всякий литератор.

Содержание журнала *Иностранная литература* за 2017 год [1–12]

Специальные номера

В Бразилию, к далеким берегам! [10]
Разноэтажная Америка [7]
Россия во мгле. 100 лет Октябрьской революции [11]
40 лет без Набокова [6]
Хор из одного человека. К 100-летию Энтони Бёрджесса [2]

Романы, повести, рассказы, пьесы

Амейко Лидия — *Фарраго*. Пьеса. Перевод с польского Анастасии Векшиной [12]

Андради Мариу ди — *Макунаима, герой, у которого нет никакого характера*. Роман. Перевод с португальского Владимира Култыгина [10]

Берлин Лусия — *Рассказы*. Перевод с английского и вступление Светланы Силаковой [7]

Бёрджесс Энтони — *Встреча в Вальядолиде*. Рассказ. Перевод с английского Александра Авербуха [2]

Бёрджесс Энтони — *Право на ответ*. Роман. Перевод с английского Елены Калявиной [2, 3]

Блие Бертран — *Я иду по ковру…* Пьеса. Перевод с французского и вступление Нины Хотинской [9]

Вериссиму Луис Фернанду — *Рассказы*. Перевод с португальского Ольги Дзюбы, Галины Матвеевой [10]

Вишнек Матей — *Торговец зачинами романов*. Роман-калейдоскоп. Перевод с румынского и вступление Анастасии Старостиной [1]

Джонсон Адам — *Повести*. Перевод с английского Александра Авербуха [7]

Ковелер Дидье ван — *Свидетели невесты*. Роман. Перевод с французского Юлии Рац [12]

Малапарте Курцио — *Четыре рассказа*. Перевод с итальянского Геннадия Федорова [1]

Мушинский Анджей — *Пагубное*. Повесть. Перевод с польского Ольги Лободзинской [5]

Мэмет Дэвид — *Романс*. Пьеса. Перевод с английского В. Голышева [3]

Престон Алекс — *Три рассказа*. Перевод с английского Юлии Серебренниковой [5]

Ривера Летельер Эрнан — *Гимн ангела с поджатой ногой*. Роман. Перевод с испанского Дарьи Синицыной [8]

Росеро Эвелио — *Война*. Роман. Перевод с испанского Ольги Кулагиной [4]

Скляр Моасир — *Эдем-Бразилия*. Роман. Перевод с португальского ЕкатериныХованович [10]

Слонёвская Жанна — *Дом с витражом*. Роман. Перевод с польского Мадины Алексеевой [9]

Современный японский рассказ. Составление, перевод и вступление Елены Байбиковой [5]

Хелле Хелле — *Примеры из жизни*. Рассказы. Перевод с датского и вступление Натальи Кларк [3]

Kilroy was here. Круглогодичный календарь Ханса Магнуса Энценсбергера. Отдельные листки. Перевод с немецкого и вступление Н. Васильевой [1]

В малом жанре

Дарваши Ласло — *Рассказы*. Перевод с венгерского Максима Леонова [4]

Дэвис Лидия — *Рассказы*. Перевод с английского Е. Суриц [4]

Марчетич Милован — *Рассказы*. Перевод с сербского Василия Соколова [4]

Цэрэнтулгын Тумэнбаяр — *Шаманка*. Рассказ. Перевод с монгольского С. Эрдэмбилэга [4]

Цю Хуадун — *Халат с драконами*. Рассказ. Перевод с китайского Алины Перловой [4]

Два юбилея

Бёлль Генрих — *Монах и разбойник*. Радиопьеса. Перевод с немецкого Анны Кукес [12]

Бёлль Генрих — *Генерал стоял на холме…* Рассказ. Перевод с немецкого Анны Кукес [12]

Бёлль Генрих — *Ночь любви*. Рассказ. Перевод с немецкого Анны Кукес [12]

Из классики XX века

Пиранделло Луиджи — *Ловушка*. Развязка в одном действии. Перевод с итальянского Александра Сергиевского [5]

Литературное наследие

Дюжарден Эдуар — *Лавры срезаны*. Роман. Перевод с французского Даниила Лебедева [3]

Ничего смешного

Леверсон Ада — *Полное собрание пародий на Оскара Уайльда*. Перевод с английского и вступление Михаила Матвеева[8]

Паркер Дороти — *Три рассказа*. Перевод с английского Александра Авербуха[7]

Топор Ролан — *Рассказы из сборника “Кафе ‘Паника’”*. Перевод с французского Софии Спиридоновой [4]

Стихи

Из португальской поэзии XX–XXI веков: традиция и поиск. Перевод и вступление Ирины Фещенко-Скворцовой [4]

Из современной китайской поэзии. Перевод и вступительная статья Юлии Дрейзис [12]

Из современной поэзии. Карлиту Азеведу, Флавиу ди Кастру, Фернанду Фабиу Фьорези Фуртаду, Маурисиу Арруда Мендонса, Кайю Мейра, Эуканаан Феррас, Анна Мартинс Маркис. Переводы с португальского Екатерины Хованович, Ирины Фещенко-Скворцовой [10]

Из современной швейцарской поэзии. Перевод с немецкого Марины Науйокс [1]

Мёртон Томас — *Стихи*. Перевод с английского и вступление Анны Курт [7]

Мицнер Петр — *Стихи из разных книг*. Перевод с польского Игоря Белова [8]

Павлович Миодраг — *Стихи*. Перевод с сербского и вступление Вячеслава Куприянова [9]

Словенские поэты в Триесте:Марко Кравос и Мирослав Кошута. Перевод со словенского и вступление Жанны Перковской [3]

Вглубь стихотворения

Мельников Николай — *"Причудливый гибрид" Владимира Набокова* [6]

Набоков Владимир — *The Ballad of Longwood Glen*. Переводы Марины Бородицкой, Алексея Круглова, Марии Фаликман [6]

Два юбилея

Грасс Гюнтер — *Стихи*. Перевод с немецкого Бориса Хлебникова [12]

Из классики XX века

"И высший смысл в безумии самом..." Стихи Мариу Кинтаны, Мануэла Бандейры, Сесилии Мейрелис, Карлуса Друмона ди Андради. Перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой [10]

Литературное наследие

Бразильский "Парнас". Стихи Раймунду Коррейа, Олаву Билака, Алберту ди Оливейры, Жоана Круза-и-Соузы. Перевод с португальского и вступление Ирины Поляковой [10]

Литературный гид. К 110-летию Уистена Хью Одена

Стихи

Оден Уистен Хью — Переводы с английского Григория Кружкова, Яна Пробштейна, Анны Курт [1]

Переперевод

Арань Янош — *Валлийские барды.* Баллада. Перевод с венгерского, вступление и послесловие Юрия Гусева [12]

Верлен Поль — *"Все остальное в пределах текста".* Перевод с французского и вступление Михаила Яснова [4]

Донн Джон — *Три элегии.* Перевод с английского Марины Тарлинской [9]

Трибуна переводчика

"Из разных авторов и языков". Стихи. Перевод и вступление Алексея Цветкова [5]

Юбилей

Эшбери Джон — *Стихи.* Перевод с английского Яна Пробштейна, Антона Нестерова. Вступление Яна Пробштейна [7]

Carte blanche

Грушко Павел — *Мой кубинский ларь* [5]

Документалистика

Два юбилея

Грасс Гюнтер — *Когда хоронили Бёлля.* Перевод с немецкого Бориса Хлебникова [12]

Документальная проза

Бёрджесс Энтони — *Твое время прошло.* Фрагмент автобиографии. Перевод с английского Валерии Бернацкой [2]

Вендзягольский Кароль — *Воспоминания.* Фрагменты. Перевод с польского, вступление и комментарий К. Старосельской [11]

Гайда Радола — *Воспоминания.* Фрагменты. Перевод с чешского Елены Тепляшиной [11]

Двингер Эдвин Эрих — *Между белым и красным.* Фрагменты книги. Перевод с немецкого, вступление и комментарии Анны Кукес [11]

Дюдан Камиль — *Очерки из книги "Красная Россия".* Перевод с французского Ксении Жолудевой [11]

Клемперер Виктор — *И вот я сижу между всеми стульями.* Дневники 1945—1949. Перевод с немецкого и вступление Дарьи Андреевой [9]

Кросли Полин — *Революция большевиков.* Из книги "Письма из Петрограда". Перевод с английского Александра Авербуха [11]

Три репортажа с места событий. Составление, перевод со шведского и вступление Елены Даль [11]

Фальковский Илья — *Володя, Вася и другие. Истории старых китайских интеллигентов, рассказанные ими самими.* Отрывки из будущей книги [8]

Чавес Ногалес — *Маэстро Хуан Мартинес, который там побывал.*

Мануэль — Фрагменты книги. Вступление Андреса Трапиельо. Перевод с испанского Ольги Кулагиной [11]

Шнайдерман Борис — *Страх и Ненависть.* Главы из книги *Война под сурдинку.* Перевод с португальского Леи Любомирской. Вступление Елены Васиной [10]

Из будущей книги

Ливергант Александр — *Вирджиния Вулф. Моменты бытия.* Фрагменты биографии [8]

Ничего смешного

Данциг Шарль — *Эгоистическая энциклопедия всего и ничего.* Очерки, рассуждения, размышления. Перевод с французского и вступление Ирины Волевич [5]

Писатель, пришедший с холода

Ле Карре Джон — *Гвоздь в сердце, или Напоследок – о боли и были.* Перевод с английского и послесловие Т. Казавчинской [8]

Писатель путешествует

Осипов Максим — *Свента* [8]

Рансмайр Кристоф — *Атлас робкого человека.* Фрагменты книги. Перевод с немецкого Н. Федоровой [3]

Хаи Яношш — *Indian Time and My Father. Убежище, или Остров скуки: Швейцария.* Очерки. Перевод с венгерского Юрия Гусева [4]

Шарый Андрей — *Балканы. Очерки об окраинах империи.* Фрагменты книги [8]

“Я к вам пишу...”

“Свою душу я Вам не раскрою...” Из эпистолярного наследия Владимира Набокова. Перевод Александра Ливерганта. Комментарии Николая Мельникова [6]

№

Бойл Роберт — *В поисках лесных нимф.* Перевод с английского Валерия Минушина [6]

Колмен Джон — *Набоков.* Перевод с английского Николая Мельникова [6]

Краснахоркаи Ласло — *Мир идет.* Фрагменты книги. Перевод с венгерского Вячеслава Середы. Вступление Ольги Серебряной [5]

Престон Ричард — *Война с вирусом Эбола. Как геномические исследования помогают сдержать распространение эпидемии.* Перевод с английского Александра Авербуха [4]

Публицистика

Босса-нова

Иващенко Алексей — *“Вдоль по тропинке прибрежной…”* [10]

В устье Гудзона с Алексеем Цветковым

Четыре эссе: Внутри сингулярности. Обама в Хиросиме. Сотворение кумира. Комплекс Макропулоса [7]

Два юбилея

Бёлль Генрих — *О Чехове.* Эссе. Перевод с немецкого Анны Кукес [12]

Бёлль Генрих — *Речь на открытии Европейского центра переводчиков в Штралене, 24 апреля 1985.* Перевод с немецкого Анны Кукес [12]

Бёлль Генрих — *Сколько терроризма можно спрятать под одним кусочком сахара.* Эссе. Перевод с немецкого Анны Кукес [12]

Гюнтер Грасс и Генрих Бёлль [12]

Хлебников Борис — *Неделимость творчества* [12]

Литературное наследие

Мельников Николай — *Писатель, которого обокрал Джеймс Джойс* [3]

Литературный гид. К 110-летию Уистена Хью Одена

Интервью

Оден Уистен Хью — *“Поэт должен поддерживать священную природу языка…”* Интервью Майклу Ньюмену. Перевод с английского Анны Курт [1]

Писатель в зеркале критики

Боган Луиза — *Рецензия на сборник “Избранные стихотворения”.* Перевод с английского Анны Курт [1]

Бейли Джон — *Алкионовы построения.* Перевод с английского Яна Пробштейна [1]

Ларкин Филип — *Что стало с Уистеном?* Перевод с английского Анны Курт [1]

Л<ивис> Ф<рэнк> Р<эймонд> — *Рецензия на сборник “Иные времена”.* Перевод с английского Яна Пробштейна [1]

Спендер Стивен — *Заметки о поэзии Одена.* Перевод с английского Анны Курт [1]

Уилсон Эдмунд — *У. Х. Оден в Америке.* Перевод с английского Анны Курт [1]

Среди книг с У. Х. Оденом

Оден Уистен Хью — *Осознание реальности.* Рецензия на "Дневники" Вирджинии Вулф. Перевод с английского Анны Курт [1]

Статьи, эссе

Оден Уистен Хью — *Поглощение и изобилие. О поэзии, поэтах и вкусах. О словах и о слове. Постскриптум: христианство и искусство.* Перевод с английского Анны Курт, Елены Рубиновой [1]

Пробштейн Ян — *Парадоксы Одена* [1]

Наши интервью

Лингвист + литератор = переводчик. С главным редактором журнала "Иностранная литература" Александром Ливергантом беседует Петр Плютто [12]

Нобелевская премия

Кузищев Михаил — *Музыкальный динамит Боба Дилана.* Об искусстве выбирать поэтические выражения [1]

Писатель, пришедший с холода

Ефимова Марина — *"Восхитительная смесь откровенности и скрытности".* О книге Адама Сисмэна *Биография Джона Ле Карре* [8]

Письма из-за рубежа

Смирнова-Энрикес Анна — *Письма из Солнечного города* [10]

40 лет без Набокова

Вспоминая Набокова

Аппель Альфред — *Вспоминая Набокова.* Перевод с английского Валерия Минушина [6]

Интервью с Виктором Ланге Эмери Джорджа. Перевод с английского Оксаны Кириченко [6]

Онгаро Альберто — *"Набоков оставил мне свои записи". Воспоминание об одном разговоре с Набоковым на тему Как изменилась любовь.* Перевод с итальянского Ксении Жолудевой [6]

Интервью

Владимир Набоков и Лайонел Триллинг обсуждают "Лолиту" с Пьером Бёртоном. Расшифровка и перевод с английского Анны Курт [6]

"Исследуя закоулки сознания". Интервью Бёрджеса Джону Каллинэну. Перевод с английского Светланы Силаковой [3]

Набоков Владимир — *Деспот в своем мире. Интервью Дитеру Циммеру.* Перевод с немецкого Дарьи Андреевой [6]

Писатель в зеркале критики

“Машенька” (1926)

Дебенедетти Антонио — *“Машенька” Владимира Набокова.* Перевод с итальянского Ксении Жолудевой [6]

Тиндэл Джиллиан — *Вечное прошлое.* Перевод с английского Алексея Круглова [6]

“Король, дама, валет” (1928)

Больоло Джованни — *Ранний Набоков и шахматы любви.* Перевод с итальянского Ксении Жолудевой [6]

Гасс Уильям — *Зеркало, зеркало.* Перевод с английского Виктора Голышева [6]

Тьюб Генри — *Преодоление границ.* Перевод с английского Валерия Минушина [6]

Форрестер Вивиан — *Блестящее произведение молодости.* Перевод с французского Нины Хотинской [6]

“Защита Лужина” (1929)

Апдайк Джон — *Гроссмейстер Набоков.* Перевод с английского Оксаны Кириченко [6]

Брэдбери Малькольм — *Гроссмейстер.* Перевод с английского Оксаны Кириченко [6]

Кермоуд Фрэнк — *Неотвязное видение шахмат.* Перевод с английского Валерия Минушина [6]

Кремер-Бадони Рудольф — Перевод с немецкого Дарьи Андреевой [6]

Хэмпшир Стюарт — *Среди дикарей.* Перевод с английского Оксаны Кириченко [6]

“Подвиг” (1932)

Вирзинг Сибилла — *Неутомимый бездельник.* Перевод с немецкого Дарьи Андреевой [6]

Калишер Гортензия — *Трюки молодого волшебника.* Перевод с английского Валерии Бернацкой [6]

Камера обскура” (“Смех во тьме”) (1933)

Мёртон Томас — *Реализм и авантюра.* Перевод с английского Анны Курт [6]

Фелпс Роберт — *Прото-“Лолита”.* Перевод с английского Валерия Минушина [6]

Циммер Дитер Э. — *Ранний Набоков. В слепоту на помочах.* Перевод с немецкого Дарьи Андреевой [6]

“Отчаяние” (1934)

Андерсон Квентин — *Набоков во времени.* Перевод с английского Оксаны Кириченко [6]

Арлан Марсель — Перевод с французского Нины Хотинской [6]

Горлье Клаудио — *Набоков: игра и пародия.* Перевод с итальянского Ксении Жолудевой [6]

Дебенедетти Антонио *Набоков в Берлине.* Перевод с итальянского Ксении Жолудевой [6]

Хингли Рональд *Набоков как Набоков.* Перевод с английского Аллы Резниковой [6]

“Приглашение на казнь” (1936)

Воман Габриела *Приглашение к чтению.* Перевод с немецкого Дарьи Андреевой [6]

Уэйн Джон *“Казнь” Набокова.* Перевод с английского Оксаны Кириченко [6]

Уэбб Уильям *Приглашение на пляску смерти.* Перевод с английского Николая Мельникова [6]

“Дар” (1937)

Костелянец Ричард Перевод с английского Николая Мельникова [6]

Миша Рене Перевод с французского Нины Хотинской [6]

Спендер Стивен *Истина поэта – сотворенная и уничтоженная.* Перевод с английского Николая Мельникова [6]

Хатченс Джон *Роман – но также и мемуары.* Перевод с английского Валерия Минушина [6]

“Весна в Фиальте” (1956)

Ленц Зигфрид *Нереальные люди.* Перевод с немецкого Дарьи Андреевой [6]

“Волшебник” (1986)

д’Амико Мазолино *Еще когда Лолита гуляла в парижских садах...* Перевод с итальянского Ксении Жолудевой [6]

Уайт Эдмунд *Представьте себе Лолиту тупицей.* Перевод с английского Натальи Тагер [6]

Среди книг с Владимиром Набоковым

Хрусталь и рубин. Перевод с английского Алексея Круглова [6]

Пристанище для духоборов. Перевод с английского Николая Мельникова [6]

Статьи, эссе

Мельников Николай *“В одуряюще сложной перспективе памяти...”* [6]

Статьи, эссе

Ефимова Марина *История самого знаменитого издательства США* [7]

Ефимова Марина *Нарциссизм в личной жизни* [9]

Константинова Наталия *Неделя продолжает жить* [10]

Мелихов Александр *Западные приски* [11]

Мельников Николай *В тени “Заводного апельсина”* [2]

Пумпянский Александр *Альтернативная история Дональда Трампа* [12]

Теодору Рафаэл *Общество неграмотных: быть умным для подростка становится преступлением.* Перевод с португальского Максима Тютюнникова [10]

Хёрстон Зора Нил *Каково это – чувствовать себя цветной?* Перевод с английского и вступление Ирины Морозовой [7]

Трибуна переводчика

Сонтаг Сьюзен *Мир как Индия.* Перевод с английского В. Голышева [7]

Футбол

Ильинский Владимир *Футбол как искусство* [10]

Хор из одного человека. К 100-летию Энтони Бёрджеса

Писатель в зеркале критики

Акройд Питер *Какофония.* Перевод с английского Николая Мельникова [2]

Бруайар Анатоль *Троекратный конец невинности.* Перевод с английского Николая Мельникова [2]

Видал Гор *Почему я на восемь лет моложе Энтони Бёрджесса.* Перевод с английского Валерии Бернацкой [2]

Теру Пол *Шедевр Бёрджесса.* Перевод с английского Николая Мельникова [2]

Хикс Грэнвилл *Изобильный мир Энтони Бёрджесса.* Перевод с английского Николая Мельникова [2]

Эмис Мартин *Бёрджесс в наилучшем виде.* Перевод с английского Николая Мельникова [2]

Среди книг с Энтони Бёрджессом

Дурные сны Уильяма Берроуза. Перевод с английского Анны Курт [2]

Козлиный мессия. Перевод с английского Анны Курт [2]

Произносится Vla-DEEM-ear Nah-BOAK-off. Перевод с английского Анны Курт [2]

Статьи, эссе

Бёрджесс Энтони *Успех. Британский характер.* Перевод с английского В. Голышева. *Джеймс Джойс: пятьдесят лет спустя.* Перевод с английского Анны Курт [2]

БиблиофИЛ

Информация к размышлению. Non-fiction с Алексеем Михеевым [3, 5, 9]

Новые книги Нового Света с Мариной Ефимовой [4, 7]

По материалам зарубежной прессы. Подготовила Карлотта Яквинта [5]

Среди книг с Александром Ливергантом [7]

Среди книг с Булатом Вафиным, Жанной Перковской и Алиной Поповой [8]
Среди книг с Еленой Огневой [10]

Библиография

Алфавитный указатель авторов журнала "Иностранная литература" за 2017 год [12]
Американская литература на страницах ИЛ [7]
годы не указываются?
Бразильская литература на страницах "ИЛ" [10]
Набоков и о Набокове на страницах "ИЛ" [№ 6]
Содержание журнала "Иностранная литература" за 2017 год [12]

Анкета-2017

Итоги 2014–2016 гг. Наш конкурс [9]

Авторы номера [1–5, 7–12]

Переводчики номера [6]

Алфавитный указатель авторов журнала *Иностранная литература* за 2017 год [1—12]

Азеведу К. [10]
Акройд П. [2]
Алегре М. [4]
Амейко Л. [12]
Андерсон К. [6]
Андради М. ди [10]
Андреева Д. [9]
Апдайк Дж. [6]
Аппель А. [6]
Арань Я. [12]
Арлан М. [6]
Байбикова Е. [5]
Бандейра М. [10]
Бейли Дж. [1]
Берлин Л. [7]
Бёлль Г. [12]
Бёрджесс Э. [2]
Бёртон П. [6]
Билак О. [10]
Блие Б. [9]
Боган Л. [1]
Бойл Р. [6]
Больоло Дж. [6]
Брехбюль Б. [1]
Бруайар А. [2]
Брэдбери М. [6]
Вайбель Й. [1]
Васильева Н. [1]
Васина Е. [10]
Вафин Б. [8]
Вендзягольский К. [11]
Вериссиму Л. Ф. [10]
Верлен П. [4]
Видал Г. [2]
Вирзинг С. [6]
Вишнек М. [1]
Волевич И. [5]
Воман Г. [6]
Гайда Р. [11]
Гайзер К. [1]
Гасс У. [6]
Геерк Ф. [1]
Гомрингер О. [1]
Горлье К. [6]
Грасс Г. [12]
Грушко П. [5]
Гусев Ю. [12]
Даль Е. [11]
д'Амико М. [6]
Данциг Ш. [5]
Дарваши Л. [4]
Двингер Э. Э. [11]
Дебенедетти А. [6]
Джонсон А. [7]
Джордж Э. [6]
Дзин К. [5]
Донн Дж. [9]
Дрейзис Ю. [12]
Друмон Андради К. ди [10]
Дутли Р. [1]
Дэвис Л. [4]
Дюдан К. [11]
Дюжарден Э. [3]
Ефимова М. [4, 7, 8, 9]
Иващенко А. [10]
Ильинский В. [10]
Каваками М. [5]
Казавчинская Т. [8]
Калишер Г. [6]
Каллинэн Дж. [2]
Кастру Ф. ди [10]
Кауфманн У. [1]
Кермоуд Ф. [6]
Кинтана М. [10]
Кларк Н. [3]
Клемперер В. [9]
Ковелер Д. ван [12]
Колмен Дж. [6]
Константинова Н. [10]
Коррейа Р. [10]
Костелянец Р. [6]
Кошута М. [3]
Кравос М. [3]
Краснахоркаи Л. [5]
Кремер-Бадони Р. [6]
Кросли П. [11]
Круз-и-Соуза Ж. [10]
Кузищев М. [1]
Кукес А. [11]
Куприянов В. [9]
Курт А. [6, 7]
Ланге В. [6]
Ларкин Ф. [1]
Леверсон А. [8]
Ле Карре Дж. [8]
Ленц З. [6]
Ливергант А. [7, 8]
Л<ивис> Ф. Р. [1]

Малапарте К. [1]
МартинсМаркис А. [10]
Марчетич М. [4]
Матвеев М. [8]
Мейра К. [10]
Мейрелис С. [10]
Мелихов А. [11]
Мелу Брейнер М. де [4]
Мельников Н. [1, 2, 3, 6]
Мендонса Арруда М. [10]
Мёртон Т. [6, 7]
Михеев А. [3, 5, 9]
Мицнер П. [8]
Миша Р. [6]
Морозова И. [7]
Мушинский А. [5]
Мэмет Д. [3]
Набоков В. [6]
Нету Жорж Л. [4]
Нисидзаки К. [5]
Ньюмен М. [1]
Огнева Е. [10]
Оден У. Х.[1]
Оливейра А. ди [10]
Онгаро А. [6]
Осипов Максим [8]
Павлович М. [9]
Паркер Д. [7]
Перковская Ж. [3, 8]
Пиранделло Л. [5]
Полякова И. [10]
Попова А. [8]
Престон А. [5]
Престон Р. [4]
Пробштейн Ян [1, 7]
Пумпянский А. [12]
Раджич Д. [1]
Ракуза И. [1]
Рансмайр К. [3]
Режиу Ж. [4]
Ривера Летельер Э. [8]
Росеро Э. [4]
Серебряная О. [5]
Си Чуань [12]
Силакова С. [7]
Скляр М. [10]
Слонёвская Ж. [9]
Смирнова А. [10]
Сонтаг С. [7]
Спендер С. [1, 6]
Старосельская К. [11]
Старостина А. [1]
Сюаньюнь Шикэ [12]
Теодору Р. [10]
Теру П. [2]
Тиндэл Дж. [6]
Топор Р. [4]
Трапиельо А. [11]
Триллинг Л. [6]
Тьюб Г. [6]
Уайт Э. [6]
Уилсон Э. [1]
Уэбб У. [6]
Уэйн Дж. [6]
Фальковский И. [8]
Фариа Д. [4]
Фелпс Р. [6]
Феррас Э. [10]
Фещенко-Скворцова И. [4]
Форрестер В. [6]
Фрингели Д. [1]
Фудзино К. [5]
Фуртаду Фернанду Фабиу Фьорези [10]
Хаи Я. [4]
Хамбургер М. [1]
Хань Дун [12]
Хатченс Дж. [6]
Хелле Х. [3]
Хёрстон З. Н. [7]
Хикс Г. [2]
Хингли Р. [6]
Хлебников Б. [12]
Хотинская Н. [9]
Хэмпшир С. [6]
Цветков А. [5, 7]
Циммер Д. [6]
Цэрэнтулгын Тумэнбаяр [4]
Цю Хуадун [4]
Чавес Ногалес М. [11]
Чжен Сяоцюн [12]
Шарый А. [8]
Шертенляйб Х. [1]
Шнайдерман Б. [10]
Эмис М. [2]
Энценсбергер Х. М. [1]
Эшбери Дж. [7]
Яквинта К. [5]
Яснов М. [4]

Дидье Ван Ковелер
Didier van Cauwelaert
[р. 1960]. Французский писатель, критик, сценарист, лауреат многих литературных премий, в том числе Гонкуровской [1994].

Автор романов *Двадцать лет и еще немного* [*Vingt ans et des poussières*, 1982], *Рыба – любовь* [*Poisson d'amour*, 1984], *Каникулы призрака* [*Les vacances du fantôme*, 1986], *Горький апельсин* [*L'orange amère*, 1988], *Условно освобожденная* [*La Demi-prisonnière*, 1999; рус. перев. 2006], *Явление* [*L'Apparition*, 2001; рус. перев. 2005], *Приемный отец* [*Le Père adopté*, 2007], *Тома Дримм* [*Thomas Drimm*, 2009; для мобильника], *Женщина наших жизней* [*La femme de nos vies*, 2013] и др., пьес *Астроном* [*L'Astronome*, 1983], *Свадьбы на песке* [*Noces de sable*, 1995] и др. В *ИЛ* опубликованы его романы *Путь в один конец* [1996, № 3] и *Запредельная жизнь* [2000, № 2], а также документальная проза *Клонировать Христа?* [2007, № 10].
Перевод романа *Свидетели невесты* выполнен по изданию [*Les témoins de la mariée*. Albin Michel, 2010].

Юлия Александровна Дрейзис
Переводчик с китайского, кандидат филологических наук, сотрудник Института языкознания РАН, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Лауреат поэтической премии журнала *Poetry East West* [*DJS Art Foundation*] и премии *Вдумчиво всматриваемся в Китай* в номинации *Современная литература* [2016].

Автор проекта *стихо(т)ворье* — сайта, целиком посвященного китайской поэзии последних тридцати лет [https://versevagrant.com/]. Стихи в ее переводе, а также статьи по проблемам языка современной китайской поэзии и авангардной прозы печатались в журналах *Вопросы литературы*, *Критика и семиотика*, *Культура и цивилизация*, *Транслит*, *Эмигрантская лира*, а также в сборнике *Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние*. В *ИЛ* публикуется впервые.

Лидия Амейко
Lidia Amejko
Польский драматург и прозаик.

Автор многочисленных пьес для радио и театра, самая известная из которых — *Фарраго*, сборника рассказов *Громкие истории* [*Głośne historie*, 2003] и романа *Жития святых нашего района* [*Żywoty świętych osiedlowych*, 2007], получившего несколько литературных премий. Ее произведения переведены на многие европейские языки, спектакли по ним ставились в Польше, Германии, Австрии и Великобритании.
Публикуемая пьеса печатается по изданию *Farrago* [*Dialog*, 1997, № 9].

Янош Арань
Arany János
[1817–1882]. Венгерский поэт-классик. Сек-

Автор сатирической поэмы *Утраченная конституция* [*Az elveszett alkotmány*, 1849], эпической поэмы в трех частях *Толди* [*Toldi*, 1847], *Вечер Толди* [*Toldi estéje*, 1854] и *Любовь Толди* [*Toldi szerelme*,

ретарь Венгерской академии наук [1865–1879]. Лауреат премии Общества Кишфалуди [1846, 1847], академической премии Надаши [1879].

1879], исторической поэмы *Смерть Буды* [*Buda halála*, 1863] и др., баллад, лирических стихотворений. Переводил Шекспира, Аристофана, *Шинель* Гоголя и др. На русском языке вышли его книги *Избранное* [1960] и *Баллады* [1962], а также стихи печатались во многих антологиях.
Баллада *Валлийские барды* переведена по изданию *Hét évszázad magyar versei*, II, k. [Magyar Helikon Bp, 1966].

Юрий Павлович Гусев [р. 1939]. Литературовед, переводчик с венгерского, доктор филологических наук. Лауреат премии Тибора Дёри [1997], международной литературной премии *Памятный меч Балинта Балашши* [2008], премии *Инолит* [2011], премии Милана Фюшта [2011], кавалер ордена *Золотой Почетный Крест* Венгерской Республики [2009].

Переводил Л. Немета, М. Сабо, Д. Конрада, И. Кертеса, Я. Хаи, П. Фаркаши, Ш. Мараи, М. Корниша, Л. Дарваши, Л. Краснахоркаи, С. Эрдега, Д. Ийеша, Д. Драгомана, И. Силади, Д. Петри, И. Оравца, Б. Балашши, Ф. Кёльчеи, Л. Сабо и др. Неоднократно публиковался в *ИЛ*.

Генрих Бёлль Heinrich Böll [1917–1985]. Немецкий писатель. Лауреат Нобелевской премии [1972].

Автор романов *Где ты был, Адам?* [*Wo warst du, Adam?* 1951; рус. перев. 1961], *И не сказал ни единого слова* [*Und sagte kein einziges Wort*, 1953; рус. перев. 1958], *Бильярд в половине десятого* [*Billard um 1/2 10*, 1959; рус. перев. 1961] и др., повестей *Хлеб ранних лет* [*Das Brot der frühen Jahre*, 1955; рус. перев. 1959], *Ирландский дневник* [*Irisches Tagebuch*, 1957] и др., рассказов, радиопьес, публицистических статей. В *ИЛ* были опубликованы его романы *Глазами клоуна* [1964, № 3], *Под конвоем заботы* [1988, № 11, 12], повести *Чем кончилась одна командировка* [1966, № 11, 12], *Завет* [2001, № 1], текст выступления *Письмо моим сыновьям, или Четыре велосипеда* [1985, № 12].
Перевод радиопьесы *Монах и разбойник* выполнен по изданию [*Mönch und Räuber*. Köln-Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1976], рассказы *Генерал стоял на холме...* [*Der General stand auf einem Hügel*] и *Ночь любви* [*Der Nacht der Liebe*. 1995] взяты из сборника *Военные рассказы* [*Erzählungen aus dem Krieg*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1994, 1995], эссе *О Чехове* [*Über Čechov*] и *Сколько терроризма можно спрятать под одним кусочком сахара.* [*Wieviel Terrorismus man hinter einem Zuckerstueckchen verbergen kann*] и *Речь на открытии Европейского центра переводчиков в Штралене* [*Eroeffnungsrede fuer das Europaische Uebersetzerkollegium in Straelen*] взяты из сборника *Способность печалить-*

ся. Сочинения и речи 1983–1985 [*Die Fahigkeit zu trauern. Schriften und Reden 1983–1985*. Lamuv Verleg, Kiepenheuer & Witsch, 1986].

Гюнтер Грасс
Günter Grass
[р. 1927]. Немецкий писатель. Лауреат Нобелевской премии [1999], литературной премии Георга Бюхнера.

Автор романов *Жестяной барабан* [*Die Blechtrommel*, 1959; рус. перев. *ИЛ*, 1995, № 11; книга первая], *Собачьи годы* [*Hundejahre*, 1963; рус. перев. *ИЛ*, 1996, № 5–7], *Из дневника улитки* [*Aus dem Tagebuch einer Schnecke*, 1972], *Крысиха* [*Die Rättin*, 1986] и др.; книги путевых очерков *Гомункулы* [*Kopfgeburten*, 1980]. В *ИЛ* напечатаны повести Г. Грасса *Кошка и мышь* [1968, № 5] и *Встреча в Тельгте* [1983, № 5], стихи [1983, № 10; 1988, № 4], фрагменты книги *Мое столетие* [2000, № 1], новелла *Траектория краба* [2002, № 10], главы из книги *Луковица памяти* [2008, № 3], фрагмент книги *О бренности* [2016, № 3] и др.
Публикуемые стихи взяты из сборника *Поденки. Стихи по случаю* [*Eintagsfliegen. Gelegentliche Gedichte.* Gottingen: Steidl Verlag, 2012], эссе — из еженедельника [*Die Zeit*, март 2009].

Борис Николаевич Хлебников
[р. 1943]. Переводчик с немецкого, французского и английского языков, журналист, публицист. Лауреат премии *Инолит* [2003], премии имени Жуковского [2006].

В его переводе публиковались немецкие народные песни и баллады, песни Ж. Брассанса, стихи У. Дж. Смита и Р. Фроста. В *ИЛ* напечатаны его переводы стихов Х. Вадера [1985, № 6], Э. Фрида [1987, № 10], Г. Грасса [1983, № 10; 1988, № 4], повести *Чужой друг* К. Хайна [1987, № 1], романов *Книга царя Давида* [1990, № 4, 5] и *Агасфер* С. Гейма [1994, № 9], новеллы *Траектория краба* Г. Грасса [2002, № 10], статья *Феномен Грасса* [2007, № 1], главы из книги *Луковица памяти* Г. Грасса [2008, № 3], фрагмент книги *О бренности* [2016, № 3] и др.

Александр Пумпянский
[р. 1940]. Публицист. Главный редактор политического еженедельника *Новое время* [1990–2006], член правления Международного института прессы [1992–2000]. Лауреат премии Воровского [1986], *Журналист года* — премии агентства Интерпресс сервис, вручавшейся в ООН [1989], обладатель диплома Университета Джонса Хопкинса *За высшие достижения в международной журналистике* [1997].

Автор книг *Американские горки*, *Горбельцин*, *Красное и желтое. Пресса от истмата до компромата*, *Дело Ходорковского* [совместно с С. Ковалевым и Б. Жутовским], *Палач на плахе*, *Два вождя, или История как кораблекрушение*, *Происшествие в окрестностях Голгофы*, *Шалтай-Болтай сидел на стене* и др. В *ИЛ* напечатана его статья *Тайна пересмешника. Подвиг и преступление Харпер Ли* [2016, № 2].

Александр Яковлевич Ливергант
[р. 1947]. Литературовед, переводчик с английского, кандидат искусствоведения. Лауреат премий *Литературная мысль* [1997] и *Мастер* [2008], обладатель почетного диплома критики *зоИЛ* [2002].

Автор книг *Редьярд Киплинг* [2011], *Сомерсет Моэм* [2012], *Оскар Уайльд* [2014], *Фицджеральд* [2015], *Генри Миллер* [2016], *Грэм Грин* [2017]. В его переводе издавались романы Дж. Остин, Дж. К. Джерома, И. Во, Т. Фишера, Р. Чандлера, Д. Хэммета, Н. Уэста, У. Тревора, П. Остера, И. Б. Зингера, повести и рассказы Г. Миллера, Дж. Апдайка, Дж. Тербера, С. Моэма, П. Г. Вудхауса, В. Аллена, эссе, статьи и очерки С. Джонсона, О. Голдсмита, У. Хэзлитта, У. Б. Йейтса, Дж. Конрада, Б. Шоу, Дж. Б. Пристли, Г. К. Честертона, Г. Грина, а также письма Дж. Свифта, Л. Стерна, Т. Дж. Смоллетта, Д. Китса, В Набокова, дневники С. Пипса и Г. Джеймса, путевые очерки Т. Дж. Смоллетта, Г. Грина и др. Неоднократно публиковался в *ИЛ*.

Петр Александрович Плютто
[р. 1960]. Историк, философ, кандидат исторических и философских наук, доцент. Преподавал в РГГУ и Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Работал в Российской Академии наук, ГМУ “Архангельское” и ИМЛИ РАН.

Автор 94 научных публикаций, из них 2 научные монографии: *Концепция аутентичного мифа и анализ социокультурных иллюзий* [2009] и *Исследование реальности социокультурного виртуального: Опыт анализа социокультурных иллюзий* [2014].

Переводчики

Юлия Марковна Рац
Переводчица с французского.

В ее переводе вышли книги Тимоте де Фомбель *Ванго. Между небом и землей* и *Ванго. Принц без королевства* [в соавторстве с И. Я. Волевич], Ж. Абитболь *Власть голоса*, сборник новелл А. Моруа *Для фортепьяно соло* [в соавторстве]. В *ИЛ* публикуется впервые.

Анастасия Георгиевна Векшина
Поэт, переводчик с польского.

В ее переводах публиковались Ч. Милош, З. Гинчанка, Т. Ружевич [*ИЛ*, 2014, № 6], В. Шимборская [*ИЛ*, 2016, № 8], А. Сосновский, А. Видеманн [*ИЛ*, 2012, № 8], М. Светлицкий, Р. Хонет [*ИЛ*, 2012, № 8] и другие польские поэты.

Анна Кукес
Переводчик с немецкого языка, филолог-германист, кандидат филологических наук, журналист, член Союза профессиональных литераторов, член гильдии *Мастера литературного перевода*.

Переводила произведения Т. Манна, И. Нолль, Д. Дёррье, Х. Хольцман, Д. Глаттауэра, М. Зутера, С. Ренье, К. Рёрихта, Г. Бёлля и др. В *ИЛ* в ее переводе опубликованы *Нелицеприятные сказки* К. Х. Рёриха [2006, № 1] и фрагменты книги *Между белым и красным* Э. Э. Двингера [2017, № 11].

Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи.
Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.
Льготная подписка оформляется в редакции
(понедельник, вторник, среда, четверг
с 12.00 до 17.30).

В оформлении обложки использован фрагмент картины китайского художника
Ли Ги Джуна
[р. 1964]

Художественное оформление и макет
Андрей Бондаренко,
Дмитрий Черногаев.

Старший корректор
Анна Михлина.
Компьютерный набор
Надежда Родина.
Компьютерная верстка
Вячеслав Домогацких.

Секретарь-референт
Ксения Жолудева.

Главный бухгалтер
Татьяна Чистякова.
Исполнительный директор
Мария Макарова.

Менеджер по правам
Мильда Соколова.

Адреса редакции: 115035, г. Москва,
Космодемьянская наб., д. 44/2, корп. А
(юридический);
119017, г. Москва, Пятницкая ул., 41, стр. 1, 2
(почтовый);
г. Москва, Ленинградский просп., д. 68, стр. 24,
м. "Аэропорт" (фактический).
Телефон (495) 225-98-80.
E-mail: zhurnalil@yandex.ru

Купить журнал можно:
в Москве:
в редакции;
в киоске "Москва" (ул. Арбат, д. 20);
в киоске "Лингвистика" (Библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино Николоямская ул., д. 1);
в книжном магазине "Русское зарубежье" (Нижняя Радищевская, д. 2; м. Таганская-кольцевая);
в киоске "Книжные мастерские" (ул. Тверская, д. 23, в фойе Электротеатра Станиславского);
в Санкт-Петербурге:
в магазине "Книжные мастерские" (Каменноостровский пр., д. 10);
в книжном магазине "Все свободны" (набережная реки Мойки, д. 28, второй двор, звонить в домофон);
в магазине "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 15);
в киоске "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 49А, 3-й этаж, новая сцена Александринского театра);
в Пензе:
в книжном магазине "В переплете" (ул. Московская, д.12),
в интернет-магазине "Лабиринт" (http://www.labirint.ru)

Официальный сайт журнала:
http://www.inostranka.ru
Наш блог:
http://obzor-inolit.livejournal.com

Журнал выходит
один раз в месяц.

Оригинал-макет номера
подготовлен в редакции.

Регистрационное
свидетельство
ПИ № 8С77-63040
от 18 сентября 2015 г.

Подписано в печать
20.11.2017
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 25,20.
Уч.-изд. л. 24.
Заказ № .
Тираж 2600 экз.

Отпечатано в
ОАО "Можайский
полиграфический комбинат".
143200, г. Можайск,
ул. Мира, 93.
Сайт: www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28;
(49638) 20-685.

Присланные рукописи не
возвращаются и не
рецензируются.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Узнай завтрашних классиков!

Подписка во всех отделениях связи России,
подписной индекс 70394

Адрес редакции журнала "Иностранная литература":
г. Москва, Ленинградский проспект,
д. 68, стр. 24, м. "Аэропорт".

ИНДЕКС 70394

ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2017, №12, 1–288

ISSN 0130-6545 17012

9 770130 654770